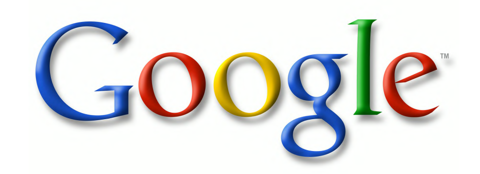
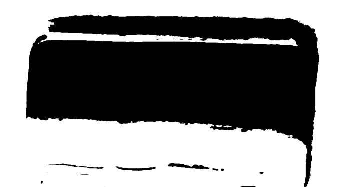
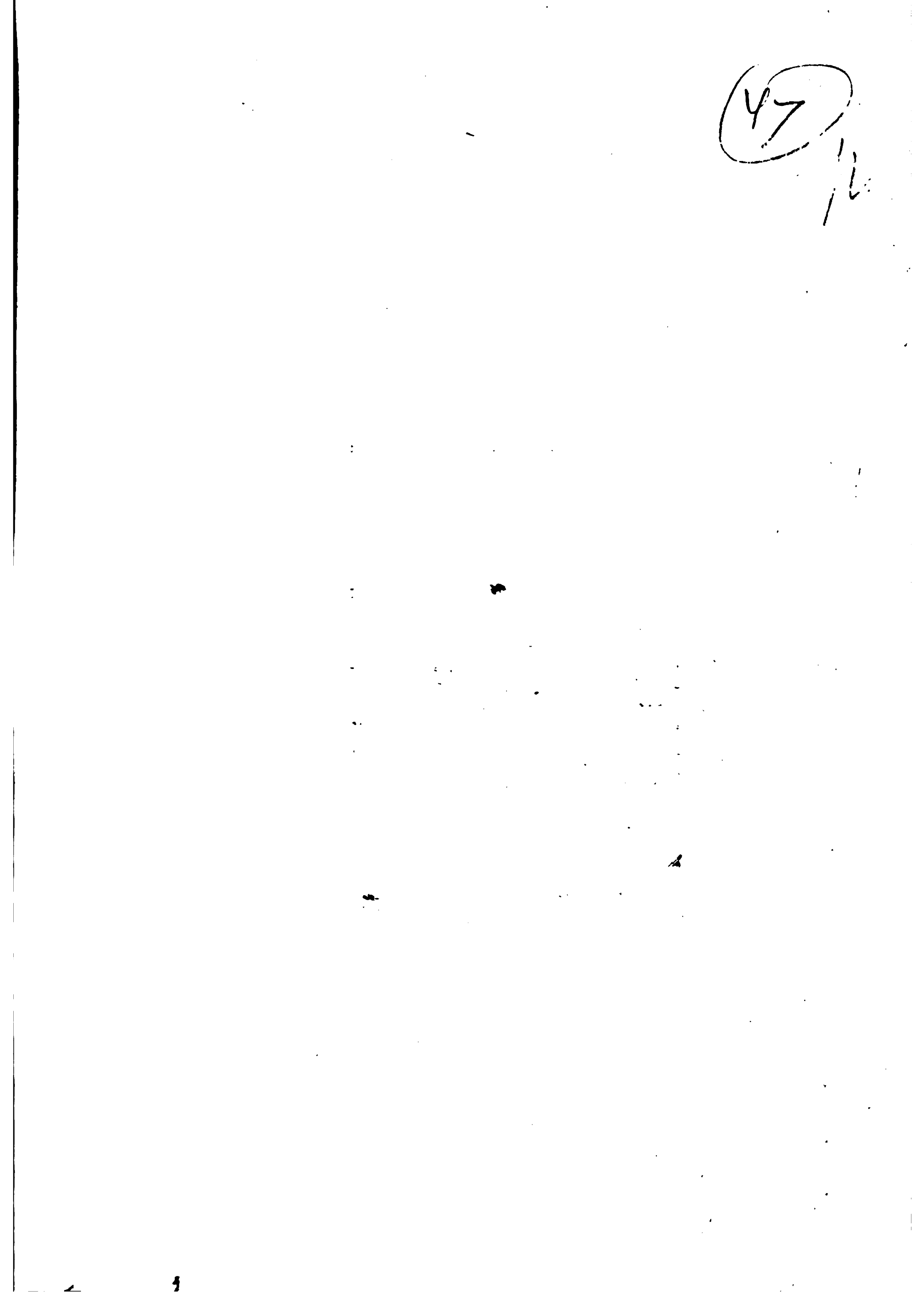

Кремль
въ Москвѣ
М. П. Фабриціусъ

HAMILL

47

Глубокоуважаемому Александру Ивановичу фонъ Гогенъ отъ сердечно преданнаго автора. М. Фабрицiусъ

М. П. Фабрицiусъ.

КРЕМЛЬ

ВЪ МОСКВѢ,

ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ ПРОШЛАГО и НАСТОЯЩАГО.

Составилъ

М. П. ФАБРИЦIУСЪ.

Текстъ иллюстрированъ сдѣланными съ натуры **76 рисунками** помощью цинкографiи и **14 фотогравюрами.**

МОСКВА.
Изданiе Т. И. Гагенъ.
1883.

ТИПОГРАФІЯ Т. И. ГАГЕНЪ,

Большая Лубянка, домъ кн. Голицына, въ Москвѣ.

Дозволено Цензурою. Москва, 11 Апрѣля 1882 г.

Кремль.
„Здѣсь орелъ, Кремля владыка,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполинскими крылами.“...

СОДЕРЖАНІЕ.

Списокъ Картинъ.

Вмѣсто Предисловія.

Составленная мною книга имѣетъ цѣлью въ простомъ и сжатомъ разсказѣ ознакомить читателя, хотя поверхностно, съ прошлымъ и настоящимъ Московскаго Кремля — этого драгоцѣннаго въ религіозномъ, государственномъ и историческомъ отношеніяхъ памятника, который болѣе пяти вѣковъ тому назадъ послужилъ ядромъ для основанія государства Московскаго, и въ колоссальномъ организмѣ коего онъ играетъ роль сердца и до нашихъ дней.

Нося характеръ монографіи, мой трудъ не имѣетъ претензіи быть таковою въ полномъ значеніи этого слова. Точное и во всѣхъ отношеніяхъ полное описаніе Кремля, безъ сомнѣнія, составляетъ капитальную задачу, выполнить которую возможно только ученымъ, посвятившимъ себя изученію исторіи, археологіи, зодчества, исторіи искусствъ,—а не одному человѣку и въ особенности не мнѣ — случайному члену небольшой семьи служащихъ при нашемъ древнемъ Кремлѣ. Въ продолженіе восьми лѣтъ я, по долгу службы моей, жилъ среди памятниковъ русской старины, оберегалъ отчасти ихъ, слѣдилъ за ними, вглядывался въ нихъ, проникался внутреннимъ ихъ значеніемъ и пробуждалъ въ памяти своей воспоминанія, съ ними связанныя. Все это заставило меня по возможности изучать ихъ и, вооруженному этимъ, мнѣ уже не одинъ разъ пришлось ознакамливать съ Кремлемъ посѣщающихъ его. Побуждаемый нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ, высказывавшими мнѣ

неоднократно ихъ желаніе имѣть описаніе Кремля, я и рѣшился взяться за эти очерки, чтобы дать интересующимся Кремлемъ группировку нѣкоторыхъ свѣдѣній о немъ, понятіе о зданіяхъ, его наполняющихъ, объ исторіи, имъ пережитой, о сокровищахъ, сохраняемыхъ подъ сводами его соборовъ, дворцовъ и палатъ, — а лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, заинтересовать и пробудить желаніе посѣтить его.

О Кремлѣ было писано не мало, но полной его монографіи нѣтъ и до сихъ поръ. Мой трудъ есть первый опытъ въ этомъ родѣ, лишь слабый намекъ на монографію, какую желательно было бы имѣть. Сознавая неполноту этого труда, — объясняемую и отчасти оправдываемую громадностью задачи,—его поверхностность, по отношенію къ важности и глубинѣ описываемаго предмета, его отрывочность, вынужденную размѣрами книги,—я предупреждаю читателя не искать въ ней ни историческихъ изслѣдованій, ни увлекательныхъ описаній; я сдѣлалъ что могъ, а больше — пусть сдѣлаютъ другіе.

Считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность лицамъ, способствовавшимъ появленію этой книги: П. П. Иванову, В. К. Попандопуло, А. Н. Потемкину, М. Н. Ремезову, Н. А. Таранову и другимъ помогавшимъ мнѣ своими указаніями, а также художникамъ: А. В. Вишневскому, С. И. Свѣтославскому И. И. Леветану, иллюстрировавшимъ мой трудъ рисунками, М. М. Панову, украсившему его фотогравюрами, и Т. И. Гагенъ, такъ тщательно исполнившему изданіе.

Рѣка Москва. Большой Дворецъ. Тайницкая башня. Соборы. Колокольня Иванъ Ве.

ВИД

Съ Юго-Восто

В..кій. Малый Дворецъ. Вознесенскій монастырь. Спасская башня. Ц. Василія Блаженнаго.

..дъ КРЕМЛЯ.

..очной стороны — Осенью.

Вступленіе.

Поэты! Идите искать вдохновеній
Питаніе думѣ, сердцамъ наслажденій,
Въ нашъ Кремль—Капитолій Москвы!

Бороздна.

Кому не знакомо имя Кремля — древней твердыни Москвы? Въ какихъ углахъ Россіи не произносится оно благоговѣйно! Въ цвѣтущихъ долинахъ Грузіи, въ пустыняхъ и далекой Сибири, въ степяхъ благодатной Малороссіи—вездѣ его знаютъ и чтятъ! Въ какой изъ столицъ Европы и Азіи не прислушиваются къ тому, чтó въ Кремлевскомъ дворцѣ говоритъ иногда Императоръ Россіи своимъ вѣрноподданнымъ? Здѣсь мѣсто живаго единенія Царя съ русскимъ народомъ, единенія, крѣпость котораго уже болѣе 7-ми столѣтій являетъ міру свою мощь и несокрушимость! Здѣсь то ядро, въ которомъ зародилась Россія, вокругъ котораго она собралась, выросла, окрѣпла, установилась, сдѣлалась могущественнымъ государствомъ и вошла въ семью державъ европейскихъ. Здѣсь колыбель Великихъ Князей и Царей—собирателей древней Руси, колыбель Императора Петра Великаго и Императора Александра II-го, незабвеннаго Царя-Освободителя.

„Кремль есть мѣсто великихъ историческихъ воспоминаній; здѣсь среди порядка гражданскаго, возникла мысль единодержавія, какъ жизнь между могилъ истлѣнія, здѣсь подъ звуками цѣпей ханскихъ воспылала ревность государственной независимости, изготовились средства побѣды свободы; здѣсь Донской развернулъ черное знамя Великокняжеское, чтобы идти на Мамая; здѣсь Іоаннъ Васильевичъ

растопталъ басму или образъ хана; здѣсь началось, утвердилось самодержавіе не для особенной пользы самодержцевъ, но для блага народа; отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ изгнали Іоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели. Въ Спасскія ворота въѣхалъ на конѣ Василій Ивановичъ Шуйскій, держа въ одной рукѣ Св. Крестъ, а въ другой мечъ обнаженный, чтобы свергнуть Лжедмитрія; здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ лежалъ самозванецъ, выскочивъ изъ окна заднихъ переходовъ дворца; на паперти храма Успенскаго Нововѣнчанный Царь, юный Михаилъ, лилъ горькія слезы, когда Россія лобызала ноги его также со слезами, но радостными.“

„Сія священная ограда была театромъ ужасовъ, тутъ кипѣли волны бунтовъ стрѣлецкихъ, тутъ издыхалъ на копьяхъ знаменитый Матвѣевъ; мысленно видимъ торжествующую улыбку коварной Софіи; видимъ 10-лѣтняго Петра, уже Монарха взоромъ и гласомъ повелительнымъ. Сей великій Государь прославилъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть всегдашнимъ жилищемъ Царей; но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и отечества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени являются они предъ нами въ важныя рѣшительныя минуты своего царствованія. Такъ мы видимъ здѣсь Александра въ роковой, незабвенный 1812 годъ, когда надлежало искусить твердость и великодушіе Россіянъ; здѣсь померкла блудящая звѣзда Наполеона. Вотъ славнѣйшія изъ всѣхъ воспоминаній кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ.“ Такъ отзывается о великомъ значеніи Кремля въ исторической судьбѣ Россіи нашъ знаменитый историкъ Карамзинъ.

„Отсюда родину безцѣнную спасая,
Димитрій въ страшный бой съ дружинами спѣшитъ,—

говоритъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи А. Волковъ.

Здѣсь мудрый Алексѣй законы управленья
Во благо родины писалъ,
Здѣсь нашъ родился Петръ — и вотъ вѣнецъ всей славы,
Всѣхъ пышныхъ почестей твоихъ!
Отсюда потекли всѣ новые уставы,
Какъ быстрая струя источниковъ златыхъ!
Здѣсь нашъ родился флотъ и наши легіоны,

Залогъ грядущаго величья и побѣдъ!
. . . .
О сколько подвиговъ, бореній, дѣлъ благихъ
Свершилось нѣкогда на сей землѣ священной.
. . . .
Объ этотъ старый Кремль, какъ будто о скалу,
Въ нашъ вѣкъ разбилася вся мощь Наполеона!
Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ въ могилу,
Какъ сходятъ въ гробъ съ возвышеннаго трона.

Да и не одинъ разъ въ былое время пришлось Кремлю выдерживать натиски враговъ: Литовцевъ, несмѣтныхъ полчищъ татарскихъ, Поляковъ; въ послѣднее время Кремлю пришлось перенести послѣдній разгромъ отъ Французовъ.

„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй,
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей оскверненный.

Жуковскій.

Москва, люблю твой Кремль смиренный!
Подъ ѣдкой ржавчиной вѣковъ
Стоитъ онъ, старовѣръ нетлѣнный
Воспоминаньемъ украшенъ!—

говоритъ Трилунный, и дѣйствительно, какихъ-какихъ только не пробуждается воспоминаній при видѣ златоглаваго Кремля.

Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ.
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья....

Жуковскій.

.....Я чту и уважаю
Нашъ древній Кремль и русскій славы гулъ,
Я старину люблю и понимаю.

Гр. Е. Ростопчина.

Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.

А. Майковъ.

Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня;
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ — наша сила и святыня,

*

Молебникъ и архистратигъ.

. . . .

Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ носитъ жезлъ и копіе,
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ — и спасъ ее....

Н. Гербель (изъ Медича).

Здѣсь орелъ, Кремля владыка,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполинскими крылами.

Кн. Вяземскій.

Склони чело, Россіи вѣрный сынъ:
Безсмертный Кремль стоитъ передъ тобою.
Онъ въ буряхъ возмужалъ — и, рока властелинъ,
Собравъ вѣка надъ древнею главою,
Возвысился могучъ, неколебимъ,
Какъ геній славы надъ Москвою.
Здѣсь гордый умъ смиренъ, окованы мечты,
Но сердце русское исполнено отрады;
Порой устремлены къ землѣ нѣмые взгляды,
Тамъ, въ прахѣ — искрятся великіе слѣды.

Н. Станкевичъ.

Вотъ какія чувства внушаетъ Московскій Кремль! Вотъ какія рѣчи льются невольно при видѣ чуднаго величія Московскаго Кремля! Рѣдкій изъ русскихъ поэтовъ тѣмъ или другимъ поэтическимъ восклицаніемъ, иногда цѣлымъ стихотвореніемъ или отрывкомъ прозы не вылилъ и не увѣковѣчилъ волнующихъ его чувствъ!

И конечно, что̀ можетъ дать бо̀льшую силу вдохновенію, зажечь пламень душевнаго-поэтическаго восторга, — какъ не Московскій Кремль съ его историческимъ прошлымъ? Рѣдко не только въ Россіи, но и за границею можно найдти видъ на городъ и его окрестности, подобный представляющемуся съ высотъ Кремля, или-же на самый Кремль.

Болѣе живописно рисуется Кремль съ юго-востока и юго-запада. „Помню, — говоритъ одинъ путешественникъ, — это было весною, въ маѣ, я пріѣхалъ ночью, остановился въ одной изъ зарѣчныхъ гостинницъ и едва могъ дождаться утра, чтобы вдоволь насмотрѣться на этотъ чудный Московскій Кремль, видимый мною всего во второй разъ. На утро,

едва лишь солнце показалось на горизонтѣ, я уже былъ у окна и созерцалъ дивную картину, облитаго весенними лучами солнца, Московскаго Кремля. Прямо передо мною спокойно катила свои мутныя, зарябившіяся отъ свѣжаго утренняго вѣтерка, воды рѣка Москва, окованная гранитной набережной. За нею, выростая изъ массы зелени, высились темно-красныя громады вѣковыхъ, обветшалыхъ зубчатыхъ стѣнъ, уходящихъ къ западу вдоль рѣки уступами и изломами и взбирающихся прямо передо мной по крутому подъему горы. Рядъ башенъ, одна другой своеобразнѣе и красивѣе, уносились своими вершинами, увѣнчанными позолоченными орлами и крестами, въ синеву почти голубаго безоблачнаго неба. Шатровыя крыши съ опавшею мѣстами черепицею, чередовались съ узорной кружевной орнаментаціей. Разбросанныя, безъ всякой симметріи, разнохарактерныя окна, глядѣли темными пятнами, какъ бы глаза чудовищъ, окаменѣвшихъ когда-то и съ тѣхъ поръ безмолвно взирающихъ на все ихъ окружающее, но уже имъ чуждое. На зеленомъ скатѣ горы рельефно бѣлѣлся силуэтъ старой небольшой церквушки, утонувшей въ зелени окружающихъ ее деревъ, и золотой ея крестъ небольшой яркой звѣздочкой вѣнчалъ наклонившуюся на бокъ колокольню. А тамъ, выше, на горѣ громоздились бѣлокаменныя массы соборовъ, церквей, зданій, увѣнчанныхъ рдѣющими на солнцѣ золотыми куполами и стройной колокольней Ивана Великаго. Направо уходила въ даль старинная паперть Чудова монастыря, прилѣпившаяся какъ-то нескладно къ двухэтажному зданію съ высокой, крутой старинной крышей. Налѣво къ западу давилъ своею громадою Большой Кремлевскій Дворецъ, съ его гигантской террассой и колоссальнымъ золоченымъ трибуномъ. А дальше виднѣлись шпили, верхушки башенъ, кресты колоколенъ, куполы церквей и надъ всѣмъ этимъ почти голубой небесный сводъ. По площадямъ и спускамъ Кремлевскимъ двигались пѣшеходы, ѣхали кареты, телѣги, но шума не слышно было, такъ-какъ мощный звонъ колоколовъ Ивана Великаго сзывалъ во храмы Кремлевскіе богомольцевъ. Вотъ что видѣлъ я передъ собою и конечно не мнѣ передать живую дѣйствительность, не мнѣ излить здѣсь волновавшія тогда мою душу чувства. Надо самому быть здѣсь, видѣть все, знать

все и умѣть чувствовать значеніе всего, что хранитъ въ себѣ Престольный Московскій Кремль. И тогда невольно мы воскликнемъ вмѣстѣ съ поэтомъ:

Склони чело, Россіи вѣрный сынъ:
Безсмертный Кремль стоитъ передъ тобою."

Вотъ картина, какую намъ рисуетъ одинъ изъ нашихъ современниковъ. И дѣйствительно, утромъ Кремль слѣдуетъ смотрѣть отъ Москворѣцкаго моста, а послѣ 4 часовъ съ площади у Храма Спасителя, откуда характеръ и мощь Кремля обрисовывается также и даже еще лучше, еще поэтичнѣе. Но для того, чтобы испытать и сдѣлать доступнымъ пониманію каждаго восторгъ, внушаемый видомъ Кремля, необходимо познакомиться съ тѣмъ, что такое Кремль, познакомиться съ его значеніемъ, его прошлымъ и настоящимъ, его жизнью въ связи съ исторической жизнью всего Московскаго государства, съ его сооруженіями, его святынями и его историческими достопримѣчательностями; тогда посѣщеніе этихъ мѣстъ, съ которыми неразрывно связана исторія Россіи, можетъ принести дѣйствительную пользу, можетъ насытить и пытливый умъ, и глубокія чувства и дать человѣку то утѣшеніе, о которомъ Д. Мордовцевъ говоритъ: „И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, сознаніе того, что человѣкъ видѣлъ историческія... прославленныя мѣстности, видѣлъ и осязалъ памятники, какъ-бы освященные вниманіемъ и поклоненіемъ десятковъ и тысячъ человѣческихъ поколѣній, ходилъ по этимъ мѣстамъ, какъ бы пріобщаясь къ великому историческому прошлому и къ его безсмертнымъ дѣяніямъ,—развѣ сознаніе всего этого не есть уже само по себѣ великое утѣшеніе?....

„Вѣдь люди иногда всю жизнь свою мечтаютъ, какъ бы имъ удостоиться посѣтить святыя мѣста, поклониться священнымъ реликвіямъ, облобызать землю, освященную ея историческимъ прошлымъ".

Кремль московскій есть дѣйствительно средоточіе всего дорогаго сердцу каждаго русскаго. Здѣсь, въ его сумрачныхъ соборахъ, вѣрующій поклонится мощамъ святыхъ, гробамъ великихъ мужей Россіи; археологъ въ каждомъ камнѣ, передъ каждымъ изображеніемъ, на всякомъ мѣстѣ Кремля найдетъ предметъ для изысканій, наблюденій, про-

вѣрокъ; ученый въ архивахъ, библіотекахъ и палатахъ встрѣтитъ обильный матеріалъ для своихъ изысканій и работъ; живописецъ — массу не тронутыхъ еще сюжетовъ для картинъ бытовыхъ и историческихъ; простой туристъ-любитель получитъ много впечатлѣній, еще имъ не испытанныхъ, и, наконецъ, обыкновенный простолюдинъ встрѣтитъ вдоволь всего, еще имъ невиданнаго нигдѣ.

И такъ, надо знать Кремль, изучить его прошлое, познакомиться съ настоящимъ и почерпнуть изъ всего этого указанія на свѣтлое, давно жданное будущее великой — необъятной Россіи.

Потребность въ этомъ всестороннемъ ознакомленіи съ Кремлемъ московскимъ скажется еще рельефнѣе, если указать на то значеніе, какое имѣетъ Кремль не только для сыновей Великой, Малой и Бѣлой Россіи, но и для иностранцевъ. Сказавъ о томъ, что здѣсь на самомъ небольшомъ пространствѣ сгрупированы великія, высокочтимыя святыни, что въ соборахъ, монастыряхъ и склепахъ ихъ хранятся мощи святыхъ и гробницы повелителей отъ начала Москвы до Петра I, что почти на всемъ пространствѣ Кремля, тамъ и здѣсь покоятся тѣла нашихъ предковъ, умершихъ въ разныя времена многострадальной исторіи Москвы, — мы поймемъ, почему и день и ночь въ храмахъ Кремля толпятся не одни москвичи-богомольцы, — что святынямъ его идетъ поклониться и сибирякъ, и сынъ далекаго Кавказа, и житель благословенной Малороссіи. Собраніе древностей, рѣдкостей, актовъ, древнерусскихъ письменъ, памятниковъ прошлаго—сзываетъ сюда людей науки и даетъ имъ пищу для научныхъ трудовъ, изслѣдованій и открытій. Здѣсь, въ стѣнахъ Кремля, коронуются всѣ монархи Россіи, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Москва и до сего времени; здѣсь-же единственное въ Россіи мѣсто, гдѣ Государь говоритъ своему народу не письменно, а живымъ царскимъ словомъ въ одной изъ залъ дворца. Не говоря уже о томъ вліяніи и впечатлѣніи, какое производятъ эти рѣчи на слушателей, на сыновъ Россіи, нельзя забыть, что къ рѣчамъ этимъ прислушивается вся Европа, весь Свѣтъ. Отсюда раздалось то могущее слово Государя Александра II, которое остановило полчище турокъ, готовыхъ было задавить южныхъ славянъ, и тѣмъ спасло нашихъ братій отъ совершенной погибели.

XVI

Довольно этихъ указаній, чтобы оцѣнить значеніе Кремля въ настоящемъ, а знакомство съ его прошлымъ подниметъ въ глазахъ читателя это значеніе еще болѣе, такъ-какъ здѣсь совершились событія, имѣвшія вліяніе на судьбу не только Россіи, но и Европы и Азіи: вѣдь о твердыни Кремля разбились тщетныя усилія Наполеона достигнуть владычества надъ всей Европой. Надъ оскверненной святыней Кремля померкла звѣзда гордаго честолюбца, въ его дымящихся развалинахъ погребена слава завоевателя. И Наполеонъ сознавалъ это, малодушно мстилъ древнимъ твердынямъ Кремлевскимъ, приказавши взорвать ихъ... Значеніе Кремля глубоко понято сынами Россіи, оцѣнено ими, и его священную землю попираютъ толпы богомольцевъ, путешественниковъ и ученыхъ. Группы иностранцевъ тщательно осматриваютъ достопримѣчательности Кремля, въ которомъ жили великіе князья Московскаго государства, собиратели земли Русской, расширявшіе его границы, въ которомъ жили цари московскіе, дѣйствовавшіе во имя государственныхъ интересовъ Россіи, давшіе ей значеніе и политическое могущество. Здѣсь каждый камень, каждый вершокъ земли есть памятникъ великаго прошлаго... Здѣсь Капитолій Россіи!

I.

Въ глубинѣ вѣковъ.

Первыя упоминанія о Кремлѣ. — Преданіе о пустынникѣ Буколѣ. — Нашествіе татаръ въ XII столѣтіи. — Кремль въ XIV вѣкѣ. — Резиденція великихъ князей и митрополія. — Осада Кремля Ольгердомъ. — Торжественное собраніе въ Кремлѣ союзныхъ князей предъ Куликовской битвой. — Взятіе и разграбленіе Кремля Тохтамышемъ. — Междоусобія и княженіе Василія Темнаго. — Кремль въ XV вѣкѣ. — Средоточіе жизни Московскаго государства. — Характеръ Кремлевскихъ построекъ.

Тамъ, гдѣ боръ дремучій, дикій
Пѣснь отшельника внималъ,
Бѣлокаменный, великій
Выросъ Кремль и засіялъ.

М. Дмитріевъ.

Престольный Кремль—сердце Россіи становится извѣстнымъ въ лѣтописяхъ въ XII вѣкѣ, хотя на берегахъ р. Москвы еще въ IX вѣкѣ были поселенія и даже вѣроятно торговля, о чемъ свидѣтельствуютъ куфическія монеты, найденныя при постройкѣ Храма Спасителя и вырытые при постройкѣ Оружейной Палаты, въ Кремлѣ, два серебряныхъ витыхъ обруча и двѣ серьги, языческой эпохи. Въ тѣ далекіе годы высоты лѣваго берега р. Москвы у впаденія въ нее небольшой болотистой рѣчки Неглинной покрывалъ дремучій сосновый боръ, тянув-

шійся на далекое пространство; а среди лѣса тамъ и здѣсь были разбросаны поселки, принадлежавшіе, по преданію, боярину Кучкѣ. Если вѣрить преданію, въ то отдаленное время, въ глуши вѣковаго лѣса, гдѣ нынѣшній престольный Кремль, обиталъ пустынникъ Буколъ, но, за неимѣніемъ положительныхъ источниковъ, одно преданіе не даетъ намъ права выдавать это за достовѣрное. Итакъ, мы принуждены считать начало Кремля съ того времени, когда мѣсто нынѣшняго Кремля, благодаря красотѣ-ли мѣстоположенія, или по какому нибудь другому необъясненному случаю, привлекло къ себѣ взоры князя Суздальскаго удѣла Юрія Долгорукаго. Здѣсь въ 1147 году на высокомъ лѣвомъ берегу рѣки, съ котораго разстилается чудная картина и откуда взоръ спокойно окидываетъ громадное пространство, среди бора князь Юрій, сынъ Владиміра Мономаха, Долгорукій, разбросивъ свой походный станъ, пировалъ съ своимъ браннымъ союзникомъ княземъ Святославомъ Сѣверскимъ. Это происходило 5 апрѣля, а потому слѣдуетъ думать, что тутъ были уже постройки. Далѣе лѣтописи говорятъ, что князь Юрій плѣненъ былъ чудными красотами этого мѣста и велѣлъ заложить здѣсь городокъ, обнесенный по тогдашнему обычаю деревянной стѣной. Такимъ образомъ съ 1156 года явился починный пунктъ Кремля, а съ нимъ престольной Москвы. Странная судьба боярина Кучки, здѣсь умерщвленнаго, и бракъ князя Андрея Суздальскаго съ дочерью боярина были причиной того, что мѣстность эта стала княжескою вотчиной. Кремль, обнесенный стѣной, становится опорнымъ пунктомъ, въ которомъ за его, по тогдашнему крѣпкими, стѣнами ищутъ защиты окрестные жители, спасаясь съ своимъ имуществомъ отъ враговъ; — невольно въ немъ начинаетъ зарождаться жизнь, число обитателей увеличивается, онъ становится городкомъ, укрѣпленнымъ пунктомъ, и за нимъ усвоивается, неумирающее уже почти семь столѣтій, названіе Кремль (кремникъ). Ставъ крѣпостью, Кремль, естественно, притягиваетъ къ себѣ полчища враговъ сначала небольшія, но съ возрастаніемъ его значенія, силы и могущества, все бо́льшія и бо́льшія, такъ-что читать исторію Кремля—значитъ переживать цѣлый рядъ страшныхъ осадъ, битвъ, пожаровъ, убійствъ отъ перваго — извѣстнаго въ исторіи сожженія Глѣбомъ Рязанскимъ до

послѣдняго погрома, взрывовъ, пожаровъ и разрушеній, въ которыхъ похоронилъ свою славу властелинъ Европы, кумиръ непобѣдимой арміи, великій геній войны — Наполеонъ I.

Въ XIII столѣтіи къ Кремлю два раза надвигаются грозныя полчища Татаръ и два раза: въ 1238 году орды Батыя и въ 1293 году—Дюденя уничтожаютъ пожаромъ почти до тла весь Кремль съ существовавшими въ немъ уже церквами и монастырями. Но за то вѣкъ этотъ даетъ Кремлю сперва перваго князя Михаила Хоробрита, а послѣ Кремль становится почти постояннымъ мѣстопребываніемъ великаго князя Московскаго Даніила, сына Александра Невскаго. Въ то время въ Кремлѣ уже находилась церковь Рождества Іоанна Предтечи подъ боромъ, уже давно не существующая, но престолъ ея, послѣ сломки ея вторично, перенесенъ въ Боровицкую башню, гдѣ и нынѣ находится. Здѣсь, близъ этого мѣста, на высокомъ тогда мысу при сліяніи двухъ рѣкъ—Москвы и Неглинки, слѣдуетъ предполагать мѣсто перваго княжескаго дворца, который къ концу вѣка былъ перенесенъ ближе къ нынѣшнему Благовѣщенскому Собору, основаніе котораго относятъ къ 1291 году.

XIV вѣкъ даетъ Кремлю значеніе, какого онъ до тѣхъ поръ еще не имѣлъ, которое сдѣлало его ядромъ группировки до того времени раззоренныхъ, но обширныхъ русскихъ земель и резиденціей (престольнымъ мѣстомъ) великаго князя Московскаго. Значеніе Кремля росло, высилось, то крѣпло по мѣрѣ возможности и усиленія власти великаго князя, то умалялось въ минуты погрома и нашествія враговъ и годины народныхъ смутъ и безначалія, но все-таки цѣлыя 400 лѣтъ царская резиденція была на высотахъ Кремля и стояла-бы до нашихъ дней, если-бы не державная воля Петра I, промѣнявшаго эти высоты—сердце Россіи—на низменные долы и берега Невы. Іоаннъ Даниловичъ Калита перенесъ престолъ велико-княжескій окончательно въ Кремль, а св. митрополитъ Петръ — митрополію, способствовавшую украшенію Кремля. Тогда появились въ Кремлѣ первыя каменныя сооруженія: Успенскій соборъ, Архангельскій соборъ, церковь Іоанна Лѣствичника и наконецъ церковь Спаса Преображенія на Бору, перестроенная изъ деревянной, существовавшей прежде. Цер-

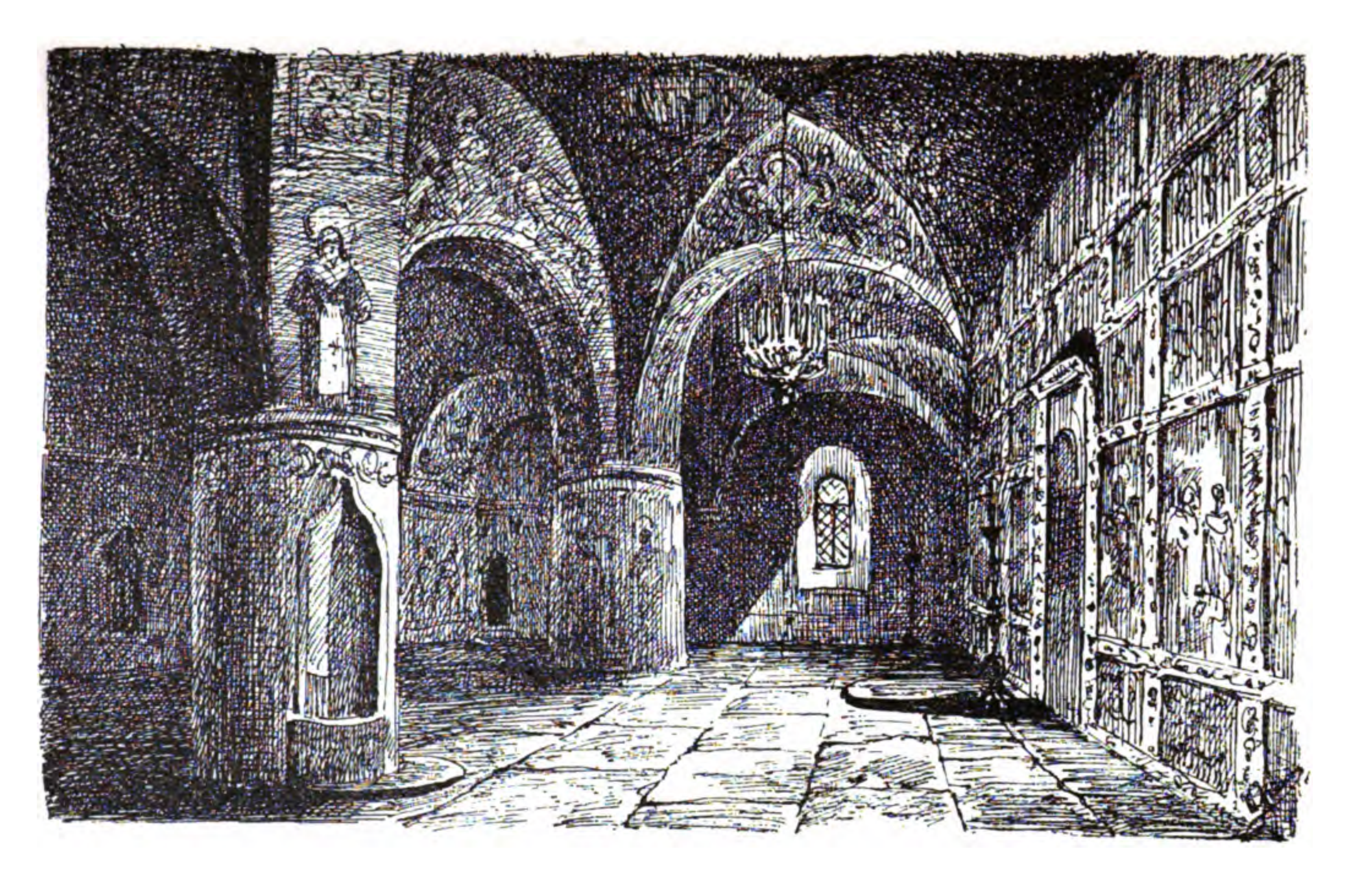
ковь эта, сооруженная въ 1330 году, считается древнѣйшей въ Кремлѣ; въ нее была перенесена монашеская обитель изъ Данилова монастыря и въ ней стали погребать великихъ княгинь. Успенскій соборъ, заложенный по совѣту митрополита, сталъ усыпальницею святителя и другихъ митрополитовъ, а Архангельскій соборъ — усыпальницею великихъ князей Московскихъ и впослѣдствіи всѣхъ царей Россіи до временъ Петра I. Калита обнесъ Кремль новою дубовою стѣною съ бойницами и воротами: Боровицкими (называвшимися въ то время Предтеченскими, отъ церкви близъ нихъ находившейся), Спасскими (Флоровскія) и др.

Внутри Кремля были и другія постройки, кромѣ двора князя и митрополита, а около церкви Іоанна Лѣствичника, гдѣ нынѣ колокольня Ивана Великаго, находилось кладбище.

Въ княженіе Симеона Гордаго кремлевскіе соборы возобновляются и украшаются живописью, при помощи искусныхъ греческихъ и русскихъ мастеровъ. Князь начинаетъ первый именовать себя Великимъ Княземъ всея Руси.

Митрополитомъ въ Кремлѣ становится св. Алексій, пережившій великихъ князей Іоанна Іоанновича и Дмитрія Константиновича, покинувшаго Кремль, и слѣдуя завѣщанію митрополита Петра, не оставляетъ Кремля, доживъ въ немъ до княженія Дмитрія Донскаго. Тогда-же, въ 1355 году, Кремль снова уничтоженъ пожаромъ. Во второй половинѣ XIV вѣка въ Кремлѣ владычествуетъ Дмитрій Донской, въ необманувшемъ его предчувствіи, предвидѣвшій необходимость сдѣлать изъ Кремля болѣе надежный оплотъ, чѣмъ былъ онъ до того, обнесенный деревянными стѣнами. Еще не изгладились слѣды новаго страшнаго, раздуваемаго бурей пожара 1365 года, названнаго Всесвятскимъ, превратившаго Кремль въ груду развалинъ, а князь въ 1367 году отдаетъ приказаніе строить каменный Кремль, т. е. обнести весь тогдашній внутренній городъ каменной стѣной.

Не успѣли закрѣпнуть вновь сложенныя стѣны, какъ въ 1368 году огромныя полчища чудовищныхъ язычниковъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, — Литовцевъ, приближаются къ Кремлю. Страшный Ольгердъ, посѣдѣвшій въ бояхъ братъ его Кейстутъ съ сыномъ своимъ, знаменитымъ впослѣдствіи Витовтомъ, тогда еще юношей, и дружинами князя Смоленскаго,—приблизился къ Москвѣ. Великій князь

Внутренность церкви Лазаря.

съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и митрополитомъ заперлись въ Кремлѣ. „Ольгердъ гордо стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его.....“ И такъ державный Кремль выдержалъ первую въ исторіи осаду, а новыя каменныя стѣны сослужили первую службу Россіи—сохранили святыни, князя и могилы его предковъ. Чрезъ два года сѣдой Ольгердъ снова стоитъ у Кремлевскихъ стѣнъ, но снова безуспѣшно.

Въ августѣ 1380 года Кремль представляетъ чудную, достопамятную по своимъ послѣдствіямъ картину. Собравшіяся на зовъ великаго князя несмѣтныя рати сподвижниковъ князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Ярославскихъ и бояръ Владимірскихъ, Суздальскихъ, Углицкихъ, Серпуховскихъ, Дмитровскихъ, Можайскихъ и др.—вступили въ ворота Кремля, гдѣ принимали благословеніе и напутствіе. Въ церквахъ Кремля, наполненныхъ молящимися, шла служба, на площадяхъ богатые раздавали милостыню по примѣру самой великой княгини. „Въ тотъ часъ, — говоритъ Карамзинъ,—и когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія, Константино-Еленскія, будучи провожаемы духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, великій князь молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, Государей Московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, воспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями, и, сказавъ ей: „Богъ нашъ заступникъ,“—сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ стремился вслѣдъ за воинствомъ, громогласно желая ему побѣды. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ“. Князь велъ свои соединенныя дружины подъ чернымъ знаменемъ, на которомъ блисталъ въ сіяніи золотой образъ Спасителя. Не менѣе, если не болѣе торжественную, но уже сіяющую радостью картину — представляло вступленіе великаго князя въ Москву послѣ битвы Куликовской.

Едва прошло два года, какъ 28 августа 1382 года къ Кремлю, оставленному княземъ, надвигаются полчища Татаръ, предводительствуемыя свирѣпымъ Тохтамышемъ. Три дня стѣны Кремля осыпались тучами стрѣлъ, при-

ступъ за приступомъ слѣдовали безпрерывно, но осажденные, ободренные примѣромъ храбраго князя литовскаго Остея и другихъ героевъ (Адамъ Суконщикъ), мужественно выдерживали натиски враговъ, обливая ихъ со стѣнъ Кремля горячей водой, осыпая градомъ камней и скатывая въ средину толпившихся во рвахъ толстыя бревна. Наконецъ, измѣннически Тохтамышу удалось уговорить осажденныхъ; они отворили ворота и вышли къ нему навстрѣчу съ дарами и сопутствуемые духовенствомъ. Тогда открылась измѣна: Остей былъ убитъ. „Сіе злодѣйство, говоритъ Карамзинъ, было началомъ ужаса: по данному знаку, обнаживъ мечи, тысячи Монголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровью Россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастись бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣстницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя женщины и терзали на себѣ волосы, не думая обороняться. Непріятель въ остервененіи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора, гражданъ и монаховъ, женъ и священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечъ единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ. Татары отбивали двери и вездѣ находили сокровища, свезенныя изъ другихъ менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ казнѣ великокняжеской, у бояръ старѣйшихъ и купцовъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцовъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Къ вѣчному сожалѣнію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и дома, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, и лишили нашу исторію, можетъ быть, весьма любопытныхъ памятниковъ“. Такъ описываетъ нашъ великій историкъ опустошеніе Кремля, въ которомъ по выходѣ враговъ остались: „только дымъ, пепелъ, земля окровавленная, труппы и пустыя обгорѣлыя церкви; ужасное безмолвіе смерти прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣченныхъ мечами Татаръ, но еще не лишенныхъ жизни и чувства.“ Не долго Кремль представлялъ развалины: ве-

ликій князь по возвращеніи своемъ распорядился погребеніемъ труповъ, массами лежащихъ повсюду, а вскорѣ на мѣстѣ груды развалинъ выросли новыя зданія внутри Кремлевскихъ стѣнъ, не пострадавшихъ при осадѣ города. Не задолго передъ кончиною онъ совершилъ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ договорную грамоту, важную потому, что въ ней введенъ новый порядокъ престолонаслѣдія. Наконецъ, 18 мая 1389 года великій князь, представивъ боярамъ сына своего, Василія Дмитріевича, промолвилъ: „Богъ мира да будетъ съ вами", скончался и на другой день погребенъ въ церкви Архангела Михаила (что нынѣ Архангельскій соборъ), гдѣ и покоится его прахъ.

Въ его княженіе сооруженъ въ Кремлѣ Чудовъ монастырь, основанный митрополитомъ Алексѣемъ, завѣщавшимъ похоронить себя въ немъ, что̀ и исполнено. Кончина митрополита ознаменовалась спорами за право наслѣдія митрополіи между любимцемъ и избранникомъ Дмитрія Іоанновича, бывшимъ священникомъ с. Коломенскаго, который самовластно, не будучи еще посвященъ, самъ возложилъ на себя бѣлый клобукъ и въѣхалъ въ митрополичій домъ, и архіереемъ Суздальскимъ, Діонисіемъ. Въ 1395 году вѣсть о появленіи татарскаго завоевателя Тамерлана, идущаго на Москву, снова сзываетъ въ Кремль войска, откуда они выступаютъ на берега Оки для встрѣчи врага. Тогда же съ громаднымъ торжествомъ была встрѣчена и поставлена въ Успенскомъ соборѣ чудотворная икона Владимірской Божіей Матери, и народъ, страшась врага и падая въ умиленіи предъ иконой, восклицалъ: „Матерь Божія, спаси землю Русскую!"

Три страшныхъ пожара 1390, 1396 и 1423 года, уничтожившіе все деревянное и разрушившіе даже каменныя постройки Кремля, останавливали ростъ города, а смуты, послѣдовавшія за кончиной князя, и нашествіе татаръ представляютъ одну изъ тяжелыхъ страницъ жизни державнаго Кремля. Въ немъ княжитъ сначала Юрій Дмитріевичъ, изгнавшій Василія Васильевича, потомъ опять Василій Васильевичъ, снова Юрій; затѣмъ раздоры между сыновьями Юрія, Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякою, снова Василій Васильевичъ, потомъ Шемяка, ослѣпившій великаго князя, и наконецъ опять Василій Васильевичъ, по ослѣпленіи про-

званный Темнымъ. Мрачность картины междоусобій усугубляется пожаромъ, нашествіемъ Татаръ въ 1451 году, остановленнымъ стѣнами Кремля, моромъ и страшной бурей 1460 года. Среди междоусобій, пожаровъ, безпрерывныхъ войнъ, въ тяжелое княженіе Василія Темнаго зарождается заря свободнаго и могущественнаго будущаго Россіи: Василій Темный послѣдній изъ князей ѣздилъ въ Орду за полученіемъ Ханскаго ярлыка и первый, при дворѣ котораго уже служатъ татарскіе царевичи. Такимъ образомъ кончается первый періодъ существованія Кремля отъ его основанія до Іоанна III. Интересно познакомиться съ политическою жизнью Кремля и бросить взглядъ на состояніе его внутренней жизни, характеръ сооруженія царскихъ хоромъ, церквей и стѣнъ Кремля, сослужившихъ не разъ великую службу.

Извѣстно, что Кремль, обнесенный стѣнами, съ развитіемъ государственной жизни, увеличеніемъ великокняжескаго двора и построеніемъ церквей и пр., уже не могъ вмѣщать тогдашній весь городъ, всю Москву и потому въ половинѣ XV вѣка Кремль постепенно окружается слободами, частью населенными княжескою челядью, мастеровыми, а частью торговымъ и служилымъ людомъ. Все начинаетъ тяготѣть къ Кремлю, ко двору великаго князя. Его окружаютъ и селятся близъ резиденціи князя. На востокѣ уже является торговая слобода, нынѣшній Китай-городъ, за рѣкой и на западъ разбрасываются слободы челяди, садовники, хамовники, конюшенные, а между ними поселяется и прочій людъ. Самый же Кремль обносится въ 1156 году, по приказанію Юрія Долгорукаго, городомъ-стѣной; Іоаннъ Даниловичъ Калита замѣнилъ ее въ 1339 г. дубовою уже, а Дмитрій Донской въ 1367 году каменной. Остатки дубовой стѣны были найдены при послѣднихъ перестройкахъ дворца. Внутри стѣнъ тогдашнихъ находился великокняжескій дворецъ, построенный не сразу, а по частямъ и возобновляемый нѣсколько разъ послѣ пожаровъ въ томъ или другомъ видѣ, но въ общемъ характеръ и расположенія его оставались почти тѣ-же. Исторія не сохранила намъ ни плановъ, ни фасадовъ тогдашнихъ дворцовъ, но судя по описямъ и другимъ архивнымъ документамъ, а болѣе всего благодаря единственному образцу древне-русскихъ сооруженій, дошедшихъ до насъ въ рисункахъ, въ описяхъ и даже

сохраняющейся въ Оружейной Палатѣ модели Каломенскаго дворца, мы можемъ составить себѣ понятіе о дворцѣ кремлевскомъ того времени.

Нужно ли говорить, что тогдашняя Россія, по преимуществу лѣсная страна, выработала весьма замѣчательные типы и архитектуру деревянныхъ сооруженій, а также имѣла своихъ русскихъ мастеровъ, искусство которыхъ въ деревянныхъ сооруженіяхъ достигло большаго совершенства. Дерево, какъ по своей дешевизнѣ, легкости обработки, быстротѣ и удобству при самой работѣ, а также извѣстнымъ преимуществамъ жизни въ деревянныхъ домахъ, невольно стало любимымъ и наиболѣе употребляемымъ въ дѣлѣ матеріаломъ и не смотря на пожары, съ ужасающей быстротой пожиравшіе города и села, все исчезнувшее въ пламени снова созидалось скоро и выростало вновь изъ того же дерева ожидая своей очереди также пострадать отъ огня. Бѣлый камень и отчасти плохаго качества кирпичъ шли въ дѣло рѣдко и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ подспорье дереву, на подклѣти богатыхъ сооруженій, а также для церквей.

Чтобы составить себѣ понятіе о тогдашнемъ царскомъ дворцѣ, приведемъ выписку изъ прекраснаго сочиненія И. Забѣлина „Бытъ Русскихъ царей“ — гдѣ типичность сооруженій обрисована весьма хорошо. „Вообще,“ говоритъ Забѣлинъ, „великокняжескіе хоро́мы, какъ древнѣйшіе, такъ и построенные во времена царей, сообразно назначенію ихъ въ домашнемъ быту государя, можно разсматривать, какъ три особыя отдѣленія.“

„Во первыхъ, хоро́мы постельные, собственно жилые, или какъ называли ихъ въ XVII вѣкѣ, покоевые. Они были не обширны: три, много — четыре комнаты, въ одной связи, служили весьма достаточнымъ помѣщеніемъ для государя; одна изъ этихъ комнатъ, обыкновенно самая дальняя, служила постельною, опочивальною, ложницею; подлѣ нея устраивалась крестовая или моленная; другая имѣла значеніе теперешняго кабинета и называлась собственно комнатою, и, наконецъ, первая по входѣ именовалась переднею; но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется это слово теперь: эта передняя была собственною пріемною; нынѣшней же передней въ древности соотвѣтствовали сѣни, ко-

торыя въ государевыхъ хоромахъ почти всегда были теплыя. Эти сѣни передъ переднею назывались обыкновенно передними сѣнями. Точно такіе постельные хоромы были, напримѣръ, у царя Ивана Васильевича; они стояли подлѣ Средней Золотой палаты и заключали въ себѣ переднія сѣни, переднюю и двѣ комнаты. Порядокъ въ какомъ эти комнаты слѣдовали одна за другою, бывалъ различенъ; но обыкновенно онѣ располагались такъ: переднія сѣни, передняя, крестовая, комната, четвертая (считая отъ передней) или задняя; наконецъ, сѣни заднія. Иногда за переднею слѣдовала комната и потомъ комнатныя или заднія сѣни. Если въ хоромахъ было болѣе комнатъ, нежели сколько мы здѣсь поименовали, что впрочемъ случалось рѣдко, то всѣ эти комнаты не носили никакихъ названій; ихъ просто называли: третья, четвертая, пятая и т. д. или, смотря по мѣстоположенію, средняя, задняя, сторонняя и т. д. Иногда въ комнатахъ устраивались чуланы, собственно для спальни, имѣвшіе по этому значеніе алькова. Вообще же чуланы и каморки, устроиваемые въ комнатахъ и особенно въ сѣняхъ, составляли вмѣстѣ съ подклѣтками, обыкновенныя принадлежности постельныхъ хоромъ. Сѣнникъ и мыльная, принадлежавшіе также къ постельнымъ хоромамъ, соединялись съ ними сѣнями или переходами; мыльня же часто помѣщалась въ подклѣтѣ. Верхній этажъ такихъ хоромъ составляли свѣтлые чердаки или терема съ частыми окнами, съ гульбищами кругомъ всего зданія, украшенные башенками, прорѣзными гребнями и маковицами."

„Княгинина половина, хоромы государевыхъ дѣтей и родственниковъ ставились отдѣльно отъ жилыхъ хоромъ государя, и съ небольшими измѣненіями во всемъ походили на послѣдніе."

„Ко второму отдѣленію государева дворца мы относимъ хоромы не покоевые, назначенные собственно для торжественныхъ собраній. Въ нихъ государь, слѣдуя тогдашнимъ обычаямъ являлся только въ важныхъ торжественныхъ случаяхъ среди бояръ и духовныхъ властей. Въ нихъ происходили духовные и земскіе соборы, давались праздничные и свадебные государевы столы — однимъ словомъ, это были въ деревянныхъ хоромахъ, парадныя залы, которымъ соотвѣтствовали разныя палаты, выстроеннаго впослѣдствіи

каменнаго дворца; сообразно такому назначенію хоромы этого отдѣленія были обширнѣе прочихъ и стояли впереди хоромъ постельныхъ, которые помѣщались обыкновенно въ глубинѣ двора. Что же касается до названій, то эти хоромы не носили особенныхъ именъ, за исключеніемъ развѣ „гридни," а были извѣстны подъ общими именами, столовой избы, горницы и повалуши."

„Къ третьему отдѣленію принадлежали всѣ хозяйственныя дворовыя постройки, службы, располагаемыя почти всегда особыми дворами или дворцами, которымъ и давались названія, смотря по ихъ значенію въ дворовомъ обиходѣ государя. Извѣстны дворцы конюшенный, житный, кормовой или поваренный, хлѣбный, сытный и пр. Что же касается до великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, драгоцѣнныхъ мѣхахъ, матеріяхъ и тому подобныхъ предметахъ, то великій князь, слѣдуя весьма древнему обычаю, сохранялъ эту казну большею частію въ спояхъ и подвалахъ или подклѣтахъ каменныхъ церквей. Такъ изъ лѣтописей узнаемъ, что казна в. к. Іоанна Васильевича хранилась прежде въ церкви св. Лазаря, а его супруги великой княгини Софьи Фоминичны, подъ церквою Іоанна Предтечи на Бору, у Боровицкихъ воротъ.

Вотъ характеръ тогдашнихъ сооруженій, расположеніе тогдашнихъ дворцовъ; что же касается его фасадовъ, то древніе наши хоромы состояли преимущественно изъ трехъ этажей: внизу подклѣти, въ среднемъ — житье или ярусъ горницъ, повалуши, свѣтлицы; вверху — чердаки, терема, вышки, устроиваемыя подъ самой кровлей, со всѣхъ сторонъ открытыя, что даетъ возможность пользоваться открывающимися съ нихъ прекрасными видами; къ нимъ пристроивались иногда смотрильни — небольшія башенки, съ которыхъ и смотрѣли на окрестность. Отличительною чертою теремовъ, или чердаковъ, были красныя, не рѣдко двойныя окна, прорубленныя на всѣ четыре стороны терема. Въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ теремъ носитъ эпитетъ высокаго, какимъ онъ всегда и былъ. Около теремовъ и чердаковъ почти всегда устраивались гульбища, парапетъ или балконъ, огороженные перилами, или рѣшетками.

Крыши въ старину отличались фигурностью и оригинальностью конструкціи и служили не малымъ украшеніемъ

*

зданій вообще, а въ обширныхъ и богатыхъ постройкахъ въ особенности. Они устраивались высокими шатрами въ видѣ башенъ, сводились въ видѣ бочекъ, въ видѣ кубовъ, причемъ то и другое соединялось нерѣдко вмѣстѣ, т. е. шатры стояли на бочкахъ. Шатры, кубы и бочки искустно кожушились мелкими рѣшетками и покрывались большею частью гонтомъ въ чешую.

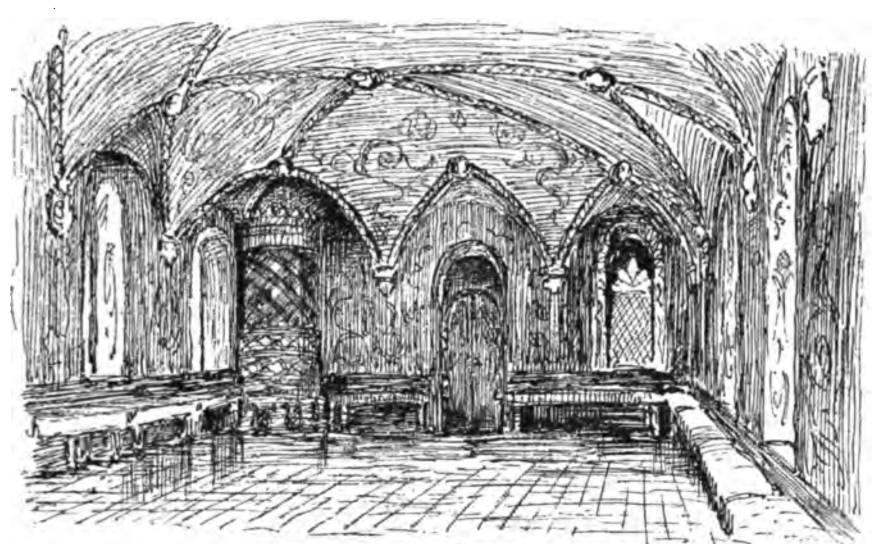
До сихъ поръ извѣстно также, что въ Кремлѣ находились на югозападномъ скатѣ Боровицкаго холма церковь Рождества Предтечи, считаемая „первою церковью на Москвѣ“ и близь нея патріаршій дворъ митрополита Петра. Восточнѣе ея, среди лѣса, въ Преображенскомъ монастырѣ, Калита, въ 1330 г., соорудилъ каменную церковь Спаса, называемую на Бору, гдѣ стали погребать князей и княгинь, а вскорѣ имъ же были построены каменные соборы Успенскій и Архангельскій. На той же площади Калита построилъ деревянную церковь св. Іоанна Лѣствичника подъ колоколами, а жена Дмитрія Донскаго на мѣстѣ деревянной церкви Лазаря, построила каменную, Рождества Богородицы, въ память побѣды на Куликовскомъ полѣ. Упомянувъ также о каменной соборной Благовѣщанія Пресвятой Богородицы на Сѣняхъ (нынѣ Благовѣщенскій соборъ) церкви, сооруженной Василіемъ Дмитріевичемъ, — мы закончимъ перечень главныхъ каменныхъ церквей Кремля.

Если мы прибавимъ, что вокругъ великокняжескаго двора стояли дворы сановитыхъ людей того времени, по своему виду и характеру похожіе на дворъ князя, — архіерейскія и монастырскія подворья съ деревянными же церквами, колокольнями, а также церкви наскоро выстроенныя по обѣту съ кладбищами около и скажемъ, что все пространство Кремля было застроено и имѣло много узкихъ и извилистыхъ улицъ съ площадками и садами кое-гдѣ, то вообразивъ себѣ все это скученное и разнообразное, безъ всякой симметріи, заключенное въ каменныхъ стѣнахъ съ башнями, получимъ приблизительно вѣрную картину вида тогдашняго Кремля.

Церковь «Спасъ-на-Бору».

Боярская палата въ Теремномъ дворцѣ.

II.

Кремль при царяхъ.

Кремль при государѣ державномъ великомъ князѣ Іоаннѣ III. — Вліяніе его брака съ Софіей Палеологъ на Кремль. — Сооруженіе Успѣнскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ. — Каменный дворецъ. — Царствованіе Іоанна IV Грознаго. — Страшный пожаръ 1547 года. — Эпоха казней. — Переписка съ Курбскимъ. — Митрополитъ Филаретъ. — Царь Феодоръ Іоанновичъ. — Правленіе Годунова. — Убійство царевича Дмитрія.

О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся обновленный!.....

Здѣсь орелъ Кремля владыка,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполинскими крылами.

Болѣе отрадной эпохой для великокняжества Московскаго вообще и Кремля въ особенности становится время княженія Іоанна III; оно является уже окруженнымъ ореоломъ славы, могущества, процвѣтанія и быстраго преуспѣванія во всемъ. Іоаннъ III уже именуется „Государь державный великій князь." Миръ съ Ибрагимомъ, царемъ Казанскимъ, присоединеніе Перми, возвращеніе русскихъ владѣній отъ Литвы, завоеваніе земли Югорской, присоединеніе подъ власть

Іоанна III княжествъ Трубчевскаго, Рыльскаго и Черниговскаго, а важнѣе всего окончательное присоединеніе Новгорода — съ его знаменитой ганзейской торговлей, съ его богатствами и вольницей, — еще больше возвысило значеніе, могущество и царственный блескъ двора виликокняжескаго. Но были еще другія причины всему этому. Бракъ князя съ греческой царевной Софіей Полеологъ, женщиной высокаго ума, совершенно другаго воспитанія, знатнаго рода, съ привычками и пріемами ея далекой и славной родины Византіи, съ ея любовью къ искусствамъ и художествамъ, въ новомъ ея отечествѣ неизвѣстныхъ еще, — конечно много повліялъ на бытъ двора, на его обстановку, а также на то вліяніе, какое пріобрѣлъ князь Московскій, вступивъ черезъ это въ семью Государей Европы. Уже ко двору великаго князя, въ старинный московскій, еще деревянный Кремль, со всѣхъ сторонъ направляются пышныя посольства отъ дружественныхъ странъ. Понятно ихъ любопытство видѣть дворъ князя, тамъ на далекомъ безпріютномъ сѣверѣ, среди обширныхъ лѣсовъ и пустырей, въ странѣ малоизвѣстной, почти никѣмъ не посѣщаемой. И вотъ въ Кремлѣ принимаются посольства: римскаго императора, литовское, крымскаго хана Менгли-Гирея и др. Торговля, съ потерей самостоятельности Новгорода, съ перенесеніемъ его богатствъ въ Москву и съ упадкомъ царства Казанскаго — получаетъ въ Москвѣ срединный пунктъ обмѣна товаровъ между сказочнымъ востокомъ и торговымъ западомъ, внося дары и обогащая Кремль. Окончательное освобожденіе отъ ига татаръ, очищеніе совершенно Кремля отъ владѣній ханскихъ, перешедшихъ за рѣку Москву, а также прибытіе въ Кремль, вызванныхъ великимъ княземъ изъ Италіи зодчихъ, конечно такъ же весьма сильно повліяло на паружность Кремля, его обычаи, жизнь и обстановку такъ что Кремль сталъ неузнаваемымъ. Уже Іоаннъ III, очистивъ, отъ деревянныхъ, нагроможденныхъ безъ всякаго порядка жилищъ, стѣны Кремля на 110 сажен. въ окружности, повелѣлъ начать строить вокругъ Кремля на новомъ, уже захватывающемъ болѣе обширное пространство, мѣстѣ каменную стѣну съ башнями, бойницами воротами, для чего пришлось много сломать, кое-что перенести на другія мѣста, а кладбища совершенно вывести изъ Кремля. Сооруженіе началось съ

стороны у Москвы-рѣки и шло далѣе на востокъ, потомъ на западъ, гдѣ изъ рѣчки Неглинной образовали прудъ и поставили мельницы. Самыя стѣны, были въ три яруса со множествомъ башенъ круглыхъ и четвероугольныхъ съ ходами внутри, балконами, помѣщеніями въ самой толщинѣ каменныхъ стѣнъ, гдѣ помѣщались тюрьмы, застѣнки и пыточныя камеры. Итальянцы Петръ Антоній — Соларій, Антонъ Фрязинъ и Марко были главными строителями ихъ. Ворота кремлевскіе снабжены были опускными желѣзными рѣшетками, желѣзными и дубовыми затворами, мостами передъ ними, каменными у Фроловскихъ и Троицкихъ воротъ и деревянными у другихъ.

Мартыновъ и Снигиревъ въ своемъ сочиненіи говорятъ: что „Кремль былъ надземный и подземный, внѣшній и внутренній. Повелѣніемъ великаго Князя Іоанна III, Петръ Фрязинъ построилъ двѣ отводныя стрѣльницы, или тайника и многія палаты и выходы (пути) къ нимъ съ перемычками по подземелью, на основаніяхъ каменныхъ какъ пишетъ Крекшинъ, „водныя течи, чрезъ весь Кремль — градъ, осаднаго ради сидѣнья.“ Въ такихъ спояхъ и выходахъ хранились: порохъ, свинецъ, каменныя ядра и даже государственныя сокровища. Въ кружалахъ же наготовѣ лежали подъ навѣсомъ пушки, пищали, ядра, чеснокъ, или пометныя каракули, которыя бросали подъ ноги лошадямъ; тамъ стояли котлы для кипятка и смолы, также и другіе воинскіе снаряды. Въ такихъ кружалахъ, а равно и въ самыхъ стѣнахъ, помѣщались избы служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ и розмысловъ (инженеровъ). Въ случаѣ нападенія непріятеля осадные дворы въ городѣ служили убѣжищемъ для посадскихъ и хранилищемъ цѣнныхъ пожитковъ. На башняхъ висѣли осадные или всполошные колокола. Самый Ивановскій столпъ, какъ называлась, въ XII вѣкѣ, Ивановская колокольня имѣлъ значеніе дозорной башни и на ней стаивали дозорные сторожа.“

Внутри Кремля были сооружены вновь каменныя церкви: Успенскій соборъ, Архангельскій и Благовѣщенскій. Патріаршій дворъ перенесенъ къ Успенскому собору, гдѣ нынѣ Синодальная контора; на мѣстѣ Ханскаго подворья построена церковь Галстунскій соборъ, и на мѣстѣ Ханскаго

275

конюшеннаго двора основанъ знаменитый Чудовъ монастырь. Дворецъ въ періодъ отъ конца, XV вѣка до половины XVII вѣка измѣняетъ совершенно свой какъ наружный, такъ и внутренній видъ и характеръ своихъ сооруженій. Со временъ Іоанна III въ сооруженіе зданій Кремля вносится какъ извѣстно, новый элементъ, замѣнившій собою употреблявшійся до сего времени, почти исключительно, деревянный матеріалъ. Матеріалъ этотъ — кирпичъ, выдѣлывать который научили русскихъ вѣроятно или итальянцы, вызванные великимъ княземъ, или новогородскіе мастера, познакомившіеся съ нимъ благодаря сношенію Новгорода съ ганзейскими городами, такъ какъ извѣстно, что въ то время въ Новгородѣ былъ сооруженъ и славился своимъ великолѣпіемъ владычный дворъ. Бракъ съ греческой царевной Софіей Палеологъ, какъ мы сказали, сдѣлалъ возможнымъ заимствованіе многаго изъ Византіи и поставилъ дворъ Великаго князя Московскаго въ частыя сношенія съ государствами Запада чрезъ постоянные пріемы пословъ. Кромѣ того, самодержавіе великаго князя становилось за покореніемъ Новгорода не сомнѣннымъ, и слѣдовательно прежніе обряды были уже недостаточны. Явилась мысль создать дворецъ, достойный для жизни Государя, самодержца, по великолѣпію, обширности и удобствамъ, удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ. „Вообще,“ говоритъ И. Забѣлинъ. „исходъ XV вѣка составляетъ блестящую эпоху не только въ исторіи государева дворца, но и въ исторіи всего Кремля, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ XV и XVI вѣковъ, составлялъ собственно дворцовую крѣпость. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было въ Кремлѣ такой напряженной дѣятельности въ обновленіяхъ и постройкахъ. Соборы и церкви, палаты государевы, городскія ворота, стѣны, стрѣльницы, башни съ тайниками — все это быстро воздвигалось при помощи итальянскихъ зодчихъ, нарочно для того вызванныхъ, и не болѣе, какъ въ двадцать лѣтъ, наружность Кремля совершенно измѣнилась. На мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ зданій были уже новыя, каменныя, болѣе обширныя красивыя и белѣе прочныя. Зубчатыя стѣны съ стрѣльницами, окруженныя глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый видъ, который еще съ боль-

шею яркостью обрисовывался на темномъ грунтѣ деревянныхъ построекъ тогдашней Москвы и на зелени ея многочисленныхъ садовъ, или правильнѣе огородовъ, находившихся почти при каждомъ домѣ."

Постепенность постройки дворца шла такъ. Построена была сначала церковь Благовѣщенія (соборъ) въ 1484 году, потомъ малая или набережная палата близъ Благовѣщенскаго собора, нынѣ не существующая, и потомъ уже въ 1491 году итальянцы Марко Руфъ и Петръ Антоній соорудили на площади большую палату, уцѣлевшую до нашихъ дней, подъ названіемъ Грановитой. Затѣмъ Великій князь переѣхалъ въ домъ боярина Патрикѣева, и приказалъ строить дворецъ каменный, но пожаръ 1493 года, уничтожившій всю Москву и не пощадившій также Кремля, пріостановилъ на время постройку дворца, такъ что онъ былъ оконченъ лишь въ 1508 году уже при Василіѣ Іоанновичѣ. Боясь повторенія пожара Великій князь Іоаннъ III повелѣлъ уничтожить вокругъ Кремля все деревянное за Неглинной и за р. Москвой на разстояніи 110 саженей. Теперь мы воспользуемся описаніемъ сдѣланнымъ И. Забѣлинымъ, чтобы представить возможно полную картину тогдашняго дворца.

„Расположеніе каменнаго первоначальнаго дворца весьма трудно опредѣлить съ тою точностью, каторая могла бы удовлетворить наше любопытство. Немного мимоходныхъ краткихъ указаній на разныя палаты этого дворца даютъ весьма сбивчивое понятіе объ его составѣ. Болѣе всего въ этомъ отношеніи замѣчательна и въ высшей степени любопытна дополнительная статья къ свадебному разряду великаго князя Василія, бывшему въ 1516 г. т. е. спустя восьмнадцать лѣтъ послѣ постройки дворца. Вникнувъ хорошенько въ этотъ актъ, можно положительно сказать, что первоначальный каменный дворецъ начала XVI вѣка, несмотря на пожары и безпрестанныя перестройки и передѣлки, въ главныхъ чертахъ своихъ нисколько не измѣнился въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ и, покинутый царями въ началѣ XVII-го столѣтія, устоялъ, хотя и въ развалинахъ, до временъ Императрицы Елизаветы Петровны и даже до начала нынѣшняго столѣтія. Руководствуясь свѣдѣніями, предлагаемыми этимъ любопытнымъ актомъ, мы

постараемся, сколько будетъ возможно, указать мѣстность, по крайней мѣрѣ, главныхъ частей этого первоначальнаго дворца.“

„Передній фасадъ дворцовыхъ зданій или, вернѣе сказать, лицо дворца обращено было на площадь, между Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и Успенскимъ соборами и церковью Іоанна Лѣствичника, что подъ Колоколы, на мѣстѣ которой въ XVII вѣкѣ воздвигнутъ Иванъ Великій и пристройка патріарха Филарета. На эту площадь выходили двѣ дворцовыя палаты — Большая, стоявшая на самой площади нынѣ Грановитая, и Средняя, находившаяся между Большою и Благовѣщенскимъ соборомъ, къ западу отъ нихъ на дворцѣ, или на дворѣ великокняжескомъ. Передъ Среднею палатою было Красное крыльцо и Передніе Переходы, на которые съ площади вели три лѣстницы: одна была, какъ и теперь у стѣны Большой или Грановитой палаты — это та, которую мы неправильно называемъ Краснымъ Крыльцомъ; другая — средняя лѣстница, теперь не существующая; третья — Благовѣщенская паперть. Между лѣстницей подлѣ Грановитой палаты и средней были ворота, которыя, посредствомъ проѣзда подъ Краснымъ крыльцомъ и среднею палатою, вели съ дворца, то есть со внутренняго двора, на площадь. Средняя лѣстница прямо, чрезъ крыльцо, вела въ сѣни Средней Палаты, которая почти съ этого же времени называется Среднею Золотою и просто Золотою, потому что была расписана внутри золотомъ. Изъ этихъ же сѣней двери вели въ Столовую Избу, которая стояла позади Средней Палаты противъ алтарей церкви Преображенія. Подлѣ Столовой Избы была лѣстница внизъ, на дворъ, къ Спасу; крыльцо передъ этою Избою, служившее продолженіемъ переднихъ переходовъ, соединяло ее съ двумя набережными палатами, Малою, стоявшую противъ западныхъ дверей Благовѣщенскаго собора, и Большою, находившеюся далѣе къ западу отъ Малой, по линіи Кремлевской горы. За этими палатами, къ Москвѣ рѣкѣ, стояли чердаки или терема. Посреди государева двора стоялъ, какъ мы уже упоминали, Спасскій Преображенскій соборъ. Постельные или жилые хоромы, великаго князя и Постельная Изба, княгинина половина, примыкавшая къ церкви Рождества Богородицы, находилась на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ теперь

Теремный Дворецъ. Въ то время существовалъ только нижній, подклѣтный этажъ этого зданія, построенный Алевизомъ на бѣлокаменныхъ погребахъ, въ одно время съ другими палатами. Надъ этимъ то этажемъ стояли деревянные постельные хорóмы великаго князя и великой княгини или собственно княгинина половина. Здѣсь же, у церкви Лазаря Святаго, стояла каменная пріемная палата великой княгини, называвшаяся Западною и Заднею (1547 г.) въ отношеніи къ переднимъ переходамъ Дворца, т. е. къ Красному Крыльцу, а также палатою, что у Лазаря Святаго. Двери изъ этой палаты вели на Постельное Крыльцо, которое примыкало также къ сѣнямъ Грановитой Палаты и соединялось дверью, между этихъ сѣней и сѣней Средней Палаты, съ передними переходами или Краснымъ Крыльцомъ. Лѣстница съ Постельнаго Крыльца вела на дворъ, къ Спасу. Поваренный дворецъ стоялъ позади Рождественской церкви и хорóмъ великой княгини, соединяясь съ этими хоромами заднимъ крыльцомъ съ лѣстницею. По береговой линіи дворецъ простирался до церкви Іоанна Предтечи на Бору, гдѣ въ палатѣ, что на дворцѣ, въ 1537 г. скончался въ заключеніи, въ нуждѣ, страдальческою смертію князь Андрей Ивановичъ Старицкій."

Несомнѣнно и что этотъ дворецъ, воздвигнутый итальянскими мастерами подъ сильнымъ вліяніемъ супруги великаго князя Софіи Палеологъ, не могъ во всемъ подчиняться русскимъ вкусамъ. Дѣйствительно архитектура этого дворца носила характеръ итальянскій, что же касается внутреннихъ его украшеній, то конечно слѣдуетъ думать, что вкусъ великой княгини, воспитанной въ Италіи, внесъ во дворецъ много новыхъ вещей, которыя были до тѣхъ поръ неизвѣстны и которые болѣе соотвѣтствовали новому значенію Московскаго князя какъ царя.

Итакъ при Іоаннѣ III получено начало каменнаго дворца, строителемъ котораго былъ Фрязинъ Алевизъ изъ Милана. Тогда же въ Кремлѣ стали строить, слѣдуя примѣру князя, каменныя палаты и приближенные къ князю бояре. Все это понятно, измѣнило весь характеръ и видъ прежняго Кремля, а при Василіѣ Ивановичѣ, когда былъ оконченъ княжескій дворецъ, и того болѣе, такъ какъ великій князь былъ достойнымъ подражателемъ своего предшествен-

ника въ дѣлѣ строительномъ. Онъ украсилъ много свой дворецъ, переѣхалъ самъ въ него, воздвигъ двѣ каменныя церкви, Спасъ на Бору и Рождества Богородицы на сѣняхъ съ предѣломъ Лазаря, и украсилъ живописью и позолотой Благовѣщенскій соборъ. При немъ съ присоединеніемъ Пскова и послѣдняго удѣла, Новгородъ — Сѣверскаго, — Москва стала уже дѣйствительно столицею единой Россіи. Тогда же въ 1517 году въ Кремлѣ было принято посольство императора Максимиліапа, одинъ изъ участниковъ котораго Герберштейнъ, оставилъ намъ описаніе и рисунки тогдашней Москвы и Кремля, дошедшіе до нашего времени. По свидѣтельству современниковъ, окружавшая Кремль-городъ Москва уже стала громаднымъ городомъ, а въ Китай-городѣ близь самаго Кремля упоминается гостинный дворъ, поражавшій обиліемъ, богатствомъ и разнообразіемъ товаровъ азіатскихъ и европейскихъ, признакъ пріобрѣтенія Москвой значенія въ дѣлѣ торговли, благодаря обмѣну между востокомъ и западомъ.

Начало царствованія Іоанна IV, коронованнаго въ Успенскомъ соборѣ и вѣнчаннаго 17 лѣтнимъ въ 1547 году ознаменовалось страшнѣйшимъ пожаромъ, столь частымъ гостемъ тогдашней Москвы, — пожаромъ, испепелившимъ не только деревянную Москву, но и отчасти каменный Кремль.

„1547 года 12 апрѣля, говоритъ Карамзинъ, сгорѣли лавки въ Китаѣ городѣ съ богатыми товарами, гостинные, казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники; а 21 Іюня, около полудня въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, въ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою и скоро вспыхнулъ весь Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма. Деревянныя зданія исчезли, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей, отъ времени до времени, заглушался взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и другихъ ча-

стяхъ города. Спасали единственно жизнь; богатство праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма; силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ рѣкѣ: онъ упалъ, разшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Богородицы, писанный св. Петромъ Митрополитомъ, и правила церковныя, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя; славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ; къ счастью, огонь, разрушивъ кровли и паперти, не проникъ во внутренность церкви. Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы Варварской, Петровской, Мясницкой Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцѣлели: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить себѣ бѣдствій. Люди, съ опаленными волосами, съ черными лицами бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣній; не находили и выли, какъ дикіе звѣри. Счастливъ, говоритъ лѣтописецъ, кто умиляясь душею, могъ плакать и смотрѣть на небо. Утѣшителей не было. Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго бѣдствія и отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій Дворецъ, богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали.“

Вотъ картина нарисованная нашимъ безсмертнымъ историкомъ, а если мы скажемъ, что вслѣдъ за этимъ начались смуты и бунтъ, то еще рельефнѣе выступитъ безотрадное состояніе Кремля и Москвы. Въ этотъ пожаръ, по словамъ И. Забѣлина, погибли многія сокровища во дворцѣ и церквахъ, собранныя за много лѣтъ. Государь переѣхалъ въ село Воробьево и приказалъ построить для себя деревянный дворецъ и возстановить церкви. Небольшой промежутокъ времени отъ 1547 до 1560 года ознаменованъ нѣсколькими замѣчательными событіями въ Кремлѣ: Изданъ

судебникъ и стоглавный уставъ; крестились два царевича казанскихъ, принято нѣсколько иноземныхъ посольствъ и положено начало сношеніямъ Англичанъ съ Москвой чрезъ Бѣлое море.

Вскорѣ снова настаютъ тяжелыя времена, Царь сталъ подозрителенъ и не довѣрчивъ, учредилъ опричину, взялъ себѣ въ собственность нѣкоторые города и наконецъ рѣшился покинуть совершенно Кремль, и приказалъ строить новый дворъ между Никитской и Арбатомъ. Все остальное пространство Москвы было названо „земщиной“ и отдано въ управленіе боярамъ. Опричина же окружавшая царя подъ видомъ тѣлохранителей, стала пользоваться особой милостью и довѣренностью царя; „затѣйливый умъ Іоанна IV, говоритъ Карамзинъ, изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ знакъ того, что грызутъ лиходѣевъ царскихъ и метутъ Россію.“

Однако Іоаннъ продолжалъ заниматься дѣлами государства и въ это время дьяконъ церкви Николы Голстунскаго и Петръ Тимофѣевъ Мстиславецъ устроили по его повѣленію типографію и издали въ 1564 году Дѣянія и Посланіе Апостоловъ, первую изъ печатныхъ книгъ россійскихъ.

Въ эту эпоху (1564 года) совершилось одно изъ извѣстнѣйшихъ событій: бѣгство князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литву, гдѣ первымъ дѣломъ князя было выяснить положеніе дѣлъ Іоанну. И вотъ мы видимъ въ Кремлѣ, на Красномъ крыльцѣ, царя окруженнаго боярами, къ которому приблизился съ собственноручнымъ письмомъ князя его вѣрный и неустрашимый слуга-товарищъ князя Василій Шибановъ и сказалъ царю „отъ господина моего, твоего изгнанника Князя Андрея Михайловича,“ „Гнѣвный царь“ говоритъ Карамзинъ „ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ: кровь лилася изъ язвы; слуга стоя неподвижно, безмолствовалъ, Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такаго содержанія:“

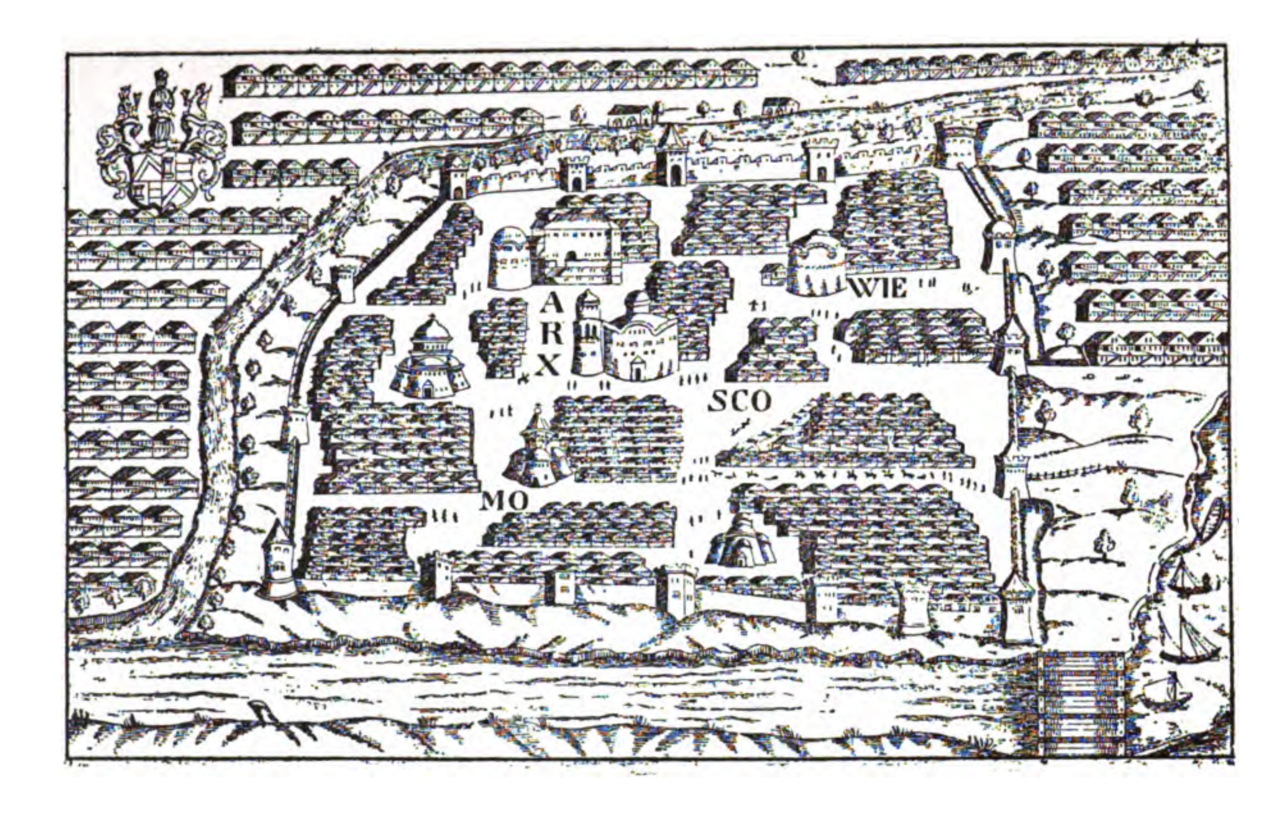
„Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному — нынѣ же по грѣхамъ нашимъ омраченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми Владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными

муками растерзалъ ты сильныхъ во Израилѣ, Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую побѣдоносную кровь ихъ проліялъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь клеветниками, Христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими-ли раззорены Батыевы царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими-ли взяты твердыни Германскія въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ? Гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія Вышняго для царя?... Не описываю всего претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу единое: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ, и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего передъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею, не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ въ трудахъ и подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе святыхъ и праотца моего, князя Федора Ярославскаго... Мы разстались съ тобою на вѣки: не увидишь лица моего до дня Суда Страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся мертвыхъ: убитые тобою — живы для Всевышняго: они у престола его требуютъ мести. Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели бояре не достойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! Сію грамоту омоченную слезами моими, велю положить во гробъ съ собою и явлюся съ нею на Судъ Божій. Аминь. Писано въ городѣ Вольмарѣ, въ области Короля Сигизмунда Государя моего, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ."

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга,

всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленниковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, именемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ исторіи) не объявилъ ничего; въ ужасныхъ мукахъ хвалилъ (онъ) своего отца — господина, радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, усердіе, любовь, изумили всѣхъ и самаго Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику: ибо царь волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому.

Знаменательно также событіе совершившееся въ 1568 г. въ Успенскомъ Соборѣ, когда въ 3-ю эпоху казней, мы застаемъ митрополитомъ московскимъ Филиппа Святителя, имя котораго, благодаря его подвигу, стало безсмертнымъ на Руси. Мы снова предоставимъ слово нашему великому историку и узнаемъ изъ его безъискуственной но сильной рѣчи всю силу духа и самоотверженія святителя. „Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провожаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святый Владыко! се Государь: благослови его!“ Тутъ взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за Алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ па небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его Обагренный кровью невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? Ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести! Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся господа единаго!“

ДРЕВНІЙ ЧЕРТЕЖЪ КРЕМЛЯ XVI ВѢКА.

Сдѣланъ со снимка съ чертежа Москвы Герберштейна помѣщеннаго въ книгѣ г. Снегирева памятники Московской древности.

Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ лицъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самаго первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ!“ Вскорѣ по клеветамъ надъ митрополитомъ былъ назначенъ судъ, гдѣ онъ снова съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сказалъ царю: „Государь, Великій Князь! ты думаешь что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! Достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни, ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пасторскій, се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, Святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ и страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго.“ Онъ хотѣлъ удалиться. Царь остановилъ его; сказалъ что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судьею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился туда бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу — услышали, что митрополитъ Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣ-

тлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: молитеся!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора. Филиппу, будто уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно, не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному.

Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки передалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ въ узахъ; затѣмъ былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы рѣки, терпѣлъ голодъ и питался молитвою.

Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ; прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотря на келію заключеннаго и расказывая другъ другу о чудесахъ его святости — царь велѣлъ отвести страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Тотъ же историкъ такъ рисуетъ намъ одинъ эпизодъ изъ четвертой страшнѣйшей эпохи казней: „23 Іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ городѣ поставили 18 висѣлицъ, разложили многія орудія мукъ; зажгли высокій костеръ и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы: что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ

раздался звукъ бубновъ: явился царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ боярами и князьями, съ легіономъ кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицы осмотрѣлся, и не видя народа, велѣлъ опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ. „Народъ! увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ ли судъ мой?“ Всѣ отвѣтствовали велегласно: „Да живетъ многіе лѣта Государь Великій. Да погибнутъ измѣнники!“ Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. Потомъ думный дьякъ государевъ, развернувъ свитокъ, произнесъ имена казнимыхъ; вызвалъ Висковатаго и читалъ слѣдующее: „Иванъ Михайловъ, бывшій тайный совѣтникъ государевъ! Ты служилъ неправедно Его Царскому Величеству и писалъ къ королю Сигизмунду, желая передать ему Новгородъ. Се первая вина твоя!“ Сказавъ, ударилъ Висковатаго въ голову, и продолжалъ: „А се вторая, меньшая вина твоя: ты измѣнникъ, неблагодарный, писалъ къ Султану Турецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и Казань.“ Ударивъ его въ другой — и въ третій разъ, дьякъ промолвилъ: „Ты же звалъ и Хана Крымскаго опустошать Россію: се твое третіе злое дѣло!“ Тутъ Висковатый, смиренный, но великодушный, поднявъ глаза на небо, отвѣтствовалъ: „свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, вѣдающимъ сердца и помышленія человѣческія, что я всегда служилъ вѣрно царю и отечеству. Слышу наглыя клеветы; не хочу болѣе оправдываться, ибо земный судія не хочетъ внимать истинѣ; но Судія Небесный видитъ мою невинность — и ты, о Государь! увидишь ее предъ лицемъ Всевышняго!“ Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши

съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу. Второю жертвою былъ казначей Фуниковъ-Карцевъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ же измѣнахъ и столь же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ царю: „се кланяюсь тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по дѣламъ своимъ!“ Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копіемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухъ сотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы, обліянные кровію, съ дымящимися мечами стали передъ царемъ, восклицая: гойда! гойда! и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь; обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами, еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила; но отдалъ ее сыну, царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матеріею и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести.“

Царствованіе Іоана Грознаго ознаменовалось цѣлымъ рядомъ казней, во время которыхъ „Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и людьми веселыми, или скоморохами, коихъ присылали ему изъ Новгорода и другихъ областей вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей, и въ гнѣвѣ, и въ забаву; видя иногда близь дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ, давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе. Одной изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ними славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный придворный санъ. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылилъ на него миску горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ... Обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа.

Успенскій Соборъ.

Исцѣли слугу моего добраго," сказалъ царь: „я поигралъ съ нимъ неосторожно." „Такъ неосторожно, отвѣчалъ Арнольфъ, что развѣ Богъ и твое Царское Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія." Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ, и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему Воевода Старицкій, Борисъ Титовъ, — поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: „будь здравъ, любимый мой воевода: ты достоинъ нашего жалованья" — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо! Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ явства и питіе, оставлялъ пиръ громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ для новыхъ убійствъ. Такъ онъ, изъ за раскошнаго обѣда устремился растерзать литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ московской темницѣ. Какъ сообщаютъ, одинъ изъ нихъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе. Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: гойда! гойда! съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу... Однакожъ и въ сіе время, и на сихъ пирахъ убійственныхъ, еще слышался иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: „о царь! ты вѣлишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить медъ смѣшанный съ кровью нашихъ братьевъ христіанъ правовѣрныхъ!" Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ, Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ."

Какъ бы устрашенный великимъ бѣдствіемъ Москвы, постигшей ее въ 1571 году, когда Москва вся, кромѣ Кремля, была сожжена Крымскимъ Ханомъ Дивлетъ-Гиреемъ и погублено было при этомъ нашествіи около 800,000 народу, Іоаннъ уничтожилъ опричину, примирился съ народомъ и

повелъ другую жизнь. Не задолго до смерти своей въ 1584 г., Іоаннъ еще разъ обезславилъ себя, наложивъ руку на старшаго сына своего Іоанна. Большой интересъ представляетъ намъ расказъ Карамзина, взятый имъ изъ записокъ Іезуита Антонія Посѣвина, о посѣщеніи имъ двора въ 1582 г. въ качествѣ посла папы; но еще большую важность пріобрѣтаетъ это повѣствованіе, такъ какъ въ словахъ Посѣвина ясно проглядываетъ затаенная, но твердо преслѣдуемая цѣль. Необходимо сказать, что Посѣвинъ прибылъ въ Москву уже послѣ смерти царевича Іоанна и засталъ перемѣну во внѣшнемъ видѣ двора. Принявъ благосклонно посла, Іоаннъ снисходя къ его просьбѣ назначилъ ему время для бесѣды о соединеніи вѣры, въ присутствіи однако близкихъ людей „и безъ споровъ, если возможно, ибо всякій человѣкъ хвалитъ свою вѣру, и не любитъ противорѣчія. Споръ ведетъ къ ссорѣ, а я желаю тишины и любви“ сказалъ царь.

И вотъ 21 февраля 1582 года въ тронную (Грановитую) палату вошелъ Посѣвинъ, гдѣ уже находился царь, окруженный боярами, дворянами сверстными и князьями служилыми. Тогда началась бесѣда, при чемъ государь еще разъ убѣждалъ посла не касаться вѣры. Государь началъ: „Антоній! мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и не долго жить на свѣтѣ; воспитанный въ правилахъ нашей христіанской церкви, издавна не согласной съ латинской, могу ли измѣнить ей предъ концемъ земнаго бытія своего? День суда небеснаго уже близокъ: онъ явитъ, чья вѣра, ваша-ли, наша-ли, истиннѣе и святѣе. Но говори, если хочешь.“ Тутъ Антоній съ живостію и съ жаромъ сказалъ: „Государь Свѣтлѣйшій! изъ всѣхъ твоихъ милостей, мнѣ по нынѣ оказанныхъ, самая величайшая есть сіе дозволеніе говорить съ тобою о предметѣ столь важномъ для спасенія душъ христіанскихъ. Не мысли, о Государь, чтобы св. Отецъ нудилъ тебя оставить вѣру греческую: нѣтъ, онъ желаетъ единственно, чтобы ты, имѣя умъ глубокій и просвѣщенный, изслѣдовалъ дѣянія первыхъ ея соборовъ, и все истинное, все древнее на вѣки утвердилъ въ своемъ царствѣ, какъ законъ неизмѣняемый. Тогда исчезнетъ разнствіе между Восточною и Римскою церковію; тогда мы всѣ будемъ единымъ тѣломъ Іисуса Христа, въ радости единаго истиннаго, Богомъ

установленнаго пастыря церкви. Государь! моля св. отца доставить тишину Европѣ и соединить всѣхъ христіанскихъ Вѣнценосцевъ для одолѣнія невѣрныхъ, не признаешь-ли его самъ главою христіанства! Не изъявилъ-ли ты особеннаго уваженія къ апостольской римской вѣрѣ, дозволивъ всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свободно въ россійскихъ владѣніяхъ и молиться Всевышнему по ея святымъ обрядамъ, ты, царь великій, никѣмъ не нудимый къ сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя царей, безъ коей и листъ древесный не падаетъ съ вѣтви? Сей желаемый тобою общій миръ и союзъ вѣнценосцевъ можетъ ли имѣть твердое основаніе безъ единства вѣры? Ты знаешь, что оно утверждено соборомъ Флорентійскимъ, императоромъ, духовенствомъ греческой имперіи, самымъ знаменитымъ іерархомъ твоей церкви, Исидоромъ: читай представленныя тебѣ дѣянія сего осьмаго вселенскаго собора, и если гдѣ усумнишься, то повели мнѣ изъяснить темное. Истина очевидна: пріявъ её, въ братскомъ союзѣ съ сильнѣйшими монархами Европы, какой не достигнешь славы, какого величія? Государь! ты возьмешь не только Кіевъ, древнюю собственность Россіи, но и всю Имперію Византійскую, отнятую Богомъ у Грековъ за ихъ расколъ и неповиновеніе Христу Спасителю.“ Царь спокойно отвѣтствовалъ: „Мы никогда не писали къ Папѣ о вѣрѣ. Я и съ тобой не хотѣлъ бы говорить о ней: во первыхъ опасаясь уязвить твое сердце, какимъ нибудь жестокимъ словомъ, во вторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами Россіи, не толкуя церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего богомольца, митрополита. Ты говоришь смѣло, ибо ты попъ, и для того сюда пріѣхалъ изъ Рима. Греки же для насъ не евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не грекамъ. Что касается до Восточной Имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ, желаю только милости Божіей въ будущемъ.“ Не упоминая ни о Флорентійскомъ соборѣ, ни о всеобщемъ христіанскомъ союзѣ противъ султана, Іоаннъ въ знакъ дружбы своей къ папѣ снова обѣщалъ свободу и покровительство всѣмъ иноземнымъ купцамъ и священникамъ латинской вѣры въ Россіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не толковали о законѣ съ

Россіянами. Но ревностный Іезуитъ хотѣлъ дальнѣйшаго пренія, утверждая, что мы новоуки въ христіанствѣ; что Римъ есть древняя столица онаго. Уже царь начиналъ досадовать. „Ты хвалишься провославіемъ (сказалъ онъ), а стрижешь бороду; вашъ папа велитъ носить себя на престолѣ и цѣловать въ туфель, гдѣ изображено распятіе: какое высокомѣріе для смиреннаго пастыря христіанскаго! какое уничиженіе Святыни!“...

„Нѣтъ уничиженія,“ возразилъ Антоній: „достойное воздается достойному. Папа есть глава христіанъ, учитель всѣхъ монарховъ православныхъ, сопрестольникъ апостола Петра, Христова сопрестольника. Мы величаемъ и тебя, Государь, какъ наслѣдника Мономахова, а св. отецъ.... „Іоаннъ, прервавъ его рѣчь сказалъ: „У христіанъ единъ Отецъ на небесахъ! Насъ земныхъ властителей, величать должно по мірскому уставу; ученики же апостольскіе да смиренномудрствуютъ! Намъ честь царская, а папамъ и патріархамъ святительская. Мы уважаемъ митрополита нашего и требуемъ его благословенія; но онъ ходитъ по землѣ и не возносится выше царей гордостію. Были папы дѣйствительно учениками апостольскими: Климентъ, Сильвестръ, Агафонъ, Левъ, Григорій, но кто именуется христовымъ сопрестольникомъ, велитъ себя носить на сѣдалищѣ какъ бы на облакѣ, какъ бы ангеламъ; кто живетъ не по христову ученію, тотъ папа есть волкъ, а не пастырь“...

Антоній въ сильномъ негодовани воскликнулъ: если уже папа волкъ, то мнѣ говорить нечего!...“ Іоаннъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: „Вотъ для чего не хотѣлъ я бесѣдовать съ тобою о вѣрѣ! Невольно досаждаемъ другъ другу. Впрочемъ, называю волкомъ не Григорія XIII, а папу не слѣдующаго христову ученію. Теперь оставимъ.“ Государь съ ласкою положилъ руку на Антонія, отпустилъ его милостиво и приказалъ чиновникамъ отнести къ нему лучшія блюда стола царскаго.

Впослѣдствіи Іоаннъ предложилъ Посѣвину посѣтить Успенскій Соборъ во время богослуженія, но Іезуитъ уклонился. Вскорѣ потомъ Посѣвинъ былъ отпущенъ съ почестями и подарками, и тѣмъ на долго прекратились наши сношенія съ папой.

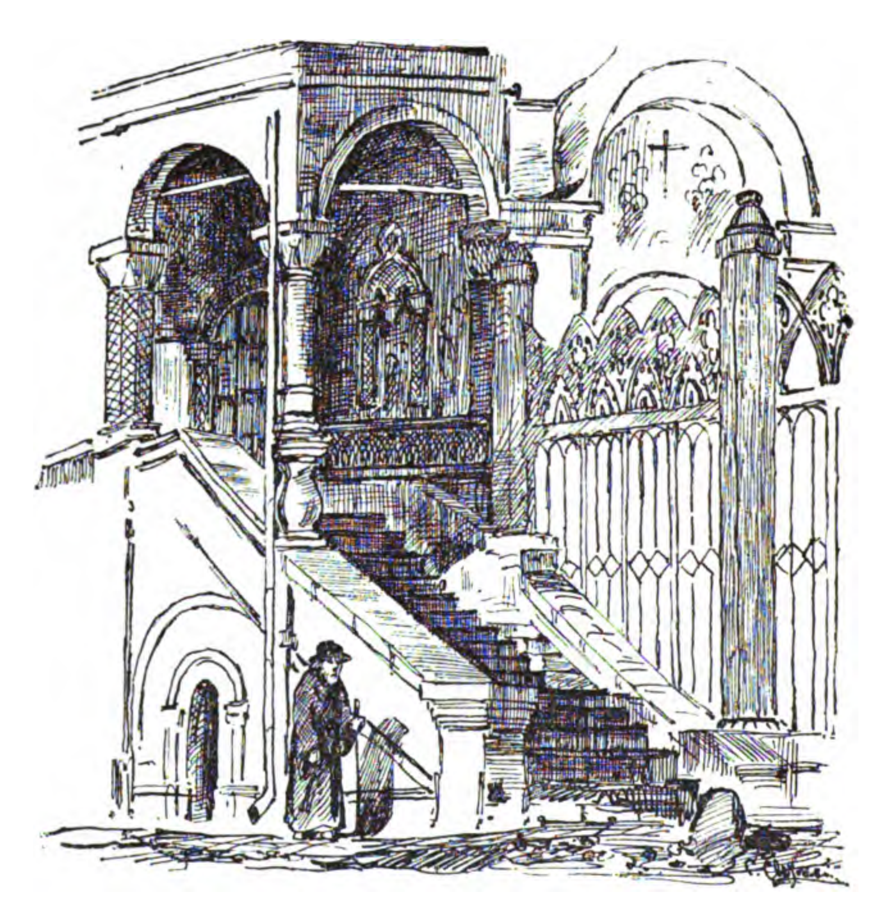
Въ томъ же 1582 году въ Кремлѣ московскомъ былъ

принятъ атаманъ донскихъ казаковъ Иванъ Кольцо, какъ посолъ покорителя Сибири, безсмертнаго въ исторіи России — Ермака Тимофѣевича, принесшаго въ даръ царю покоренное имъ царство Сибирское, гдѣ погибъ самъ покоритель; но память его живетъ еще въ народѣ и увѣковѣчена памятникомъ на берегу Иртыша.

Преемникъ Іоанна царь Федоръ, любя уединеніе предоставилъ фактически правленіе Борису Годунову, человѣку замѣчательнаго ума и силы воли. Въ его царствованіе Кремль ознаменовался торжественнымъ пріемомъ патріарха Константина, польскаго Іеремію и учрежденъ въ Россіи, чрезъ посвященіе въ Кремлѣ митрополита Іова, въ 1589 г. — санъ патріарха.

Дворецъ въ Кремлѣ, по словамъ историковъ, былъ въ цвѣтущемъ состояніи, а изъ новыхъ сооруженій замѣчательна постройка малой золотой палаты для царицы Ирины, существующей до сихъ поръ въ реставрированномъ видѣ. Вскорѣ, благодаря проискамъ Бориса Годунова угасла младшая отрасль Рюриковичей, такъ какъ царевичъ Дмитрій погибъ отъ руки злодѣя и для Россіи приближаются снова тяжелыя времена смутъ и междуцарствій, времена которыми и безъ того такъ была богата многострадальная исторія Россіи.

Южная паперть Благовѣщенскаго собора.

III.

Время Годуновыхъ и Лжедмитрія.

Избраніе Бориса Годунова на царство. — Въѣздъ въ Кремль. — Коронованіе. — Вступленіе Лжедмитрія въ предѣлы Россіи. — Ѳедоръ Годуновъ — царь. — Украшеніе Кремля. — Сверженіе и убійство царя Ѳеодора и его матери. — Низложеніе патріарха Іова. — Перенесеніе тѣла царя Бориса. — Встрѣча Лжедмитрія. — Вступленіе его въ Кремль. — Коронація Лжедмитрія и Марины Мнишекъ. — Заговоръ Шуйскаго. — Сверженіе и убійство Лжедмитрія.

За отказомъ отъ престола царицы Ирины, послѣ смерти царя Феодора Іоанновича, волей или неволей, доподлинно неизвѣстно, былъ избранъ братъ ея Борисъ Годуновъ, удалившійся съ царицей въ Новодѣвичій монастырь.

Патріархъ Іовъ говорилъ, что лучше Бориса царя не найти. Всѣ соглашались съ нимъ и стали просить Бориса Годунова, принять на себя царскій вѣнецъ. Но Борисъ былъ человѣкъ хитрый и отказывался, какъ будто бы ему царемъ быть вовсе не хотѣлось. Упрашивали его долго, но онъ все не соглашался. Тогда патріархъ рѣшился поднять образа и идти въ монастырь, гдѣ жилъ Борисъ, крестнымъ ходомъ; за нимъ пошла цѣлая толпа народа. Въ монастырѣ, Іовъ, главное духовенство и бояре вошли прямо къ царицѣ-монахинѣ и долго со слезами умоляли ее благословить на царство брата, а народъ стоялъ около монастыря, плакалъ, вопилъ и безпрестанно кланялся въ землю. Впрочемъ, говорятъ, что онъ не по своей волѣ пришелъ къ монастырю, а что его пригнали слуги Годунова. Съ тѣхъ, кто не хотѣлъ идти, грозили взять штрафъ. Царицу долго уговаривали; подъ конецъ она согласилась, благословила брата на царство и даже приказала ему дать свое согласіе. Получивши согласіе, духовенство и бояре, съ знаменами и хоругвями, при колокольномъ звонѣ и при радостныхъ крикахъ народа воротились въ Кремль. 26 февраля въѣхалъ Борисъ въ столицу и передъ деревянными стѣнами крѣпости былъ встрѣченъ московскими купцами съ хлѣбомъ-солью и подарками, серебряными и золотыми чашами, соболями и жемчугомъ. Онъ ласково благодарилъ ихъ, но кромѣ хлѣба и соли ничего не взялъ и сказалъ, что ему пріятнѣе, если народъ его будетъ богаче, чѣмъ казна. Послѣ купцовъ встрѣтили царя натріархъ Іовъ, духовенство и бояре. Всѣ пошли въ Успенскій соборъ: тамъ патріархъ отслужилъ молебенъ и благословилъ Бориса на царство.

Послѣ этого пѣли многолѣтіе царю и его семейству, царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ, сыну ихъ Феодору и дочери Ксеніи. Послѣ молебна Борисъ ходилъ поклониться могиламъ Ивана Грознаго и Феодора, прошелъ во дворецъ, заходилъ въ келью Іова, въ Чудовомъ монастырѣ. Долго говорилъ съ нимъ наединѣ и сказалъ ему и прочему духовенству, что не можетъ до Свѣтлаго праздника короноваться, чтобъ не оставлять свою сестру, царицу Ирину въ ея скорби и приказавши боярамъ распоряжаться дѣлами, самъ опять уѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь.

Не упуская дѣлъ Борисъ жилъ въ монастырѣ и на-

конецъ назначилъ въѣздъ свой въ столицу. И вотъ 30 апрѣля вся Москва поднялась на встрѣчу царю. Въ этотъ день все духовенство съ иконами и крестами, бояре, воинство и всѣ граждане, въ часъ утра, ждали царя у каменнаго моста. Борисъ ѣхалъ въ богатой колымагѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣла царица, девятилѣтній сынъ и щестнадцатилѣтняя красавица-дочь. Увидѣвши хоругви церковныя и народъ, Борисъ всталъ, поклонился св. иконамъ и народу, показалъ имъ царицу и дѣтей. Феодоръ и Ксенія ласково говорили съ народомъ, также какъ отецъ отказались отъ золота, жемчуга и соболей, а взяли только хлѣбъ-соль и звали всѣхъ къ царю обѣдать. Окруженный со всѣхъ сторонъ народомъ, Борисъ прошелъ въ храмъ Успенія и тамъ патріархъ надѣлъ на него животворящій крестъ Петра митрополита и опять благословилъ его на царство. Отслушавъ обѣдню, новый царь ходилъ во всѣ главныя кремлевскія церкви, вездѣ молился со слезами, вездѣ слышалъ радостные крики народа и потомъ со всѣмъ семействомъ вошелъ въ царскія палаты. Въ этотъ день былъ обѣдъ у царя и на этотъ обѣдъ былъ званъ весь народъ московскій.

Вскорѣ была получена вѣсть, что къ Москвѣ приближается съ войскомъ крымскій ханъ Казы-Гирей и Борисъ, еще не коронованный, отправился на берега Оки съ войскомъ и заключивъ съ ханомъ миръ, возвратился въ Москву. Коронованіе царя Бориса произошло 1 сентября. „Всѣ москвичи собрались въ тотъ день смотрѣть на своего любимаго государя, и не смотря на такое стеченіе народа было такъ тихо, что каждое слово патріарха, который отправлялъ божественную службу, было слышно ясно и громко. Но когда Борисъ взволнованный и умиленный, забылъ литургію, свое коронованіе и воскликнулъ: „Отче, великій патріархъ Іовъ, Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго,“ потомъ потрясъ верхъ своей рубашки и прибавилъ: „отдамъ и эту послѣднюю народу,“ тогда все зашумѣло и только были слышны клики радости, такъ что патріархъ на время долженъ былъ остановить богослуженіе. Говорятъ, что новый государь въ этотъ день далъ еще другое обѣщаніе не казнить преступниковъ, а только ссылать ихъ въ Сибирь. Послѣ коронованія, Борисъ, съ короною на головѣ и скипертомъ въ рукахъ, отправился

во дворецъ. При выходѣ изъ церкви, въ дверяхъ, князь Мстиславскій, по тогдашнему обычаю, осыпалъ его золотомъ.

Въ этотъ день новый царь многихъ, изъ своихъ придворныхъ, пожаловалъ чинами и наградами. Всѣмъ служащимъ и военнымъ, и чиновникамъ приказалъ выдать двойное жалованье, кунцамъ московскимъ и пріѣзжимъ позволилъ торговать безпошлинно два года, а казенныхъ крестьянъ повелѣлъ освободить отъ податей на годъ. Не забылъ Государь и крестьянъ, положилъ сколько имъ работать и платить господамъ оброку; объявилъ всѣ эти милости въ день коронаціи и двѣнадцать дней угощалъ народъ.

Не много ранѣе коронаціи была получена вѣсть о полномъ покореніи Сибири и вскорѣ въ Москву привезено было семейство царя сибирскаго Кучума, какъ плѣнника. Борисъ умѣлъ ладить со всѣми сосѣдями, а съ королемъ Датскимъ Христіаномъ даже пожелалъ войдти въ родство, предложивъ выдать дочь свою Ксепію за царевича Іоанна, который вскорѣ пріѣхалъ въ Москву и былъ принятъ торжественно. Въ особенности памятенъ, по роскоши и торжеству, обѣдъ, данный ему царемъ Борисомъ въ Грановитой палатѣ. Но судьбѣ не угодно было дать царевичу дожить до свадьбы и опъ умеръ вскорѣ отъ горячки. Какъ будто перстъ Божій лежалъ на Борисѣ, за убійство царевича Дмитрія. Хотя народъ любилъ Бориса, но онъ самъ, сознавая свою вину, мучился, подозрѣвалъ и началъ преслѣдовать знатнѣйшихъ людей своего времени, дрожа за престолъ незаконно захваченный. Вскорѣ его царствованіе сдѣлалось не лучше Іоанновскаго, хотя казни совершались не публично, а въ тюрьмахъ и застѣнкахъ. Въ страшный голодъ 1601 года, Борисъ показалъ умѣніе царствовать, приказавъ раздавать отъ казны хлѣбъ, и начавъ много общественныхъ работъ чѣмъ и облегчилъ горькую участь голодающаго народа. Но уже дѣйствительный врагъ Бориса жилъ и начиналъ дѣйствовать, это, какъ предполагаютъ многіе, будто былъ инокъ кремлевскаго Чудова монастыря, выдавшій себя за убіеннаго царевича Дмитрія, или воспитанный въ такой мысли, собравшій въ Литвѣ войско и въ 1604 г. вступившій въ Россію.

Царь Борисъ, любя пышпость и величіе двора своего, много способствовалъ къ украшенію Кремля. Имъ были

воздвигнуты двѣ новыя каменныя палаты, а также построена колокольня Ивана Великаго, по своей высотѣ и стройности, невиданное до того сооруженіе, почему и почиталась однимъ изъ чудесъ въ Россіи того времени.

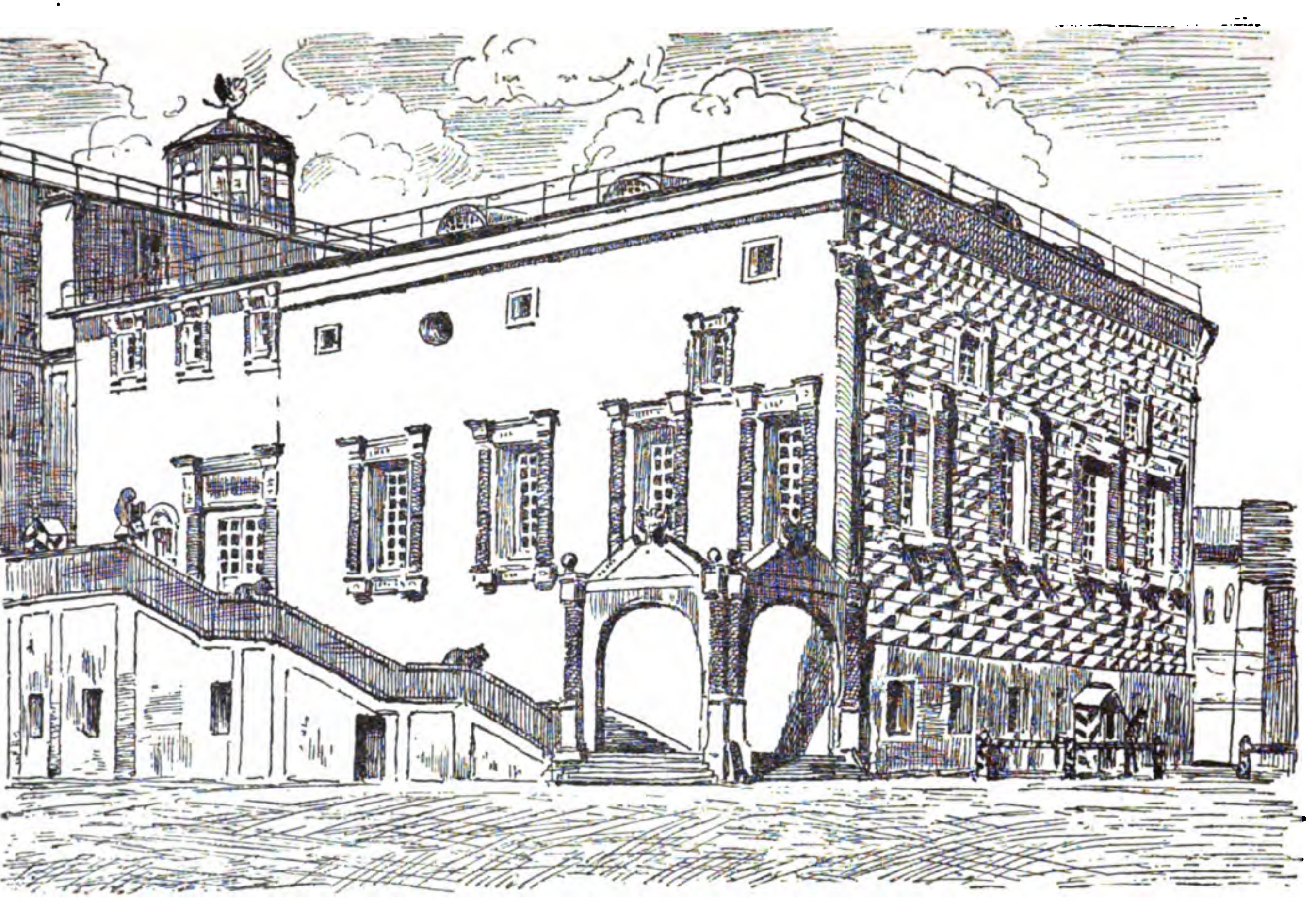
Между тѣмъ на Москву надвигалась невидимая до сего времени гроза и престольному Кремлю предстояло быть резиденціей, соборамъ его быть мѣстомъ коронованія, а чертогамъ царскимъ принять смѣлаго Самозванца, который уже приближался къ Кремлю, признаваемый уже нѣкоторыми литовцами, запорожскими и донскими казаками за царевича Дмитрія. Самозванецъ шелъ во главѣ набранныхъ имъ полчищъ съ присоединившимися къ нему, по тѣмъ или другимъ причинамъ, отдѣльными сановными лицами. Слабый духомъ царь Федоръ еще былъ на престолѣ но, по выраженію Карамзина, „власть верховная дремала въ палатахъ кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Дмитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ, а вскорѣ у самыхъ стѣнъ Кремля, на Лобномъ мѣстѣ, среди шумной народной толпы уже читалась грамота... И въ то время, когда сіе беззаконное вѣче располагало царствомъ, главные совѣтники престола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ молилъ бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ ризахъ святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословѣніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ! Знатнѣйшіе бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе думные совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцевъ Лжедмитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и завопилъ: „Время Годуновыхъ миновалось! Мы были съ ними во тьмѣ кромѣшной: солнце восходитъ для Россіи! Да здравствуетъ царь Дмитрій! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновыхъ!... Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Федора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ и дерзостною рукою коснулись того, кому не давно присягали: стащили юнаго царя съ престола, гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ

ногамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Федора, его мать и сестру изъ дворца въ кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали, не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное есть уже Дмитріево. Сей нѣстунъ меньшаго Іоннаго сына явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими боярами малодушными или коварными старался утишить мятежъ именемъ царя новаго. Всѣ дали присягу Дмитрію.

Вскорѣ, по настоянію клевретовъ Дмитрія, народъ снова въ Кремлѣ. „Свергнувъ царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и патріарха. Іовъ совершалъ литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копіями и дреколіями, вбѣгаютъ въ церковь, не слушаютъ божественнаго пѣнія; стремятся въ алтарь, хватаютъ и влекутъ патріарха, рвутъ съ него одежду святительскую... Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно: „Здѣсь, предъ сею святою иконою я былъ удостоенъ сана архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры: нынѣ вижу бѣдствіе церкви, торжество обмана и ереси. Матерь Божія! спаси Православіе!“ Его одѣли въ черную ризу, таскали, позорили, въ храмѣ, на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ.“ Приверженцы Самозванца, конечно не могли оставить спокойно жить удаленныхъ царя Федора съ семействомъ; и вотъ наконецъ по волѣ судьбы Кремль сталъ ареной гнуснаго убійства законнаго царя. „Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шенфединовъ, взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ стрѣльцовъ, 10 Іюня 1605 г. пришли въ домъ Барисовъ; увидѣли Федора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей; вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій

царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли стрѣльцамъ дѣйствовать: они въ ту же минуту удавили царицу Марію; но юный Федоръ, падѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырьмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его. Москвѣ объявили, что Феодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнѣнные признаки удавленія. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! „Святая кровь Дмитрія“ говорятъ лѣтописцы, „требовала крови чистой, и невинные пали за виновнаго, да страшатся преступники и за своихъ ближнихъ!“ Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единственно для благодѣяній и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній; еще болѣе жалѣли о Федорѣ, который цвѣлъ добродѣтелью и надеждою: столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго для счастія Россіи, если бы оно угодно было провидѣнію! Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви св. Михаила въ Дѣвичій монастырь св. Варсанофія на Срѣтенкѣ, и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Федора и Маріи.

Вѣсть объ убійствѣ Федора достигла самозванца въ Тулѣ и онъ вскорѣ двинулся къ Москвѣ, и 20 іюня, въ прекрасный лѣтній день, самозванецъ вступалъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди шли поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестернями и верховыя лошади царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, духовенство съ крестами и Лжедмитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ велѣколѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150.000 червонныхъ: вокругъ его шестьдесятъ бояръ и князей; за ними дружипа литовская, нѣмцы, казаки и стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола московскіе, улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лже-

Грановитая палата и Красное крыльце.

дмитрія, народъ надалъ ницъ съ восклицаніемъ: „здравствуй отецъ нашъ, государь и великій князь Дмитрій Іоанновичъ, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!" Лжедмитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и помолиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедмитрій чрезъ живой мостъ и ворота москворѣцкія выѣхалъ на площадь, — сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и залѣпила имъ глаза, такъ что царское шествіе остановилось. Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: „спаси насъ, Господи, отъ бѣды!" Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!" Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный святителями и всѣмъ клиромъ московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна. Увидѣли и другую непристойность. Вступивъ, за духовенствомъ въ Кремль и въ соборную церковь Успенія, Лжедмитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, ляховъ, венгровъ; чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма. Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ!..... Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: „о родитель любезный! ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи; но святыми твоими молитвами я цѣлъ и державствую!" Сіе искустное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: „то истинный Димитрій!" Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоановыхъ сѣлъ на престолъ государей московскихъ."

Вотъ какъ описываютъ торжество вступленія Димитрія въ Кремль нашъ безсмертный историкъ повѣствуя далѣе, что этотъ день и послѣдующіе дни были посвящены милостямъ, раздачи наградъ, прощенію ссыльныхъ при Го-

дуновѣ и преобразованіямъ государственной думы, введя въ нее кромѣ патріарха много другихъ духовныхъ чиновъ и назвавъ членовъ думы сенаторами.—Тогда же въ санъ патріарха, на мѣсто сверженнаго Іова, былъ избранъ грекъ Кипріанъ.

Вскорѣ принявъ свою мнимую мать инокиню Марфу и посѣтивъ ее въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, Самозванецъ 21 іюля 1605 года вѣнчался па царство, при чемъ многихъ изумило, что въ храмѣ православномъ раздалась рѣчь никому тогда незнакомая — латинская, коей привѣтствовалъ Лжедимитрія іезуитъ Николай Черниковскій.

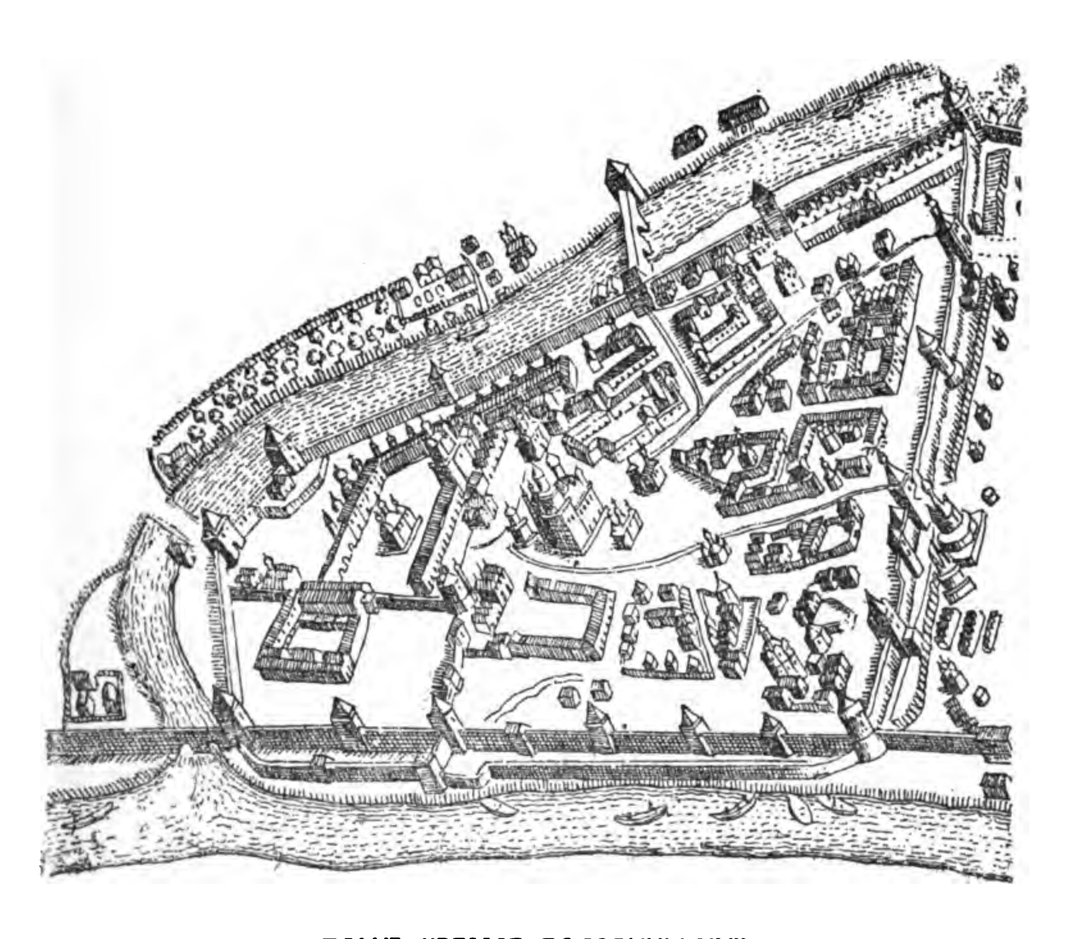
Занимаясь государственными дѣлами, Лжедимитрій все остальное свободное время посвящалъ забавамъ, охотѣ, стрѣльбѣ, осадамъ искуственныхъ крѣпостей; любилъ роскошь, богатство обстановки, пышность выѣздовъ, носилъ польскій костюмъ и вообще не покидалъ своихъ привычекъ, вполнѣ не свойственныхъ его новому положенію. — „Онъ, пишетъ Карамзинъ, сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какаго не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей, — а народъ не любитъ расточительности въ государяхъ, ибо страшится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ московскаго двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же металла. Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колѣсницъ и саней, окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ азіатскихъ его коняхъ, сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами; возницы, конюхи царскіе одѣвались какъ вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ кремлевскихъ, находя ихъ печальными, деревянный же дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный, Самозванецъ пост-

роилъ для себя ближе къ Москвѣ рѣкѣ, новый дворецъ, такъ-же деревянный, украсилъ стѣны шелковыми персидскими тканями, цвѣтныя израсцовыя печи — серебряными рѣшетками, замки у дверей — яркою позолотою, и въ удивленіе москвитянамъ передъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзались и бряцали: „чѣмъ Лжедимитрій", какъ сказано въ лѣтописи, „предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшную!"

Пренебрегая многими весьма существенными въ глазахъ народа обычаями Лжедмитрій нарушалъ обыденные уставы царской жизни и тѣмъ возбудилъ противъ себя много недовольныхъ. Къ тому же нововведенія его пугали бояръ, что и подготовляло послѣдующія событія. Явились уже обличители и между ними важнѣйшимъ былъ князь Василій Шуйскій, который, по доносу Басманова, былъ судимъ, пытанъ и приговоренъ къ смерти. Уже голова его лежала на плахѣ на Лобномъ мѣстѣ, но совѣты лицъ, окружавшихъ Лжедимитрія, спасли его и онъ былъ сосланъ, но даже не доѣзжая мѣста ссылки былъ возвращенъ назадъ и прощенъ. — Между тѣмъ въ Кремлѣ снова изъ Рима отъ папы Павла V-го, чрезъ нунція Рангони и посла Александра Рангони, шло благословеніе въ надеждѣ хотя теперь подчинить Риму православную церковь, но Лжедимитрій въ отвѣтѣ своемъ папѣ не промолвилъ ни слова о важнѣйшемъ для папы вопросѣ. Простя Шуйскихъ и творя другія милости, пируя на свадьбахъ, попирая обычаи русскихъ, отдавая предпочтеніе ве всемъ ляхамъ и иноземцамъ и тратя безумныя деньги, то ссоря ихъ въ Москвѣ, то посылая тестю и желая, какъ носился тогда слухъ, для пополненія казны даже отнять имущество монастырей, Лжедимитрій дошелъ до того, что дозволилъ іезуитамъ имѣть церковь въ самомъ Кремлѣ и лютеранскимъ пасторамъ говорить тамъ проповѣди. — Въ томъ же году 8 Мая происходила свадьба Самозванца: Карамзинъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „7-го Мая ночью невѣста вышла изъ монастыря Вознесенскаго, гдѣ она жила уже недѣлю у матери Димитрія царицы Марфы, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ, окруженной тѣлохранителями и дѣтьми боярскими, переѣхала

*

во дворецъ, гдѣ въ слѣдующее утро совершилось обрученіе по уставу нашей церкви и древнему обычаю; но вопреки сему уставу и сему обычаю въ тотъ же день, наканунѣ пятницы и св. праздника, совершился и бракъ, ибо Лжедмитрій не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ столовую палату княгиня Мстиславская и воевода Сендомірскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, дружка, братъ его и Григорій Нагой, сваха и весьма немногіе изъ бояръ. Марина усыпанная алмазами, яхонтами, была въ русскомъ красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьяновыхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ также, съ головы до ногъ, блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными; духовникъ царскій, благовѣщенскій протоіерей, читалъ молитвы; дружка рѣзалъ каравай съ сырами и разносилъ ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ бояре и сановники двора, знатные ляхи и послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость; два престола: одинъ для Самозванца, другой для Марины и князь Василій Шуйскій сказалъ ей: „наияснѣйшая великая государыня, цесаревна Марія Юрьевна! волею Божіею и непобѣдимаго самодержца, цесаря и великаго князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою, садись же на свой цесарскій тронъ и властвуй вмѣстѣ съ государемъ надъ нами.“ — Она сѣла. Вельможа Михаило Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадему. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ, а духовнику царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все приготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, вели жениха воевода Сендомирскій, а невѣсту княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и стрѣльцовъ, стольники, стряпчіе, всѣ знатные ляхи, чиновники свадебные, князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скипетромъ, Басмановъ съ державою; позади бояре, люди думные, дворяне и дьяки. Народу было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ, и началось священнодѣйствіе дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ

ПЛАНЪ КРЕМЛЯ, ПОЛОВИНЫ XVII.

Извлечено со снимка съ плана Москвы Готофреда, помѣщеннаго въ книгѣ г. Снегирева памятники Московской древности.

Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбіе, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ пазываемомъ чертожномъ мѣстѣ, сидѣли женихъ, невѣста и патріархъ: первый на золотомъ тронѣ персидскомъ, вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь, патріархъ ему отвѣтствовалъ и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, діадему и корону, (для чего сваха сняла головной уборъ или вѣнецъ невѣсты), ликъ пѣлъ многолѣтіе государю и благовѣрной цесаревнѣ Маріи, которую патріархъ на литургіи украсилъ цѣпью мономаховою, помазалъ и причастилъ."

„Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою царя, уже была вѣнчанною царицею, (не имѣла только державы и скипетра) духовенство и баяре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности. Наконецъ, выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, а протонопъ благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, царь и царица вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными, колокольнымъ звопомъ, но тихо народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, осыпавъ въ дверяхъ повобрачныхъ, золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ народнымъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали, (съ изображеніемъ орла двуглавого). Воевода Сендомирскій и немногіе бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ столовой палатѣ, но сидѣли не долго, встали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и князь Василій Шуйскій до постели. Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною; праздновали, и шумѣли одни ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго; время дѣйствовать наступило."

Надо сказать, что вообще взгляды Дмитрія возмущали бояръ; пренебреженіе, которое онъ обнаруживалъ по отношенію ко многимъ обычаямъ и формамъ, изстари сложившейся русской жизни, положительно навлекало на него ненависть, въ особенности духовенства и чиновныхъ людей.

Безъ сомнѣнія причиной тому были не столько самые взгляды Лжедмитрія, какъ тѣ перемѣны, которыя произвелъ онъ въ придворныхъ обычаяхъ. Перемѣны эти, когда многіе бояре лишились того, что они считали традиціонной принадлежностью своего именитого рода, безъ сомнѣнія весьма раздражали послѣднихъ, такъ какъ они лишились выгодъ и преимуществъ пріобрѣтаемыхъ при дворѣ долгимъ служеніемъ, пріобрѣтаемыхъ поколѣніями. Не могло нравиться конечно боярамъ, что Лжедмитрій не держалъ себя замкнуто, какъ до него держали себя всѣ московскіе великіе князья и государи; вмѣсто послѣобѣденнаго сна, которымъ пользовалась вся Россія, начиная отъ государя и до мѣщанина, „Лжедмитрій украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самъ-другъ, бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золоторямъ, аптекарямъ, а царедворцы, не зная гдѣ царь, вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились москвитяне, дотолѣ видавъ государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ.“

Къ этому времени, къ началу XVI столѣтія, по мѣрѣ увеличенія собственной силы Московскаго государства и его значенія по мѣрѣ увеличенія сношеній съ иноземными государями, обстановка московскаго государя дѣлалась все торжественнѣе и пышнѣе. Въ этой эпохѣ придворный этикетъ вылился уже въ точно опредѣленныя формы. Государевъ дворецъ въ Кремлѣ служилъ конечно центромъ придворной и государственной жизни. Вокругъ дворца, въ сѣняхъ, въ покояхъ болѣе приближенныхъ къ государевымъ, всегда долпились бояре, чиновные люди, причемъ строго соблюдались извѣстныя установленныя границы. Напримѣръ, были лица, которыя стояли только на дворѣ, не имѣя права входить въ зданіе дворца, послѣднимъ правомъ пользовались одни только придворные чины (служилые и дворовые люди), но и для тѣхъ, смотря по значенію каждаго, существовали извѣстныя границы. Не во всякое отдѣленіе дворца могли входить всѣ пріѣзжавшіе на государевъ дворъ. Бояре, окольничьи, думные и ближніе люди пользовались въ этомъ отношеніи бо́льшими преимуществами: они могли прямо входить даже въ верхъ, т. е. въ покоевые или жилые хоромы государя. Ближніе бояре „уждавъ время“ входили

даже въ комнату или кабинетъ царскій. Для прочихъ же чиновниковъ государевъ верхъ былъ совершенно недоступенъ. Стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины, собирались обыкновенно на постельномъ крыльцѣ, которе было единственнымъ мѣстомъ во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время съ полною свободою. Отсюда позволялось имъ входить въ нѣкоторыя палаты, прилегающія къ крыльцу, но при этомъ было чрезвычайно строго и точно опредѣлена для каждого чина особая палата. Московское царственное величіе создало, чрезвычайно строго соблюдавшійся придворный, этикетъ и всѣ служилые люди, бояре, думные дьяки и проч., каждое подраздѣленное сословіе имѣло и соблюдало свои строго установленныя границы по отношенію къ царю. И вдругъ въ этотъ строгій порядокъ съ этикетомъ все болѣе и болѣе удалявшимъ царя отъ общенія съ менѣе знатными, простыми людьми, отъ общенія съ народомъ Лжедмитрій внесъ нарушеніе, не только строгого порядка, но и всякого. Царь исчезалъ бояре дворцовые, комнатные, т. е. самые приближенные, слѣдовательно и самые знатные, должны были въ тревогѣ на улицѣ распрашивать и искать царя. Мы знаемъ какой страшый протестъ поднялъ противъ себя нововведеніями Петръ Великій, какую ожесточенную опозицію почти столѣтіе спустя возбудилъ противъ себя этотъ гигантъ мысли и дѣла, законный царь, твердо опиравшійся на свой престолъ—наслѣдіе своихъ отцовъ. Понятно, что не ничтожному самозванцу, какъ бы не были высоки его личныя качества, было справиться съ такой задечей, какъ ввести новыя формы въ свои царственныя отношенія. То что въ первомъ случаѣ произвело расколъ, то стоило жизни Лжедмитрію.

„У насъ, говорилъ Лжедмитрій, только обряды, смыслъ ихъ укрытъ. Вы поститесь поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, но никакого понятія не имѣете о сущности вѣры, считаете себя самымъ праведнымъ народомъ, а живете совсѣмъ не по христіански, мало любите другъ друга, и мало расположены творить добро. Зачѣмъ вы иновѣрцевъ презираетс?! Чтоже такое латинская лютеранская вѣра! Все такая христіанская, какъ и греческая.“ Безъ сомнѣнія эти рѣчи въ устахъ Лжедмитрія не могли ему снискать особенной

симпатіи бояръ, а въ особенности духовенства, которому онъ говорилъ тоже самое. Не смотря на то, что онъ придалъ духовенству большее значеніе въ дѣлѣ управленія государственными дѣлами: въ преобразованной имъ думѣ онъ указалъ засѣдать сверхъ патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и прежде бывало) четыремъ митрополитамъ, семи архіепископамъ и тремъ епископамъ, все таки духовенство косо смотрѣло на Лжедмитрія, въ особенности послѣ того какъ распространился слухъ, что онъ велѣлъ сдѣлать опись имѣнію и доходамъ монастырскимъ, съ цѣлью ограничить ихъ лишь необходимымъ для скромной жизни иноковъ, а остальное предоставить войску. Сильныя нареканія народа вызывали расточительность и безумныя траты Лжедмитрія. Народъ боялся новыхъ тяжелыхъ налоговъ.

Всѣми этими обстоятельствами съумѣлъ отлично воспользоваться Василій Ивановичъ Шуйскій. Тотъ самый Шуйскій, который при смутѣ народной, когда еще самозванецъ былъ внѣ Москвы, а прислалъ лишь грамоту и когда народъ недоумѣвалъ о дѣйствительной возможности спасенія царевича Дмитрія т. е. о томъ, что полученная имъ грамота была-ли отъ самозванца или отъ дѣйствительнаго царевича, Шуйскій когда его одного слова, какъ человѣка который—„разыскивалъ, когда царевича не стало,“ было бы достаточно, чтобы образумить толпу и заставить ее быть вѣрной семейству Годуновыхъ, тогда Шуйскій поджегъ ее слѣдующими словами и какъ бы совершилъ приговоръ надъ Годуновыми: „Борисъ послалъ убить Дмитрія царевича, но царевича спасли, а вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ.“ Безъ сомнѣнія это была ложь, такъ какъ церевичъ былъ убитъ днемъ и тѣло его лежало и всѣ могли видѣть и распознать истинный царевичъ убитъ или нѣтъ. Но Шуйскій, словамъ котораго повѣрила толпа, тогда произнесъ приговоръ Годуновымъ. Теперь, тотъ же Шуйскій, недовольный тою ролью, какая выпала на его долю, при новомъ царѣ сталъ во главѣ заговора, исходя изъ совершенно противуположныхъ мотивовъ чѣмъ тѣ, которыя онъ тогда объявилъ всенародно съ лобнаго мѣста. Шуйскій, помилованный уже разъ Дмитріемъ, за распространеніе слуховъ объ его самозванствѣ, почти въ моментъ совершенія казни и вполнѣ имъ прощенный, видя, что слухами нельзя свергнуть Дмитрія съ престола и поко-

лебать довѣріе къ нему и симпатіи народа, не смотря даже на нарушеніе старины и нѣкоторыхъ обрядностей религіи, (такъ Дмитрій въ великій постъ ѣлъ телятипу) составилъ, заговоръ во главѣ котораго стояли кромѣ него еще князья В. В. Голицынъ и И. С. Куракинъ. Условившись съ знатными заговорщиками, Шуйскій сталъ подбирать партію изъ народа и привлекъ на свою сторону полки Новгородцевъ и Псковичей, которые, числомъ около 18 тыс., расположены были вокругъ Москвы готовые къ походу въ Крымъ. Но все таки, несмотря на весь образъ жизни царя, который такъ вооружалъ противъ себя, какъ бояръ и духовенство, такъ и народъ, заговорщики не надѣялись на симпатіи большинства населенія и рѣшили произвесть переворотъ, обманувъ народъ, говоря что поляки бьютъ царя и подъ этимъ предлогомъ окружить и самимъ его убить. Лжедмитрій, по отзыву историковъ велъ себя крайне неосторожно, не смотря на распространявшіеся слухи, что готовится что-то не доброе. Лжедмитрій не только не слушалъ доносчиковъ, сообщавшимъ ему тревожныя вѣсти, но велѣлъ ихъ даже наказывать. Въ это время приверженцы Шуйскаго распространяли самые чудовищные слухи о Лжедмитріѣ, въ родѣ того, что онъ хочетъ съ поляками избить всѣхъ бояръ и подѣлить съ Польшею московскія области и ввести латинство.

Въ ночь съ 17 на 18 мая новгородскіе и псковскіе полки заняли всѣ 12 воротъ города и не пускали никого, ни въ Кремль, ни изъ Кремля. Около 4-хъ часовъ утра московскіе колокола разомъ заговорили. Толпы народа также и преступники, выпущенные изъ тюремъ, вооруженные чѣмъ попало, хлынули на Красную площадь, гдѣ находилось около 200 бояръ, верхомъ, въ полномъ вооруженіи; толпѣ объявили что Литва бьетъ бояръ, хочетъ убить царя. Шуйскій не дожидаясь, пока много пароду соберется на площадь, въ сопровожденіи приближенныхъ заговорщиковъ въѣхалъ въ Кремль чрезъ нынѣшнія Спаскія ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечь. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ взошелъ въ него, приложился къ образу Владимірской Богородицы и сказалъ окружающимъ: „во имя Божія идите па злого еретика.“ Между тѣмъ во дворцѣ слыша набатъ, тревожились, предполагая что пожаръ, а Басмановъ, посланный узнать въ чемъ дѣло, встрѣтилъ бояръ, ругающихъ

и требующихъ самозванца. Басмановъ былъ убитъ. Дмитрій хотѣлъ было защищаться, но видя безполезность, своихъ усилій и предупредивъ Марину, чтобы она спасалась, бѣжалъ въ каменный дворецъ. Но, перебераясь по подмосткамъ, построеннымъ для брачнаго празднества, онъ споткнулся и упалъ съ высоты 15 саженъ. Крики и стоны упавшаго Дмитрія услышали стрѣльцы и принесли его во дворецъ и даже хотѣли было его защищать, но Шуйскій съ боярами пригрозилъ стрѣльцамъ, что они велятъ перебить ихъ женъ и дѣтей, жившихъ на стрѣлецкой слободѣ. Выданный стрѣльцами Лжедмитрій былъ убитъ клевретами Шуйскаго. Между тѣмъ на женской половинѣ прибывшіе бояре прекратили происходившія тамъ сцены грабежа и безстыдства и поставили стражу для защиты женщинъ и Марины отъ насилій. Такимъ образомъ палъ первый Лжедмитрій.

Толпы мятежниковъ, убивши Басманова и Лжедмитрія, избили до сотни музыкантовъ и пѣсенниковъ, жившихъ въ Кремлѣ близь царскаго дворца. Въ то же время толпы разъяреннаго народа свирѣпствовали въ Китай-городѣ и въ другихъ частяхъ Москвы истребляя безъ милосердія „ненавистныхъ ляховъ.“

Съ 3-хъ часовъ утра до 11 вечера шла дикая безчеловѣчная расправа. Шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ умолку, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, отчаянныя вопли избиваемыхъ и крики остервенѣвшейся черни: сѣки, руби поляковъ...

Часть Золотой рѣшетки въ Теремахъ.

IV.

Время Шуйскаго и Лихолѣтіе Русской земли.

Воцареніе Шуйскаго. — Волненія въ московскомъ государствѣ. — Новые самозванцы. — Бояре, дворяне и служилые люди той эпохи. — Разложеніе общества. — Скопинъ Шуйскій. — Встрѣча, его смерть и погребеніе. — Сверженіе Шуйскаго. — Вступленіе Жолкѣвскаго въ Москву. — Кремль въ рукахъ поляковъ. — Провозглашеніе Владислава царемъ московскимъ. — Посольство митрополита Филарета. — Отъѣздъ изъ Кремля Жолкѣвскаго. — Первое народное ополченіе и его неудачи. — Второе ополченіе. — Князь Пожарскій и Мининъ. — Сдача Кремля поляками. — Выборъ Михаила Ѳеодоровича Романова на царство.

Со времени убіенія Лжедмитрія прошло два дня. Большинство московскихъ жителей, умѣренная, охранительная спокойная масса народонаселенія не была довольна. Она чувствовала себя обманутой. Лжедмитрій былъ свергнутъ заговоромъ, скопомъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія всей Москвы. Многіе

были за Лжедмитрія. Многіе взялись за оружіе при извѣстіи, что поляки бьютъ царя, прибѣжали въ Кремль спасать государя отъ рукъ ненавистныхъ поляковъ и видятъ трупъ его обезображенный, поруганный не поляками, а русскими.

19 мая произошло избраніе на царство Шуйскаго. Немедленно послѣ избранія повый царь пошелъ въ Успенскій соборъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что ему „не осудя истинннымъ судомъ съ боярами, никого не казнить, пе лишать имѣній, а также не слушать ложныхъ доносчиковъ.“ Шуйскій не выждалъ пока соберутся выборные земскіе люди всего московскаго государства, которые конечно его бы выбрали, такъ какъ серьезныхъ претендентовъ на престолъ не было кромѣ него. Василій Шуйскій былъ слишкомъ нетерпѣливъ. Въ избраніи его не участвовали даже многіе знатные бояре, которые тогда были въ отсутствіи. Недостатокъ такой законности въ избраніи, безъ сомнѣнія, въ значительпой степени помогъ и осложнилъ тѣ междоусобицы, которыя вскорѣ начались. Кремль не видѣлъ ни празднествъ, ни торжественныхъ церемоній, которыми, по освященному вѣками обычаю, сопровождается коронованіе государей Россіи. Въ церквахъ не думали въ день сверженія Самозванца торжественнымъ молебномъ благодаритъ Всевышняго: храмы были затворены, и послѣ такого бурнаго дня низверженія Дмитрія, настала ночь совершенно тихая, казалось, говорятъ севременники, что Москва вдругъ опустѣла. Масса людей умѣренныхъ молчала, потому что не питала сочувствія ни къ одному явленію, ни къ убійству Лжедмитрія, ни къ выбору Шуйскаго. Но уже существовала другая партія людей, озлобленныхъ выборомъ Шуйскаго. Произволу людей безпокойныхъ открывалось широкое поприще, а представители общества, — люди не разрознившіе своихъ интересовъ отъ интересовъ общественныхъ, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на что опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себя главой государства. Тогда же вскорѣ патріархомъ былъ выбранъ знаменитый въ исторіи Россіи—Гермогенъ, который составлялъ прежде еще оппозицію Лжедмитрію за что и былъ сосланъ послѣднимъ. Но Гермогенъ, обладая высокими душевными качествами, преданностью православной религіи, порядку и законности,

имѣлъ весьма жесткій и крутой характеръ, такъ что не смотря на то, что Гермогенъ готовъ былъ защищать и всегда защищалъ царя вѣнчаннаго, но лично съ нимъ находился далеко не въ хорошихъ отношеніихъ. Сдѣлавшись царемъ Шуйскій разослалъ воеводами въ отдаленныя мѣстности знатныхъ бояръ приверженцевъ и сторонниковъ Дмитріевыхъ. Такъ были сосланы въ отдаленные города Рубецъ Мосальскій, Власьевъ, Салтыковъ и Богданъ Бѣльскій. Но ихъ ссылка туда ознаменовалось конечно возмущеніемъ противъ царя Шуйскаго. Такъ, тотчасъ послѣ убіенія Дмитрія, явилась уже вѣсть объ его спасеніи и объ его избавленіи отъ угрожавшей ему опасности отъ московскаго заговора. Мосальскій уѣзжая изъ Москвы уже думалъ о второмъ Самозванцѣ и съ этою цѣлью захватилъ печать Дмитріеву, которую потомъ и прикладывалъ къ грамотамъ отъ имени Дмитрія. Начиналась смутная эпоха ложныхъ царей. Появился цѣлый рядъ самозванцевъ: Петровъ и Дмитріевъ. Какъ для государства спокойнаго, благоустроеннаго, государь, правительство не можетъ умереть (mort le roix, vive le roix), и такъ для тогдашняго русскаго общества, потрясеннаго въ своихъ основахъ, долго не могъ умереть самозванецъ. Въ самомъ дѣлѣ еще кровавый трупъ перваго Самозванца лежалъ на Красной площади, а уже появились новые.

Вокругъ Кремля, резиденціи Шуйскаго, по всей Россіи начинаются волненія и колебанія то въ сторону Василія, Ивановича то на сторону самозванцевъ.

Вообще всѣ русскіе города были въ недоумѣніи, самая грамота объ избраніи Шуйскаго царемъ болѣе способствовала волненіямъ, чѣмъ разъясняла недоумѣнія; грамота извѣщала о гибели Гришки Отрепьева, который назывался Дмитріемъ. Давно ли ихъ оповѣщали, что Годуновъ свергнутъ истиннымъ царемъ Дмитріемъ, теперь увѣряютъ, что этотъ Дмитрій былъ обманщикъ, злодѣй и еретикъ. Говорилось въ грамотѣ, что новый царь избранъ, по приговору всѣхъ людей московскаго государства, а знали, что отъ нихъ не было людей для этого избранія. Все это заставляло города сомнѣваться, чѣмъ и можетъ быть объясненъ, тотъ легкій успѣхъ съ какимъ города, одинъ за другимъ, отпадали отъ Москвы и присоединялись къ тушинскому вору, такъ на-

званъ былъ второй самозванецъ, собравшій большое войско, состоявшее кромѣ мятежныхъ жителей изъ запорожцевъ и поляковъ. Легкая нажива многихъ изъ этихъ лицъ, которымъ удалось поставить въ Москвѣ перваго Лжедмитрія, соблазняла весьма многихъ, чѣмъ и объясняется та удача, съ какой самозванецъ набралъ довольно значительное войско. Подъ знамена самозванца собрались: знаменитый наѣздникъ Лисовскій, бѣжавшій отъ смертной казни, Янъ Сапѣга, осужденный въ своемъ отечествѣ за буйство, именитые польскіе паны, шляхта, запорожцы и донскіе казаки, послѣдніе подъ начальствомъ Заруцкаго. Начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ былъ гетманъ Рожинскій. Весь этотъ сбродъ смотрѣлъ на войну, какъ на средство разжиться, поправить свои дѣла.

Особенно поправились дѣла самозванца, когда онъ перехватилъ Мнишека и его дочь, бывшую царицу, жену перваго Лжедмитрія, которые возвращались изъ Кремля въ Польшу, въ силу переговоровъ съ королемъ Сигизмундомъ. Жажда къ наживѣ со стороны Мнишекъ, честолюбіе бывшей царицы, которой не хотѣлось возвращаться простой смертной въ свое отечество, испытавъ царственныя почести и почетъ, были причиной того, что и они признали самозванца. Это сильно помогло успѣху самозванца. Многихъ колебавшихся еще признать его царемъ это убѣдило. Сѣверные города стали одинъ за другимъ сдаваться ему. Положеніе Шуйскаго на тронѣ становилось все болѣе шаткимъ. Послѣ того какъ было разбито Лисовскимъ войско, высланное Василіемъ, чтобы помѣшать Сапѣгѣ идти въ Троицко-Сергіевскую лавру, бѣды и невзгоды преслѣдуютъ окончательно Шуйскаго. Служилые люди стали самовольно разъѣзжаться изъ царской рати, по своимъ помѣстьямъ, боясь за своихъ женъ и дѣтей. Многіе задумывались кому лучше служить тушинскому ли царьку (какъ прозвали самозванца) или московскому полу-царю?

Между тѣмъ Шуйскій, видя, что надъ нимъ гнѣвъ Божій, обращался то къ молитвѣ, то къ гадальщицамъ, то безпощадно казнилъ измѣнниковъ, то заявлялъ москвичамъ, что они вольны служить кому угодно. Москвичи клялись ему въ вѣрности, и часто на другой же день бросали его и поступали на службу въ Тушино. Побывши тамъ, воз-

вращались съ повинною головою къ Шуйскому, получали отъ него жалованье, а черезъ нѣсколько времени снова ѣхали въ Тушино, чтобы получить награду отъ тушинскаго царя. Перебѣгали изъ Москвы въ Тушино и обратно разъ по пяти, по шести, а нѣкоторые оставаясь на службѣ въ Москвѣ у Шуйскаго, отпускали своихъ сыновей или родичей на службу къ самозванцу.

Такимъ образомъ на Руси образуются двѣ резиденціи. Кремль раздѣлилъ свое значеніе съ ничтожной деревенькой Тушино, гдѣ находился другой царь, деревенькой—въ семи верстахъ отъ Москвы и нынѣ существующей.

Шуйскій въ Кремлѣ хотя и имѣлъ престолъ царя выбраннаго, самъ по себѣ не обладалъ качествами необходимыми Вѣнценосцу въ особенности въ такое смутное время шатанія мыслей и не особенной преданности къ нему. Ни внѣшнимъ видомъ, ни щедростью онъ не могъ ровняться съ Годуновымъ, память о которомъ хранилась еще. Онъ былъ хитрый, не взрачный и притомъ скупой старикъ.

Между тѣмъ самозванецъ обѣщалъ всѣмъ, добровольно приходящимъ къ нему, „охранныя грамоты“, по которымъ они освобождались отъ всякихъ податей. Этимъ обѣщаніямъ особенно поддавалась городская чернь и крестьяне.

Однако грабежи, насилія и поборы клевретовъ самозванца возрастали все болѣе и болѣе что вызвало противъ него большое неудовольствіе; но Шуйскій не могъ воспользоваться этимъ движеніемъ противъ самозванца, какъ не могъ воспользоваться безпорядками и мятежами въ тушинскомъ лагерѣ. Онъ самъ еле держался на престолѣ въ Кремлѣ, и если держался, то благодаря тому, что лучшіе русскіе люди, которымъ было дорого отечество, стояли за Шуйскаго, вполнѣ сознавая, что предаться Тушинскому царьку, значитъ погубить родную землю.

Одно время казалось счастье улыбнулось Василію Ивановичу. Въ началѣ междоусобія, шведы боясь усиленія во время смутъ польскаго короля, на счетъ Россіи, предложили свою помощь Шуйскому, но тогда царь гордо отказался, предполагая справиться съ мятежниками собственными силами. Теперь самъ Шуйскій отправилъ своего племянника въ Новгородъ, съ тѣмъ чтобы онъ попросилъ помощи у шведовъ для усмиренія мятежниковъ. Дѣйствительно со

шведами былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго шведское войско вошло въ Новгородъ подъ начальствомъ Делагарди, весьма талантливаго человѣка, съ которымъ Скопинъ Шуйскій скоро подружился.

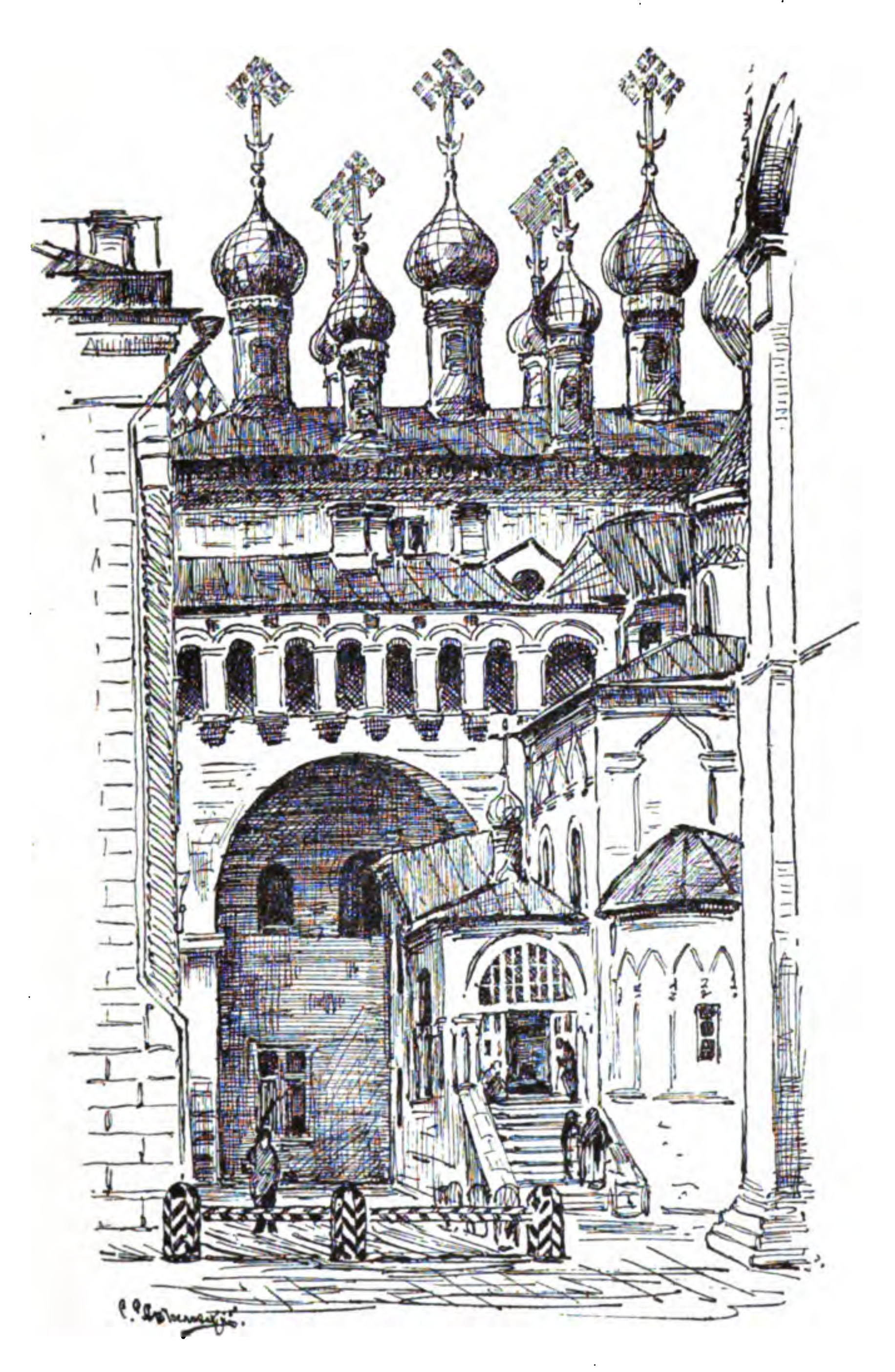
Самъ герой Скопинъ, человѣкъ самоотверженный, безупречный, горячо вѣрилъ и хотѣлъ освобожденія русской земли отъ самозванцевъ и мы видимъ эту вѣру, это самоотверженіе, уже раздѣляемыми нѣкоторыми городами и монастырями. Монастыри присылали ему всю свою казну; шли пожертвованія изъ городовъ, жертвовали купцы. Не смотря на то, что у Сконина было весьма не большое войско новобранцы, Скопинъ занялъ Переяславль и взялъ Александровскую слободу. Сюда, съ главными силами двинулся гетманъ Рожинскій, начальникъ тушинскаго войска, но былъ разбитъ Скопинымъ въ кровопролитной битвѣ.

Успѣхи Скопина, его геройство, его молодость и привлекательность создали ему массу приверженцевъ и болѣе пылкіе люди, каковъ напр. Прокопій Ляпуновъ, въ то время рязанскій воевода, предлагалъ ему царство, что съ негодованіемъ отвергъ Скопинъ, оставаясь вѣрнымъ присягѣ своему дядѣ. Но самъ Василій Шуйскій началъ смотрѣть подозрительно на племянника, на его блестящіе успѣхи, не смотря на то, что въ немъ одномъ было его спасеніе, что дѣйствительно и подтвердили дальнѣйшія событія.

Въ то время какъ Скопинъ готовился разгромить тушинскій лагерь, польскій король Сигизмундъ, задумалъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Россіи. Съ одной стороны союзъ Москвы съ Швеціей подстрекалъ его къ вмѣшательству въ дѣла Россіи, съ другой стороны подталкивали его на это дѣло послы, увѣряя его, что съ Россіей будетъ легко справиться. 21 Сентября 1609 г. Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ. Осада началась и продолжалась весьма неудачно.

Въ это время положеніе самозванца было весьма плохое. Сапѣга и Лисовскій безплодно уже годъ осаждали Троицко-Сергіевскую Лавру, выказавшую столько горячаго патріотизма и любви къ отечеству. Скопинъ уже занялъ Переяславль, гналъ тушинскіе отряды и вскорѣ разбилъ Рожинскаго.

Вѣсть о выступленіи Сигизмунда и объ осадѣ Смоленска

Церковь Спаса за золотой рѣшеткой и часовня Печерской Божіей Матери со стороны Соборной площади.

въ тушинскомъ лагерѣ была встрѣчена пеблагопріятно. Поляки роптали на короля, который хочетъ воспользоваться произведенными ими смутами въ Россіи, такъ дорого имъ доставшимися, чтобы вкусить легкую побѣду и сопряженныя съ нею выгоды. Начались волненія, усилившіяся послѣ пріѣзда пословъ отъ Сигизмунда къ полякамъ—звать ихъ на царскую службу. Положеніе самозванца становилось очень опаснымъ, онъ боялся что его выдадутъ врагамъ. Онъ хотѣлъ еще раньше уѣхать изъ Тушина, но поляки не пустили его, теперь-же переодѣвшись крестьяниномъ, тайно бѣжалъ въ Калугу. Чрезъ нѣкоторое время Марина въ мужской одеждѣ также бѣжала за мужемъ. Тушинскій станъ распался безъ царька. Рожинскій и другіе паны перешли на службу къ Сигизмунду.

Москва вздохнула свободнѣе освободившись отъ Тушинскаго вора. Отовсюда везли въ нее припасы, въ которыхъ она такъ сильно нуждалась, особенно въ хлѣбѣ, цѣна па который была весьма высока. Давно уже Москва и Кремль представляли одно унылое зрѣлище. Ни сверженіе самозванца, ни воцареніе Шуйскаго не сопровождались дружнымъ взрывомъ народнаго удовольствія, народнаго торжества. Но 12 марта 1610 года было настоящимъ народнымъ торжествомъ. Москва съ небывалой радосью и торжественностью встрѣчала своего любимца, Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Недавнее освобожденіе Троицко-Сергіевской лавры, такъ какъ Сапѣга снялъ осаду, благодаря Михаилу Скопину, еще болѣе возбуждало народъ къ благодарности Скопину, въ которомъ справедливо видѣли спасителя отечества. Скопинъ торжественно вступилъ въ столицу. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ другъ его Делагарди. Толпы народа встрѣчали Скопина еще за городомъ. Бояре поднесли ему хлѣбъ-соль. Народъ величалъ его въ слухъ освободителемъ земли и своимъ избавителемъ, кланяясь ему въ землю. Самъ царь Василій со слезами на глазахъ обнималъ и цѣловалъ его предъ всѣмъ народомъ. Начались пиры. Царь угощалъ шведовъ, дарилъ ихъ. Хлѣбосольные москвичи наперерывъ приглашали къ себѣ иноземцевъ и всячески ихъ чествовали. Но празднество продалжалось недолго.

Зависть, клевета сдѣлали свое дѣло. Царь опасался вручить войско Скопину, для преслѣдованія мятежниковъ, для

отраженія поляковъ и водворенія спокойствія. Популярность Скопина, пугала подозрительнаго Шуйскаго, при томъ же любовь и симпатіи народа слишкомъ явно высказывались; даже провозглашали вслухъ, что слѣдуетъ быть Скопину царемъ, а не Василію Шуйскому. Особенно не любилъ Скопина и завидовалъ ему другой братъ Шуйскаго, Дмитрій, человѣкъ завистливый, но далеко не талантливый, который предполагалъ наслѣдовать престолъ послѣ бездѣтнаго Василія. Но Василій Шуйскій не уступилъ симпатіямъ народа, не передалъ добровольно вѣнца достойному мужу и не довѣряя Скопину, медлилъ вручить ему войско для дальнѣйшихъ побѣдъ. За это какъ увидимъ далѣе, Шуйскій дорого поплатился. Прошло немного болѣе мѣсяца послѣ того, какъ отрада и надежда народа Скопинъ въѣхалъ въ Москву и народъ торжественно встрѣчалъ его, такъ теперь народъ печальный, въ отчаяніи провожалъ его хладное тѣло. На крестинахъ у князя Воротынскаго, Шуйскому сдѣлалось дурно и черезъ нѣсколько дней его не стало. Вѣсть эта какъ громомъ поразила народъ, приписавшаго смерть Скопина отравѣ его кумой, женой Дмитрія Ивановича Шуйскаго. Безчисленныя толпы народа тѣснились около гроба. Громко рыдалъ и царь Василій Ивановичъ,—хоронилъ онъ своего знаменитаго воеводу, надежду русской земли, свѣтлый метеоръ среди темной и смутной годины,—хоронилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю свою опору. Весьма характерны слова Делагарди: „Московскіе люди, говорилъ онъ со слезами на глазахъ, глядя на тѣло Скопина, не только па Руси вашей, но и въ землѣ моего государя не видать мнѣ такого человѣка.“ Древній Архангельскій соборъ въ Кремлѣ и теперь хранитъ драгоцѣнные останки этого великаго человѣка среди гробницъ царей—властелиновъ Россіи.

Между тѣмъ появленіе Сигизмунда подъ Смоленскомъ и побѣдоносное движеніе Скопина къ Москвѣ разсѣяло тушинское скопище. Положеніе служилыхъ людей и бояръ, бывшихъ на сторонѣ самозванца было очень затруднительно. Они не могли надѣяться на милость Шуйскаго, который щадилъ передававшихся бояръ во время силы врага, а не теперь; поэтому русскіе тушинцы рѣшились искать милости у польскаго короля. Въ Январѣ 1610 года къ Сигизмунду явилось посольство: знатные бояре, дьяки, дворяне. Миха-

илъ Ивановичъ Салтыковъ и дьякъ Грамотинъ были во главѣ посольства. Торжественно принималъ Сигизмундъ пословъ. Послы эти, выражавшіе въ дѣйствительности лишь желаніе русскихъ измѣнниковъ, говорили отъ имени всего московскаго народа, высказывая желаніе отдаться подъ покровительство Сигизмунда и ввѣрить ему свою участь, при чемъ высказали, что московскіе люди бьютъ челомъ королю и хотятъ возвести на московскій престолъ сына его королевича Владислава, съ тѣмъ только, чтобы король не нарушалъ святой вѣры греческаго закона, которую столько вѣковъ блюли московскіе люди.

Скоро между королемъ и самозваннымъ посольствомъ былъ заключенъ договоръ, по которому королевичу предоставлялась ограниченная царская власть;—„чтобы перемѣна законовъ зависѣла отъ бояръ и всей земли и царь не казнилъ никого не осудя прежде съ боярами и думными людьми“ а также, чтобы Владиславъ вѣнчался на царство по старому обычаю“. Между тѣмъ московскій царь, который медлилъ всё отправить войско на Сигизмунда, послѣ смерти Скопина, пріобрѣлъ еще большее нерасположеніе народа, такъ какъ народъ, хотя и несправедливо приписывалъ смерть Скопина брату царя Дмитрію Ивановичу Шуйскому и самому царю. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ произошелъ мятежъ, но былъ утишенъ патріархомъ Гермогеномъ. Послѣ же того, какъ Жолкѣвскимъ было разбито ополченіе, посланное противъ Сигизмунда подъ начальствомъ неискуснаго и нелюбимаго вождя царскаго брата Дмитрія Шуйскаго, это неудовольствіе высказывается вполнѣ явно.

Жолкѣвскій разбилъ московскую рать на голову. Дмитрій Шуйскій и другіе воеводы позорно бѣжали. Послѣ же побѣды Жолкѣвскій двинулся къ Москвѣ, повсюду провозглашая королевича Владислава царемъ. Городъ за городомъ сдавались ему и онъ приближался къ Москвѣ, къ которой спѣшилъ и самозванецъ изъ Калуги; 11-го іюля онъ сталъ въ Коломенскомъ селѣ. Онъ предполагалъ, что Москва, въ крайности скорѣе признаетъ царемъ его, чѣмъ Владислава. Москва волновалась; съ одной стороны грамоты Жолкѣвскаго обѣщали миръ, тишину и всякую благодать, съ другой стороны, люди, преданные самозванцу, мутили народъ. Многіе, не желавшіе повиноваться Шуйскому, не хотѣли попасть и

въ руки самозванца и уговорились тайно съ тушинцами, что тѣ покинутъ самозванца, а москвичи свергнутъ съ престола Шуйскаго, чтобы выбрать всей землей новаго царя.

И вотъ Кремль становится свидѣтелемъ еще небывалаго въ немъ событія. 17 іюля за Москвою рѣкою собралась большая сходка. Бояре и всякій людъ приговорили: бить челомъ Василію Ивановичу, чтобы онъ царство оставилъ. Шуйскій долженъ былъ отказаться отъ власти и переѣхать изъ дворца въ свой боярскій домъ. Но услышавъ, что тушинцы не думаютъ свергнуть самозванца, многіе пожалѣли, что поступили съ несчастнымъ Шуйскимъ такъ сурово и вновь хотѣли признать его царемь. Тогда Захаръ Ляпуновъ и другіе опасаясь, чтобы этого не случилось, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, отправились въ домъ Шуйскаго и насильно постригли его въ монахи. Ляпуновъ держалъ Шуйскаго, а князь Тюфякинъ произносилъ за него обѣты, постригли также и его жену. Шуйскаго отвезли въ Чудовъ монастырь, но чаша страданія несчастнаго царя казалось еще не переполнилась. Судьбѣ было угодно, чтобы онъ въ качествѣ плѣнника былъ привезенъ къ Сигизмунду въ Варшаву и вдали отъ родины кончилъ свою печальную, полную тревогами жизнь.

Послѣ сверженія Шуйскаго верховная власть перешла къ государственной думѣ, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ. Не смотря на то, что во всѣ города изъ Москвы были разосланы грамоты, о томъ что Шуйскій, внявъ челобитью земли русской, оставилъ государство и міръ для спасенія отечества и что Москва не цѣловала креста на подданство ни тушинскому вору, ни Сигизмунду, но что всѣ русскіе, возставъ, должны уничтожить враговъ и избрать царя. Не смотря на это въ Москвѣ не было вовсе единодушія. Чернь стояла за самозванца; бояре и дворяне и слышать не хотѣли о тушинскомъ ворѣ, который возбуждалъ противъ нихъ чернь. Такимъ образомъ мы видимъ Шуйскаго въ Кремлѣ сперва бояриномъ, потомъ здѣсь-же присужденнаго къ смертной казни, за тѣмъ на престолѣ въ Кремлѣ, его насильное постриженіе, пріѣздъ снова въ Кремль же—въ рясѣ монаха, потомъ отправляющаго въ качествѣ плѣнника къ Сигизмунду и наконецъ тотъ же Кремль принимаетъ уже только остатки его и хранитъ доселѣ въ Архангельскомъ соборѣ.

Фотогр. Художн. Панова, въ Москвѣ, д. Кр. Общ.

Малая золотая палата въ теремахъ.

Въ это время, не смотря на то, что чисто русская партія не думала о польскомъ королевичѣ, а хотѣла имѣть своего русскаго, православнаго государя, тѣмъ не менѣе московскіе бояре заключили договоръ съ стоявшимъ подъ стѣнами Москвы гетманомъ Жолкѣвскимъ. Послѣ подписанія договора обѣими сторонами, бояре и народъ присягнули Владиславу. Кремль такимъ образомъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ измѣну бояръ, которые перешли на сторону иноземнаго королевича, лишь бы избѣжать тушинскаго вора, стоявшаго также подъ Москвой и удалившагося въ Калугу, послѣ этого соединенія русскихъ съ поляками. Между тѣмъ въ Кремлѣ идутъ дѣятельные переговоры съ Жолкѣвскимъ, благодаря вліянію котораго составляется великое посольство, при чемъ послами избираются наиболѣе вліятельные люди и наиболѣе опасные для польской партіи. Въ немъ принимали участіе митрополитъ Филаретъ Никитичъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Гетманъ уже зналъ о желаніи Сигизмунда подчинить себѣ московское государство и разсчитывалъ удалить изъ Москвы столь вліятельныхъ лицъ. Симпатіи московской черни, по прежнему, были на сторонѣ втораго самозванца и бояре опасаясь народныхъ мятежей и дѣйствуя уже заодно съ поляками пригласили Жолкѣвскаго занять столицу своимъ войскомъ. Кремль, такимъ образомъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ поляковъ, но увидѣлъ ихъ какъ друзей, единомышленниковъ и союзниковъ. Но скоро Кремль, занятый поляками, представлялъ зрѣлище совершенно противуположное: поляки съ боярами, также засѣвшими въ Кремлѣ, выдерживаютъ осаду, сначала перваго, а потомъ и втораго народнаго ополченія. Наконецъ Жолкѣвскій, видя безуспѣшность переговоровъ между Сигизмундомъ и московскими боярами, передавъ начальство надъ войскомъ и надъ Кремлемъ Гонсѣвскому, самъ уѣзжаетъ къ стану Сигизмунда, стоявшему тогда подъ Смоленскомъ, думая личнымъ присутствіемъ способствовать успѣху дѣла. Уѣзжая къ королю Сигизмунду, онъ беретъ съ собою бывшаго московскаго царя Василія Ивановича Шуйскаго съ его братомъ Дмитріемъ.

Между тѣмъ земля русская поднимается со всѣхъ сторонъ. Городъ за городомъ собираютъ казну и рать. Въ это время, не смотря на то, что Кремль съ жившими тамъ поляками и боярами защищаетъ интересы польскихъ

претендентовъ на московскій престолъ, — въ немъ же, въ Кремлѣ-же находится и дѣйствительный защитникъ русскаго православія, дѣйствительныхъ интересовъ народа. Патріархъ Гермогенъ, находясь вполнѣ въ рукахъ поляковъ, окруженный злобой московскихъ измѣнниковъ, не побоялся громко поднять голосъ противъ иноземнаго государя чуждой вѣры и противъ пребыванія поляковъ въ Кремлѣ, въ мѣстѣ нахожденія святынь московскихъ. Въ эту смутную эпоху патріархъ смѣло и храбро отстаиваетъ интересы православія, высшимъ представителемъ которыхъ онъ былъ. Еще бывши митрополитомъ казанскимъ, онъ попалъ въ опалу къ Лжедмитрію 1-му, когда твердо настаивалъ, чтобы его невѣста Марина Мнишекъ приняла православіе до своего вѣнчанія. Послѣ убіенія Лжедмитрія, онъ былъ выбранъ патріархомъ, и теперь, въ годы всеобщаго колебанія и шаткости умовъ являлся опять таки непоколебимымъ защитникомъ интересовъ вѣры и отечества. Изъ Кремля громко раздавался голосъ святителя непреклонной воли и непоколебимой честности. Онъ смѣло возставалъ противъ поляковъ и Гермогеномъ изъ Кремля разсылались грамоты разнымъ городамъ, разрѣшавшіе отъ присяги Владиславу и призывавшія ихъ къ возстанію. Эти грамоты святителя имѣли громадное вліяніе. Понятно, что полякамъ и московскимъ боярамъ не были пріятны грамоты Гермогена, призывавшія къ сверженію иноземцевъ. Патріархъ, окруженный въ Кремлѣ людьми, предавшимися польскимъ интересамъ, не переставалъ поучать приходившую къ нему паству. Поляки принуждали его подписать указъ къ московскимъ посламъ, чтобы они уступили волѣ Сигизмунда, но Гермогенъ конечно отказался. Одинъ изъ измѣнниковъ бояръ — Салтыковъ бросился съ ножемъ на патріарха, но крестное знаменіе святителя заставило его отпрянуть: „крестъ—мое единственное орудіе противъ твоего ножа. Ты же будь проклятъ во вѣки отъ нашего смиренія!“ сказалъ Гермогенъ Салтыкову.

На другой день патріархъ говорилъ въ соборной церкви проповѣдь. Поляки окружили церковь, чтобы не допустить сборища народа, но нѣкоторые все таки успѣли пройти. Патріархъ увѣщевалъ ихъ твердо стоять за вѣру, сноситься съ другими городами и указывалъ имъ на измѣнниковъ и предателей. Послѣ этого патріарха заключили

подъ стражу и тѣмъ еще болѣе усилили впечатлѣніе его живыхъ словъ, тѣмъ еще болѣе усилили въ пародѣ русскомъ желаніе избавиться отъ иноземцевъ, постоять за православную русскую вѣру, выбрать себѣ самимъ своего царя. Это желаніе еще болѣе опредѣлилось и сдѣлалось вполнѣ яснымъ послѣ убіенія втораго самозванца. Марина, хотя вскорѣ родила сына и домогалась и для него и для себя московскаго престола, но уже для земли русской эта полька и ея сомнительный сынъ были не страшны.

Кремль также получилъ отъ своихъ пословъ грамоту о томъ, что Сигизмундъ не хочетъ давать своего сына Владислава на престолъ месковскій, а хочетъ прямо завладѣть всей русской землей. Въ этой грамотѣ говорилось: „у нихъ въ Литвѣ, на сеймѣ, положено, чтобы вывести лучшихъ людей и опустошить всю землю и завладѣть всей землей московской. Ради Бога положите крѣпкій совѣтъ напишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо то, чтобы всею землею, сообща стать за православную вѣру.“ Къ этой грамотѣ, разосланной по городамъ, приложена была другая написанная съ благословенія патріарха Гермогена, въ которой народъ призывался спасти московское государство, спасти святыни, находившіяся въ Кремлѣ: „здѣсь (говорится въ грамотѣ) Образъ Божіей Матери, Богородицы, заступницы христіанской, которую евангелистъ Лука написалъ, здѣсь великіе святильники и хранители, Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы.“

Вездѣ эти грамоты возбуждали движеніе. Прокопій Ляпуновъ, разославъ копіи съ нихъ по сосѣднимъ городамъ, самъ поднялъ Рязанскую землю и началъ собирать ратное ополченіе. Всюду между городами скакали гонцы, изъ городовъ въ села, въ деревни, всюду собирались сходки и рѣшались вопросы о сборѣ казны, о вооруженіи войска. Духовенство явилось въ это время великимъ двигателемъ; всюду приводило къ присягѣ въ вѣрности православной вѣрѣ, въ вѣрности русскому дѣлу, не служить польскому королю и очищать московскую землю отъ польскихъ и литовскихъ людей. Такимъ образомъ, склонивъ на свою сторону только бояръ, поляки пичего не достигли. Русь ополчилась за свою вѣру, за свои святыни, мощи и иконы, находившіяся въ престольномъ Кремлѣ. Въ началѣ 1611 года Ляпуновъ уже шелъ изъ Рязани къ Москвѣ.

По дорогѣ къ нему присоединялись отряды изъ другихъ городовъ.

Въ это время поляки и бояре вновь обратились къ патріарху Гермогену, и угрожая ему, говорили чтобъ онъ вернулъ ополченіе назадъ. Патріархъ былъ непоколебимъ: „коли ты, — обращаясь къ Салтыкову, говорилъ онъ: — и всѣ измѣнники и королевскіе люди выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ нимъ, чтобы вернулись назадъ.“ Но какія могли быть угрозы для семидесятилѣтняго старца, одушевленнаго горячимъ желаніемъ сохранить народу неприкосновенной его вѣру, спасти отъ иноземцевъ и готовому во всякую минуту принять смерть за свои убѣжденія?! Между тѣмъ въ Москвѣ и въ Кремлѣ разыгрывались страшныя событія. При Жолкѣвскомъ поляки еще ладили съ русскими, но несогласія и вражда скоро обнаружились. Случаи кощунства надъ святынями со стороны поляковъ, хотя и жестоко наказанные Гонсѣвскимъ, раздували и разжигали вражду и ненависть. Причинъ неудовольствія было много. Гонсѣвскій— Полякъ распоряжался произвольно въ Кремлѣ и во всей Москвѣ и тратилъ безъ отчета казну, не спрашивая бояръ. Салтыковъ, Андрониковъ и другіе измѣнники творили всякія неправды. Ненависть и вражда подъ вліяніемъ грамотъ, подъ впечатлѣніемъ слуховъ о возстаніи городовъ все разросталось. Положеніе поляковъ въ Кремлѣ и Катай городѣ становилось опаснымъ. Чернь изо дня въ день становилась смѣлѣе и задорнѣе. Было нѣсколько стычекъ. Мѣры предосторожности со стороны поляковъ еще болѣе раздражали москвичей. Наступала Страстная недѣля. Гонсѣвскій, опасаясь большаго скопленія народа, запретилъ было торжественное празднованіе вербнаго воскресенія, такъ какъ безчисленныя толпы народа обыкновенно собирались смотрѣть на торжественныя церемоніи. Чернь начала волноваться, вслѣдствіе чего Гонсѣвскій отмѣнилъ запрещеніе и празднество совершилось, хотя, конечно, и не при такой пышной и торжественной обстановкѣ, какъ было при царяхъ. Мятежа ждали на страстной недѣлѣ. Особенныя подозрѣнія навлекли на себя извозщики пріѣхавшіе въ необыкновенномъ множествѣ съ дровами. Поляки заставили ихъ втаскивать на стѣны Кремля и Китай города пушки, тѣ не соглашались, произошла драка, которая перешла въ ожесточенную бойню. Въ это

время подходилъ уже къ Срѣтенскимъ воротамъ передовой отрядъ русскаго ополченія подъ начальствомъ князя Пожарскаго. Поляки и нѣмцы кинулись на безоруженую толпу москвитянъ и безпощадно рѣзали, убивали и старыхъ и малыхъ, и женщинъ и дѣтей. Шла дикая бойня болѣе часу. Раздавались вопли москвитянъ, гудѣлъ набатъ колоколовъ, толпу вытѣснили изъ Китай города. Поляки гнали ихъ, но въ Срѣтенскихъ воротахъ пушки Пожарскаго принудили ихъ отступить и спасаться въ Кремль и Китай городъ. Но Бѣлый городъ оставался въ рукахъ москвитянъ, и вотъ поляки зажгли его, по совѣту Салтыкова, поджегшаго свой собственный домъ. Пожарскій сильно бился съ поляками, стараясь спасти хоть часть Москвы отъ истребленія, но раненый, упалъ и былъ вынесенъ изъ города. Русскіе оставили горѣвшій городъ. Во время битвы польскій отрядъ, присланный Сигизмундомъ подъ начальствомъ Струся, прорвался въ Кремль. Три дня горѣла Москва. Вокругъ Кремля и Китай города, въ которыхъ засѣли поляки, все кругомъ выгорѣло. Лишь обгорѣлыя остовы каменныхъ церквей да закопченныя и обгорѣлыя подклѣти и погреба торчали среди углей и пепла. Множество тѣлъ тлѣло подъ пепломъ. Такимъ образомъ поляки храбро отстаивали интересы польскаго короля, но положеніе ихъ становилось ужастнымъ: въ чужой землѣ, окруженные ненавистью возбужденнаго народа, днемъ имъ приходилось со стѣнъ Кремлевскихъ и башень смотрѣть на печальное пепелище Москвы и на грозные полки народнаго ополченія а по ночамъ — слушать страшный вой голодныхъ собакъ, терзавшихъ и пожиравшихъ трупы. А между тѣмъ вокругъ пепелища Москвы, за Русь святую, собирались со всѣхъ сторонъ войска. На третій день Святой подошелъ Ляпуновъ, на слѣдуюшій день Заруцкій привелъ своихъ казаковъ, а князь Трубецкой — Калужанъ. Русскіе заняли пепелище Бѣлаго города. Со дня на день полякамъ становилось хуже; не имѣя запасовъ, въ особенности хлѣба они должны были дѣлать вылазки, чтобы добывать себѣ кормовъ и постоянно теряли людей. Подошелъ Сапѣга къ Москвѣ, но не могъ помочь осажденнымъ, такъ какъ они были заперты русскимъ ополченіемъ въ Кремлѣ и Китай городѣ.

Въ Кремлѣ Поляки всячески оскорбляли патріарха,

требовали, чтобы онъ написалъ въ ополченіе, чтобы оно отступило отъ Москвы, иначе угрожали ему злою смертью. „Вы мнѣ сулите лютую смерть, — отвѣчалъ Гермогенъ, — а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду." Въ дѣйствительности, онъ давно страдалъ за правду; его держали въ заключеніи, въ кельѣ, почти не давая ему пищи. Кремлевскіе бояре — измѣнники и поляки уже не признавали его болѣе патріархомъ, а величали таковымъ сторонника Лжедмитрія, бывшаго патріарха Игнатія, заточеннаго Шуйскимъ въ Чудовомъ монастырѣ.

Троицкая лавра горячимъ словомъ и самоотверженнымъ примѣромъ поддерживала собравшихся защитниковъ вѣры и отечества. Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ изъ Троицко-Сергіевской лавры разсылали по городамъ грамоту за грамотой, въ которыхъ поддерживали народное движеніе, — и дѣйствительно, русскія силы собирались къ попелищу Москвы, группировались вокругъ Ляпунова, но, не смотря на то, что, подъ Москвой собралось около ста тысячь народа для того, чтобы выбить изъ Кремля и Китай-города, засѣвшихъ тамъ нѣсколько тысячъ Поляковъ, ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ. Главной причиной этого было отсутствіе единодушія въ лагерѣ собравшагося войска. Казаки своевольничали, происходили раздоры, возбуждавшіе общее недовольство и хотя вскорѣ была учреждена верховная власть, въ лицѣ трехъ начальниковъ, собравшихся войскъ, но дѣло освобожденія Кремля отъ рукъ иновѣрныхъ вновь разстроилось. Лупуновъ, бывшій душею народнаго ополченія, вызванный казаками, въ ихъ станъ былъ ими измѣннически убитъ, за будто-бы разсылаемыя имъ грамоты по землѣ русской, въ которыхъ онъ приказывалъ бить и топить казаковъ. Говорятъ, что грамота съ подписью, поддѣланной подъ руку Ляпунова, была дѣйствительно прислана изъ Кремля и была дѣломъ Гонсѣвскаго. Такимъ образовъ, подлогъ со стороны поляковъ, сильно отстаивавшихся свое существованіе въ Кремлѣ, вполнѣ достигъ своей цѣли. Казалось, что вновь дѣло Россіи проиграно. Смоленскъ послѣ жестокаго сопротивленія былъ взятъ поляками и король польскій торжественно возвратился въ Варшаву, при чѣмъ плѣнные Шуйскіе, бывшій царь и его братъ, служили ему декораціей при его торжественномъ въѣздѣ.

Какъ Сигузмунду такъ и всѣмъ полякамъ, не смотря на народное возстаніе московскаго государства, казалось, что польское дѣло будетъ имѣть благопріятный конецъ. Ужастное междоусобіе въ Россіи, паденіе Смоленска, наконецъ нахожденіе поляковъ въ Кремлѣ, въ самой святынѣ московскаго государства, — всё предвѣщало, что уже не трудно присоединить московское царство къ польскому королевству.

Бросимъ бѣглый взглядъ па положеніе земли русской. Оно было крайне печально: всюду появлялись самозванцы, возбуждая войны и междоусобія; разбойники опустошали цѣлыя провинціи; Ляпуновъ былъ убитъ — не стало начальнаго человѣка, которому довѣряла вся русская земля; казаки теперь хозяйничали въ Россіи, какъ хотѣли; дворяне и боярскія дѣти разбѣгались отъ притѣсненій и обидъ казацкихъ и разносили по землѣ русской ненависть къ казакамъ и ихъ предводителямъ; осада хотя и продолжалась, но велась спустя рукава: Сапѣгѣ удалось провезти въ Кремль осажденнымъ много припасовъ; со стороны Новгорода грозили Шведы, навязывая своего королевича въ русскіе цари; въ Псковѣ также былъ признанъ царемъ новый самозванецъ и много казаковъ стали собираться вокругъ него; поляки были въ Смоленскѣ и въ самомъ серцѣ русской земли, за твердыми стѣнами Кремля; шайки поляковъ и казаковъ рыскали по горамъ и селамъ и грабили все, что оставалось еще неразграбленнымъ. Къ довершенію всего насталъ голодъ такой, что „люди людей ѣли,“ по выраженію лѣтописца.

Все то, что связываетъ и соединяетъ въ одно цѣлое государство, то уже не существовало въ землѣ русской: не было ни общей верховной власти, ни общаго войска, ни общей казны, такъ-что хотя государства и не существовало въ полномъ смыслѣ этого слова, но существовалъ народъ, твердо преданный вѣрѣ отцовъ, твердо стоявшій за то единеніе подъ державной властью государя, въ которомъ родились и жили ихъ отцы и дѣды. Теперь началось всеобщее движеніе городовъ съ особенной силой. При постоянныхъ сходкахъ, образуемыхъ всѣми людьми, какъ дворянами, такъ и чернью, хотя и проявлялись отдѣльные случаи непріязни простого люда къ высшимъ сословіямъ, но общее дѣло, общая мысль заняли всѣ серца, всѣ чувства

русскаго человѣка, поглащали его всецѣло. Мысль эта была освободить свое отечество во чтобы—то ни стало, избрать себѣ государя-батюшку, постоять за свои святыни, такъ нагло поруганныя и попранныя чужеземцами, очистить Кремль, это хранилище всего святаго, отъ рукъ иновѣрцевъ.

„Очистить землю"—вотъ была общая мысль, общій лозунгъ, передъ которымъ блѣднѣли всѣ другіе сословные или личные интересы. Города переписывались, старались вмѣстѣ, „сообща" поднять народъ и двинуть войска на освобожденіе земли русской, на освобожденіе своихъ святынь, находившихся въ Кремлѣ. Насколько Кремль съ его святынями живо затрогивалъ чувства всякаго русскаго человѣка, прекрасно видно изъ того, что народъ плакалъ, когда въ Нижнемъ-Новгородѣ протопопъ Савва обратился къ нему съ рѣчью, чтобы „утвердиться на единеніи и чтобы постоять за чистую, непорочную Христову вѣру и за святую, соборную церковь Богородицы и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ." Одинъ изъ земскихъ старостъ, торговецъ мясомъ, Козьма Мининъ, подъ вліяніемъ только-что слышаннаго, сказалъ глубоко-прочувствованное возваніе: „православные люди! коли хотимъ помочь московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего, дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, станемъ челомъ бить, искать, кто-бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ-бы у насъ начальникомъ." Вождя нечего было далеко и искать: онъ былъ въ своемъ имѣніи, въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ лѣчился отъ ранъ, полученныхъ при московскомъ погромѣ. Онъ зналъ военное дѣло былъ чистъ и безупреченъ въ эти годины, когда честь и совѣсть ушли отъ многихъ, онъ не просилъ милости ни у самозванцовъ, ни у поляковъ. Это былъ князь Пожарскій; Мининъ былъ выбранъ къ нему вѣдать ополческую казну. Наступилъ 1612 годъ. Вѣсть о новомъ ополченіи достигла Кремля. Снова испуганные и ожесточенные, какъ московскіе бояре, такъ и поляки грозятъ патріарху, чтобы онъ убѣдилъ Нижегородцевъ оставаться вѣрными Владиславу. Но Гермогенъ былъ непреклоненъ и вскорѣ умеръ, какъ говорятъ современники, отъ голодной смерти и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Пожарскій весьма медленно подвигался къ Москвѣ; причиной такого медленнаго движенія было то

обстоятельство что онъ хотѣлъ, чтобы еще въ Ярославлѣ былъ выбранъ государь. „Сами господа вѣдаете—говорится въ одной изъ грамотъ его къ городамъ,—какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ.“

Кремль представлялъ въ то время жалкое зрѣлище, хотя пожары и не тронули его, но онъ былъ весь разграбленъ. Сокровища царской казны, иконы, драгоцѣнности—все было разграблено поляками. Число самихъ поляковъ въ Кремлѣ значительно уменьшилось; многіе изъ нихъ ушли самовольно. Вмѣсто Гонсѣвскаго, уѣхавшаго въ Польшу, начальникомъ Кремля былъ полковникъ Струсь. Число казаковъ подъ Москвой также значительно уменьшилось: Заруцкій увелъ ихъ на Юго-Востокъ вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ съ тѣмъ, чтобы собраться съ бо́льшими силами и поставить ихъ на престолъ. Въ то самое время какъ къ Москвѣ подходилъ Пожарскій, къ ней также спѣшилъ гетманъ Хоткевичъ, чтобы подкрѣпить поляковъ и доставить имъ съѣстные припасы. 18 августа сталъ у Москвы Пожарскій, но сталъ отдѣльно отъ Трубецкаго. 21 августа, вечеромъ, подошелъ къ Москвѣ гетманъ Хоткевичъ и двинулся въ Кремль со стороны Пожарскаго, такъ что ему первому пришлось выдержать натискъ враговъ. На другой день произошла страшная кровопролитная битва войскъ Пожарскаго съ поляками. Трубецкой какъ-бы медлилъ помощью. Наконецъ, конница, которую ему далъ Пожарскій, не выдержала, безъ приказанія Трубецкаго кинулась на враговъ и своимъ примѣромъ увлекла и нѣкоторыхъ казаковъ. Ходкевичъ отступилъ. 24 августа Ходкевичъ вновь напалъ на русскихъ, но уже со стороны Трубецкаго. Нападеніе было такъ стремительно и неожиданно, что казаки были смяты и отступили. Поляки были уже недалеко отъ Кремля и заняли одно небольшое укрѣпленіе (острожекъ). Необходимо было выбить ихъ оттуда, такъ какъ иначе они легко могли бы прорваться въ Кремль съ помощью осажденныхъ поляковъ. Начальникъ земскаго ополченія Пожарскій просилъ помощи у Трубецкаго, чтобы общими силами ударить на поляковъ. Авраамій Палицынъ, посланный Пожарскимъ къ Трубецкому, умолялъ казаковъ помочь ополченцамъ, обѣщая раздать имъ за это монастырскую казну. Русскіе съ двухъ сторонъ ударили

на поляковъ, отняли у нихъ острожекъ и заставили ихъ отступить. Мининъ съ нѣсколькими сотнями ударилъ на стоявшіе за рѣкой отрядъ, тѣ побѣжали, въ это время русскіе бросились изъ засады. Польское войско было разбито. Ходкевичъ долженъ былъ бѣжать и весь богатый его обозъ достался въ руки казаковъ. Послѣ этой побѣды произошло сближеніе между Трубецкимъ и Пожарскимъ и установилось новое правленіе.

Зрѣлище печали, отчаянія и самого страшнаго голода представлялъ тогда Кремль. Во время боя около трехсотъ поляковъ успѣли пробиться въ Кремль, но тѣмъ самымъ еще болѣе ухудшили и безъ того несчастное положеніе поляковъ. Кремль голодалъ, но, несмотря на крайній голодъ, поляки не хотѣли сдаться, всё ожидая помощи Ходкевича. Вскорѣ поляки принуждены были оставить Китай-городъ, но въ Кремлѣ они еще держались съ мѣсяцъ, все еще поджидая помощи, но дальше ждать не хватало силъ. Трудно себѣ вообразить, что дѣлалось въ Кремлѣ. „Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу отъ обуви, наконецъ и этого не хватило. Тогда ѣли землю, обгрызали себѣ руки, выкапывали трупы изъ земли.“ Смертность отъ истощенія и такой пищи была ужасная. Тогда поляки начали выпускать изъ Кремля боярынь и бояръ. Наконецъ принуждены были сдаться сами. Кремль былъ опять въ рукахъ русскихъ. Это былъ день освобожденія Россіи. Этотъ день былъ предвѣстникомъ новой лучшей доли, лучшей будущности, ожидавшей Россію. 25 октября русскіе торжественно вступили въ Кремль. Всѣ ворота Кремля были открыты. Впереди всѣхъ шло духовенство съ Діонисіемъ во главѣ, съ крестами, иконами и хоругвями. Въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ торжественный, благодарственный молебенъ.

Наконецъ русское ополченіе послѣ стольких усилій вступило въ Кремль, вѣроломно отданный полякамъ, вступило для того, чтобы въ немъ совѣтомъ всей земли выбрать государя и умиротворить русскую землю, страдавшую столь долго отъ безчисленныхъ бѣдствій. Подъ единой властью должно было вновь быть создано сильное и славное государство, подъ властью человѣка, которому были-бы дороги русскіе интересы, русская православная вѣра, ко-

торый бы стоялъ за святыни народныя, которыя чтутъ русскіе, которыя свято и ненарушимо чтили ихъ отцы и дѣды.

Государству, возраждавшемуся изъ пепла, подобно фениксу, въ то время, когда ужь не было признаковъ государственнаго устройства, конечно, были уже не страшны ни поляки ни шведы!

Въ то время, когда сдавались кремлевскіе поляки, польскій король Сигизмундъ вмѣстѣ съ сыномъ Владиславомъ выступали въ походъ на Москву! Но войска было мало, походъ былъ неудаченъ, города ему не сдавались и онъ былъ вынужденъ отправить въ Москву посольство съ тѣмъ, чтобы убѣдить ее оставаться вѣрною присягѣ Владиславу. Но это посольство не было даже впущено въ Кремль. Точно также, какъ отъ польскаго претендента, отказались русскіе и отъ шведскаго королевича Филиппа, и, въ отвѣтъ на сообщеніе Делагарди, что королевичь ѣдетъ уже въ Новгородъ, сказали, что они и не думаютъ взять иноземца на московское государство.

Теперь наставало время окончить вторую миссію земскаго ополченія — выбрать царя и тѣмъ положить конецъ всѣмъ проискамъ поляковъ и шведовъ!... Были разосланы грамоты, призывавшія изъ всѣхъ городовъ выборныхъ людей, „крѣпкихъ и разумнѣхъ", духовныхъ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей! Послѣ трехдневнаго поста приступили выборные къ избранію царя. Нѣкоторые честолюбивые бояре хотѣли попасть въ цари и не жалѣли денегъ на подкупы. Иные хотѣли князя Голицына, бывшаго вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ въ Польшѣ, другіе желали вновь возстановить Василія Ивановича Шуйскаго, также находившагося въ рукахъ поляковъ. Опасались, вслѣдствіе несогласій, возникновенія новыхъ смутъ. Въ это время весьма многіе дворяне, боярскія дѣти, служилые люди и казаки, стоявшіе за Михаила Федоровича Романова, подали челобитную съ множествомъ подписей Авраамію Палицыну для представленія ее собору. Съ такимъ же заявленіемъ желанія видѣть Михаила Федоровича на царствѣ прибылъ посолъ отъ Калуги и сѣверныхъ городовъ.

Понятно было общее желаніе народа. Домъ Романовыхъ

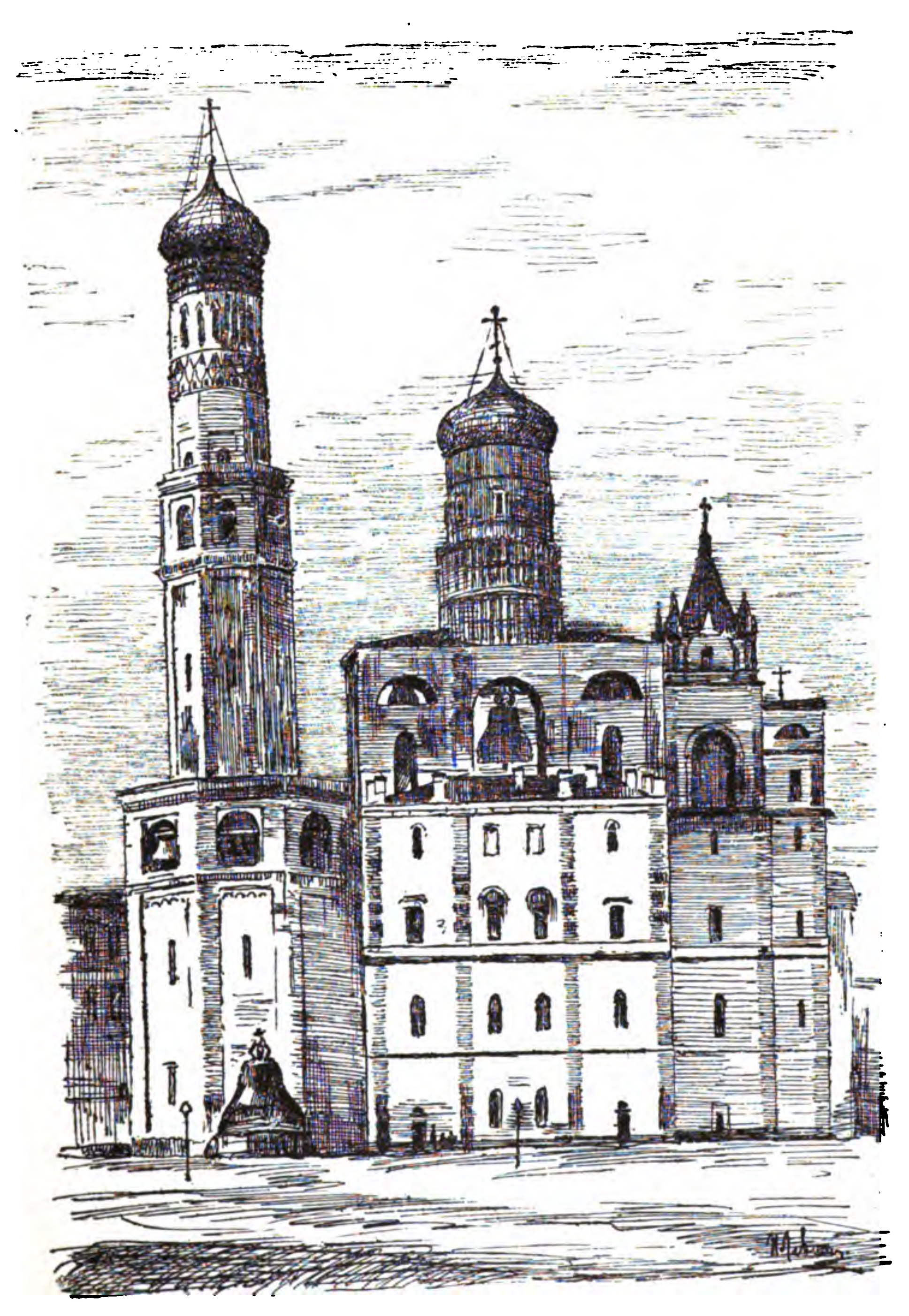
былъ всегда уважаемъ и любимъ. Анастасію и Никиту Романовыхъ народъ не только любилъ и помнилъ, но память о нихъ сдѣлалась даже достояніемъ его эпоса. Сочувствіе къ дому Романовыхъ пробудилось съ особенною силою во время притѣсненія ихъ Годуновымъ, когда они подверглись несправедливымъ жестокостямъ. Наконецъ, теперь, въ смутное время, старшій представитель этого рода, митрополитъ Филаретъ мужественно стоялъ за правду и въ настоящее время былъ задержанъ въ Польшѣ, попрежнему оставаясь твердымъ и непреклоннымъ.

21 февраля 1613 года всѣ выборные собрались на Красную площадь и не успѣли еще окончить вопроса о томъ, кому быть царемъ, какъ народъ громко провозгласилъ: „Михаилъ Федоровичъ Романовъ будетъ царь — государь московскому государству и всей русской державѣ.“

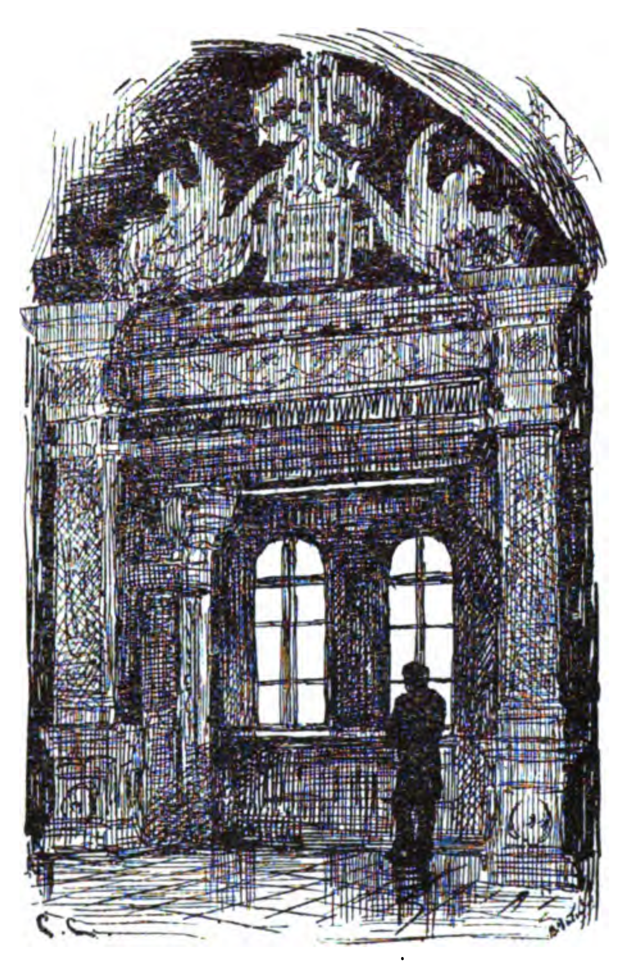
Но чуть чуть было новое ужасное злодѣйство не разрушило дорогія мечты русскаго народа. Поляки прокрались въ Костромскую губернію съ цѣлью убить Михаила Федоровича, но Сусанинъ, пожертвовавъ своею жизнью, спасъ царственнаго юношу.

Въ настоящее время въ архивахъ Костромской губерніи, весьма недавно, удалось отыскать нѣсколько грамотъ, подтверждающихъ вполнѣ, какъ историческій фактъ, появленія поляковъ въ Костромской губерніи въ 1613 г., такъ и спасеніе Михаила Федоровича Сусанинымъ. Это историческое событіе дало канву для прелестной оперы Глинки „Жизнь за Царя.“ По всей вѣроятности мало найдется русскихъ, которые, побывавъ въ одной изъ столицъ Россіи, непрослушали-бы этой дѣйствительно вполнѣ русской оперы нашего великаго композитора.

Колокольня «Иванъ Великій».

Окна въ святыхъ сѣняхъ.

V.

Михаилъ Федоровичъ Романовъ.

Переговоры Михаила Федоровича съ посольствомъ. — Состояніе дворцовыхъ сооруженій и государевой казны. — Вступленіе царя въ Кремль.—Коронація. — Вліяніе смутнаго времени на боярство. -- Мѣстничество. — Сагайдачный подъ Москвой. — Пріѣздъ въ Кремль митрополита Филарета изъ плѣна. — Выборъ царской невѣсты. — Евдокія Стрѣшнева. — Постройки въ Кремлѣ. — Возобновленіе дворцовъ и церквей. — Пожары. — Перенесеніе тѣла царя Шуйскаго въ Кремль. — Смерть царя Михаила Федоровича.

После провозглашенія Михаила Федоровича Романова царемъ московскаго государства земскимъ совѣтомъ было отправлено посольство въ Кострому, гдѣ

проживали сынъ и мать въ Ипатьевскомъ монастырѣ. На обязанности посольства было — бить челомъ Михаилу Федоровичу и его матери инокинѣ Марфѣ и увѣдомить ихъ объ избраніи Михаила. Но послы со стороны обоихъ встрѣтили сильное нежеланіе. Инокиня Марфа не хотѣла видѣть своего сына на престолѣ, а молодой избранникъ, которому было тогда 16 лѣтъ, отвѣчалъ посламъ „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ,“ что онъ государемъ быть не хочетъ. Марфа говорила посламъ, „что сынъ ея не въ совершенныхъ лѣтахъ да и московскаго государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались: давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили.“ Марфа опасалась за сына и указывала, что въ такое время, когда совершился рядъ измѣнъ вокругъ престола и прирожденному государю трудно быть на московскомъ государствѣ, при чемъ она напомнила посламъ недавнія событія, которыхъ Кремль былъ очевидцемъ измѣну Годунову, убійство Лжедимитрія, сверженіе съ престола царя Шуйскаго и выдачу его полякамъ. Но послы увѣряли, что Михаилу Федоровичу нечего опасаться чего нибудь подобнаго, потому что теперь люди московскаго государства „наказались и пришли въ соединеніе.“

Наконецъ, молодой избранникъ выѣхалъ въ Ярославль. Отсюда онъ писалъ земскому совѣту о своемъ согласіи на избраніе и о томъ, чтобы ему и всѣ „вѣрой и правдой служили.“ Земскій соборъ отвѣчалъ, что люди со слезами благодарятъ Бога, молятся о царскомъ здоровьи и просятъ его поскорѣе пріѣхать въ Москву: „тебѣ-бы великому государю насъ сирыхъ пожаловать — быть въ царствующій градъ поскорѣй.“ Но Михаилъ по многимъ причинамъ не торопился въ Москву. Онъ хотѣлъ, чтобъ земскій соборъ не много устроилъ дѣла, позаботился объ устройствѣ дворцовъ въ Кремлѣ, позаботился о томъ, приготовлено-ли достаточно во дворцѣ запасовъ къ его пріѣзду и послано-ли по городамъ собирать запасы. Михаилъ Федоровичъ медленно подвигался къ Москвѣ, ведя переписку съ соборомъ, а также съ боярами: „писали вы къ намъ съ княземъ Иваномъ Троекуровымъ, чтобы намъ походомъ не замедлить и прислали съ княземъ Иваномъ роспись, сколько у васъ во дворцѣ всякихъ запасовъ; по этой росписи хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ мало для обихода нашего — то не будетъ и на пріѣздъ нашъ.“

Понятно отсутствіе запасовъ: Москва была сожжена; цѣлыми оставались только Кремль и Китай-городъ, но въ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, во время голодухи осажденныхъ все съѣстное было вполнѣ истреблено. Московскія земли кругомъ были далеко опустошены и разграблены; подвезти въ значительномъ количествѣ припасовъ было трудно; на это надо было много времени; подвозили плохо. „Сборщики, — говорится далѣе въ письмѣ Михаила, — которые посланы вами по городамъ для кормовъ въ Москву еще не пріѣзжали; денегъ-же ни въ которомъ приказѣ нѣтъ.“ Наконецъ и дворцы въ Кремлѣ не были приготовлены для принятія новыхъ дорогихъ хозяевъ. Царь писалъ боярамъ, чтобы они приказали приготовить для него золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для матери его — деревянныя хоромы жены царя Василія Ивановича Шуйскаго. Бояре писали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана, да Грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Марфа; „тѣхъ-же хоромъ, что государь приказалъ приготовить, отстроить нельзя: денегъ въ казнѣ нѣтъ, плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли; мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ—надобно дѣлать всё новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть.“ Но молодой царь неудовольствовался этимъ отвѣтомъ и вновь въ концѣ апрѣля писалъ боярамъ: „по прежнему и по этому нашему указу велите устроить намъ золотую палату царицы Ирины, а матери нашей — хоромы царицы Маріи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, но въ этихъ хоромахъ жить матери нашей не годится.“

Наконецъ, 2 мая произошелъ торжественный въѣздъ царя въ столицу и въ Кремль. Поднялись всякихъ головъ люди отъ мала до велика и вышли за городъ на встрѣчу государю. Михаилъ и мать его слушали молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего всякихъ чиновъ люди подходили къ рукѣ царской и здравствовали великому государю. 11 іюля произошло коронованіе на царство.

Съ избраніемъ и воцареніемъ Михаила Федоровича окончилось смутное время. Конечно, московское государ-

*

ство не могло еще скоро успокоиться. Мятежныя и воровскія шайки продолжали опустошать въ разныхъ сторонахъ московскаго государства тѣ или другія мѣстности, даже города. Какъ польское королевство, такъ и шведское продолжаютъ вести войну съ Россіей и долго не могутъ отказаться отъ притязаній своихъ королевичей на престолъ московскаго государства. Поляки, подъ предводительствомъ королевича Владислава, подходятъ даже къ самой Москвѣ, вновь угрожая ей и Кремлю, но тѣмъ не менѣе, русскіе послы, въ переговорахъ о мирѣ, какъ съ одной, такъ и съ другой воюющими державами, и слушать не хотятъ, когда послы иностранныхъ державъ заведутъ рѣчь о претенденствѣ своихъ королевичей на московскій престолъ. „У насъ есть царь, государь всей землей выбранный, — такъ говорили русскіе послы польскимъ, — вести теперь о Владиславѣ рѣчь нечего: то — дѣло прошлое.“

Такимъ образомъ, не смотря на многочисленныя шайки разбойниковъ и грабителей, не смотря на появленіе Заруцкаго, съ Мариной и ея сыномъ, тоже претендантами на престолъ, не смотря на наѣздничества въ московскомъ государствѣ Лисовскаго, за которымъ гнались, постоянно безуспѣшно, русскіе отряды а онъ кружилъ по всей московской землѣ и опустошалъ ее, не смотря на жестокія и серьёзныя войны съ Польшей и Швеціей и всю трудность политическаго положенія Россіи, смутное время безвозвратно прошло и престолъ молодаго Михаила былъ поддержанъ, вслѣдствіе стремленія большинства населенія, стремленія земскихъ людей — „возстановить нарядъ, нарушенный стремленіемъ меньшинства, вслѣдствіе сильнаго желанія возстановить все попрежнему, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ.“

Несмотря на то, что бояре взяли съ Михаила Федоровича запись, подобную той, какую имъ далъ Шуйскій, ограничивающую волю царя, мнѣніемъ бояръ въ сужденіи о преступникахъ: „не осудя истиннымъ судомъ съ боярами, никого смерти не предать,“ — тѣмъ не менѣе, въ отношеніяхъ большинства къ царю не замѣтно никакой перемѣны. Восторжествовавшее наконецъ и могущественное большинство по прежнему смотрѣло на государя и, конечно, меньшинство должно было собразоваться съ этимъ взглядомъ. „Наслѣдственной, сословной аристократіи не было, — гово-

Архангельскій Соборъ.

ритъ Соловьевъ, — были только чины: бояре окольничіе, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, дѣти боярскія.“ Сословнаго интереса не было; господствовалъ интересъ родовой, который въ соединеніи съ чиновнымъ порождалъ мѣстничество. На верху чиновной іерархіи, вслѣдствіе мѣстничества, постоянно являются однѣ и тѣже фамиліи. Вслѣдствіе этого, конечно, понятно значеніе въ государствѣ тѣхъ фамилій, которыя постоянно находились у кормила правленія,“ всякую думу вѣдали.“ Дѣйствительно, вслѣдствіе отсутствіе просвѣщенія, практика обычая и преданій, когда все держалось на нихъ, замѣняла все. Знаніе этихъ обычаевъ и преданій людьми, находившимися у правительственныхъ дѣлъ, конечно, являлось для нижестоящихъ замѣняющимъ все, въ особенности, если люди эти были умны и энергичны. Поэтому понятенъ отзывъ мелкочиновнаго князя Пожарскаго, (по тому времени) спасителя отечества, о такомъ человѣкѣ, какъ бояринъ Василій Васильевичъ Голицынъ: „Если-бы теперь такой столпъ, какъ Василій Васильевичъ, то за него бы вся земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся.“

Хотя большинству, поставившему царя, хотѣлось, чтобы все было постарому, но смутное время имѣло важное значеніе, и не прошло безслѣдно для русской земли. Въ особенности смутное время повліяло на судьбу знатныхъ бояръ; особенно сильно потряслись основы знатнаго боярства при второмъ самозванцѣ, когда всѣ тѣ люди, которые, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, не могли бы получить высокихъ чиновъ, переходя на сторону самозванца — получали желаемое. Всей чиновной іерархіи разомъ хотѣлось переступить ступени, никогда не перешагаемыя при обыкновенномъ ходѣ вещей; московскіе бояре не хотѣли подчиниться холопскому царю и обратились къ польскому королю, но къ нему впередъ уже забѣжали тушинскіе выскочки, готовые на все, лишь-бы удержаться въ новыхъ чинахъ и вскорѣ московскіе бояре, рѣшившіеся принять польскаго королевича на московскій престолъ, лишь-бы избавиться отъ холопскаго царя, должны были терпѣть, что тушинскіе выскочки, напр., какой-нибудь Федька Андроновъ засѣдалъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ родовитыми боярами, какъ Мстиславскій и Воротынскій. И приходилось

боярамъ терпѣть такое сосѣдство, такъ какъ возставшихъ противъ подобнаго порядка поляки, сажали „за приставами.“

Земля поднялась противъ воровъ и иноземцевъ и мы видимъ, что во главѣ этого движенія, за неимѣніемъ чиновныхъ людей, являются мелкіе, нечиновные люди. Начальникомъ перваго ополченія былъ Ляпуновъ, первый, воспользовавшійся смутнымъ временемъ, чтобы выдвинуться впередъ, а рядомъ съ нимъ тушинскіе бояре — князь Трубецкой и Заруцкій. Во второмъ ополченіи вновь являются мелкіе, нечиновные люди: князь Пожарскій и рядомъ съ нимъ мясникъ Мининъ. Такимъ образомъ, нечиновные люди выдвигаются впередъ въ смутную эпоху. Но послѣдняя, на оборотъ, отразилась весьма неблагопріятно на главныхъ фамиліяхъ, стоявшихъ всегда у кормила правленія. Нѣкоторыя исчезли безъ потомства, другія остались съ незначительными представителями. Въ самомъ дѣлѣ, Романовы выдѣлились изъ боярства и перешли на престолъ, исчезли безъ потомства Шуйскіе, затѣмъ Мстиславскіе и Воротынскіе и сгибли самые энергичные изъ Годуновыхъ. Понятно, какое громадное значеніе должно было имѣть исчезновеніе самыхъ важныхъ фамилій при малочисленности тѣхъ, которые стояли на верху и хранили обычаи и традиціи старины. Смутное время доканчивало то дѣло, которое коренилось въ первыхъ начальныхъ отношеніяхъ государственныхъ органовъ при самомъ началѣ исторіи и ясно выразилось въ половинѣ XV-го вѣка (борьба съ боярствомъ во время Ивана Грознаго). Такимъ образомъ, съ уменьшеніемъ или съ полнымъ исчезновеніемъ многихъ знатнѣйшихъ бояръ несомнѣнно ихъ интересы, которые было восторжествовали при царѣ Василіѣ Шуйскомъ, не имѣютъ уже болѣе представителей и своихъ выразителей. Мы видимъ какъ московскихъ бояръ въ Кремлѣ, такъ и тушинскихъ въ переговорахъ съ королемъ польскимъ. Одни, чтобы не поддаться холопскому царю, другіе, чтобы, при все уменьшающихся шансахъ на успѣхъ Самозванца, не потерять вновь пріобрѣтенныхъ чиновъ. Но съ ополченіемъ занимаютъ первое мѣсто интересы служилыхъ людей, интересы военной массы, исключительно интересы помѣстья. Рядомъ съ ними, также на первый планъ, выдвигаются горожане, которые также принимали громадное участіе въ успокоеніи земли русской.

Интересы ихъ также ничего общаго не имѣютъ съ интересами бояръ, которые обыкновенно бывали у нихъ воеводами. Интересы городовъ исключительно сводятся къ денежной единицѣ. Ихъ сокрушаетъ „пятая деньга,“ которую они платятъ для окончательнаго успокоенія и утѣшенія государства, ихъ сокрушаютъ поборы и неправды воеводъ. Они жалуются на нихъ царю и находятъ себѣ въ Кремлѣ поддержку въ своихъ справедливыхъ жалобахъ. Интересы бояръ отходятъ все болѣе и болѣе на задній планъ. Событіями послѣднихъ временъ выдвинуты интересы болѣе жизненные. Въ царствованіе Михаила Феодоровича все болѣе развивается и укрѣпляется идея самодержавія. Самое измѣненіе государственной печати при Михаилѣ Феодоровичѣ указываетъ на этотъ характеръ. Печать сдѣлана больше; взошелъ новый—титулъ „самодержца“, а надъ головами орла вырѣзана корона. Въ царствованіе Михаила Феодоровича часто созываются земскіе соборы, но они не только неуменьшаютъ значенія власти государевой, а напротивъ ее укрѣпляютъ. Послѣ такихъ страшныхъ смутъ было полное неустройство государства и необходимо было, чтобы выказывалось еще то извѣстное напряженіе народныхъ силъ, которое вызвало ополченіе и благодаря которому отечество спаслось отъ угрожавшей ему опасности, въ самую критическую минуту; благодаря которому были спасены тѣ священныя, для русскаго сердца, драгоцѣнныя святыни, мѣстоприбываніе которыхъ было въ Кремлѣ. Земскіе соборы выполняютъ только свою задачу: поставивъ царя, они обѣщали ему избавить его и государство отъ всякихъ смутъ, воровъ и разбойниковъ. Такъ, мы видимъ, что Михаилъ еще изъ Ярославля жалуется, на то что соборъ не исполнилъ своего обѣщанія царю и не успокоилъ еще землю отъ воровъ и разбойниковъ. Но въ особенности личность самаго государя Михаила Феодоровича, въ высшей степени симпатичная, своимъ обаяніемъ способствовала укрѣпленію государевой власти. Мы знаемъ, что Михаилъ Феодоровичъ былъ человѣкъ мягкій, добрый, безукоризненный. Своими качествами онъ производилъ на народъ самое выгодное впечатлѣніе для верховной власти. Доброта царя не допускала возможности предположить, чтобы какая нибудь несправедливость могла происходить отъ такого велико-

душнаго царя, а если и случалось что нибудь подобное, то отвѣтственность за это въ глазахъ народа падала на лицъ, стоявшихъ между нимъ и верховною властью.

Такимъ образомъ взгляды большинства на верховную власть не измѣнились; большинство народа желало, чтобы все оставалось по старому, и дѣйствительно все оставалось такимъ, какъ было прежде до смутнаго времени, что могло только не измѣниться послѣ такой страшной бури политической, урагана матеріальнаго и нравственнаго. Мы видимъ, что центромъ этихъ политическихъ бурь, этихъ ураганов являетея и все время остается Кремль. Кремль безъ государя занимается своими боярскими интересами и является средоточіемъ боярской измѣны, вслѣдствіе чего Кремль является средоточіемъ, и долгое время ареной нольскихъ, иновѣрныхъ интересовъ. Поэтому понятно, что разъ та нравственная и духовная связь, которая связывала народъ съ святынями Кремля, восторжествовала и народное ополченіе наконецъ возстановило прежніе старые порядки любимой государевой власти, — то неудивительно, что съ паденіемъ боярскихъ интересовъ выдвигаются интересы служилыхъ людей и „мелкихъ людишекъ.“ Несмотря на то, что интересы боярства были страшно пошатнуты, что главные представители главныхъ фамилій, или сошли со сцены исторической жизни государства, или безпотомственно умерли, въ оставшихся представителяхъ бояръ по прежнему, или вѣрнѣе еще сильнѣе, господствуютъ узко-боярскія традиціи господствуетъ во всемъ просторѣ духъ мѣстничества. Позволимъ привести себѣ нѣсколько отрывковъ изъ мѣстническихъ дѣлъ которыя намъ тѣмъ болѣе интересны, что главной ареной мѣстническихъ споровъ является Кремль съ своими дворцами и палатами. Его обитатели, окружающіе царей и царицъ являются дѣйствующими лицами мѣстническихъ споровъ, какъ бояре и дворяне, такъ и ихъ жены. Эти дѣла бытописуютъ намъ чрезвычайно ярко и картинно многіе порядки и обычаи придворной жизни Кремля, съ другой стороны они показываютъ намъ, какъ оффиціальна и тяжела была придворная царская обстановка, именно благодаря этому мѣстничеству. Не только ни одно болѣе или менѣе выдающееся явленіе государевой и придворной жизни не обходится безъ мѣстничества, но даже оно проявляется и въ обыденной

жизни; мѣстничество проникаетъ всюду, какъ въ торжественный „нарядъ“ государевъ, такъ и въ обыкновенную жизнь. Стоять или дѣлать что съ кѣмъ нибудь, не въ одномъ чинѣ, считалось позоромъ, которому предпочиталась самая смерть. Передъ самымъ вѣнчаніемъ на царство Михаила Федоровича происходятъ мѣстническіе споры и раздоры. Передъ тѣмъ какъ идти въ Успенскій соборъ на вѣнчаніе государь сидѣлъ въ золотой подписной палатѣ и тутъ было „сказано“ боярство двумъ стольникамъ: родственнику царскому князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. У сказки послѣднему назначенъ былъ стоять думный дворянинъ Гавріилъ Пушкинъ, который билъ челомъ: „что у сказки ему стоять и меньше князя Дмитрія быть невмѣстно, потому что его родственники меньше Пожарскаго никогда не были.“ Такимъ образомъ, какъ видно изъ этой челобитной, личныя качества ровно ничего не значили, а значили лишь родовыя привиллегіи. Личность являлась въ это время вполнѣ безсильной: даже спасеніе государства отъ страшныхъ кровавыхъ смутъ и конечнаго раззоренія, какъ спасеніе Пожарскимъ московскаго государства, этимъ народнымъ вождемъ-освободителемъ, въ глазахъ того времени не считалось достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы какой нибудь, ничѣмъ лично не замѣчательный, Гаврило Пушкинъ, не билъ челомъ, что ему меньше Пожарскаго быть нельзя. Личныя услуги ставились ни во что, родовыя прерогативы господствовали. Этотъ споръ былъ прекращенъ лично государемъ, повелѣвшимъ „для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣста.“ Этотъ приказъ онъ повелѣлъ при всѣхъ разрядахъ въ указы записать, но, тѣмъ не менѣе, вновь сейчасъ же является опять челобитная. Выступилъ дьякъ Петръ Третьяковъ и объявилъ порядокъ торжества: бояринъ князь Мстиславскій будетъ осыпать государя золотыми, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ будетъ держать шапку Мономахову, бояринъ князь Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкой — скипетръ, новый бояринъ князь Пожарскій — яблоко. Тотчасъ же Трубецкой билъ челомъ на Романова, что ему меньше Романова быть невмѣстно. Тогда государь сказалъ Трубецкому: „извѣстно твое отечество передъ Иваномъ, можно

ему быть тебя меньше, но теперь быть тебѣ его меньше, потому что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ." Такимъ только образомъ дѣло уладилось и государь пошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ казанскій митрополитъ Ефремъ вѣнчалъ его царскимъ вѣнцомъ. На другой день (12-го іюня), во время празднованія имянинъ царя, другой народный герой Кузьма Мининъ былъ пожалованъ въ думные дворяне.

Также точно бьетъ челомъ на Ивана Никитича Романова князь Василій Михайловичъ Лыковъ, приглашенный къ царскому столу, на праздникъ Рождества Богородицы вмѣстѣ съ Ѳ. М. Мстиславскимъ и Романовымъ, которому онъ не хотѣлъ уступить и втораго мѣста за столомъ и лишь уступилъ по настоянію государя. Но на слѣдующій годъ, въ вербное воскресенье, когда они были точно также въ троемъ приглашены къ царскому столу, онъ отказался быть меньше Романова и уѣхалъ домой. Два раза посылали за нимъ—и все напрасно. Посланные получали одинъ отвѣтъ: „Готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича не бывать".

Также точно мѣстничество ставило въ затруднительное положеніе государя при пріемѣ иностранныхъ посольствъ. Такъ при представленіи персидскаго посла, рынды (тѣлохранители царя) исчезли. Одинъ сбѣжалъ и спрятался неизвѣстно куда, такъ что его не могли розыскать, другой сказался больнымъ, но его привезли во дворецъ и назначили къ нему въ товарищи рындой князя Ромадановскаго. Мнимо больной Чепчуговъ билъ челомъ на Ромадановскаго. Тутъ билъ князь Пожарскій уже на Чепчугова, что онъ безчестилъ ихъ родъ по однородству съ Ромадановскими. Государь велѣлъ Чепчугова бить батогами и выдать головою. До чего дошло мѣстничество видно изъ того, что когда государь велѣлъ назначать рындъ, во избѣжанія мѣстничества изъ людей не родословныхъ, „меньшихъ статей," которые бы не могли считаться службою предковъ, то при назначеніи рындами стряпчихъ Телепнева и Ларіонова, одинъ изъ нихъ билъ на другаго, основываясь на томъ, что отецъ одного городовой сынъ боярскій, а другаго—лишь подъячій. Такимъ образомъ желаніе Михаила Ѳедоровича не осуществилось: „государь для докуки и челобитья велѣлъ отъ меньшихъ

статей выбирать, къ чему были и недостойны такіе, но и тѣ бьютъ челомъ.“ Мѣстничество было тогда во всей силѣ.

Мы уже выше сказали, что царствованіе Михаила Өеодоровича было посвящено преслѣдованію и уничтоженію многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, самозванцевъ и войнамъ съ Польшей и Шведами. Кромѣ того ему пришлось вести настояшую войну съ Заруцкимъ, который выставляя претендентами на московскій престолъ Марину и ея сына, господствовалъ въ Астрахани и вообще въ юго-восточныхъ окраинахъ Россіи. Наконецъ они были пойманы и доставлены въ Москву, гдѣ были казнены, послѣ чего Марина умерла съ горя.

Главной и основной заботой Михаила Өеодоровича было желаніе заключить міръ съ Польшей, лишь-бы освободить своего отца Филарета Никитича, томившагося въ неволѣ у поляковъ. Между тѣмъ польскій претендентъ Владиславъ подступалъ къ Москвѣ и соединившись съ малороссійскимъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ, пришедшимъ къ нему на помощь съ 20,000 казаковъ, угрожалъ Москвѣ и престольному Кремлю. Въ это время въ Москвѣ и Кремлѣ наступило смятеніе; страхъ обуялъ всѣхъ жителей. Появившаяся комета, стоявшая на высотѣ неба, надъ самымъ Кремлемъ казалось, предвѣщала взятіе Москвы и Кремля поляками. Сагайдачный хотѣлъ ворваться въ городъ, но былъ отбитъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались переговоры о мирѣ и наконецъ миръ былъ заключенъ и митрополитъ Филаретъ могъ возвратиться на родину. Его въѣздъ въ Кремль ознаменовался цѣлымъ рядомъ торжественныхъ встрѣчь по пути, по городамъ; наконецъ по переѣздѣ черезъ рѣчку Ходынку, его встрѣтили московскія власти: всѣ бояре, дворяне и приказные люди. Послѣ бояръ встрѣчали гости, торговые и всякіе жилецкіе люди. 14-го же іюня, не доѣзжая рѣчки Прѣсни, встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги. Филаретъ также преклонился предъ своимъ сыномъ и царемъ и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не могли ни тронутся, ни говорить отъ радостныхъ слезъ. Поздоровавшись съ сыномъ, Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ впереди пѣшкомъ. Вскорѣ по возвращеніи митрополитъ Филаретъ былъ посвященъ въ санъ патріарха іерусалимскимъ патріархомъ Өеофаномъ, пріѣхавшимъ въ Москву за милостыней.

Съ тѣхъ поръ въ Кремлѣ московскимъ государствомъ управляютъ два великихъ государя. Отъ имени обоихъ рѣшались всѣ дѣла, обоими государями принимались посольства и обоимъ имъ подносились послами дары и подарки.

Въ 1626 году Кремль видѣлъ въ своихъ стѣнахъ торжественное положеніе въ Успѣнскомъ соборѣ ризы Господней, присланный въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу персидскимъ шахомъ Аббасомъ, ризы доставшейся ему при завоеваніи Грузіи.

Съ пріѣздомъ митрополита Филарета было возобновлено дѣло о царской невѣстѣ Михаила Ѳедоровича, сосланной съ ея родными вслѣдствіе происковъ Салтыковыхъ, двоюродныхъ братьевъ царя, которые до пріѣзда Филарета Никитича, играли роль могущественныхъ временщиковъ. Хлопова—такъ звали невѣсту—уже шесть недѣль жила у государя въ верхнихъ хоромахъ. Уже ее нарекли царицею и имя дали Настасья. „И молитва нарѣченію ей была и чины у ней уставили по государскому чину, то есть честь и береженіе къ ней держали какъ къ самой царицѣ; и дворовые люди крестъ ей цѣловали и на Москвѣ и на всѣхъ епископіяхъ Бога за нее молили, то есть, вспоминали на эктиньяхъ." Родные царевны также близко стали къ особѣ государя, но, какъ предполагаетъ, личное неудовольствіе Салтыкова на одного изъ родственниковъ Хлоповой разстроило свадьбу. Вообще государевы невѣсты чаще всего выбирались изъ бѣдныхъ, простыхъ дворянскихъ родовъ, а потому и возвышеніе ихъ, какъ новыхъ родовъ, какъ родственниковъ царицы, представляло всегда опасность для близкихъ лицъ, до женитьбы, окружавшихъ государя. Дѣйствительно въ исторіи женитьбы московскихъ государей, мы часто видимъ случаи разстраиванія, въ особенности первыхъ, браковъ царей, приближенными къ нимъ лицами. Первый Иванъ Васильевичъ Грозный, именно вслѣдствіе придворныхъ интригъ, испыталъ скорбь разлуки съ избранною невѣстою. Со многими долгими испытаніями онъ избралъ въ супруги дѣвицу Марфу Собакину. Она уже невѣстой была испорчена и скончалась, съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Незначительной болѣзни Хлоповой, двоюродные братья царя, тогда всесильные Салтыковы, предали

характеръ неизлѣчимый, „что она не прочна государевой радости“. Царь покорился. Что же оставалось, въ самомъ дѣлѣ, ему дѣлать передъ жестокой истиной, засвидѣтельствованной семейнымъ совѣтомъ? Но шесть недѣль проведенныхъ женихомъ въ смотринахъ на свою обрученную невѣсту, въ бесѣдахъ и въ близости съ нею, сильно привязали его къ ней. Оффиціальные акты этого дѣла, конечно немного говорятъ о юношескихъ чувствахъ государя, но долгое время нежеланіе его жениться, показываетъ намъ это. Въ этомъ только и могъ выразиться со стороны кроткаго и послушнаго своей матери сына протестъ противъ такого рѣшенія участи его любимой невѣсты. Не смотря на то, что при энергичномъ и умномъ Филаретѣ Никитичѣ было это дѣло вновь возбуждено и доказана ложь Салтыковыхъ, сосланныхъ за это изъ Москвы, Михаилу Ѳеодоровичу, вслѣдствіе нежеланія матери, неудалось исполнить стремленій своего серца. Первая женитьба его на княжнѣ Долгоруковой была неудачна, такъ какъ, Долгорукова оказалась испорченной и въ тотъ же годъ умерла. На слѣдующій годъ царь женился на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. У С. Н. Глинки мы находимъ подробное описаніе этого выбора. „Накануне рѣшительнаго выбора послали царскія повозки за дѣвицами изъ знатнѣйшихъ фамилій, пріѣхавшихъ въ Москву спеціально для этого выбора. Сіи дѣвицы сопровождались матерями, или ближними родственницами; на нихъ была одежда, жалованная царемъ. По представленіи дѣвицъ царицѣ Марѳѣ Ивановнѣ, матери и родственницы разъѣхались по домамъ. При каждой дѣвицѣ осталась только одна прислужница съ почивальнымъ платьемъ. Въ комнатахъ для нихъ отведенныхъ, находились по обѣимъ сторонамъ кровати. Въ полночь Михаилъ, съ матерью своей Марѳой Ивановной, пошелъ осматривать невѣстъ. По окончаніи наблюденія Михаилъ уходитъ съ матерью въ другія комнаты палатъ своихъ. Царица спрашиваетъ на которую изъ дѣвицъ палъ выборъ его? И сколь удивилась, услыша, что онъ предпочелъ прислужницу одной изъ привезенныхъ дѣвицъ. Царица не довѣряетъ слуху своему; убѣждаетъ Михаила, что-бы онъ помыслилъ, какъ оскорбится симъ выборомъ честолюбіе князей и бояръ русскихъ; наконецъ требуетъ рѣшительнаго отзыва; ибо до восхода солнечнаго онъ дол-

женъ въ Успѣнскомъ соборѣ въ присутствіи патріарха и духовенства возвѣстить имя будущей супруги своей. Михаилъ отвѣчалъ: „По волѣ только божіей и твоей принялъ я вѣнецъ и царство; ни въ чемъ не посмѣю быть ослушнымъ матери моей. Ты всегда была наставницею и моимъ покровомъ: все исполню... Но серце мое никогда не выберетъ, никогда другой не полюбитъ. Я опредѣленъ къ однимъ бѣдствіямъ! Первой супруги лишился въ первые мѣсяцы брачнаго союза; невѣсты лишаюсь при самомъ избраніи. Она не знатной породы; можетъ быть она терпитъ бѣдность, горе и я испыталъ нужду и гоненіе.“ Слезы полались изъ очей Михаиловыхъ. Какое материнское сердце устоитъ противъ слезъ и покорности сыновней?—„Сынъ мой! сказала родительница Михаила:—развѣ и я не терпѣла напастей? Супругъ мой страдалъ въ землѣ иноплеменной; почти въ глазахъ моихъ убійственные мечи лютыхъ враговъ устремлялись на серце твое!... Судьбы небесныя тебя сохранили; онѣ назначили тебѣ царство... Воля Божія да будетъ съ тобой! Возьми ту, которая пришлась тебѣ по мысли и по сердцу.“ Между тѣмъ царица посылаетъ развѣдать о родѣ и племени прислужницы. Ее извѣщаютъ, что она дочь бѣднаго можайскаго дворянипа Лукьяна Степановича Стрѣшнева, и что дѣвица, при которой она находилась, есть дальная ее родственница. Скромностью и тихостью отличалась Евдокія Стрѣшнева отъ богатой родственницы, угнетавшей ее своимъ своенравіемъ. Юный Махаилъ самъ подверженъ былъ напастямъ, гоненію, неправотѣ и злобѣ человѣческой. Сердца, испытавшія злополучіе влекутся къ злополучнымъ: сердце Михаило избрало Евдокію. Уже Евдокію призываютъ въ царскіе покои, уже облекаютъ ее въ свѣтлыя одѣянія; мать Михаила называетъ ее дочерью, Михаилъ предъ лицомъ Бога именуетъ ее невѣстою; духовный чинъ возноситъ о ней моленіе къ царю царей, который, поучая насъ внезапными случаями, смиряетъ гордыню человѣческую и возставляетъ страждущую добродѣтель. Между тѣмъ патріархъ Филаретъ, какъ пастырь церкви и какъ отецъ, благославляя сына своего, вѣщаетъ: „Богъ за благочестіе прославилъ тебя и почтилъ царствомъ; и впредь за благочестіе твое и царицы Евдокіи да соблюдетъ васъ отъ враговъ ненавѣтно.“ Къ сему желанію присоединяется на-

площади общій крикъ московскихъ жителей: „да здравствуетъ Михаилъ и Евдокія!" Во время благовѣста къ молебствію представлены были Евдокіи дочери князей и бояръ. Въ смятеніи души своей, скромная и кроткая Евдокія не допускаетъ ихъ къ цѣлованію ея руки: она сама цѣлуетъ каждую дѣвицу. Вслѣдъ за ними приступаетъ и родственница ея; въ трепетѣ и слезахъ упадаетъ къ ногамъ Евдокіи. „Государыня! восклицаетъ она: — не помни моей предъ тобою жестокости; прости меня ради Бога!" Евдокія, проливая слезы, низко кланяется родственницѣ своей съ сими словами. „И меня прости, если я въ чемъ тебя прогнѣвила, а тебѣ пусть Богъ проститъ!" На другой день, по совершеніи торжественныхъ обрядовъ обрученія, отправлены были отъ царя чиновники къ Лукьяну Степановичу Стрѣшневу съ царской грамотой, въ которой увѣдомляли его, что по благости Божіей Евдокія Стрѣшнева избрана царской невѣстой. Чиновники съ дарами и царскими повозками отправились въ можайскій уѣздъ. Прибывъ туда, спрашиваютъ о жилищѣ Лукьяна Степановича. Имъ указываютъ убогій соломенный кровъ... Евдокія готовилась къ царскому вѣнцу; отецъ ея воздѣлывалъ ниву для посѣва ржи. Царскіе послы изъ хижины идутъ въ поле. Стрѣшневъ подъѣзжаетъ съ сохою туда, гдѣ они остановились. Подступя къ нему съ почтеніемъ, чиновники возвѣщаютъ ему, что по власти Божіей, дочь его нарѣчена царскою невѣстою. Полагая, что послы ошиблись, онъ говоритъ: „вижу, что вы царскіе послы; но вѣрно отправлены не ко мнѣ... Погода хороша: мнѣ надобно допахать ниву, а послѣ съ радостью попрошу васъ на хлѣбъ-соль." Въ подтвержденіе словъ своихъ послы вручаютъ Стрѣшневу грамоту, на имя его писанную. Онъ отдаетъ грамоту обратно, преклоняетъ колѣна и восклицаетъ въ умиленіи душевномъ: „Боже! Ты сотворяешь все по волѣ своей!" Внезапный переходъ Евдокіи отъ ничтожества къ величію не изумилъ Стрѣшнева; относя все къ судьбамъ Всевышняго, по изъявленіи ему благодаренія, онъ опять обращается къ сохѣ и допахиваетъ ниву; препоручаетъ работнику заборонить ее; кладетъ соху на телегу, и несмотря на усиленныя просьбы пословъ, чтобы онъ сѣлъ въ царскую повозку, отправляется къ жилищу своему по обыкновенному. Сложивъ къ мѣсту соху

и прочія земледѣльческія орудія входитъ въ хижину съ чиновниками; беретъ царскую грамоту, возлагаетъ ее подъ образа, и послѣ троекратнаго земнаго поклона, снова восклицаетъ къ подателю всѣхъ благъ: „Боже! Ты охранялъ меня въ бѣдности; да буду подкрѣпленъ твоею десницею и въ славѣ, посылаемой мнѣ тобою!“ Не принявъ отъ чиновниковъ припасовъ къ трапезѣ, онъ предложилъ имъ, по обычаю тѣхъ временъ, хлѣбъ-соль и то что Богъ послалъ. Послѣ простаго ужина Стрѣшневъ удалился къ исправленію домашнихъ нуждъ своихъ. Онъ самъ принесъ кормъ лошади своей и потомъ легъ на соломенный одръ свой. На другой день, рано поутру, Стрѣшневъ идетъ въ церковь, отпѣваетъ благодарственный молебенъ и приглашаетъ къ себѣ священника и старосту. Простирая на все человѣколюбивое вниманіе, благоговѣя и къ хижинѣ праотеческой, онъ проситъ ихъ, чтобы они соблюдали жилище и не оставили старую прислужницу и сына ея. Распорядивъ наслѣдственное свое имущество, — Стрѣшневъ посѣщаетъ могилу отца своего. Тамъ со слезами сердечнаго сокрушенія, покланяется праху родителя; тамъ съ гробовъ праотеческихъ возноситъ мольбу къ Богу — да сохранитъ Онъ дочь его отъ искушеній, сопровождающихъ величіе и счастье мірское. — Возвратясь въ хижину, Лукьянъ Степановичъ, надѣваетъ присланную отъ царя одежду, а свою, вмѣстѣ съ земледѣльческими орудіями, полагаетъ въ сундукъ, который беретъ съ собой въ царскія палаты. Услышавъ о нечаянномъ счастіи Стрѣшнева, всѣ поселяне къ нему стекаются. Онъ прощается съ ними какъ съ друзьями; отводитъ въ сторону священника, отдаетъ для бѣдныхъ всѣ деньги, выработанныя имъ въ потѣ лица; принимаетъ отъ него благословеніе и отъѣзжаетъ въ престольный градъ. — Стрѣшнева прямо привозятъ во дворецъ. Михаилъ встрѣчаетъ его на крыльцѣ, ведетъ къ матери своей, которая представляетъ ему Евдокію, какъ дочь свою, какъ невѣсту царскую. Какое свиданіе! Михаилъ и царица Марѳа оставляютъ отца съ дочерью къ свободному изліянію сердечному. Въ то время и въ царскихъ теремахъ, и подъ кровомъ саломеннымъ, родственныя наслажденія почитались первымъ благомъ и украшеніемъ жизни. Стрѣшневъ взявъ за руки Евдокію, становится съ нею на колѣна передъ

Фотогр. Художн. Панова. въ Москвѣ. д Кр. Общ.

Видъ Теремнаго дворца.

образомъ Богоматери... Евдокія со слезами и рыданіемъ бросается въ объятія отцовскія. „Родитель мой! Я никогда не помышляла быть царскою невѣстою.“ — „Богъ устроилъ такъ, — сказалъ Стрѣшневъ: — онъ изъ хижины приводитъ въ царскія палаты: онъ нищету и бѣдность претворяетъ въ сіяніе чести и славы. Богъ тебя взыскалъ. Не забудь его благости: мы угождаемъ Богу одними дѣлами. Какая польза быть родствомъ велику, а дѣлами малу и ничтожну! Будь всѣмъ сердцемъ привержена къ супругу своему, не возносись ни передъ кѣмъ, посѣщай немощныхъ, надѣляй неимущихъ: помни, что и ты была убога, печальна; помни, что Богъ, отецъ сиротъ и заступникъ бѣдныхъ, хранилъ тебя любовью своей, и что взыщетъ съ тебя за каждую слезу бѣднаго, за каждое воздыханіе, отринутаго тобою страдальца.“ — Стрѣшневу назначили особые покои, приставили услугу и пріобщили всѣ почести, принадлежащія отцу царской невѣсты. Въ новомъ жилищѣ Стрѣшневъ не забылъ соломеннаго крова хижины: на стѣнахъ одной комнаты развѣсилъ прежнюю одежду, опояску и обувь. Каждое утро, до самой кончины своей, отдергивая занавѣсь, осѣнявшую памятники первобытной его участи, онъ произносилъ сіи достопамятныя слова: „Лукьянъ! помни, что ты былъ и что ты нынѣ; помни, что все сіе получилъ отъ Бога. Не забывай его милосердія, помни Его заповѣди. Дѣлись всѣмъ, что имѣешь съ бѣдными; они твои братья. Не утѣсняй никого; ты самъ былъ бѣденъ. Помни твердо, что все земное величіе — суета, и что Богъ однимъ словомъ можетъ тебя обратить въ ничто.“

Въ продолженіе всего царствованія Михаила Феодоровича идетъ усиленная дѣятельность по постройкѣ различныхъ хоромъ и зданій. Вмѣсто деревянныхъ зданій строится много каменныхъ, но послѣднія съ трудомъ завоевываютъ себѣ симпатію; такъ царское семейство убѣжденное, что въ деревянныхъ зданіяхъ жить полезнѣе, не жило въ каменныхъ. Въ Кремлѣ тогда еще находился разбойный приказъ—мѣсто уголовнаго суда, а мѣстомъ пытокъ былъ Константиновскій застѣнокъ, откуда тѣла тюремныхъ сидѣльцевъ вывозились на переулки для сбора милостыни на ихъ погребеніе. Мѣ-

стомъ казни было сперва полое мѣсто въ Кремлѣ, а потомъ передъ Лобнымъ мѣстомъ, на теперешней Красной площади. Все пространство отъ Никольскихъ до Спасскихъ воротъ въ прежнее время служило ареной для казней. Здѣсь стояло около 15 церквей, выстроенныхъ родственниками казненныхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде торчали на кольяхъ головы, гдѣ валялись обезглавленныя тѣла, гдѣ висѣли повѣшенные. Церкви эти назывались „на крови у головъ что на рву.“

Вообще все тридцати-двухлѣтнее царствованіе Михаила Федоровича было посвящено, какъ на устройство земли русской, такъ и на устройство дворцовъ въ Кремлѣ, какъ мы видѣли чрезвычайно раззоренныхъ при господствѣ поляковъ, такъ какъ все цѣнное было разграблено во дворцахъ и самый дворецъ былъ безъ оконъ и дверей. Но московское государство, совершенно разграбленное, и раззоренное, первоначально доставляло скудныя средства къ возстановленію благолѣпія и красоты дворца, который постепенно увеличивался и обстраивался. Въ 1614 году, были уже выстроены новыя большія государевы хоромы, а въ слѣдующемъ иконописцы расписывали въ нихъ подволоки или плафоны, а затѣмъ, сторожъ Михалка Андреевъ дѣлалъ въ серебряную палату тѣхъ же хоромъ литую вислую подволоку; потомъ устроены новыя кровли (которыя по всей вѣроятности были сдѣланы котельными мастерами) надъ золотой, царицыной палатой и надъ проходными палатами, а также на постельномъ крыльцѣ. Но пожары являются сильными врагами построекъ и усовершенствованій Кремля. Такъ, въ 1619 году, по всей вѣроятности, сгорѣли царскіе деревянные хоромы, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году дворцовый плотничный староста Исаевъ выстроилъ для государя новые хоромы. Лучшіе иконописцы того времени расписывали эти хоромы живописью въ иконномъ стилѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ къ нимъ были прибавлены двѣ мыленки, избушка и сѣнничокъ, а въ 1625 году была возобновлена церковь Рождества Богородицы на Сѣняхъ съ придѣломъ св. Лазаря. Въ то же время за дворцомъ были выстроены каменные ледники и пивоварни, а надъ каретными воротами — свѣтлица, палата, мастерская для золотыхъ и бѣлыхъ швей; для нихъ же вблизи палаты было поставлено нѣсколько деревянныхъ свѣтлицъ на подклѣтяхъ.

Такимъ образомъ, мало по малу, обстраивался дворецъ въ Кремлѣ, но только онъ былъ окончательно устроенъ, какъ вновь сильный пожаръ въ маѣ 1626 года опустошилъ его. Приэтомъ сгорѣли: дворъ государевъ и патріаршій, монастыри Вознесенскій и Чудовъ и „въ приказѣхъ каменныхъ всякія дѣла погорѣша, и казна, и конюшни, и житницы всѣ и всѣ жила государевы погорѣша." Но вскорѣ были вновь воздвигнуты новые жилые постельные хоромы и уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ Михаилъ Федоровичъ справлялъ въ нихъ новоселье, именно въ новой передней избѣ. Черезъ два года царь праздновалъ новоселье въ новой брусяной столовой избѣ и угощалъ бояръ обѣдомъ, а тѣ ему били челомъ, хлѣбомъ да солью, да соболями, кто сколько могъ, парою или даже цѣлымъ сорокомъ собольихъ мѣховъ. Въ 1627 году палатный мастеръ, иностранецъ Джонъ-Талеръ возобновлялъ Срѣтенскій соборъ, выстроилъ новую церковь на сѣняхъ царицы, новую каменную церковь во имя великомученицы Екатерины, по всей вѣроятности, на мѣсто деревянный же, сгорѣвшей. Именно послѣ майскаго пожара 1626 г. мы видимъ преобладающій типъ построекъ уже каменный, такъ какъ обитатели Кремля горькимъ опытомъ были научены опасности постоянныхъ пожаровъ деревянныхъ построекъ. По указу государя изъ разныхъ мѣстъ были собраны въ Кремль каменьщики и кирпичники, для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палатныхъ „каменныхъ дѣлъ." Вызванъ былъ кирпичный мастеръ изъ Голландіи для постройки кирпичной поварни, на которую была проведена вода посредствомъ водоподъемной машины, такъ какъ въ то время вода въ Москвѣ рѣкѣ еще не была загажена стоками фабричныхъ нечистотъ и представлялась здоровой и годной для питья. Свиблова башня, въ которую была проведена изъ Москвы рѣки вода, а изъ нея въ поварню, на сытный кормовой дворецъ, — съ тѣхъ поръ начала называться Водовзводной. Въ 1635 и 1636 гг. были выстроены каменныя хоромы для государя и его дѣтей, которыя были поставлены на стѣнахъ стараго зданія надъ мастерскою палатою, бывшею въ началѣ XVI-го вѣка пріемною Софьи Палеологъ, а позже Елены Глинской и называлась заднею и западною, и надъ палатами — подклѣтными, которыя тянулись до палаты меньшой — золотой. Это мѣсто было занято прежде дере-

*

вянными хоромами, на мѣстѣ которыхъ появились теперь три новыхъ каменныхъ этажа, выведенныхъ подъ лицо съ царицыными пріемными палатами и съ теремомъ на верху. Надпись, возобновленная надъ входомъ, указываетъ, что верхній этажъ предназначенъ былъ для малолѣтнихъ царевичей Алексѣя и Ивана. Это зданіе существуетъ и теперь и носитъ названіе теремнаго дворца. Несмотря на то, что этотъ дворецъ каменный, по своему устройству и расположенію, онъ вполнѣ представляетъ собою типъ деревянныхъ жилыхъ хоромъ и является чрезвычайно интереснымъ памятникомъ русскаго зодчества, какъ въ самомъ фасадѣ, такъ и въ деталяхъ, даже во внѣшнихъ, наружныхъ украшеніяхъ, напр. оконъ, которыя по своему рисунку, весьма напоминаютъ рѣзьбу изъ дерева, но внутри дворца характеръ деревянныхъ построекъ является еще болѣе замѣтнымъ. Почти всѣ комнаты трехъэтажнаго дворца одинаковой величены, съ тремя окнами — типъ великорусской избы, такъ что теремной дворецъ представляетъ нѣсколько такихъ избъ поставленныхъ рядомъ и связанныхъ между собою въ нѣсколько ярусовъ съ теремомъ или чердакомъ на верху. Хотя мы и видимъ, что тѣснота деревянныхъ построекъ и довольно частые пожары, посѣщавшіе Кремль, и заставляютъ строить каменные дворцы, но тѣмъ не менѣе помѣщеніе въ обширномъ дворцѣ не расширяется, а еще остается вполнѣ подчиненнымъ условіямъ быта нашихъ предковъ. Съ восточной стороны этого дворца былъ устроенъ храмъ во имя Нерукотвореннаго Спасова образа съ предѣломъ Іоанна Бѣлградскаго. Эти церкви при дворцахъ составлявшія необходимую принадлежность каждаго отдѣльнаго помѣщенія, назывались „что на Сѣняхъ“ и находились при помѣщеніяхъ царицъ, царевичей и царевенъ. Площадка образовавшаяся между теремомъ и этой новой церковью, составляла передній каменный дворъ, съ котораго шла лѣстница па постельное крыльцо и впослѣдствіи запиралась золотой рѣшеткою, почему и эта церковь Спаса на Сѣняхъ получила названіе „Спасъ за золотой рѣшеткою.“ Вообще же въ этихъ каменныхъ постройкахъ дворцовъ, хотя и вполнѣ удержалась традиція русской деревянной избы, но все таки уже вводились нѣкоторыя, хотя мелкія, нововведенія, приближавшія архитектурную реформу.

Входъ въ Терема.

Кремль 10-го іюня 1635 года ознаменовался вносомъ тѣла бывшаго московскаго царя Василія Ивановича Шуйскаго, отданнаго наконецъ Польшей. Съ утра въ Кремлѣ загудѣлъ реутъ и народъ повалилъ къ Дорогомилову навстрѣчу тѣла царя Василія. У Соловьева торжество встрѣчи описано слѣдующимъ образомъ: „Отъ Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ, тѣло несли на головахъ дѣти боярскія изъ городовъ, а за тѣломъ шелъ Рафаилъ епископъ Коломенскій, архимандриты, игумены и протопопы, которые были назначены встрѣчать тѣло Шуйскаго въ Вязьмѣ. За тѣломъ шли послы князь Львовъ съ товарищами. У церкви Николы Явленнаго встрѣчали тѣло: Павелъ митрополитъ крутицкій и новоспасскій архимандритъ Іосифъ, съ ними всѣхъ церквей деревяннаго города попы и дьяконы со свѣчами и кадилами, тутъ же встрѣчали и бояре: князь Сулешовъ да Борисъ Михайловичъ Салтыковъ да окольничій Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ въ смирномъ платьѣ (траурномъ); служилые люди, гости и купцы, встрѣчавшіе тѣло вмѣстѣ съ боярами были также въ смирномъ платьѣ. Отъ Николы Явленнаго тѣло несли въ Арбатскія ворота, Воздвиженкой, по Каменному мосту (черезъ Неглинную въ Кремль) московскіе дворяне на плечахъ. Патріархъ Іосифъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, встрѣтилъ тѣло у церкви Николы Зарайскаго (что у каменнаго моста, деревянный храмъ нынѣ не существуетъ) въ ризахъ смирныхъ, и, учиня начало по священному чину, пошелъ за тѣломъ, которое внесли въ Кремль черезъ Ризположенскія ворота. Когда поровнялись со дворомъ царя Бориса, то зазвонили во всѣ колокола, и тѣло внесли въ Архангельскій соборъ въ переднія двери отъ Казеннаго двора; государь встрѣтилъ у собора Успенскаго, не доходя рундука, за государемъ были бояре, думные и ближніе люди, всѣ въ смирномъ платьѣ; въ Архангельскомъ соборѣ пѣли панихиду большую а погребеніе было на другой день 11-го іюня.

Михаилъ Ѳедоровичъ умеръ въ Кремлѣ 12-го іюля 1645 года. Въ послѣднее время передъ смертью состояніе его здоровья очень пошатнулось, такъ какъ неудача въ устройствѣ судьбы своей дочери Ирины, которую онъ прочилъ за Датскаго королевича Вольдемера, нанесла тяжелый

ударъ мягкой натурѣ Михаила Ѳедоровича, чрезвычайно потрясеннаго, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ смертью, двухъ своихъ сыновей. Дѣйствительно, дѣло замужества дочери разстроилось вслѣдствіи нежеланія Вольдемара принять православную вѣру, а между тѣмъ благочестивый Михаилъ Ѳеодоровичъ не желалъ выдавать дочь за иновѣрца. Вольдемаръ хотѣлъ уѣхать въ Данію, но Михаилъ Ѳеодоровичъ не пускалъ его. Неизвѣстно чѣмъ-бы кончилось это дѣло, но въ день своихъ имянинъ царь у заутрени заболѣлъ. Въ церкви съ нимъ сдѣлался припадокъ и его должны были нести уже въ царскіе хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась; онъ началъ стонать, жалуясь что внутренности его терзаются, велѣлъ призвать царицу и сына, 16-ти лѣтняго Алексѣя Михайловича съ дядькою его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха. Простился съ женою, благословилъ сына на царство и сказалъ Морозову: „Тебѣ боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ, и соблюлъ его, какъ зеницу ока,—такъ и теперь служи.“ Во второмъ часу ночи, почувствовавъ приближеніе смерти Михаилъ Ѳеодоровичъ исповѣдался, пріобщился Св. Тайнъ, послѣ чего въ началѣ третьяго часа ночи, скончался.

Постель въ опочивальнѣ Теремнаго дворца.

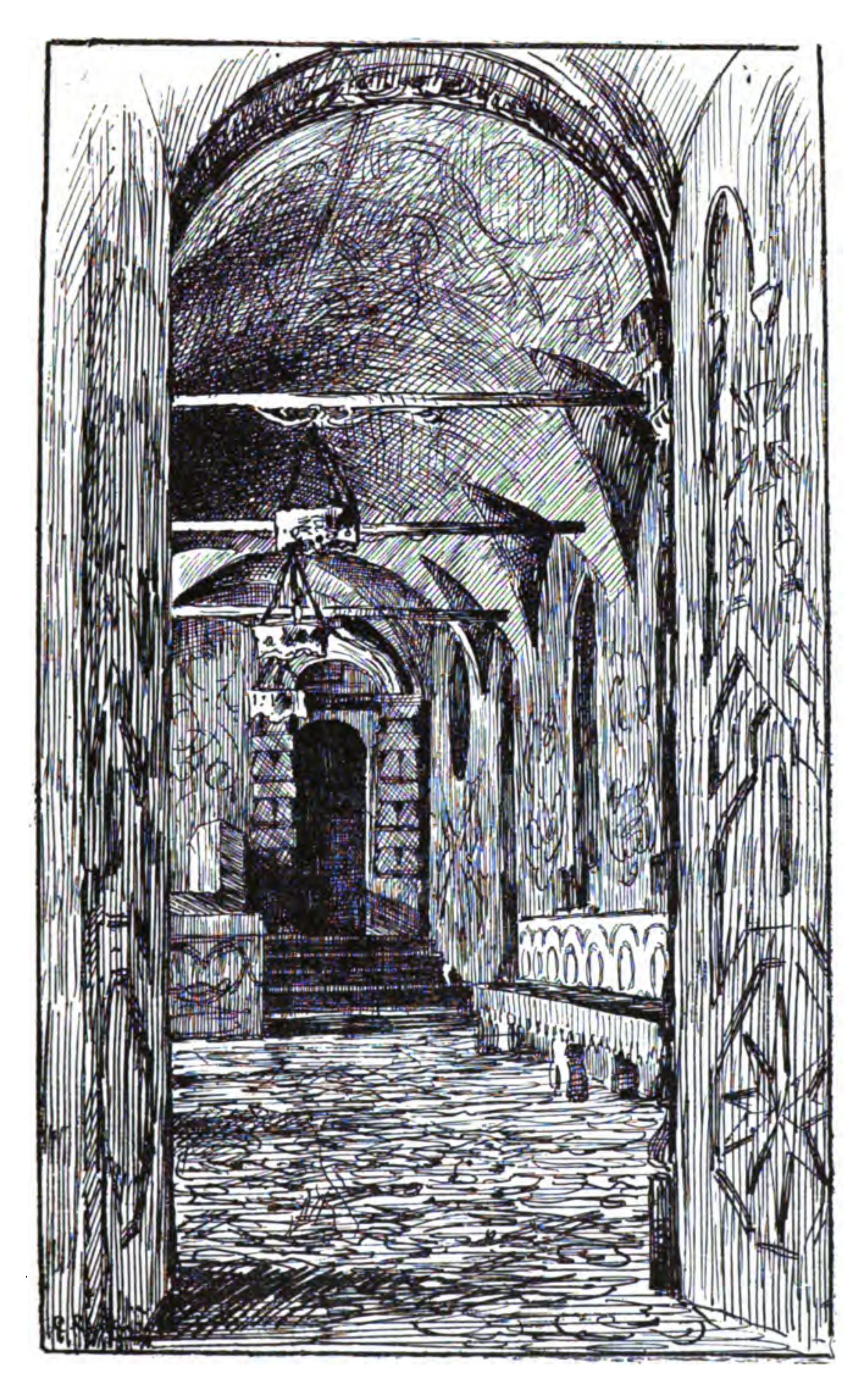
VI.

Время Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича Правительница-Софья. — Царство терема.

Вступленіе на престолъ. — Морозовъ. — Патріархъ Никонъ. — Исправленіе церковныхъ книгъ. — Оставленіе Никономъ патріаршества. — Соборъ и ссылка. — Расколъ. — Моровая язва. — Волненія. — Бракъ царя съ Нарышкиной. — Сооруженія. — Федоръ Алексѣевичъ. — Избраніе царемъ Петра. — Стрѣлецкіе смуты. — Торжество царевны Софіи. — Правленіе терема. — Раскольники. — Споръ ихъ въ грановитой палатѣ съ патріархомъ. — Кремль въ XVII вѣкѣ.

Алексѣй Михайловичъ также вступилъ на московскій престолъ на семнадцатомъ году подобно своему отцу. Изъ наказа Михаила Ѳедоровича боярину Морозову мы видѣли, что онъ оставался, какъ непосредственный воспитатель царя, самымъ ближайшимъ къ нему человѣкомъ, котораго

молодой государь почиталъ за отца. Морозовъ сталъ могущественнымъ временщикомъ, при чемъ многіе его приближенные оказались людьми далеко не честными и позволяли себѣ грабить народъ. Это возбуждало народъ противъ правителей и бояръ и наконецъ народное неудовольствіе выразилось въ мятежѣ по поводу налога на соль. Многіе бояре были убиты; чернь требовала Морозова, но ему удалось убѣжать и скрыться. Вскорѣ весьма сильное вліяніе на царя пріобрѣтаетъ патріархъ Никонъ, извѣстный исправленіемъ церковныхъ книгъ, произведшимъ впослѣдствіи великій расколъ въ вѣрованіяхъ русскаго народа. На этихъ отношеніяхъ царя къ патріарху, какъ характеризующихъ попытку духовной власти стать если не выше царской власти, то и ни чуть не ниже ея, мы остановимся, такъ какъ это дастъ возможность познакомиться поближе съ жизнью духовенства въ Кремлѣ, его вліяніемъ на окружающихъ бояръ и на самаго царя Алексѣя Михайловича. Въ началѣ своего патріаршества Никонъ былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ царемъ, „но гордая и властолюбивая природа“ патріарха, желавшаго всегда видѣть себя на первомъ мѣстѣ, мало по малу оттолкнуло отъ него сторонниковъ и создала ему много враговъ. Хотя Никонъ одаренъ былъ необыкновенными способностями пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе и власть, но совершенно лишенъ былъ умѣнья умѣрять порывы своего властолюбія и гордости. Онъ писался „великимъ государемъ“ подобно самому царю. Этотъ титулъ имѣлъ также еще прежде его патріархъ Филаретъ Никитичъ, но онъ имѣлъ его не какъ патріархъ, а какъ отецъ и соправитель царя Михаила Ѳеодоровича. Никонъ же получаетъ этотъ титулъ уже какъ патріархъ, откуда можно было вывести заключеніе, что патріаршеская власть приравнивается къ власти царской. Когда Алексѣй Михайловичъ находился въ походѣ противъ Поляковъ, Никонъ въ качествѣ „великаго государя“ управлялъ, изъ Чудова монастыря въ Кремлѣ, государствомъ Военная дѣятельность въ походахъ и полная самостоятельность во главѣ войскъ развили царя, дали самостоятельность его характеру и привычку повелѣвать. Когда онъ возвратился въ Кремль, онъ засталъ тамъ другого „великаго государя,“ который за это же время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также

Коридоръ въ Теремахъ.

развился и привыкъ властвовать. Отсюда ясно было столкновеніе и борьба этихъ двухъ личностей—царя и патріарха. Бояре и вельможи относились къ Никону крайне враждебно, такъ какъ онъ не обращалъ никакого вниманія на ихъ права и притязанія, считая для себя унизительнымъ пріобрѣтать союзниковъ. Царица съ родственниками своими Милославскими, а также родственники царя по матери Стрѣшневы, и всѣ приближенные ко двору сановники сдѣлались врагами Никона. Къ числу его враговъ пристали также и видныя лица изъ духовенства, оскорбленныя суровостью Никона и жестокостью его характера. Ко всему этому прибавилась еще сильная оппозиція противъ исправленія Никономъ текста богослужебныхъ книгъ, — оппозиція, которая въ послѣдствіи, какъ мы уже сказали, породила старообрядчество или такъ называемый расколъ.

Враги Никона подали царю длинную жалобу на него, въ которой они обвиняли его, не только какъ нововводителя различныхъ „новшествъ“ въ церковныя книги, но и какъ дурнаго патріарха. Возлѣ самого царя было также много людей, которые говорили ему, что уже неслыхать царской власти, что патріаршихъ посланцевъ бояться гораздо больше царскихъ, что патріархъ уже не довольствуется равенствомъ своей власти съ царской, а желаетъ стать выше царя, что онъ вступается во всякія государственныя дѣла, изъ приказовъ беретъ безъ повелѣнія государева всякія дѣла, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ и т. д. Вслѣдствіе этихъ жалобъ и обвиненій между царемъ и патріархомъ возникло охлажденіе, усиливавшееся со дня на день.

Неважный, по видимому, случай послужилъ поводомъ къ окончательному разрыву между царемъ и патріархомъ. Случай этотъ у Соловьева описанъ такъ: „лѣтомъ 1658 года былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царевича Теймураза; окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищая путь царевичу, онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣляя палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы. Случилось, что попался ему подъ палку дворянинъ патріаршій. „Не дерись Богданъ Матвѣевичъ.“ закричалъ дворянинъ: — вѣдь я не простой сюда пришелъ, а съ дѣломъ! — „Ты кто такой?“

спросилъ окольничій. — „Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланный,“ отвѣчалъ дворянинъ. — „Не чванься!“ закричалъ Хитрово, и съ этими словами ударилъ его въ другой разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться къ патріарху, а тотъ своей рукой написалъ къ царю, прося розыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручной запиской, что велитъ сыскать дѣло и самъ повидается съ патріархомъ, но свиданія не было“.

Когда вскорѣ, послѣ разсказаннаго случая, наступило 8 іюля, праздникъ Казанской Богородицы, съ крестнымъ ходомъ, то царь не былъ въ Казанскомъ соборѣ ни на одной службѣ, а 10-го іюля, въ большой праздникъ Ризы Господней, принесенный изъ Персіи при царѣ Михаилѣ, передъ обѣдней къ Никону явился князь Юрій Ромодановскій съ приказомъ царя, чтобы его дожидались въ Успенскомъ соборѣ. Но Ромодановскій къ этому приказанію прибавилъ еще другое, несравненно важнѣйшее: „царское величество сказалъ онъ:—на тебя гнѣвенъ—ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь.“ Никонъ отвѣчалъ: „называюсь я великимъ государемъ не самъ собою: такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество, о чемъ свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукой.“—„Царское величество—сказалъ князь Ромодановскій: — почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царь велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ и почитать тебя таковымъ не будетъ.“ Тѣмъ и закончился разговоръ, но въ тотъ же день, отправившись служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, Никонъ заявилъ всему народу, что онъ слагаетъ съ себя патріаршескій санъ. Многіе изъ народа плакали. Никонъ же пошелъ въ ризницу и написалъ царю: „отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писанія: дадите мѣсто гнѣву и паки: егда изженутъ васъ изъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ.“ Никонъ вышелъ было изъ Успенскаго собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ, а выпустилъ только Крутицкаго митрополита Питирима, который отправился къ царю, чтобы передать ему о случившемся. Царь сильно встревожился и послалъ къ Никону князя Алексѣя Никитича Трубецкаго.

Но свиданіе это ровно ни къ чему не привело и Никонъ отправился пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), гдѣ и поселился.

Никонъ рѣшился поразить царя и народъ своимъ уходомъ, но всё-таки онъ не имѣлъ успѣха: царь не явился къ нему на свиданіе, не упрашивалъ его остаться на патріаршествѣ, не просилъ у него ни въ чемъ прощенія. Навѣщавшимъ его, посѣтителямъ изъ духовенства, Никонъ выставлялъ на видъ, что онъ необходимъ для государства, что послѣ удаленія его всё пошло дурно, а при немъ всѣ дѣла шли хорошо. Онъ даже продолжалъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, какъ бы продолжая все еще считать себя патріархомъ, вслѣдствіе чего 1-го апрѣля 1659 года, къ нему отъ царя отправились посланные напомнить ему, что онъ отказался отъ патріаршества а потому уже ему не слѣдуетъ мѣшаться въ дѣла церкви. Никонъ отвѣчалъ имъ: „я своею волею оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану.“ Въ этомъ же году Никонъ выѣхалъ изъ Москвы и поселился не далеко отъ нея въ Крестномъ монастырѣ.

Царь рѣшился созвать духовный соборъ для разрѣшенія дѣла о сложеніи Никономъ патріаршества. Соборъ открылся 17-го февраля 1660 года. Соборъ однако не выбралъ новаго патріарха, хотя и рѣшилъ, что Никонъ, какъ сложившій съ себя патріаршій санъ, не можетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Въ слѣдующемъ 1661 году Никонъ снова вернулся въ Воскресенскій монастырь. Съ посылавшимися къ нему, для увѣщанія свѣтскими и духовными особами, онъ вступалъ въ ожесточенные споры и перебранки; обращались съ запросами и къ восточнымъ патріархамъ; послѣдніе вполнѣ осуждали Никона, въ присланныхъ ими въ Кремль, грамотахъ.

Приближался праздникъ Рождества 1664 года. Въ ночь съ 17-го на 18 декабря къ заставѣ Москвы подъѣхало нѣсколько саней.—„Кто ѣдетъ?“ закричали сторожа. „Духовный чинъ,“ былъ отвѣтъ. Поѣздъ былъ немедленно пропущенъ и направился въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ шла заутреня въ присутствіи ростовскаго митрополита Іоны.

Вдругъ послышался шумъ, двери загремѣли, растворились; вошла толпа монаховъ, за ними несли крестъ, а за крестомъ шелъ самъ патріархъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Раздался знакомый повелительный голосъ, котораго давно уже не было слышно въ стѣнахъ Успенскаго собора: „перестань читать!“ Поддьякъ Ростовскаго митрополита, читавшій псалтырь повиновался, а воскресенскіе монахи, пріѣхавшіе съ Никономъ, запѣли „Достойно есть.“ Когда пѣніе кончилось, Никонъ велѣлъ соборному дьякону говорить эктенью, а самъ пошелъ прикладываться къ образамъ и мощамъ. Приложившись, опять взошелъ на патріаршее мѣсто, проговорилъ молитву: „Владыко многомилостиве!“ и велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословеніе ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство.“ Поди сказалъ Никонъ Іонѣ: возвѣсти царю о моемъ приходѣ. Іона отправился вмѣстѣ съ Успенскимъ ключаремъ Іовомъ. Они нашли царя у заутрени въ церкви св. Евдокіи. „Въ Успенскій соборъ пришелъ патріархъ Никонъ, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, государь;“ — сказалъ Іона. Тотчасъ же забѣгали огни въ окнахъ дворца, отправлялись посланцы за архіереями и комнатными боярами. Тревога, шумъ и смятеніе наступили такіе, что можно было вообразить, что въ Кремль пришли поляки или татары. Наконецъ архіереи и бояре собрались во дворецъ. Въ Успенскій соборъ къ Никону посланы были: бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ. Они обратились къ Никону съ такою рѣчью: „Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщался впередъ въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь и объ этомъ написано уже къ вселенскимъ патріархамъ, а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ?“ Никонъ отвѣчалъ, что прибылъ въ Кремль потому, что его призывали туда на патріаршество московскіе святители, являвшіеся ему въ видѣніи, о чемъ и письмо просилъ передать царю. Три раза упомянутые бояре отъ имени царя являлись въ Успенскій соборъ съ приказомъ царя Никону возвратиться въ Воскресенскій монастырь и только послѣ третьяго приказанія онъ уѣхалъ обратно.

Въ декабрѣ 1666 года прибыли въ Москву двое вселенскихъ восточныхъ патріарховъ, антіохійскій и александрійскій съ довѣренностями также отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго. Составили изъ нихъ и русскихъ митрополитовъ и архіереевъ соборъ въ кремлевскомъ дворцѣ въ личномъ присутствіи царя. Соборъ, допросивъ Никона, низложилъ его изъ патріарховъ въ простой монашескій чинъ. Никона опредѣлили сослать въ заточеніе въ Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, куда онъ и былъ отправленъ подъ прикрытіемъ ратныхъ людей. 13-го декабря Никона вывезли изъ Чудова монастыря; народъ сталъ собираться въ Кремль, но ему сказали, что бывшаго патріарха повезутъ по Срѣтенкѣ, когда же толпы отхлынули въ Китай городъ, Никона повезли совсѣмъ другой дорогой и 21-го декабря онъ уже находился въ Ферапонтовѣ монастырѣ. Съ тѣхъ поръ Никонъ жилъ въ заточеніи въ этомъ монастырѣ, откуда постоянно посылалъ къ царю письма: безконечныя жалобы на монаховъ и на разныхъ лично непріятныхъ ему лицъ. Царь Алексѣй Михайловичъ терпѣливо принималъ его жалобы, велѣлъ разыскивать, въ чемъ дѣло, успокоивать Никона, устроивать его хозяйство, помѣщеніе: царь посылалъ Никону неоднократно подарки, деньги, лакомство и проч. Кромѣ жалобъ и переписки, Никонъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ занимался также леченіемъ больныхъ, которые толпами стекались въ келью знаменитаго заточника. Никонъ послалъ къ царю списокъ излеченныхъ имъ людей, причемъ разсказывалъ царскому посланному, что ему былъ глаголъ съ небеси: „отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лекарственная: лечи болящихъ!“

Въ 1654 году по всей Москвѣ, а также конечно и въ Кремлѣ, свирѣпствовала моровая язва и этимъ бѣдствіемъ воспользовались всѣ недовольные новизнами, введенными Морозовымъ и въ особенности Никоновскими, чтобы заявить свой протестъ. 25 августа князь Пронскій съ товарищами были у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; около церкви собралось много народа изъ разныхъ слободъ, принесли въ кіотѣ икону — Спасъ Нерукотворенный, „лицо и образъ соскребены.“ Въ это время въ Кремлѣ не было никого изъ царской семьи: царь былъ въ походѣ, царица

еще въ іюлѣ съ семействомъ выѣхала изъ столицы по указу царскому. Народъ былъ недоволенъ на то, что патріархъ покинулъ Кремль, и находилъ что ему теперь именно пристойно быть въ Кремлѣ и молиться за православныхъ христіанъ. Такой поступокъ патріарха, говорили собравшіеся люди, послѣ обѣдни, князю Пронскому, соблазнилъ и поповъ также разбѣжаться отъ своихъ приходскихъ церквей и такимъ образомъ люди помираютъ безъ причастія: на всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе святыни, какое дѣлали иконоборцы, какое сдѣлалъ патріархъ Никонъ, велѣвъ выскребсти образа. Выступилъ Софронъ Лапотниковъ и сталъ говорить: „Мнѣ было отъ этого образа явленіе, приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать.“ Толпу уговаривалъ бояринъ; народъ разошелся спокойно. Въ тотъ же день было снова волненіе. Толпа явилась у Краснаго крыльца, принесли иконныя доски, говоря, что съ этихъ досокъ образа соскребены. „Мы, говорили изъ толпы:—мы эти доски разнесемъ во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу.“

Чума была чрезвычайно опустошительна: вымирала масса народа. Не только въ Москвѣ въ церквахъ не осталось священниковъ, разбѣжавшихся, а главнымъ образомъ вымершихъ, но и въ Кремлѣ, за исключеніемъ одного Успенскаго собора, такъ что некому было отпѣвать мертвыхъ, которыхъ зарывали тамъ, гдѣ ихъ постигала смерть.

22 января 1671 года въ Кремлѣ происходило торжественное празднованіе второй свадьбы царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловной Нарышкиной. Свадьба эта также не обошлась безъ обыкновенныхъ стремленій нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ разстроить ее съ цѣлью привлеченія взоровъ царя къ невѣстѣ, болѣе близкой имъ по родству и царь при женитьбѣ пожаловалъ въ думные дворяпе, родственника Натальи Кириловны, Матвѣева какъ человѣка, безвинно обносимаго этими козними вмѣстѣ съ отцемъ невѣсты. Царица Наталья, какъ говоритъ Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ, во время празднованія этой свадьбы—„была блестящей молодости и красоты, стройная станомъ, съ челомъ возвышеннымъ и пріятною улыбкою на устахъ, плѣняла звонкою сладостною рѣчью и прелестью

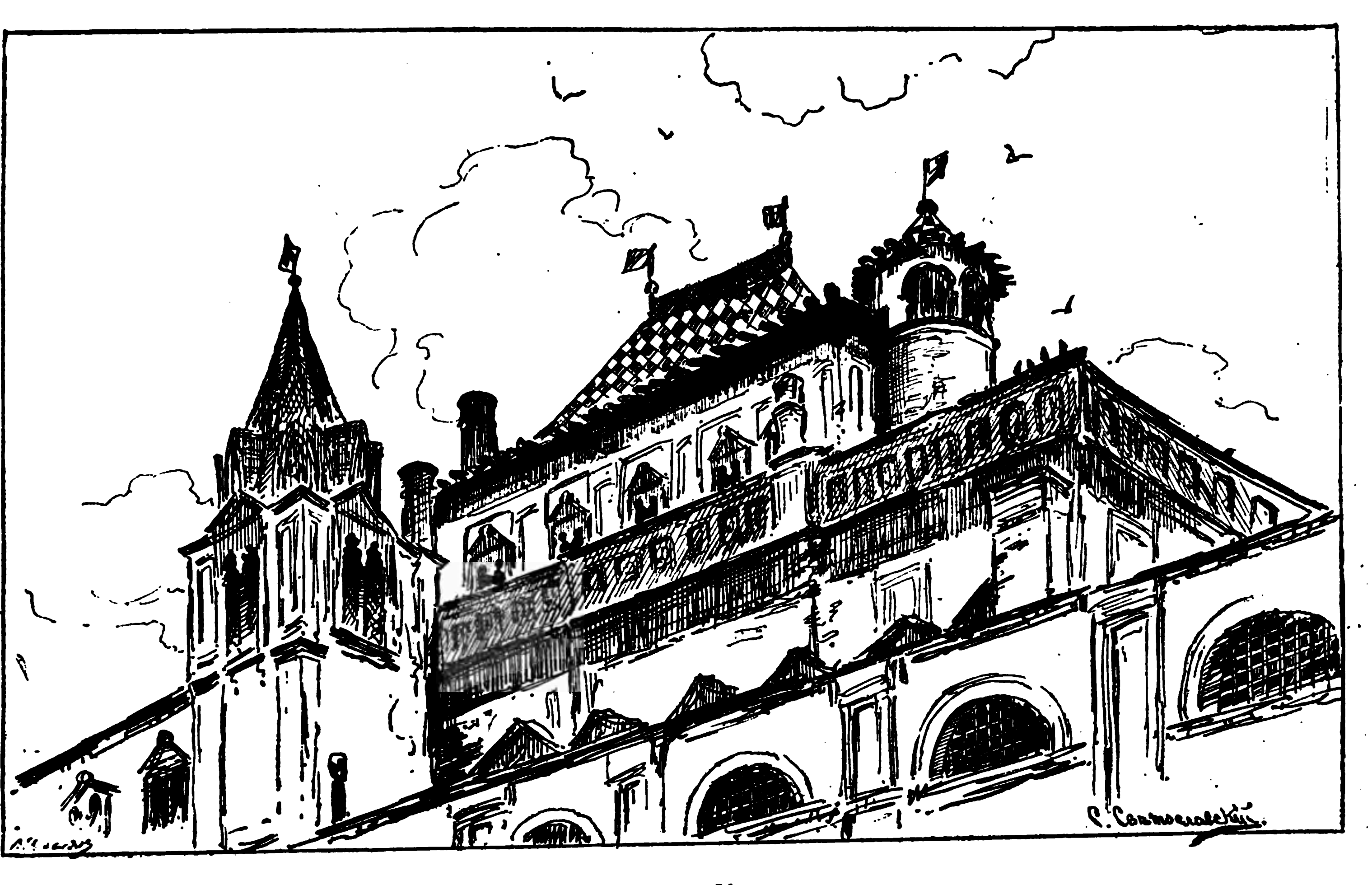
въ поступкахъ.“ Черезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ этого брака родился Петръ Великій, въ четвергъ 30 мая 1672 г. Радость царя при рожденіи сына отъ любимой жены, народъ воспроизвелъ въ слѣдующей пѣснѣ:

„Когда свѣтелъ радостенъ въ Москвѣ
Благовѣрный царь, Алексѣй, царь Михайловичъ
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича
Перваго Императора на землѣ
Всѣ тѣ русскіе, какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель спальку дѣлали
Они младому царевичу;
А и няпюшки,—мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали—шпикарочку вышивали,
По бѣлому рытому бархату они краснымъ золотомъ вышивали
. . . .
Тюрьмы съ покоянными они всѣ распущалися,
А и гробы царскіе они всѣ растворялися,
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А и князи сбиралися, бояре съѣзжалися, дворяне сходилися,
А и все народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются
Въ весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младаго царевича Петра Алексѣевича
Перваго Императора.

Кремль и вся Москва торжественно праздновали рожденіе Петра Алексѣевича. Рано утромъ колокола Кремля объявили вѣсть о радости государя-отца, и колокола Москвы разнесли ее по столицѣ и уже въ пять часовъ утра царь былъ въ Успенскомъ соборѣ на благодарственномъ молебствіи, совершенномъ новгородскимъ митрополитомъ Питиримомъ. Послѣ молебна государь отправился въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, какъ бы дѣлясь съ ними своей радостью. Помолившись у мощей Алексѣя митрополита въ Чудовомъ монастырѣ, приложившись къ иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, царь возвратился во дворецъ, гдѣ произвелъ въ окольничьи отца, а также и воспитателя царицы, Нарышкина и Матвѣева. Во дворцѣ между тѣмъ уже собрались бояре, думные дворяне, полковники, стрѣлецкіе головы — вообще вся знать, которая имѣла право присутствовать при торжествахъ и государь, принявъ ихъ поздравленія, повелѣлъ угощать водкою, фряжскими винами и десертомъ изъ свѣжихъ плодовъ. 1-го іюня у царя въ царицыной золотой палатѣ былъ

обѣдъ для бояръ и ближнихъ людей „безъ зову и безъ мѣстъ.“ Стольники царскіе угощали гостей и разносили имъ закуску и гостинцы, а стольники царицыны угощали ихъ во время обѣда. 29 іюня въ трепезѣ церкви Алексѣя митрополита въ Чудовомъ монастырѣ совершено было надъ новорожденнымъ св. таинство крещенія и онъ былъ названъ Петромъ; царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, старшій его братъ и тетка государя царевна Ирина Михайловна были воспріемниками отъ купели Петра. Въ слѣдующій день въ грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а четвертаго іюля былъ крестильный столъ, причемъ за этими обѣдами угощались сто шестьдесятъ духовныхъ лицъ и двѣсти пятнадцать свѣтскихъ. Здѣсь были представители всѣхъ сословій, начиная отъ царевичей Касимовскаго и Сибирскаго до выборныхъ купеческихъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ включительно. Составленъ былъ штатъ лицъ, которыя должны были смотрѣть за высокимъ новорожденнымъ. Будущаго великаго императора кормить грудью назначена была боярыня Неонила Іероѳѣевна Львова, старшею мамою—боярыня Леонтьева, а верховою боярыней — вдова княгиня Ульяна Голицына.

Въ это время характеръ архитектурной дѣятельности въ Кремлѣ значительно усовершенствовался. Кремль пріобрѣтаетъ въ общемъ вполнѣ благообразный видъ. Приказы переведены изъ Кремля въ Бѣлый и Китай-города вслѣдствіе того, что постройки въ которыхъ они помѣщались, чрезвычайно обвѣтшали. По улицамъ Кремля прежде стояли нищенскія избушки, гдѣ жили убогіе и нищіе, но съ 1678 года они мало по малу уничтожились, такъ какъ для убогихъ велѣно было строить богадѣльныя избы при церквахъ. Въ тотъ вѣкъ нищіе, убогіе пользовались особеннымъ вниманіемъ со стороны знатныхъ бояръ, а также царей и царицъ. Передъ большими праздниками цари посѣщаютъ несчастныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, помогая имъ милостыней. Существовали при дворцахъ такъ называемые верховные богомольцы или дворовые нищіе, которые жили подъ одною кровлею съ царемъ, отъ котораго получали пищу и одеждою. Это были по преимуществу глубокіе старики съ которыми царь

Видъ Теремовъ со стороны Кавалерскаго двора.

любилъ въ свободное время бесѣдовать о старинѣ. У царевны Натальи Алексѣевны также при дворцѣ была богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ. Нищіе сидѣвшіе постоянно у различныхъ соборовъ: Успенскаго, Архангельскаго, у Чудова монастыря, калѣки и лежанки, назывались богородицыными или пречистинскими, архангельскими и чудовскими. Нѣкоторые изъ нищихъ имѣли особыя привиллегіи и устройства, такъ, — пречистинскіе составляли товарищество или братство, которымъ управлялъ свой старшина.

Въ шесть съ небольшимъ лѣтъ, въ которые царствовалъ Өедоръ Алексѣевичъ, Кремль значительно украсился. На портретѣ его при гробницѣ въ Архангельскомъ соборѣ есть надпись, изъ которой мы узнаемъ слѣдующее: „Многія церкви Божія пречудно многимъ благолѣпіемъ украси и наученіе свободныхъ мудростей россійскаго народа присно промышляше и монастырь Спаскій, иже во градѣ Китаѣ на то ученіе опредѣли и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всякимъ опаснымъ вѣры охраненіемъ, на то ученіе написа; домы каменные на пребываніе убогимъ и нищимъ съ довольнымъ пропитаніемъ содѣла и оныхъ упокояше многія тысящи, царскихъ многолѣтнихъ долговъ народу отдаде и впредь дани облегчи, царскій свой домъ и грады Кремль и Катай преизрядно обнови.“

Въ Кремлѣ, еще въ царствованіе Михаила Өедоровича, на скатѣ горы были устроены, па сводахъ, красные набережные сады,—верхній и нижній и которые были украшены и устроены при царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ, въ концѣ его царствованія. Каменная стѣна съ окнами огораживала съ набережной стороны эти сады, а съ внутренней—рѣшетка. Въ 1681 году былъ устроенъ здѣсь прудъ, выложенный свинцовыми плитами, въ который проведена была вода изъ водовзводной кремлевской башни. Этотъ прудъ весьма замѣчателенъ. Петръ въ дѣтствѣ здѣсь плавалъ въ потѣшныхъ карбусахъ и шнавахъ и, безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь зародилась у великаго монарха любовь къ мореплаванію и кораблестроенію. При Өедорѣ Алексѣевичѣ процвѣтаетъ садоводство и цвѣтоводство. Кромѣ цвѣтовъ и аптекарскихъ травъ въ обоихъ набережныхъ садахъ росли только плодовые деревья и кусты. Въ это же царствованіе впервые при-

везены въ Кремль розы. Здѣсь росъ виноградъ и посѣяны были арбузы. Впослѣдствіи въ садахъ были устроены по шести оранжерейныхъ палатъ въ каждомъ, отапливавшихся муравлёными, изразцовыми печами. Въ лѣтнее время сады защищались отъ птицъ сѣтями изъ мѣдной проволоки. Въ 1687 году построенная въ Кремлѣ водовзводная башня доставляла воду въ сады. Верхъ ея украшенъ былъ часами, а въ срединѣ помѣщалась машина. По угламъ верхняго сада отъ дворца къ рѣкѣ стояли большіе чердаки въ родѣ бесѣдокъ. Подлѣ самыхъ хоромъ устроены были комнатные или сѣнные сады. Θедоръ Алексѣевичъ былъ вообще большой любитель садоводства и украшалъ царскіе вертограды.

Царствованіе Θедора Алексѣевича особенно замѣчательно уничтоженіемъ мѣстничества и учрежденіемъ семейственнаго судилища. Къ этой эпохѣ традиціи, и преданія старины, обряды и торжества, достигнувъ апогея своего величія, начинаютъ падать подъ тяжестью собственнаго бремени. Θедоръ Алексѣевичъ избѣгалъ торжественныхъ церемоній, какъ мы видѣли передъ вѣнчаніемъ Михаила Θедоровича, чрезвычайно утомительныхъ своей обрядностью, и тягостныхъ вслѣдствіе „докуки“ вѣчныхъ челобитій. Такъ вторая женитьба царя Θедора Алексѣевича была совершена безъ всякой пышной обстановки.

Послѣ смерти Θедора Алексѣевича настаетъ время значенія терема въ политической жизни государства и начались несогласія лицъ, въ рукахъ которыхъ очутилось правленіе.

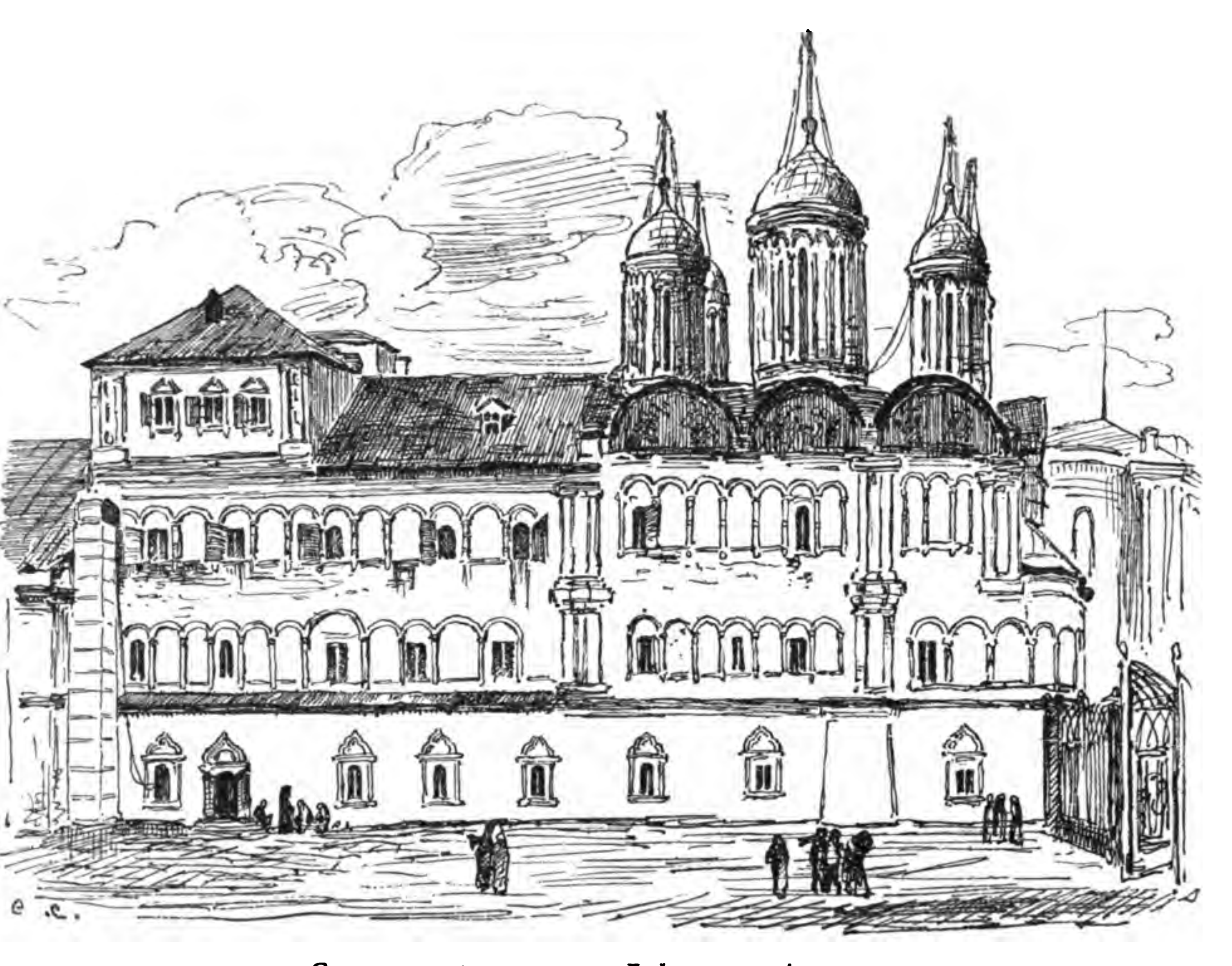
27 апрѣля 1682 въ Кремлѣ, часа въ четыре по полудни, раздался протяжный и печальный звонъ колокола, извѣщавшаго о кончинѣ царя Θедора и народъ со всѣхъ сторонъ Москвы массами повалилъ къ Кремлю. Бояре, царедворцы, служилые и ратные люди поспѣшали туда-же въ Кремль, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, а кто въ тяжелой колымагѣ. Вся площадь передъ Грановитой палатой была переполнена народомъ; сановные люди съ серьезными озабоченными лицами подымались по Красному крыльцу. Скоро вышелъ изъ дворца дьякъ и громогласно объявилъ народу, что всѣ, кто желаетъ, могутъ дать усопшему царю послѣднее прощальное цѣлованіе. Сожалѣніе о молодомъ, добродушномъ и такъ рано умершемъ царѣ смѣшивалось съ опасеніями и безпокойствомъ,—кто-же теперь будетъ править

царствомъ! Этотъ вопросъ волновалъ всѣхъ, въ особенности, конечно, приближенныхъ къ царскому семейству. Покойный царь не оставилъ на этотъ счетъ никакого завѣщанія. Многіе даже боялись, чтобы не произошло кровопролитія, а потому отправляясь въ Кремль, надѣли подъ свои одежды панцыри и кольчуги. Когда бояре собрались въ передней палатѣ кремлевскаго дворца, къ нимъ вышелъ патріархъ Іоакимъ съ духовенствомъ. Благословивъ собравшихся, патріархъ сказалъ: „Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не осталось, но остались братья его—царевичи Иванъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Иванъ шестнадцатилѣтенъ, по одержимъ скорбью и слабъ здоровьемъ, царевичъ же Петръ десятилѣтенъ. Изъ нихъ, двухъ братьевъ, кто будетъ наслѣдникомъ россійскаго престола, единый или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобы сказали истину по совѣсти, какъ передъ престоломъ Божіимъ, кто-же изрѣчетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды!“ Собравшіеся бояре предложили передать этомъ важный вопросъ на рѣшеніе всего православнаго народа, „что это дѣло такое, которое должно быть рѣшено всѣхъ чиновъ людьми.“ Патріархъ вмѣстѣ съ архіереями и боярами, вышелъ на верхнюю площадку Краснаго крыльца и велѣлъ собраться „людямъ всѣхъ чиновъ“ на площадь передъ церковью Спаса. Когда всѣ собрались патріархъ обратился къ народу: „кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ?“ Единодушные крики провозгласили Петра Алексѣевича и хотя раздались отдѣльные возгласы „Ивану!“, но были заглушены крикомъ сторонниковъ Петра. Царевна Софья протестовала противъ этого избранія: „Петръ еще юнъ и неразуменъ,—говорила она!—Иванъ же совершеннолѣтенъ; онъ долженъ быть царемъ.“

Софья не отличалась особеннымъ образованіемъ и представляла собой лишь послѣдовательницу византійскихъ традицій, олицетворяя въ своемъ лицѣ излюбленный Византіей типъ царевенъ-постницъ, имѣвшихъ вліяніе въ судьбахъ Византіи. Но она была богато одарена умственными природными способностями, твердостію характера и неуклоннымъ стремленіемъ выбиться изъ ненавистнаго ей положенія царевны-постницы-затворницы и достичь

*

идеала царевны-правительницы. Дѣйствительно, жизнь и времяпровожденіе въ Кремлѣ тогдашнихъ царевенъ для Софьи казалось нестернимымъ. Даже жизнь дѣвушекъ-простолюдинокъ была свободнѣе и въ этомъ смыслѣ лучше житья царевенъ, обреченныхъ на безбрачіе и вѣчное заточеніе въ своемъ кремлевскомъ теремѣ. Первые могли пользоваться полною жизнью женщины, для царевенъ-же замужество было немыслимо — съ иноземными королевичами, устроить бракъ по крайней мѣрѣ было весьма затруднительно, а съ русскимъ, — какъ подданнымъ, — почти невозможно. Мы видѣли какія усилія употреблялъ Михаилъ Ѳедоровичъ, чтобы выдать свою дочь Ирину замужъ и какъ потрясло его здоровье разстройство этого дѣла; но онъ не могъ согласиться, не смотря на силу своихъ отцовскихъ чувствъ, на бракъ царевны Ирины съ иновѣрцемъ; боязнь измѣненія традиціямъ православія была слишкомъ сильна. Ни въ одномъ изъ тогдашнихъ монастырей не было столько строгости, воздержанія, постовъ и молитвъ, сколько въ теремахъ царевенъ. Царевнѣ нельзя было выйти за мужъ за каго либо изъ бояръ или другихъ болѣе знатныхъ семействъ, такъ какъ это унизило-бы значеніе царскаго достоинства. Внѣ-же замужества женщина въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ не имѣла никакого значенія. Она имѣла значеніе лишь только почвы, для поддержанія родословныхъ корней. Цѣль и смыслъ ея существованія заключались только въ семьѣ. Разъ ей не удалось выйти замужъ, то по строю общества и складу его убѣжденій, она являлась совершенно лишнею въ обществѣ, и такихъ дѣвушекъ постригали въ монахини. Понятно поэтому, что и самая жизнь царевны находила смысль только въ иноческой жизни. Царевенъ держали настоящими келейницами, — они тихо увядали, осужденныя на жизнь вѣчныхъ затворницъ. Конечно, и имъ не были чужды тревоги молодой жизни и хотя сердце порой усиленно билось страстями и желаніями, имъ приходилось по неволѣ ограничивать и подавлять ихъ подъ тяжелымъ покровомъ строгихъ постовъ и постоянныхъ молитвъ. Всѣ мірскія развлеченія ограничивались лишь слушаніемъ пѣнія сѣнныхъ дѣвушекъ, да забавами шутихъ. Затворничество царевенъ въ кремлевскихъ теремахъ было на столько строго, что королевичъ Вольдемаръ, проживиній въ Кремлѣ для сватовства около

Синодальный домъ и ц. Двѣнадцати Апостоловъ.

полутора года ни разу не видѣлъ, хотя бы мелькомъ, предназначавшейся ему невѣсты царевны Ирины.

У царевны Софьи были другія стремленія, другіе идеалы чисто византійскаго духа. Ея энергическая личность не могла удовлетвориться жизнью затворническаго терема. Пустые разговоры обычныхъ посѣтительницъ и шутихъ не занимали ее. Она мечтала сбросить съ себя путы, которыми окутана была со дня рожденія.

Въ это время избраніе Петра подало поводъ къ недовольству и раздору придворныхъ партій, главными представителями которыхъ были Милославскіе, родственники Ивана по первой женѣ Алексѣя Михайловича, матери Ивана, и Матвѣевъ и Нарышкины, родственники Петра. Къ придворнымъ смутамъ присоединились стрѣлецкія волненія, сперва неимѣвшія политическаго характера. Софья съумѣла воспользоваться ими, при помощи партіи Милославскихъ, и добиться собственной власти. 15 Мая 1682 года начался бунтъ. Стрѣльцовъ возбудили идти въ Кремль распущенными слухами о смерти царевича Ивана, задушеннаго будто по приказанію партіи Петра. Стрѣльцы двинулись къ Кремлю съ криками: „Изведемъ всѣхъ измѣнниковъ царскаго рода!“ Въ Кремлѣ, въ это время, находилось много бояръ и сановниковъ, собравшихся для засѣданія въ думѣ. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что бунтующіе стрѣльцы идутъ въ Кремль, хотѣли запереть ворота, но было ужь поздно: толпы стрѣльцовъ, хлынувшихъ въ Спаскія, Никольскія и Боровицкія ворота, наполнили весь Кремль. Копья, протазаны и бердыши уже сверкали подъ самыми окнами Грановитой палаты. Когда стрѣльцы потребовали выдачи имъ мнимыхъ убійцъ царевича Ивана, тогда царица Наталья Кириловна вмѣстѣ съ Петромъ и Иваномъ вышла на Красное крыльцо, чтобъ показать имъ ложность слуховъ о смерти царевича. Стрѣльцы было успокоились, но въ это время, къ несчастью своему появился на Красномъ крыльцѣ князь Долгорукій и, считая себѣ ихъ начальникомъ, грозно приказалъ имъ удалиться. Разсвирѣпѣвшіе стрѣльцы кинулись на крыльцо мимо патріарха къ Долгорукому, схватили его, сбросили съ крыльца внизъ и тучное тѣло князя, подхваченное на копья, пронзенное, истерзанное, было тутъ же разсѣчено стрѣлецкими бердышами. Въ тоже время другая толпа,

направляемая клевретами Софьи, вбѣжала на крыльцо изъ сѣней Грановитой палаты, вырвала Матвѣева изъ объятій царицы Натальи Кириловны и сбросила его на копья къ Благовѣщенскому собору, гдѣ тѣло несчастнаго боярина было также немедленно изрублено въ куски. Ожесточенные, двумя убійствами, стрѣльцы, съ крикомъ:—„пора намъ разбирать, кто намъ надобенъ!", склонивъ копья, ринулись въ самый дворецъ, начали обѣгать всѣ комнаты, изъ которыхъ теремъ Натальи Алексѣевны укрывалъ отца и братьевъ царицы Натальи Кириловны, заглядывали во всѣ чуланы, рылись въ тюфякахъ и перинахъ, всюду отыскивая тѣхъ, „кто имъ надобенъ и если находили своихъ жертвъ, то вытаскивали ихъ на крыльцо, показывали стоявшимъ внизу стрѣльцамъ, спрашивали: „любо-ли?" и на отвѣтъ толпы: „любо! любо!", безжалостно свергали несчастныхъ на копья, умерщвляли ихъ и изуродованныя тѣла несчастныхъ тащили по Кремлю, съ хохотомъ, крича народу: „ѣдетъ бояринъ, ѣдетъ думный, дайте дорогу!"—выволакивали ихъ Спасскими или Никольскими воротами на Красную площадь, гдѣ наконецъ трупъ разсѣкали на части. Всюду во дворцѣ они искали Ивана Нарышкина и, принявъ за него Салтыкова, растерзали его. Изъ подъ жертвенника дворцовой церкви Воскресенья что на Сѣняхъ, вытащенъ былъ, по указанію царицыной карлы, комнатный стольникъ Аѳанасій Нарышкинъ, тотчасъ-же изрубленный на самой папертн и ругательски сброшенный отсюда къ Успенскому собору. Между Патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ схватили боярина Ромодановскаго „ведущи его за власы и броду зѣло ругательно терзаху и по лицу бивши и противъ разряду на дорогѣ, поднявъ вверхъ на копья и, опустивши па землю, изрубили.

Бунтъ стрѣльцовъ продолжался и въ слѣдующіе дни, причемъ было совершено много другихъ убійствъ. Стрѣльцы требовали, чтобы имъ выданъ былъ Иванъ Нарышкинъ и, въ третій день волненія, бросились вновь обыскивать дворцы и грозили продолжать волненіе и не уйти изъ Кремля, пока не будетъ имъ выданъ Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ. Многіе перетрусившіе бояре, опасаясь за свою жизнь, а также и церевна Софья убѣдили царицу Наталью выдать своего брата. Убѣжденная ими, царица рѣшилась

пожертвовать своимъ любимымъ братомъ. Она позвала его въ церковь Спаса за золотой рѣшеткой, гдѣ онъ исповѣдывался, пріобщился и даже соборовался. Затѣмъ царица приняла изъ рукъ Софьи образъ Богоматери и, благословивъ имъ несчастнаго брата, съ рыданіемъ припала къ его груди. Бояре торопили прощаніе. Иванъ Кирилловичъ съ иконой Богоматери на груди бодро пошелъ изъ церкви къ золотой рѣшеткѣ и явился передъ стрѣльцами. „Его-же они злые—свидѣтельствуетъ лѣтописецъ—звѣрски подхватили, сверху отъ самой рѣшетки волокли немилосердно и пытали пытками страшными и, выведя изъ Кремля на Красную площадь, изрубили его на мелкія части.“ Послѣ этого стрѣлецкая смута стихаетъ, но Софья уже добилась исполненія своего завѣтнаго желанія. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа былъ назначенъ князь Хованскій, одинъ изъ ея преданныхъ друзей. Теперь она могла предъявлять свои требованія, зная, что за нее стоятъ стрѣльцы,—какъ мы видѣли только что,—могущественная тогда сила. Поэтому вновь возникаетъ вопросъ о соцарствованіи царевича Ивана, причемъ послѣдній былъ назначенъ первымъ царемъ и Софья, какъ болѣе энергичная и выдающаяся личность изъ рода старшаго царя, была назначена правительницей. Такъ рѣшено было дѣло общимъ голосомъ двора и „по челобитью всего народнаго множества.“ Вскорѣ происходило вѣнчаніе на царство обоихъ царей вмѣстѣ. Для этого случая былъ сдѣланъ двойной тронъ, съ закрытымъ позади его мѣстомъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, засѣдалъ какой нибудь бояринъ во время пріема царями иностранныхъ посольствъ. Этотъ любопытный тронъ сохраняется и теперь въ Оружейной палатѣ.

„Теремъ торжествовалъ. Царемъ стала дѣвица! Дѣвица вмѣсто монастыря попала на тронъ, вмѣсто схимы облеклась въ порфиру.“ Царь-дѣвица становится государственнымъ, оффиціальнымъ лицомъ и какъ царь является на публичныхъ церемоніальныхъ выходахъ. Такіе небывалые подвиги въ жизни кремлевскаго дворца начались съ первыхъ почти дней воцаренія, въ государствѣ, терема. 16-го іюня 1682 года, при провожаніи образа Знаменія Богородицы, посылаемаго въ полки въ Казань, вышли цари и рядомъ съ ними вышла царевна Софья. „Ради государственнаго

правленія Софья указала боярамъ, окольничьимъ и думнымъ людямъ видѣть всегда свои государскія пресвѣтлыя очи и о всякихъ государственныхъ дѣлахъ докладывать себѣ и за тѣми дѣлами изволили она, государыня, съ боярами сидѣть въ палатѣ.“ Конечно, случай небывалый въ исторіи терема. Въ указахъ рядомъ съ именами братьевъ-царей, Софья повелѣла писать и свое имя; но еще необычайнѣе былъ поступокъ терема, когда онъ усѣлся въ Грановитой палатѣ, засѣдать въ спорахъ о вѣрѣ между раскольниками и патріархомъ.

Расколъ начался при Алексѣѣ Михайловичѣ со временъ Никона, возбудившаго противъ себя чрезвычайно сильную оппозицію въ лицѣ тѣхъ, кто придерживался старыхъ книгъ до ихъ исправленія Никономъ. Уже во время Алексѣя Михайловича высказался протестъ противъ новшествъ въ дѣлѣ обрядности религіи со стороны знаменитой боярыни Морозовой, пострадавшей весьма сильно за свое упорство, за свои убѣжденія. Боярыня Морозова, съ своей сестрою княгиней Урусовой, были подвергнуты пыткамъ, заточены и умерли почти отъ голодной смерти. Кремль видѣлъ въ своихъ стѣнахъ эту боярыню, когда ее везли мимо Чудова монастыря подъ царскіе переходы, когда она, полагая, что на переходахъ смотритъ царь на ея поѣздъ, часто крестилась двуперстнымъ знаменіемъ, высоко подымая руку и звеня цѣпью, показывая царю, что не только не стыдится своего поруганія, но напротивъ услаждается любовью Христовою и радуется своимъ узамъ. Раскольники особенно ожесточенно теперь вновь возстали противъ Никоновскихъ нововведеній и добивались состязанія съ патріархомъ по вопросамъ вѣры. Несмотря на то, что царственный Кремль держался новыхъ взглядовъ, приверженцевъ старины было весьма много. Князь Хованскій и весьма многіе стрѣльцы придерживались старой вѣры. 5 іюля 1682 года толпы раскольниковъ хлынули въ Кремль. Впереди шли ихъ учителя съ книгами, образами, налоями, зажженными свѣчами, распѣвая гнусливыми голосами духовные гимны. У многихъ за пазухою были камни. Старовѣры наполнили площадку передъ Грановитой палатой, разложили свои налои, развернули книги, разставили образа и объявили, что не уйдутъ, пока не будетъ имъ дозволено преніе о вѣрѣ съ самимъ патріархомъ. Царевна Софья Алексѣевна

рѣшилась допустить пренія. Самый рѣшительный изъ расколо-учителей, попъ-разстрига Никита, прозванный Пустосвятомъ, а за нимъ и другіе грамотѣи, выборные отъ стрѣльцовъ и многіе изъ народа вошли черезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату. При преніи присутствовала сама царевна Софья, оба царя и другія особы царскаго дома. Тутъ произошла, не смотря на присутствіе царей и царскаго семейства, безобразная сцена. Патріархъ Іоакимъ былъ старикъ „не очень сильно ученый.“ Аѳонасій, архіепископъ холмогорскій, хотѣлъ было его поддержать и началъ говорить, но Никита кинулся на него, схватилъ его за бороду и рвалъ ее такъ ожесточенно, что выборные стрѣльцы едва могли оттащить Никиту. Пренія продолжались, но звонъ къ вечернѣ прекратилъ эти споры. Царевна и цари вышли изъ Грановитой палаты, за ними духовенство прошло въ палаты патріарха. Никита-же и раскольники, выйдя на Красное крыльцо, кричали народу: „побѣдили, побѣдили! по нашему молитесь, по нашему вѣруйте!“ Народъ, ожидавшій конца преній о вѣрѣ, оставался въ недоумѣніи, а раскольники громкими криками распространяли вѣсть о своей воображаемой побѣдѣ.

Прошло семь лѣтъ. Петръ выросъ и возмужалъ; не по лѣтамъ сталъ смѣлъ и предпріимчивъ. Опасаясь за свою жизнь, онъ удалился лѣтомъ 1689 года изъ села Преображенскаго, гдѣ жилъ послѣднее время, въ Троице-Сергіеву Лавру, куда и потребовалъ къ себѣ всѣхъ стрѣлецкихъ полковниковъ и по нѣсколько рядовыхъ отъ каждаго полка, грозя ослушникамъ смертной казнью. Между тѣмъ приверженцевъ у Софьи становилось все меньше и меньше. Царевна рѣшилась лично завоевать себѣ симпатіи народа. 1-го сентября, когда по старому русскому лѣтосчисленію праздновался новый годъ, утромъ толпы народа собрались въ Кремль передъ Краснымъ крыльцомъ. Царевна Софья вышла изъ дворца, вмѣшалась въ толпы народа и стала говорить съ нимъ: „Злые люди поссорили меня съ братомъ Петромъ и распускаютъ слухи о заговорѣ на его жизнь. Не вѣрьте вы этому. Не давайте брать людей добрыхъ и вѣрныхъ: ихъ станутъ пытать, а они не стерпятъ пытки, оговорятъ другихъ,—девятеро оговорятъ девятьсотъ.... Вы знаете, — говорила далѣе царевна, — что я правлю госу-

дарствомъ семь лѣтъ; начала въ смутное время и кончила славнымъ миромъ съ Польшей, а невѣрныхъ Турокъ поразила. Всегда я была къ вамъ милостивой и впредъ таковой же буду.“ Такъ говорила Софья съ народомъ около трехъ часовъ. Народъ слушалъ со вниманіемъ эти рѣчи царевны, дивился этой откровенности и выражалъ свое участіе. Царевнѣ казалось, что она произвела громадное впечатлѣніе на народъ. Ей казалось, что всѣ эти тысячи, между которыми она ходила одна, столь довѣрчиво, что всѣ эти люди сдѣлаются ея союзниками, ея друзьями, способными за нее положить свои головы. Но она ошиблась. Всѣ сторонились и отступались отъ нея: князь Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы, нѣкоторые бѣжали, другіе были схвачены по приказанію Петра. Наконецъ Петръ, сторону котораго держалъ и патріархъ, велѣлъ исключить имя Софьи изъ царскаго титула, а черезъ нѣсколько времени послѣ этого, отъ имени обоихъ царей ей было повелѣно удалиться въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ она и скончалась въ 1704 году, будучи пострижена по приказанію Петра въ 1698 году. Такимъ образомъ, несмотря на всю свою энергію, Софьѣ неудалось избѣжать постриженія и схимы — вѣчный удѣлъ терема—схима досталась опять ей вмѣсто короны. Стрѣлецкій бунтъ 1698 года, возбужденный отчасти Софьей, былъ затопленъ въ крови стрѣльцовъ. Болѣе 1000 стрѣльцовъ было предано казни и само стрѣлецкое войско уничтожено Петромъ.

Прежде чѣмъ перейти къ новой эпохѣ въ исторіи Кремля, когда взамѣнъ его Петръ Великій соединяетъ вновь выстроенный имъ городъ Петербургъ съ историческими судьбами Россіи, — остановимся па общемъ очеркѣ Кремля, надъ его улицами и площадями, дворцовыми и другими зданіями, какими опи представлялись, въ это время, въ концѣ XVII столѣтія.

Между двумя стѣнами Кремля простирался глубокій ровъ; стѣны были покрыты на два ската деревянною кровлей. Кромѣ стѣны съ бойницами, внутри Кремля, по верху Подола къ нижней стѣнѣ на берегу Москвы рѣки примыкала третья стѣна отъ Свибловской до Водовзводной башни. Внутри Кремля между зданіями и стѣнами было девять воротъ. На стѣнѣ у Спасскихъ воротъ, на полубашнѣ, называвшейся

царскою и всполошною висѣлъ всполошной колоколъ. Возлѣ этой башни у стѣны была стрѣлецкая караульня. При Константиновской и Никольской башняхъ стояли одноименные съ ними застѣнки, гдѣ заключались и истязались обвиняемые въ преступленіяхъ.

Большія улицы въ Кремлѣ шли отъ Ивановской площади, между каменными стѣнами и палатами, къ Спасскимъ воротамъ, — между деревянными стѣнами, къ Никольскимъ и Ризположенскимъ воротамъ, между каменными приказами и дворомъ Мстиславскаго къ Водянымъ воротамъ. Отъ Никольскихъ воротъ до Вознесенскаго монастыря шла прямая улица. Въ Кремлѣ, кромѣ этихъ главныхъ улицъ находились малыя улицы, „тупики“ и переулки.

Позади собора Св. Николы Гостунскаго, отъ церкви Рождества Богородицы на Трубѣ, проходила каменная труба подлѣ стѣнъ Кирилловскаго подворья и двора князя Черкаскаго у Фроловскихъ воротъ; другая свинцовая труба шла отъ хлѣбнаго дворца къ Водовзводной угольной башнѣ близь Боровицкихъ воротъ.

Ивановская площадь была древней и самой главной площадью въ Кремлѣ. Она служила сборнымъ пунктомъ площадныхъ подъячихъ — тогдашнихъ маклеровъ, которые, на площади же, писали для желающихъ различные акты: купчія, закладныя, оброчныя и мѣстныя памяти, которыя засвидѣтельствовались тутъ же, собравшимися сюда послухами (свидѣтелями). Такое площадное производство дѣлъ продолжалось до Петра I. До 1681 года въ Кремлѣ совершались и казни надъ преступниками. Разбойный приказъ находился на Подолѣ, между церковью Константина и Елены и Константиновскою башнею. Площадь, гдѣ нынѣ арсеналъ, тогда была сборнымъ мѣстомъ стрѣльцовъ. На ней стояли дома князя Лыкова, Оболенскаго и трехъ братьевъ Годуновыхъ.

На югъ по скату Боровицкаго холма, противъ дворца расположены были два набережныхъ сада, о которыхъ мы уже говорили.

Зависимости духовенства отъ своего главы обязаны своимъ происхожденіемъ монастырское и владычное подворье съ церквами. Подлѣ Семеновскаго подворья у Никольскихъ воротъ находилось Рождественское Владимірскаго

монастыря, Архангельское и позади Вознесенскаго монастыря—Новоспасское; близь церкви Константино-Еленской—Даниловскаго и Никольскаго монастырей. Кирилловское подворье, помѣщавшееся вблизи Крутицкаго, называлось монастыремъ Аѳонасьевскимъ и подворье у Троицкихъ воротъ—Троицко-Богоявленскимъ, знаменитымъ по избранію въ немъ Михаила Ѳедоровича. „Изъ церквей Кремлевскихъ, мѣста которыхъ вошли подъ строенія, улицы и площади, лѣтописи, грамоты, дѣла патріаршаго и монастырскаго приказовъ и другіе акты упоминаютъ слѣдующія: церковь Входа въ Іерусалимъ, отъ которой и Никольскія ворота назывались Іерусалимскими, церковь св. Козьмы и Даміана, съ придѣломъ во имя митрополита Филарета, противъ Чудова монастыря у Троицкаго монастыря, церкви: св. Христофора мученика, св. великомученицы Параскевы и св. Николая Чудотворца, а на большой Фроловской улицѣ — храмъ Рождества Богородицы. На Тайницкихъ воротахъ стояли соборы Черниговскихъ чудотворцевъ и Александра Невскаго, на городовой стѣнѣ — церковь св. Петра Митрополита, на сѣняхъ дворца — Срѣтенскій соборъ, смежный съ Спасомъ на Бору. При церквахъ лежали кладбища, огороженныя надолбами и заборами, — тамъ хоронились кремлевскіе жители.“

Такъ какъ Кремль былъ мѣстопребываніемъ царя и его двора, то въ немъ находились каменные и деревянные дворцы. Въ XVII вѣкѣ находились: Золотая палата отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу, Грановитая, чердакъ царицы Анастасіи, гдѣ живалъ царь Иванъ Васильевичъ, дворецъ съ золотой палатой царицы Ирины, Мастерская палата, или такъ называемый Теремной дворецъ и проч. Къ домашнему обиходу принадлежалъ житный дворъ съ портомойными воротами и запасный домъ, хранилище всякихъ съѣстныхъ припасовъ, который раздѣленъ былъ на три дворца: хлѣбный, кормовый и сытный съ погребами.

Кромѣ царскихъ дворцовъ приказовъ и другихъ казенныхъ зданій въ Кремлѣ, бояре и духовныя особы имѣли также свои помѣщенія, палаты и дворы. Въ концѣ этого столѣтія въ Кремлѣ еще славились дворы: Милославскаго, Морозова, Шереметева, князя Черкаскаго, боярина Стрѣшнева, съ крестовыми на нихъ церквами. Въ разныхъ мѣс-

тахъ Кремля, на своихъ дворахъ и дворикахъ, жили протопопы и попы кремлевскихъ церквей. Обыкновенно боярскіе дома были двухъэтажные, а улицы вымащивалися бревнами. Вообще, въ то время деревянныхъ зданій въ Кремлѣ было гораздо больше каменныхъ, а скученность построекъ дѣлала ихъ очень небезопасными отъ огня.

Въ ноябрѣ 1682 года въ Кремлѣ произошелъ большой пожаръ. Сгорѣли выстроенные Ѳедоромъ деревянные хоромы царя Петра и хоромы царевнъ. Загорѣлся Успенскій соборъ, на которомъ сгорѣла кровля и въ главахъ оконницы, такъ что всѣ значительныя иконы и мощи чудотворцевъ вынесены были изъ предосторожности въ Архангельскій соборъ. Черезъ три года на мѣстѣ погорѣвшихъ выстроены были новые, для царя Петра и его матери, деревянные хоромы, а для царевенъ Софіи и другихъ были возведены трехъэтажныя каменныя палаты, въ нижнемъ этажѣ которыхъ была устроена комната, по приказанію царевны Софіи, „гдѣ сидѣть съ боярами, слушать всякія дѣла.“ Въ тоже время построена новая церковь на кормовомъ дворцѣ, возлѣ верхняго краснаго сада и новыхъ хоромъ царя Петра построена церковь во имя Петра и Павла. Для подкрѣпленія Верхоспасскаго собора въ Меньшой Золотой Палатѣ подведены были подъ своды крестообразныя, каменныя „перетитивья,“ которыя хотя и обезобразили палату, но сберегли ее отъ разрушенія. Возобновлены были: Грановитая, Золотая-Средняя, Отвѣтная и другія палаты, а также Красное крыльцо.

Въ концѣ XVII столѣтія, передъ единодержавіемъ Петра, Кремль достигъ апогея своего величія. Царскіе дворцы находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, до какого не достигали ни въ одно изъ предыдущихъ царствованій. Въ это время обширность и великолѣпіе дворцовъ вполнѣ выразили характеръ древней царской жизни, во всемъ его блескѣ, и царственной пышности. Съ этого времени начинается постепенное разрушеніе и запустѣніе Кремля. Пожаръ 1696 году, въ годъ смерти послѣдняго стариннаго Московскаго царя Ивана Алексѣевича, былъ началомъ этого разрушенія и запустѣнія.

Арка въ теремномъ дворцѣ.

VII.

Домашній бытъ царей и царицъ въ Кремлѣ.

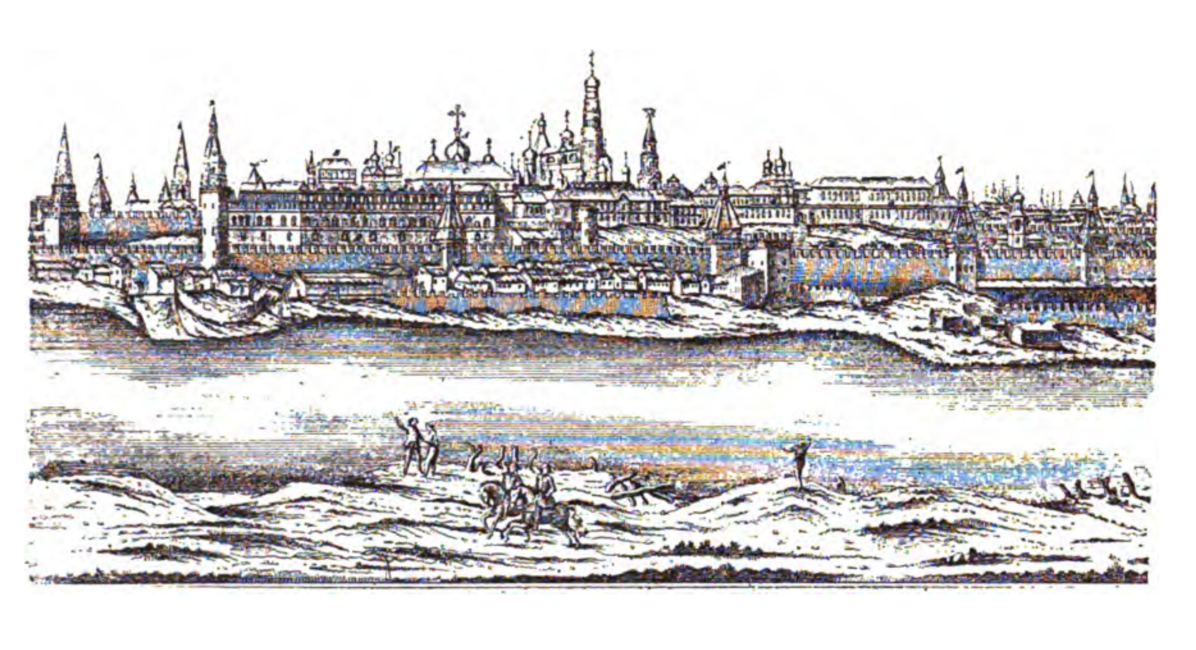
Постепенное измѣненіе князя-господина въ царя, великаго-государя всея Руси. — Вліяніе византійскихъ идей и обычаевъ на придворную обстановку государя. — Порядокъ доступа во дворецъ. — Охраненіе чести государева двора. — Значеніе различныхъ палатъ и отдѣленій дворца въ офиціальной и обыденной жизни государя. — Обыкновенная жизнь государя и государыни. — Развлеченія и увеселенія. — Бесѣда съ верховыми богомольцами. — Потѣшная палата. — Богомольные выходы царя. — Уединенность и замкнутость лицъ женскаго пола царскаго семейства. — Ихъ развлеченія и занятія. — Описаніе выѣздовъ царя и царицы изъ Кремля на богомолье. — Богомольные выходы въ Кремлѣ. — Крестный ходъ въ день Богоявленія.

Первоначально въ предыдущихъ историческихъ очеркахъ мы видѣли въ Кремлѣ постепенное измѣненіе типа

князя-господина въ царя-великаго государя всея Руси. Именемъ государя прежде обозначался извѣстный типъ властныхъ отношеній, и какъ типъ домашняго строя жизни, онъ существовалъ вездѣ. Господарь, государь было лицо, совмѣщавшее въ своемъ значеніи понятія о главѣ дома, о непосредственномъ правителѣ, судьѣ, владѣльцѣ и распорядителѣ своего хозяйства. Домострой XVI вѣка употребляетъ только „государь,“ „государыня,“ „господарь,“ „господарыня“ для наименованія хозяевъ дома. Свадебныя пѣсни величаютъ хозяевъ дома государемъ-батюшкой, государыней-матушкой. И мы видимъ возникновеніе государя вмѣсто князя, государить вмѣсто княжить. Значеніе такого государя пріобрѣтаетъ государь московскій. Новыя отношенія государя выростаютъ на почвѣ иноземныхъ сношеній, на почвѣ жизни съ сосѣдями. Царственная обстановка московскаго государя, порядки его быта и высота его сана, достигшія въ концѣ XVII столѣтія апогея своей пышности, выростаютъ постепенно, по мѣрѣ развитія заграничныхъ сношеній, по мѣрѣ встрѣчъ, знакомствъ и столкновеній въ общей политикѣ иноземныхъ государствъ, а особенно сосѣднихъ изъ нихъ. Московскіе государи не хотѣли остаться передъ ними „въ худыхъ,“ а напротивъ, во чтобы то ни стало, они хотѣли перегнать ихъ, хотя-бы на первый разъ, внѣшнимъ величіемъ, великолѣпіемъ и могуществомъ. Дѣйствительно, иностранныя посольства удивляются пышности царской обстановки, великолѣпію и богатству драгоцѣнностей, украшавшихъ одежды царей. Съ развитіемъ вотчинности или господарства служба лицу пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ лицомъ самаго государя, общее политическое значеніе. Быстрое развитіе вотчиннаго типа на кремлевской почвѣ втянуло въ себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся прежде равными правами самобытности. Дружинники, друзья-товарищи походовъ скоро превращаются въ слугъ и имя слуги сдѣлалось самою высшею наградой за службу вообще. Служба бояръ и вообще сановниковъ въ существенныхъ чертахъ была службою домовыхъ людей: они были обязаны служить до послѣдней возможности; каждый день съ ранняго утра обязаны были являться во дворецъ, ударить челомъ государю и запоздалый ихъ пріѣздъ во дворецъ, безъ особо-уважительной причины, навлекалъ на себя гнѣвъ

и немилость государя. Кремль въ своемъ устройствѣ представлялъ собою вотчинный господарскій типъ; въ сущности это была помѣщичья усадьба, обширный „вотчинниковъ дворъ,“ стоявшій среди слободъ и деревень, которыя почти всѣ имѣли какое-нибудь служебное назначеніе въ вотчинномъ хозяйствѣ царя, въ потребностяхъ его царскаго дома и домашняго обихода. Нѣкоторые иностранцы, бывавшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Москвѣ вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царскій дворецъ, говоря, что онъ обнесенъ каменной стѣною. Дѣйствительно, первой основой Кремля былъ княжій дворъ, или, въ самое древнее время, княжій столъ съ необходимыми хоромами или клѣтями на случай пріѣзда. Съ переѣздомъ князей на житье въ Кремль, дворъ началъ распространяться. Подлѣ двора построена была церковь Благовѣщенія на Сѣняхъ. Вблизи двора, въ разныхъ мѣстахъ, находились службы и дома дворовыхъ людей также со службами. Таковъ былъ первоначальный Кремль — основной камень распространенія Москвы и ея устройства. Условія древняго общества требовали стѣнъ вокругъ города, или тына, или острога для сколько нибудь покойной жизни. По этому сначала и Кремль былъ обнесенъ тыномъ. Цари московскіе, съ проникновеніемъ въ Кремль византійскихъ идей, стараются стать на недосягаемую высоту. Могущество-же московскаго государя, какъ собирателя воедино разбросанныхъ областей, придаетъ ему особенное политическое значеніе, которое вполнѣ помогаетъ осуществить великую идею государственной жизни Руси, — идею государства.

Византійскія идеи и обычаи, живымъ воплощеніемъ которыхъ была Софья Палеологъ, не могли понятно не отразиться на установленіи новыхъ придворныхъ обычаевъ и торжественныхъ „чиновъ,“ или обрядовъ — и московскій государь не только вполнѣ сознавалъ свое царственное значеніе и идею государства, принявъ титулъ царя всей Руси, но и облекъ это значеніе въ соотвѣтствующія царскія формы. Съ другой стороны, народъ проникшійся высокимъ призваніемъ царя, благоговѣйно чтилъ и всѣ знаки его величія. Самый дворецъ государевъ охранялся особеннымъ почетомъ, воздававшимся царскому мѣстопребыванію и постепенно принимавшимъ все болѣе и болѣе ярко

ВИДЪ КРЕМЛЯ XVIII ВѢКА.

Извлечено изъ чертежа Москвы, помѣщеннаго въ книгѣ Г. Вельтмана Достопамятности Московскаго Кремля.

очерченную торжественность и строгость; такъ, требовалось, чтобы ко дворцу подходили пѣшкомъ, оставляя лошадей и экипажи въ извѣстномъ, заранѣе установленномъ въ болѣе дальнемъ или близкомъ разстояніи отъ дворца, что зависило отъ чиновъ пріѣзжавшихъ. Даже иноземные послы, какъ государевы гости, выходили изъ экипажей, подобно боярамъ, въ разстояніи нѣсколько саженъ отъ крыльца. Простой же и малочиновный русскій человѣкъ еще издали, завидя царское жилище, благоговѣйно снималъ свою шапку, „воздаючи честь“ мѣстопребыванію государя. Безъ шапки онъ и подходилъ ко дворцу и проходилъ мимо его. Правомъ-же свободнаго входа во дворецъ пользовались одни только придворные чины, да и то съ различными, по значенію каждаго, ограниченіями: по указу, напр., 1681 года, стольникамъ и стряпчимъ назначено было входить „въ палату что у перегрworld стѣны, вшедъ съ постельнаго крыльца въ новыя сѣни налѣво, а слыть той палатѣ переднею; дворянамъ и жильцамъ приходить въ Старую Золотую палату; стольникамъ—генераламъ и стольникамъ—полковникамъ приходить въ палату, что подлѣ Передней.“—Особенно строго воспрещалось ходить за каменную перегораду, которая отдѣляла Постельное крыльцо отъ Площадки, гдѣ была лѣстница въ государевы покои или нынѣшній Теремный дворецъ. Лѣстница эта сохранилась донынѣ на томъ-же самомъ мѣстѣ, хотя и въ другомъ видѣ. Вверху она запиралась мѣдной золоченой рѣшеткой, а внизу ограждалась отъ другихъ отдѣленій дворца „каменною перегородою,“ за которую и воспрещено было „отнюдь никому не ходить,“ за исключеніемъ однихъ только судей, которые„ сидятъ по приказамъ съ тѣмъ однако, чтобы въ Верхъ, т. е. въ покоевые или жилые хоромы государя безъ призыва входить не смѣли и ожидали приказанія у лѣстницы.“ Еще большей недоступностью отличались внутреннія отдѣленія дворца, т. е. постельные хоромы царя, царицы и государевыхъ дѣтей. Въ эти отдѣленія не смѣли входить даже и тѣ изъ придворныхъ чиновъ, которые по своимъ должностямъ должны были являться туда, напр., съ докладомъ о кушаньѣ или съ самимъ кушаньемъ. Далѣе сѣней они не осмѣливались входить и здѣсь передавали доклады верховнымъ боярынямъ или другимъ придворнымъ женщинамъ. Даже когда

государь посылалъ кого либо къ царицѣ и къ дѣтямъ спросить о здоровьѣ или „для какого иного дѣла,“ то и въ такомъ случаѣ посланые „обсылались черезъ боярынь, а сами не ходили безъ обсылки.“ Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1684 году, вѣроятно по поводу стрѣлецкихъ смутъ, волновавшихся тогда въ Кремлѣ и обезчестившихъ даже царское жилище буйнымъ обыскомъ, — изданъ былъ царскій указъ, заключавшій 12 статей съ росписаніемъ кому именно на какіе подъѣзды и по какимъ лѣстницамъ и переходамъ дозволялся входъ въ разныя отдѣленія дворца.

Нельзя было явиться во дворецъ съ какимъ-бы то ни было оружіемъ, даже съ тѣмъ, которое по обычаю того времени всегда носили при себѣ и которое составляло, такъ сказать, необходимую принадлежность прежняго стародавняго костюма, какъ напр., поясные ножи, имѣвшіе значеніе кинжала. Въ этомъ случаѣ уже не было исключенія ни для кого, ни для бояръ, ни даже для государевыхъ родственниковъ. Иностранные послы и ихъ свита, входя въ пріемную залу, также должны были снимать съ себя оружіе, не смотря на то, что это всегда дѣлалось противъ ихъ желанія. Весьма также строго запрещено было приходить на дворецъ, особенно на Постельное крыльцо въ болѣзняхъ или изъ домовъ, въ которыхъ были больные.

Всякое же нарушеніе этихъ, подлежавшихъ строгой регламентаціи, постановленій, какъ нарушеніе чести государева двора, преслѣдовалось даже положительнымъ закономъ, объ чемъ свидѣтельствуетъ существующая въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича глава „о Государевомъ Дворѣ,“ по которой охраненіе чести послѣдняго относилось также ко всякому непригожему, непристойному слову, произносимому въ царскомъ дворѣ. Не надо забывать, что непригожія и непристойныя слова, вслѣдствіе грубости и малообразованности тогдашняго общества, были явленіемъ весьма частымъ, а потому и дѣла по сыску лицъ, оскорбившихъ честь государева двора, были весьма многочисленны, въ особенности при тогдашней мелкой щепетливости бояръ и всякихъ служилыхъ людей, возбуждавшихъ безпрерывно при взаимныхъ ссорахъ подобныя дѣла.

Постоянная бдительная стража, кромѣ того днемъ и ночью охраняла царскій дворецъ и предупреждала всякій

неприличный поступокъ вблизи царскаго величества. Стража эта состояла внутри дворца изъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ и изъ низшихъ придворныхъ служителей, дежурившихъ у дверей лѣстницъ и по крыльцамъ и сѣнямъ.

Теперь окинемъ взоромъ самый дворецъ царя какъ зданіе. Въ немъ также съ Іоанна III замѣчается вліяніе Византіи. По мѣрѣ того, какъ старые обычае и порядки, шедшіе отъ отцовъ, какъ досточтимое наслѣдіе, облекались въ болѣе пышныя и величественныя формы, подобающія истинному выраженію царственнаго сана, и самыя отдѣленія царскаго дворца получали особое значеніе, соотвѣтственно торжествамъ и церемоніямъ, для которыхъ они исключительно назначались. Такъ съ конца XVI столѣтія Грановитая палата, какъ самая обширная и наиболѣе украшенная, пріобрѣтаетъ въ отношеніи торжественныхъ дѣйствій и обрядовъ первенствующее значеніе. Въ ней царь являлся въ полномъ блескѣ древняго великолѣпія, столь изумлявшаго иностранцевъ. Тутъ-же давались торжественныя посольскія аудіенціи и государевы большіе церемоніальные столы. Вверху надъ сѣнями у западной стѣны Грановитой палаты былъ устроенъ тайникъ, сохранившійся, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, до сихъ поръ, причемъ въ большомъ окнѣ, обращенномъ въ палату къ царскому мѣсту, была вставлена смотрильная рѣшетка, обитая красною тафтою на хлопчатой бумагѣ и задергивавшаяся завѣсомъ съ кольцами на мѣдной проволокѣ.

Изъ этого-то тайника сквозь смотрильную рѣшетку—царица, малолѣтніе царевичи, старшія и младшія царевны и другія родственницы государыни смотрѣли на великолѣпныя церемоніи, происходившія въ палатѣ.

Средняя золотая имѣла сначала тоже значеніе, что и Грановитая, но съ конца XVI вѣка она становится обыкновенною пріемною залой, въ которой съ меньшой пышностью и торжественностью—представлялись государю: патріархъ, духовныя власти, бояре и прочіе сановники, а также послы преимущественно на отпускахъ, посланники и гонцы. Въ 1670 же году, по случаю передѣлки кремлев-

*

скаго зданія Приказовъ, въ этой палатѣ назначено, было по свидѣтельству лѣтописцевъ, присутствіе бояръ и думныхъ людей для слушанія и вершенія расправныхъ и спорныхъ дѣлъ, что и придало ей названіе Золотой расправной, которое она и сохранила до 1694 года, когда новымъ указомъ присутствіе перенесено въ переднюю палату теремнаго дворца. Одновременно съ этимъ прекратились, само собой понятно, и царскіе выходы въ нее и всѣ вообще происходившіе въ ней прежде торжества и церемоніалы.

Меньшая золотая палата была пріемной залой царицъ, вслѣдствіе чего она и называлась царицыной. Въ ней, по преимуществу, происходили такія чисто-семейныя торжества, какъ родинные и крестинные столы для имѣвшихъ доступъ ко двору боярынь, а также пріемы патріарха съ духовными властями и всякого чина другихъ особъ, приходившихъ съ дарами „здравствовать" государю по случаю рожденія и крещенія его дѣтей. Сюда же на Свѣтлое Воскресенье послѣ заутрени, государь, сопутствуемый патріархомъ, духовными и свѣтскими властями, приходилъ христосываться съ царицею, окруженною верховыми и пріѣзжими боярынями.

Столовая изба или палата служила меньшей парадной залой, назначенной преимущественно для государевыхъ чиновныхъ столовъ, а подчасъ и для пріема духовенства, бояръ и другихъ лицъ, особенно-же иностранныхъ посланниковъ и гонцовъ. Иногда государь жаловалъ здѣсь заслуженныхъ бояръ и думныхъ людей именинными пирогами; кромѣ того въ столовой засѣдали большіе земскіе соборы по важнымъ государственнымъ дѣламъ. Таковъ соборъ 1634 года о новомъ денежномъ сборѣ со всего государства на жалованье ратнымъ людямъ,—таковъ и, происходившій восемъ лѣтъ спустя, извѣстный соборъ по вопросу о принятіи подъ защиту Россіи Азова.

Панихидная или Сборная палата предназначалась въ дни поминовенія царей и особъ государева семейства для панихидныхъ столовъ, или такъ называемыхъ вдревлѣ покормовъ патріарху, духовнымъ властямъ и соборянамъ. За этими почетными столами для духовенства, называвшимися по этому „большими сборами," государь по обычаю

Церковь Василія Блаженнаго. Памятникъ Минину и Пожарскому. Спасская башня.

Красная площадь.

Фотогр. Художн. Панова, въ Москвѣ, д. Кр. Общ.

стоялъ предъ владыкой и изъ собственныхъ рукъ угощалъ его, поднося „кубки и ѣству.“

Отвѣтная или Посольская палата служила мѣстомъ отвѣтовъ или переговоровъ бояръ съ иноземными послами и, подобно Грановитой, имѣла тайникъ, изъ котораго государь могъ прислушиваться къ посольскимъ совѣщаніямъ.

Изъ постельныхъ, наконецъ, хоромъ важное значеніе въ царскомъ быту имѣли Передняя и комната Теремнаго дворца, ставшаго со второй половины XVII вѣка постояннымъ жилищемъ царей. — Такъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди обязаны были ежедневно являться во дворецъ рано-утромъ и послѣ-обѣда въ вечерню и въ Передней дожидаться царскаго выхода.—Только одни самые близкіе бояре, „уждавъ время,“ могли входить въ комнату или собственно кабинетъ государя. Какъ въ передней, такъ и въ комнатѣ послѣ-обѣдни происходило сидѣніе съ боярами, т. е. засѣданіе царской палаты или думы, словомъ, здѣсь государь слушалъ судныя дѣла и челобитныя и творилъ судъ и расправу.

Здѣсь же, именно, въ Государевой комнатѣ или въ Верхней Золотой имѣли мѣсто не только знаменитые соборы о поступкахъ патріарха Никона (1660 году) и объ его отреченіи, но также объ искоренѣніи мѣстничества (въ 1682 году). Въ Верхней же Золотой палатѣ происходило избраніе на царство десятилѣтняго царевича Петра, помимо старшаго брата его Ивана.

Таково оффиціальное значеніе Теремныхъ покоевъ. Случалось, впрочемъ, весьма рѣдко, что въ Передней государь принималъ запросто иностранныхъ пословъ. Но это считалось необычайной почестью, которою удостоивались лишь весьма не многіе. Къ такимъ, какъ извѣстно, принадлежатъ цесарскіе послы въ 1662 году; за тѣмъ англійскій посолъ Карлусъ Говартъ въ 1664 году, и польскіе послы Станиславъ Беневскій и Кипріанъ Брестовскій въ 1667 году.

Не менѣе достопамятнымъ оказывается значеніе Теремныхъ покоевъ и въ домашнемъ быту государя. Въ передней, напр. государь слушалъ иногда церковныя службы, часы, вечерни, всенощныя; на Святой — христосовался съ боярами, т. е. „жаловалъ ихъ къ рукѣ.“ Въ Передней же

или на Золотомъ крыльцѣ въ дни имянинъ, какъ своихъ, такъ и царицы и дѣтей, послѣ обѣдни государь, изъ собственныхъ рукъ, раздавалъ боярамъ и всѣмъ дворовымъ и служилымъ чинамъ водку и имянинные пироги или калачи. Нерѣдко по поводу важныхъ семейныхъ событій, по случаю, напр., рожденія дѣтей и преимуществено въ дни поминовенія усопшихъ, въ третины, въ девятины, полусорочины и сорочины, здѣсь давались и болѣе замѣчательные, по общественно-соціальному своему значенію, столы или кормы на нищію братію и на „полонянниковъ.“ Если-же нищей братіи собиралось много, тó „кормленіе“ происходило въ царицыной золотой палатѣ, а особенно, если поминки справлялись по царицѣ.

Еще гораздо большимъ оживленіемъ отличались Теремные покои передъ заутреней Свѣтлаго Воскресенья. Тогда бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, всѣ служилые и дворовые чины, въ богатѣйшихъ золотыхъ кафтанахъ, собирались сюда къ обряду царскаго лицезрѣнія и къ царскому выходу къ заутрени, причемъ высшіе сановники, пользовавшіеся свободнымъ входомъ въ государевы покои, собирались въ Комнатѣ и въ Передней, другіе наполняли сѣни, стояли по Золотому крыльцу и на каменномъ дворѣ передъ теремами, а низшіе и не богатые чиновники, не имѣвшіе золотыхъ кафтановъ, ожидали царскаго выхода на Постельномъ и на Красномъ крыльцахъ. Кстати объ этомъ послѣднемъ скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ значеніе его въ исторической роли дворцовыхъ палатъ далеко не маловажно. Такъ, извѣстно, что для встрѣчь и вообще для входа во дворецъ посторoннимъ лицамъ назначены были только двѣ лѣстницы—Благовѣщенская и Средняя, причемъ значеніе первой, какъ соборной паперти, не дозволяло входить по ней лицамъ, неисповѣдующимъ Христіанской вѣры, даже еслибъ то были послы. По Золотой же или Красной лѣстницѣ, которую теперь неправильно называютъ собственно Краснымъ крыльцомъ, совершались большіе царскіе выходы въ день вѣнчанія на царство и во время бракосочетанія, а также большія церемоніи встрѣчъ для посольскихъ пріемовъ. По этому случаю все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младшихъ разрядовъ, которые стояли здѣсь, по обѣ стороны пути, въ

богатѣйшихъ костюмахъ, выдаваемыхъ имъ на это время изъ царской казны. Въ другое же время эта лѣстница, на которой постоянно стоялъ стрѣлецкій караулъ, кажется, была всегда заперта, такъ какъ обыкновенныя выходы государя дѣлались чаще всего съ Благовѣщенской паперти. Въ XVII столѣтіи на стрѣлецкомъ караулѣ этого крыльца велись каждый день особыя записки о состояніи погоды и о дворцовомъ караулѣ съ показаніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всѣхъ царскихъ выходовъ и загородныхъ походовъ, такъ и посольскихъ пріемовъ. Съ какимъ намѣреніемъ составлялись подобныя записки, по иниціативѣ Алексѣя Михайловича, приказавшаго записывать „въ который день и котораго числа дождь будетъ,“ — неизвѣстно; но по содержанію эти дневальныя записки весьма любопытны и служатъ наиболѣе достовѣрнымъ источникомъ хронологіи событій и случаевъ въ исторіи царствованія Алексѣя Михайловича.

Весьма интересно прослѣдить, такъ называемую обрядовую сторону комнатной и выходной древне-царской жизни, характеристическія детали которой переполнены явленіями, вполнѣ объясняющими сложившееся въ русскомъ народѣ понятіе о могущественномъ превосходствѣ государевой личности. Такъ, чтобы не ходить далеко за примѣрами, скажемъ, что раннее утро (часа въ 4) заставало государя въ Крестовой, въ которой онъ въ присутствіи ожидавшихъ его духовника или крестоваго попа и крестовыхъ, передъ погруженнымъ въ море огней молебнымъ иконостасомъ, уставленнымъ иконами съ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, прикладывался ко кресту и совершалъ утреннюю молитву. По совершеніи молитвы, продолжавшейся около четверти часа, государь прикладывался къ образу святаго, котораго память праздновалась въ данный день и духовникъ окроплялъ государя святою водою.

При этомъ достойно замѣчанія, что употреблявшаяся въ такихъ случаяхъ святая вода привозилась иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, изъ монастырей и церквей, прославленныхъ чудотворными иконами. Вода эта по свидѣтельству лѣтописцевъ называлась „праздничной,“ потому что освящалась въ храмовые праздники, совершаемые въ память тѣхъ святыхъ, во имя которыхъ сооружены были

храмы. Почти каждый монастырь, по отправленіи такого праздника, доставлялъ праздничную святыню, т. е. икону праздника, просфору и святу воду въ вощанкѣ (восковый сосудъ) въ царскій дворецъ. Такимъ образомъ праздничная святая вода не истощалась круглый годъ.

Если государь, вслѣдствіе установленій церкви, наканунѣ почивалъ особо то, окончивъ утреннюю молитву, посылалъ кого-либо изъ ближнихъ къ царицѣ спросить ее о здоровьи и о томъ, какъ почивала, потомъ самъ выходилъ здороваться въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню.

Между тѣмъ съ утра же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди „челомъ ударить“ государю и присутствовать въ царской думѣ. Часу въ девятомъ поздоровавшись съ боярами и поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ къ поздней обѣднѣ, въ обыкновенные дни, въ одну изъ придворныхъ церквей (на сѣняхъ), а въ праздничные или храмовые дни—въ соборъ, либо въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святаго. Обѣдня продолжалась обыкновенно часа два. Въ удобное время бывало государь и здѣсь принималъ отъ думныхъ людей доклады, разговаривалъ о дѣлахъ и отдавалъ приказанія. При всемъ томъ, едвали кто былъ такъ приверженъ къ богомолью и къ исполненію всѣхъ церковныхъ обрядовъ, службъ, молитвъ, какъ цари. Случалось, по словамъ Коллинса, что царь Алексѣй Михайловичъ, напр. въ постъ, стоялъ въ церкви часовъ по пяти сряду и клалъ иногда по тысячѣ и болѣе земныхъ поклоновъ.

Послѣ обѣдни государь въ обыкновенные дни, слушалъ въ комнатѣ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами, при чемъ присутствовавшіе бояре, во время слушанія дѣлъ, не смѣли садиться. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляло только, такъ называемое, обыкновенное сидѣнье съ бояры или засѣданіе думы, происходившее по пятницамъ.—Тогда бояре садились по лавкамъ, поотдаль отъ царя, въ особоустановленомъ порядкѣ: бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими, съ тѣмъ притомъ,

чтобы соблюдать кто кого породою, а не по службѣ, т. е. не по старшинству пожалованія въ чинъ выше.

Слушаніе дѣлъ и засѣданіе въ комнатѣ оканчивалось около 12 часовъ. Бояре ударивъ челомъ государю разъѣзжались, а государь шелъ къ столовому кушанью или обѣду и рѣдко кого приглашалъ съ собой. Столъ, въ обыкновенные дни, представлялъ образецъ умѣренности и простоты. Подавались обыкновенно самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага или легкое пиво съ коричнымъ масломъ, а иногда только коричная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не выдерживаетъ съ тѣми скудными блюдами, которыя государь употреблялъ во время постовъ. Такъ, по словамъ того же Коллинса, великимъ постомъ царь Алексѣй Михайловичъ обѣдалъ только три раза въ недѣлю, а именно: по четвергамъ, субботамъ и воскресеньямъ, въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пилъ по стакану полпива. Рыбу онъ кушалъ только два раза въ Великій постъ. Такое усердное соблюденіе постовъ было выраженіемъ строгой приверженности государя къ православію, ко всѣмъ уставамъ и обрядамъ церкви.

Впрочемъ, не смотря на такое постничество и особенную умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя, въ мясные и рыбные дни подавались около 70 блюдъ, сначала холодныя и печенья, разное тѣльное, потомъ жареное и за тѣмъ уже похлебки и ухи или ушное. Но почти всѣ эти явства расходились на подачи боярамъ, окольничьимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь разсылалъ кушанья, какъ знаки почести и своего благоволенія. Для близкихъ людей онъ иногда самъ выбиралъ извѣстное любимое блюдо. Послѣ обѣда государь ложился спать и спалъ обыкновенно до вечерень, т. е. часовъ до 3-хъ. Къ этому времени придворные чины опять собирались во дворецъ и царь, въ сопровожденіи ихъ, выходилъ въ верховую церковь къ вечерни, послѣ которой иногда также слушались дѣла, или собиралась дума. Но обыкновенно все время послѣ вечерни, до такъ называемаго вечерняго кушанья или ужина, государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Это время, какъ время отдыха, посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ

вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія. Такъ главнѣйшими наиболѣе предпочтительными элементами этихъ домашнихъ развлеченій, слѣдуетъ считать чтеніе, но чтеніе исключительно духовно-назидательное, церковно-историческаго содержанія, служившее основой всякаго знанія и затѣмъ столь извѣстная по своему значенію въ теремной жизни царей живая бесѣда бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и въ особенности о старинѣ. Эти бывалые люди, называвшіеся также верховыми (придворными) богомольцами были особенно уважаемы за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ (100 лѣтъ или около того) и жили подлѣ царскихъ хоромъ, въ особомъ отдѣленіи дворца, на полномъ содержаніи и попеченіи государя. По словамъ англичанина Коллинса, государь и именно царь Алексѣй Михайловичъ призывалъ въ длинные зимніе вечера къ себѣ въ комнату, такихъ стариковъ гдѣ въ присутствіи царскаго семейства они повѣствовали о особытіяхъ и дѣлахъ, происходившихъ на ихъ памяти. Это были живые лѣтописатели, которые своими разсказами пополняли скудость лѣтописей, гдѣ всѣ мѣстныя и временныя, т. е. характерныя краски, почти всегда покрывались холоднымъ и сухимъ складомъ офиціальной грамоты. Особенное уваженіе государя къ этимъ старцамъ простиралось до того, что государь нерѣдко самъ бывалъ на ихъ погребеніи, которое обыкновенно всегда отправлялось съ большою церемоніею на Троицкомъ Кремлевскомъ Подворьѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Затѣмъ послѣ бесѣдъ, наиболѣе любимымъ равлеченіемъ государя была игра въ шахматы и однородныя съ нею игры въ травлеи, саки и бирки. Насколько обыкновенна и въ какомъ фаворѣ была первая изъ названныхъ игръ, видно уже изъ того, что въ Оружейной палатѣ, состояли на службѣ особые мастера, — токари-шахматники, спеціальное назначеніе которыхъ было приготовленіе шахматныхъ фигуръ.

Кромѣ того во дворцѣ была особая Потѣшная Палата, гдѣ разнаго рода „потѣшники“ забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, пляскою, танцованіемъ по канату и другими „дѣйствіями“ эквелибристики и акробатическаго искусства.

Такъ уходило время до вечерняго кушанья. А затѣмъ государь снова шелъ въ Крестовую и точно также, какъ утромъ, молился около четверти часа.

Когда государь почивалъ одинъ, то въ томъ же покоѣ ложился и постельничій, а иногда стряпчій и одинъ или два самыхъ приближенныхъ спальника.

За то гораздо большой торжественностью и пышностью отличались богомольные царскіе выходы, составлявшіе одну изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ древняго царскаго быта. На этихъ выходахъ государь, въ подражаніе вѣроятно, византійскимъ императорамъ, являлся народу въ трудно описываемомъ великолѣпіи. Даже почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники были ничто иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя нерѣдко возвѣщались поэтому особымъ колокольнымъ звономъ, называвшимся выходнымъ. И все таки церемоніальность эта подвергалась, смотря по важности празднества, различнымъ измѣненіямъ въ блескѣ внѣшней обстановки.

Образъ жизни царицъ того времени также интересенъ хотя гораздо болѣе однообразенъ. У нихъ также существовало такое же подраздѣленіе частей обитаемаго ими помѣщенія, какъ у царей. Только входъ къ нимъ былъ гораздо менѣе доступенъ, чѣмъ къ царямъ. Такъ, когда царь посылалъ освѣдомиться о здоровьи царицы, или въ какихъ нибудь другихъ случаяхъ, то посланные никогда пе достигали царицы и не могли ей лично передать то, что сказалъ царь и всегда передавали это приближеннымъ боярынямъ или другимъ женщинамъ, близко стоявшимъ къ царицѣ. Вообще царицы гораздо менѣе участвовали въ торжественной сторонѣ обрядовой царской жизни. Онѣ присутствовали обыкновенно въ такомъ мѣстѣ, съ котораго онѣ видѣли-бы все происходящее, а самимъ, чтобы оставаться не видимыми. Такъ въ Грановитой палатѣ, во время торжественныхъ аудіенцій иностраннымъ посольствамъ, онѣ смотрѣли съ тайника вмѣстѣ съ другими лицами женскаго рода царскаго и съ малолѣтними царевичами на все происходившее въ Грановитой палатѣ. Все время ихъ проходило въ чтеніи священныхъ книгъ, въ постоянномъ моленіи, а также въ различныхъ богомольныхъ выходахъ въ церкви и мона-

стыри кремлевскіе. При выходахъ царицъ, до ихъ окончанія, Кремль обыкновенно запирался и никого не впускали. Царицъ сопровождали въ этихъ выходахъ верховыя боярыни и сѣнныя боярышни. Но въ тѣхъ случахъ, когда имъ приходилось участвовать въ какой нибудь церемоніи, напр. при похоронахъ близкаго имъ лица, то онѣ шли или стояли въ церкви, окруженныя рядомъ щитовъ отъ всей публики, которыя несли вокругъ царицы сѣнныя боярышни. Развлеченіемъ ихъ, кромѣ слушанія всякаго рода богомольныхъ старицъ, шутихъ и проч., было постоянное наблюденіе за мастерской палатой, гдѣ шились и приготовлялись всевозможныя одежды, какъ для семейнаго быта царскаго семейства, такъ и для различныхъ украшеній, а также ризы для церковнослужителей. Въ томъ случаѣ, когда царь съ царицей выѣзжали на богомолье куда нибудь изъ Кремля, то обыкновенно поѣздъ царицы слѣдовалъ за поѣздомъ царя послѣ нѣкотораго промежутка времени. И въ такихъ случаяхъ, какъ царицы, такъ и царевны ѣхали въ каретѣ совершенно закрытой, такъ чтобы никто изъ публики не могъ бы ихъ видѣть. Одинъ изъ современниковъ, описатель путешествія датскаго царевича Іоанна въ Россію сообщаетъ о выѣздахъ изъ Кремля царя и царицы въ одинъ изъ монастырей, вѣроятно въ Новодѣвичій: „Сначала ѣхали впереди до 600 всадниковъ, по трое въ рядъ... Нѣкоторые изъ передовыхъ были одѣты въ золотую парчу въ видѣ брони. Потомъ вели 25 хорошо убранныхъ коней, на коихъ попоны были леопардовыя шкуры и золотыя и серебряныя парчи. Дальше ѣхала крытая краснымъ сукномъ вызолоченная пустая коляска (царевича Ѳедора), возлѣ которой въ нѣсколько рядовъ слѣдовали всадники, все молодые люди. Затѣмъ ѣхалъ самъ царь въ крытой бархатомъ коляскѣ, запряженной 6-ю бѣлыми конями. По сторонамъ шли бояре. Тутъ бѣжала большая толпа челобитчиковъ, державшихъ просьбы и кричавшихъ вслѣдъ государю. Просьбы принимались въ красный ящикъ, который несли за царемъ. За этимъ поѣздомъ ѣхалъ верхомъ царевичъ; его сопровождали и коня вели бояре. Послѣ отъѣзда царя слѣдовалъ выѣздъ царицы. Напереди хорошо одѣтые конюхи вели 40 прекрасныхъ коней. За ними ѣхала царица въ пышной коляскѣ, запряженной 10-ю красивыми бѣлыми лошадьми и такой просторной, что въ ней трое

могли сидѣть рядомъ. Потомъ ѣхала царевна въ подобной же коляскѣ въ 8 лошадей, совсѣмъ закрытой, такъ что ничего не было въ ней видно. Всѣ горничныя женщины ѣхали верхомъ какъ мужчины. На головахъ у нихъ были бѣлоснѣжныя шляпы, подбитыя темнаго цвѣта тафтой и желтыми шелковыми лентами, съ золотыми пуговками и кистями, ниспадавшими на плечи. Лица ихъ были покрыты бѣлыми покрывалами до самаго рта; онѣ были въ длинныхъ платьяхъ и въ желтыхъ сапогахъ. Каждая ѣхала на бѣлой лошади одна возлѣ другой (попарно). Всѣхъ ихъ было 24. — Около царицынаго поѣзда шло 300 человѣкъ хорошо одѣтыхъ стрѣльцовъ съ бѣлыми посохами и батогами въ рукахъ. За поѣздомъ ѣхали старики, по трое въ рядъ, большею частью съ сѣдыми бородами. Шествіе заключали бояре и за ними толпы народа."

Другой очевидецъ такого царскаго поѣзда Олеарій говоритъ: „За царицей и царевнами ѣхали 36 дѣвицъ и прислужницъ въ алыхъ юбкахъ и бѣлыхъ шляпахъ, съ коихъ висѣли длинные алые шнурки, ниспадавшіе по спинѣ; всѣ были весьма замѣтно нарумянены, ѣхали верхомъ, сидя на лошадяхъ, какъ мужчины."

Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества или того праздника, вслѣдствіе котораго дѣлался выходъ: „лѣтомъ, говоритъ Забѣлинъ, онъ выходилъ въ легкомъ шелковомъ опошнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околомъ, зимою въ шубѣ и въ горлатной лисьей шапкѣ, осенью и вообще въ ненастную мокрую погоду—въ суконной однорядкѣ. Въ рукахъ всегда былъ посохъ каповый инроговый или индѣйскій, изъ чернаго дерева." Во время же большихъ праздниковъ царь облекался въ царскій нарядъ. Къ этому наряду принадлежали: порфира, становой кафтанъ, корона, діадима или барма, наперстный крестъ или перевязь, надѣваемые на грудь, вмѣсто посоха — царскій жезлъ. Все это сверкало различными драгоцѣнными камнями, серебромъ и золотомъ. Даже башмаки, которые надѣвалъ при этомъ нарядѣ государь, были богато украшены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Тяжесть наряда была очень значительная, и потому государя обыкновенно поддерживали подъ руки въ такихъ церемоніяхъ стольникъ и ближніе бояре. Также бо-

гато была одѣта и свита, въ такихъ случаяхъ окружавшая государя. Для этого отдавался приказъ въ какой быть одеждѣ; если кто по бѣдности не имѣлъ ее, то выдавалась одежда также изъ царской казны. Общимъ выходнымъ платьемъ была „ферезея“, верхнее платье, которое было трехъ сортовъ золотое, бархатное и объяринное изъ шелковыхъ матерій.

Свита государя во время шествія распредѣлялась обыкновенно по рядамъ, по два, по три человѣка. Впереди государя шли меньшіе чины, а окольничіе и бояре шли за государемъ. Всегда при выходахъ находился постельничій „со стряпнею“ т. е. съ предметами необходимыми государю при выходѣ „носовой платокъ, стулъ съ зголовьемъ или подушкою, подножье, родъ ковра, па которомъ стоялъ государь во время службы; солношникъ или зонтъ, защищавшій отъ дождя или солнца. Кромѣ того за государемъ, когда онъ выходилъ въ приходскую или монастырскую церковь, несли особое „мѣсто“, обитое сукномъ или атласомъ съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Въ томъ случаѣ, когда совершался выходъ изъ кремля и притомъ зимою, то государь „шелъ саньми.“ Сани были большія нарядныя, раззолоченныя и обитыя персидскими коврами. Возницей царскимъ при этихъ случаяхъ бывалъ ближній стольникъ, и такъ какъ въ старину не было возжей, то возница сидѣлъ верхомъ на лошади. Другой тоже ближній стольникъ стоялъ на ухабѣ или запяткахъ. За санями шли бояре, окольничіе и прочіе сановники. Поѣздъ сопровождали сто стрѣльцевъ съ батагами въ рукахъ „для тѣсноты людской.“ Утромъ наканунѣ Рождества, а также наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ государь дѣлалъ тайный выходъ въ сопровожденіи стрѣльцовъ и подъячихъ Тайнаго приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ раздавалъ милостыни, тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣннымъ, больнымъ и убогимъ. Опишемъ со словъ Забѣлина, торжественный праздничный выходъ въ день Богоявленія, такъ какъ онъ происходилъ съ наибольшимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. „Въ навечеріи праздника, государь слушалъ вечерню и царскіе часы въ столовой, иногда въ передней или въ одной изъ придворныхъ церквей, иногда же выходилъ въ Успенскій соборъ, гдѣ царскіе часы совершались съ церемоніями обоюдныхъ

поздравленій государя и патріарха, бояръ и духовенства съ поздравительными рѣчами. Въ самый праздникъ государь въ одной изъ придворныхъ церквей или въ столовой слушалъ всенощное бдѣніе и потомъ передъ литургіею выходилъ въ Успенскій соборъ для шествія на Іорданъ къ освѣщенію воды.

Кремлевская площадь у царскаго дворца, между соборами вся покрывалась въ это время густою толпою. Только одно мѣсто оставалось свободнымъ; отъ Успенскаго собора до самой Москвы рѣки, гдѣ находилась Іордань, строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служительскомъ платьѣ, съ знаменами и съ барабанами, со всѣмъ ротнымъ строемъ, двумя линіями, пролагалъ широкую дорогу для крестнаго хода.

Часу въ 4-мъ дня или по теперешнему счету въ 12-ть утра, когда пачиналась патріархомъ служба въ Успенскомъ соборѣ, звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ возвѣщалъ народу, что государь началъ шествіе изъ своихъ комнатъ. Государь обыкновенно выходилъ по Красному крыльцу; предъ его появленіемъ народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя очи государя, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Обыкновенно государь уже въ соборѣ, въ придѣлѣ Дмитрія Солунскаго надѣвалъ на себя царскій санъ, при пѣніи многолѣтія молился передъ св. Иконами и потомъ принималъ у патріарха благословеніе. Между тѣмъ звонъ на колокольнѣ Ивана Великаго продолжался все время до тѣхъ поръ, пока царь вступилъ на свое мѣсто.

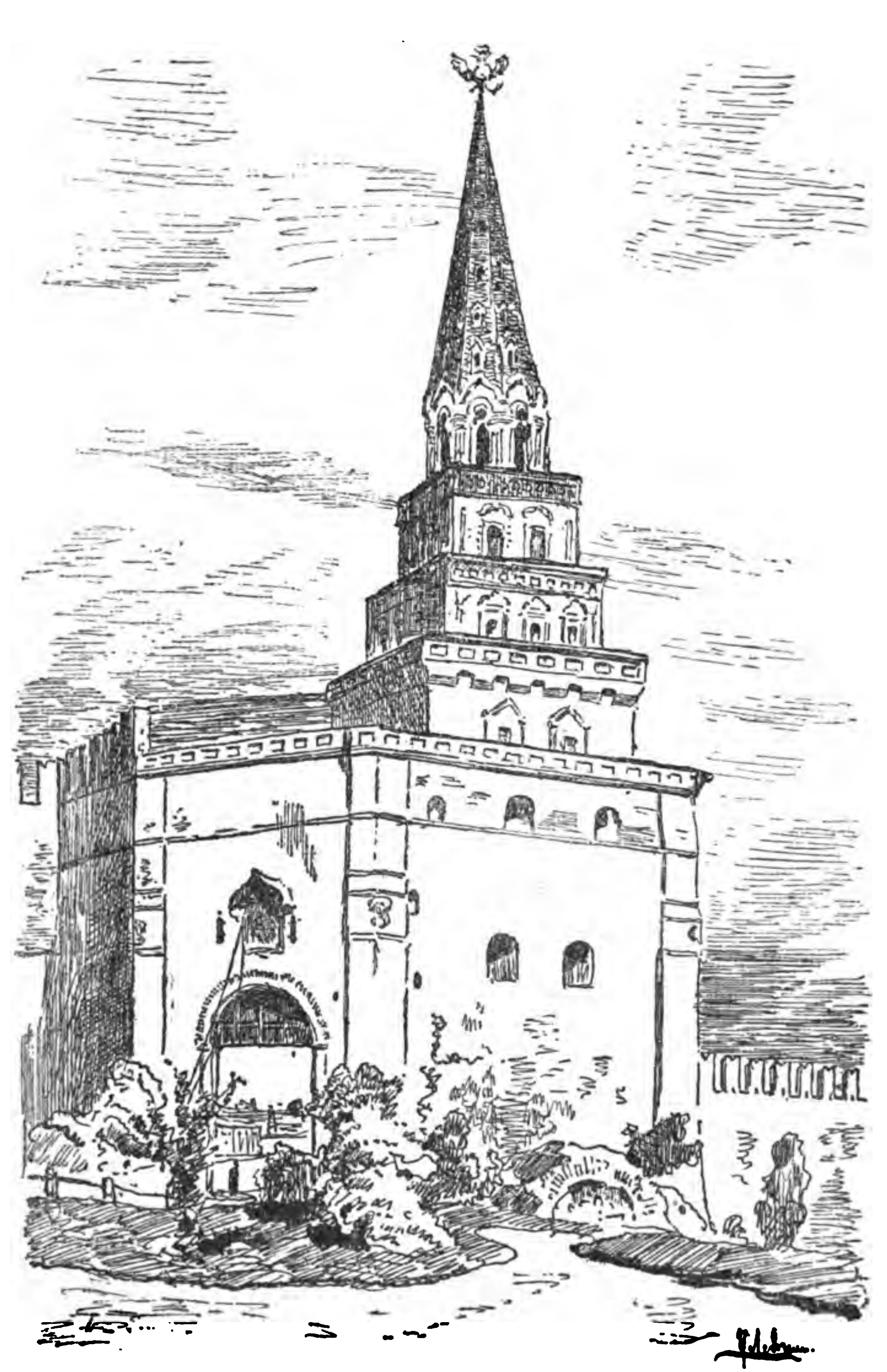
Торжественное шествіе открывали стрѣльцы въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищелями и винтовками, ложи коихъ украшены были перломутровыми раковинами; другіе съ золочеными копьями и наконецъ третьи, съ нарядными золочеными протазанами (родъ алебарды), у которыхъ ратовища или древки были обтянуты желтымъ или червчатымъ атласомъ, съ золотымъ галуномъ, и украшены шелковыми кистями. Кромѣ того здѣсь же шли два пятидесятника съ обоюдными стальными топорами (але-

бардами), на древкахъ изъ чернаго дерева, украшенныхъ серебряными кистями. За этимъ блестящимъ отрядомъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ.

„Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатнымъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники — въ золотыхъ, то есть въ золотыхъ кафтахъ; далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Всѣ же тѣ, которые не имѣли такихъ богатыхъ кофтановъ, а были въ объяренныхъ или суконныхъ, отпускались на іордань прежде шествія государя, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ обыкновенными нарядами не нарушить общаго блеска и великолѣпія.“

„Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ царскою стряпнею. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани.—Одинъ несъ посохъ, другой—шапку, третій—зипунъ, четвертый—кафтанъ, пятый—шубу, и т. д. Кромѣ этого перемѣннаго платья, трое стряпчихъ несли на іордань царское полотенце, подножіе и стулъ или собственпо кресло, и иногда, во время непогоды, солночникъ или балдахинъ.“

„Государь шествовалъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ было царское платно, изъ дорогой золотой матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Подъ-руки государя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ, изъ ближнихъ людей. Около шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ. За ними шелъ окольничій, а по обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники въ бархатныхъ и объяринныхъ ферезеяхъ и въ турепихъ кафтанахъ; они оберегали государское шествіе отъ утѣсненія

Боровицкія башня и ворота.

нижнихъ чиновъ людей. Потомъ слѣдовали „гости“ въ золотыхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого шествія, съ обѣихъ сторонъ, шло 150 или 200 человѣкъ стрѣльцовъ, стремяннаго полка, „въ одинъ человѣкъ“ въ цвѣтныхъ кафтанахъ, сто— съ золочеными пищалями и пятьдесятъ или сто съ батожками, прутьями. При возвращеніи съ іордани, государь обыкновенно ѣхалъ въ саняхъ: для этого вслѣдъ за шествіемъ ѣхали большія государевы нарядныя сани, впереди которыхъ шли дьяки Конюшеннаго приказа, а около — столповые прикащики и стремянные конюхи въ цвѣтныхъ бархатныхъ, объяринныхъ, камчатныхъ и суконныхъ кафтанахъ.“

„На Москвѣ-рѣкѣ, куда тихо и торжественно слѣдовало это шествіе, передъ Тайницкими воротами, надъ мѣстомъ, гдѣ должно было совершиться погруженіе въ воду честнаго Креста, была устроена красивая іорданная сѣнь, поддерживаемая четырьмя колоннами съ карнизомъ, расписаннымъ красками, серебромъ и золотомъ, и украшенная золоченнымъ же крестомъ на верху. По угламъ были изображены 4 евангелиста, а внутри апостолы и другіе святые, а также и крещеніе Спасителя. Кромѣ того вся іордань была богато украшена шелковыми и жестяными раскрашенными цвѣтами, зелеными листьями и даже птицами, вырѣзанными изъ мѣдныхъ листовъ и раскрашенныхъ также красками.“

„Подлѣ іордани стояли особыя мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто, поставляемое на іордани обыкновенно шатерничимъ, было въ видѣ небольшаго круглаго храма съ пятью главами, сдѣланными изъ слюды и украшенными золочеными крестами. Этотъ пятиглавый верхъ утвержденъ былъ на пяти точеныхъ столбахъ, расписанныхъ по золоту виноградными вѣтвями; капители и базы у столбовъ были также позолочены и посеребрены. Вверху вокругъ шелъ гзымсъ (карнизъ), съ внутренней стороны писанный травами, снаружи золоченый и украшенный сквозной рѣзьбою, также позолоченою и посеребренною. По этому карнизу въ пригожихъ мѣстахъ утверждены были высеребренныя доски, а на нихъ писаны стихи къ іордани. Между столбовъ находились рамы съ круглыми слюдяными окнами, писанныя по золоту и по серебру разными красками. Одна

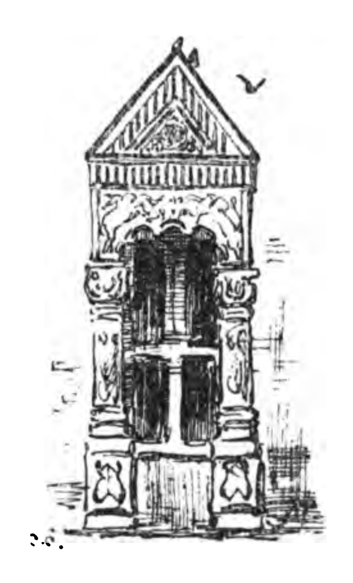
такая рама, раздѣленная на два затвора, служила дверью. Нижняя часть царскаго мѣста (тумба) утверждена была на пяти точеныхъ посеребреныхъ яблокахъ, и украшена сквозною золоченою рѣзьбою. Внутри это мѣсто задергивалось вокругъ суконнымъ или тафтянымъ занавѣсомъ. Все пространство около іорданной сѣни и царскаго и патріаршаго мѣстъ, огороженное рѣзною рѣшеткою, устлано было краснымъ сукномъ. Кромѣ рѣшетки, іордань отдѣлена была отъ народа еще двумя балюстрадами, покрытыми краснымъ сукномъ. Когда процессія приходила на іордань, и государь съ патріархомъ вступали на свои мѣста, по сторонамъ іордани становилось духовенство, а подлѣ царскаго мѣста бояре и прочіе высшіе чины. За рѣшеткою помѣщались стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, солдатскаго строю генералы, стрѣлецкіе полковники, и всѣ, которые были въ золотыхъ кафтанахъ; за первымъ балюстрадомъ стояли тѣ, у которыхъ не было такихъ кафтановъ, а далѣе служилые и приказные люди нижнихъ чиновъ. Все пространство по Москвѣ-рѣкѣ, между Каменнымъ и Москворѣцкимъ мостами, было занято стрѣлецкими и солдатскими полками, стоявшими ратнымъ строемъ, въ цвѣтномъ платьѣ, съ знаменами, съ барабанами и съ оружіемъ. На Тайницкой башнѣ, въ виду всего войска, становился капитанъ, иногда ротмистръ, или другой такой же чинъ съ значнымъ знаменемъ, которымъ давали знакъ войску чтобъ бить въ барабаны, дѣлать честь празднеству и т. п. По берегамъ рѣки теснился густыми толпами народъ.“

„Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала духовныя власти и соборяне подходили къ государю и патріарху, по степенямъ, по двое въ рядъ, и кланялись. Потомъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ дѣйство по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду Животворящій Крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики съ знаменами подступали къ іордани, для окропленія знаменъ св. водою. Послѣ погруженія Креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водою государеву стопу, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ этого патріархъ трижды

осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ св. водою и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, и потомъ принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее по Москвѣ-рѣкѣ.“

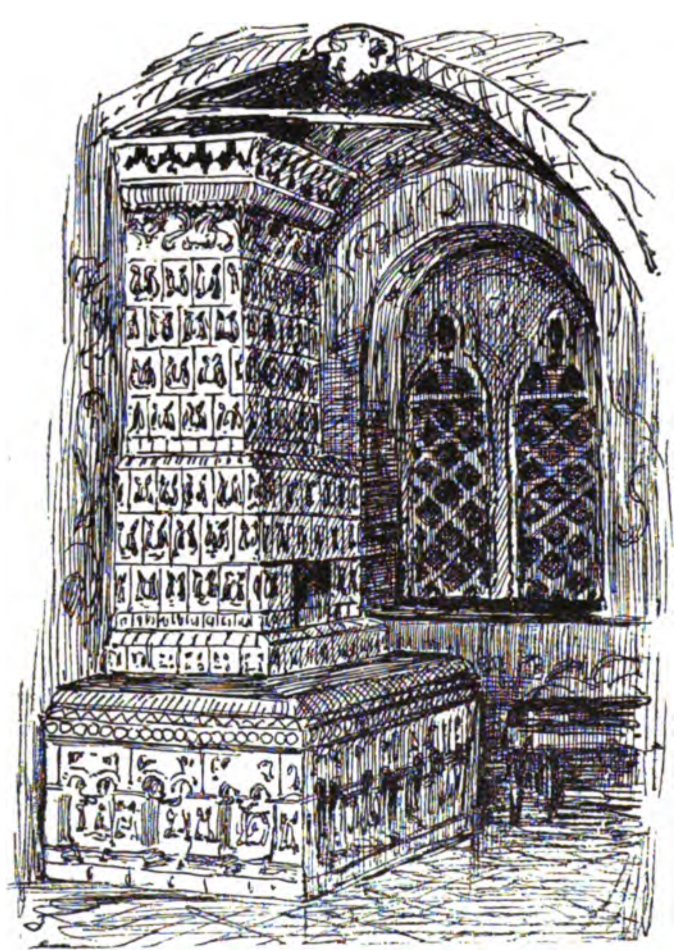
„Крестный ходъ возвращался въ томъ же торжественномъ порядкѣ. Если ходъ бывалъ до обѣдни, то съ іордани государь ѣзжалъ къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ была церковь Богоявленія; въ противномъ случаѣ, онъ возвращался съ ходомъ въ Успенскій соборъ и, отслушавъ тамъ молебенъ или отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ.“

Этимъ мы ограничимся при описаніи быта царей и царицъ, отсылая интересующихся этимъ къ прекрасному сочиненію извѣстнаго ученаго, знатока древне русскаго быта г. Забѣлина, автора „Домашній бытъ царей и царицъ“ по которому и составлена эта глава.

Окно потѣшнаго дворца.

*

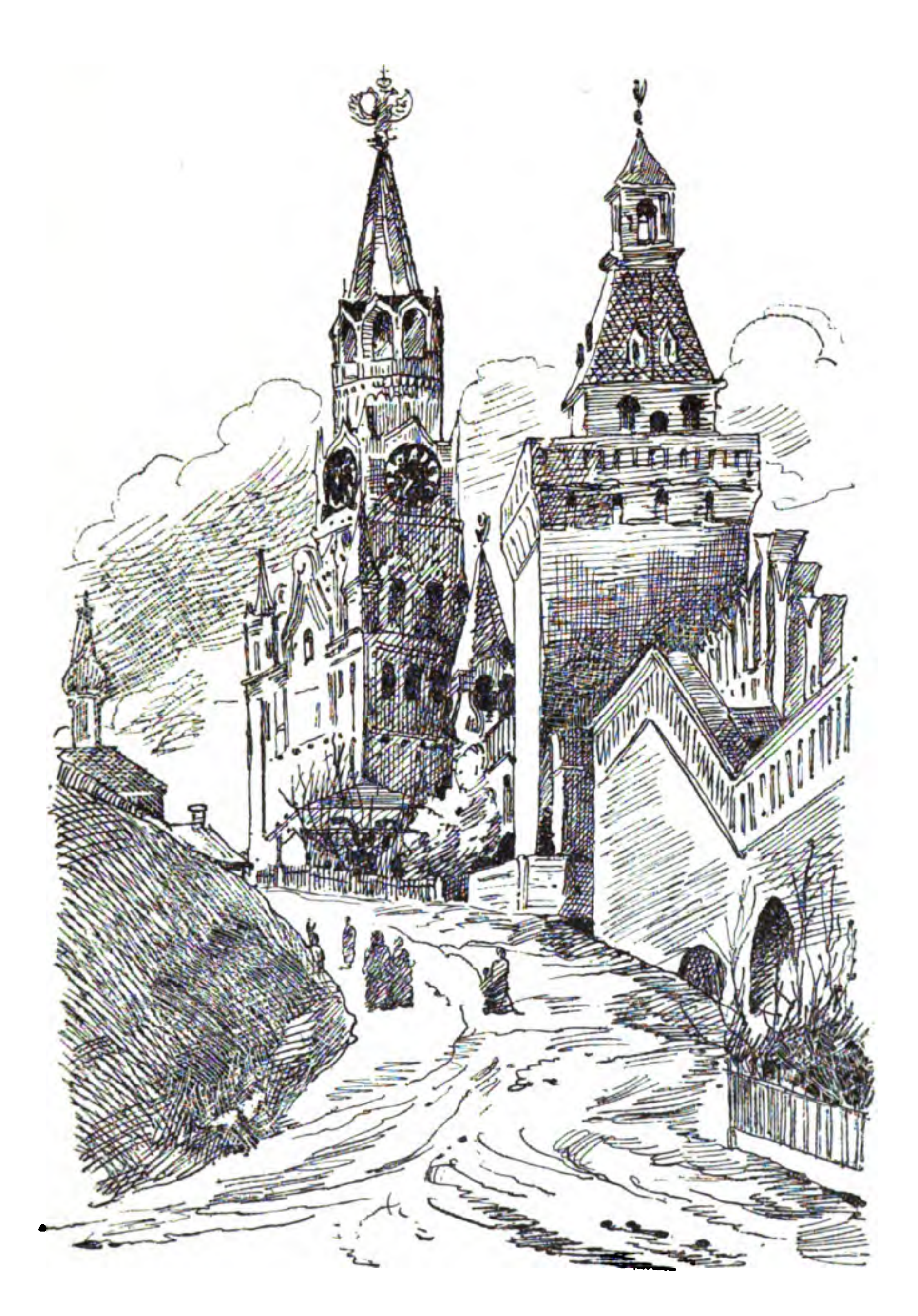
Изразчатая печь и окно въ теремахъ.

VIII.

Кремль при Императорахъ.

Перенесеніе царской резиденціи въ С.-Петербургъ. — Коронація императрицы Екатерины I.—Пожаръ Кремля.—Внутреннія и внѣшнія измѣненія въ Кремлѣ.— Петръ II въ Кремлѣ. — Его кончина. — Замыслы Верховнаго Тайнаго Совѣта.— Императрица Анна Ивановна. — Судьба Долгоруковыхъ. — Тогдашній Кремль.— Пожаръ 1737 г. — Елизавета Петровна. — Въѣздъ ея въ Кремль. — Коронація, различныя торжества и празднества. — Петръ Федоровичъ. — Екатерина II. — Коронація. — Открытіе засѣданія депутатовъ. — Чума 1771 года. — Народный бунтъ и убіеніе архіепископа Амвросія. — Празднованіе Кучукъ Канарджійскаго мира. — Празднованіе 25 лѣтія царствованія императрицы Екатерины II въ Кремлѣ.—Кремль въ XVIII столѣтіи.—Коронація императора Павла Петровича.

Съ основаніемъ Петербурга и перенесеніемъ въ него

Спасская и Набатная башни, со стороны Кремлевскаго сада.

царской резиденціи самый Кремль перестаетъ играть первенствующую роль въ нашей исторіи; но не смотря на это Кремль и въ послѣдующія времена становится неоднократно свидѣтелемъ или участникомъ важныхъ историческихъ событій. Кромѣ того Кремль, по прежнему, остается мѣстомъ, гдѣ совершаются коронаціи русскихъ императоровъ. Первая коронація послѣ принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула совершалась въ 1727 году въ Успенскомъ соборѣ, когда короновалась супруга Петра Екатерина. Ко дню коронаціи, назначенному на 7 мая, для участія въ этомъ торжествѣ, велѣно было прислать депутатовъ со всей Россіи „отъ лица всѣхъ чиновъ и народа." Для большаго торжества была учреждена новая почетная стража подъ названіемъ роты кавалергардовъ. Великолѣпное шествіе въ день коронаціи направилось съ Краснаго крыльца къ древнему Успенскому собору. Представители крестьянъ, городовъ, купечества, дворянства, съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ русской земли, а также знатнѣйшіе сановники, государственные люди и послы, представители нашихъ княжескихъ и иныхъ старинныхъ фамилій, герцогъ голшинскій и герцогиня курляндская украшали шествіе императрицы Екатерины. Сама императрица шла подъ богатымъ балдахиномъ, рядомъ съ императоромъ Петромъ, одѣтымъ на этотъ разъ, вопреки своему всегдашнему обыкновенію, чрезвычайно пышно. Великолѣнный голубой бархатный кафтанъ, вышитый серебромъ самой императрицей Екатериной красовался на немъ. Обрядъ коронованія совершалъ, извѣстный сподвижникъ Петра, архіепископъ Псковскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, вліятельнѣйшій послѣ смерти Стефана Яворскаго членъ, учрежденнаго Петромъ св. Синода.

Нельзя пройти молчаніемъ изъ событій, имѣющихъ отношеніе къ Кремлю въ царствованіе императора Петра, сильнаго пожара 19 іюня 1701 года, начавшегося въ Кремлѣ, въ Новоспасскомъ подворьѣ у Спасскихъ воротъ. Пожаръ этотъ истребилъ въ Кремлѣ множество деревянныхъ домовъ и повредилъ много каменныхъ. До Петра въ Кремлѣ находилось много частныхъ зданій, принадлежавшихъ князьямъ и боярамъ. При нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлись также и домашнія церкви. По повелѣнію Петра, дома эти по боль-

шей части, были снесены и земли взяты въ казну. Послѣ учрежденія Московской губерніи (1708) былъ подтвержденъ изданный ранѣе стѣснительный указъ о строеніи каменныхъ зданій, какъ въ Кремлѣ, такъ и въ Китай-городѣ. Указомъже 1714 года, вслѣдствіе недостатка каменьщиковъ въ Петербургѣ, воспрещались во всемъ государствѣ каменныя постройки. Указомъ 1725 года велѣно было замѣнить деревянныя мостовыя Кремля — каменными. При Петрѣ въ Кремлѣ помѣщались: сенатъ, рентерея у Ивановской колокольпи, разныя коллегіи, конторы и дворы: конюшенный, аргамачный, потѣшный, сытный, житный, магазинный и другія зданія. Въ 1701 году въ Кремлѣ начата была, вызваннымъ въ Россію иностраннымъ мастеромъ Конради постройка арсенала. При Петрѣ еще оставались въ Кремлѣ боярскіе дома князей: Голицыныхъ, Черкасскаго, Трубецкаго, бояръ: Шереметева, Милославскаго и Татищева.

Послѣ неудачной битвы со Шведами подъ Нарвой, на случай угрожавшей отъ непріятеля опасности, Петръ велѣлъ укрѣпить Кремль по правиламъ фортификаціи. Рвы и земляные окопы окружали Кремль съ двухъ сторонъ, съ третьей онъ былъ защищенъ глубокимъ, выложеннымъ камнями, рвомъ. По выраженію Петра отъ Водовзводной башни до Каменнаго моста, сама „натура зѣло укрѣпила Кремль.“ Изъ 20 кремлевскихъ башенъ одна изъ нихъ Спасская имѣла ворота, обитыя мѣдью, два щита съ желѣзною, между ними находившеюся рѣшеткою, какая находилась между Константиновскою и Отводною башнями. Свинцовыя трубы, пролегавшія между Водовзодною башней и набережнымъ садомъ, были вынуты и отправлены въ Петербургъ. Таковы были незначительныя внѣшнія измѣненія, происшедшія въ Кремлѣ, въ царствованіе великаго императора.

Послѣ кратковременнаго, двухлѣтняго царствованія. Екатерины I-й на престолъ вступилъ двѣнадцатилѣтній Петръ II-й. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ, онъ, руководимый приближенными къ нему двумя княжескими фамиліями, Долгоруковыми и Голицыными, объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и отправился короноваться въ Кремль. Петръ Алексѣевичъ задумывалъ даже вновь перенести въ Москву резиденцію изъ Петербурга, но этого не удалось ему осуществить. Торжественный въѣздъ Петра II

въ Кремль происходилъ 4 февраля 1728 года, а 25 происходило торжество коронаціи съ большою пышностью. По случаю коронаціи и вслѣдствіе обрученія молодаго государя съ княжною Екатериной Алексѣевной Долгоруковой (30 ноября) въ Кремлѣ происходило много празднествъ и торжествъ всякаго рода. Обѣды и балы съ иллюминаціями слѣдовали безпрерывно другъ за другомъ.

Петръ II преждевременно скончался. Въ Архангельскомъ соборѣ, этой древней усыпальницѣ великихъ князей и царей Московскихъ заняла мѣсто единственная императорская гробница, на которой написано, что „великихъ благъ чаяніемъ подданныхъ своихъ вкратцѣ обнадеживъ, изволеніемъ Божіимъ къ вѣчному переселился въ лѣто 1730, января 18."

Послѣ смерти Петра II, на другой-же день, собрались во дворецъ на засѣданіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, или „верховники" какъ ихъ называли (всѣхъ ихъ было восемь: князья Голицыны и Долгорукіе, Головкинъ и Остерманъ). Совѣтъ рѣшилъ, въ виду отсутствія завѣщанія Петра II, что корона должна принадлежать герцогинѣ Курляндской Аннѣ Ивановнѣ, дочери царя Ивана Алексѣевича, старшаго брата Петра Великаго.

Властолюбивые „верховники„ и во главѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, личность энергичная и умная, хотѣли ограничить самодержавную власть въ Россіи и съ этою цѣлью составили ограничительныя условія, „кондиціи," которыми власть императрицы раздѣлялась съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эти условія были посланы Аннѣ Ивановнѣ въ Курляндію, въ Митаву, гдѣ она тогда находилась, какъ условія, которыя будто-бы отъ нея требуетъ народъ и которыя она должна подписать, если желаетъ быть русской императрицей.

Большинство дворянства и другихъ сословій нисколько не сочувствовало замысламъ „верховниковъ," желавшихъ ограничить верховную власть исключительно въ свою пользу. Баронъ Левенвольдъ, курляндскій посланикъ при нашемъ дворѣ, Ягужинскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ послали къ Аннѣ Ивановнѣ также каждый своихъ гонцовъ, извѣщая ее о намѣреніяхъ „верховниковъ," совѣтовали безпрекословно подписать „кондиціи", а по прибытіи въ Кремль уничто-

жить ихъ, какъ несогласныя съ волей народа. Анна Ивановна подписала „кондиціи" и отправилась въ Кремль.

„Кондиціи" были составлены въ такой формѣ: „чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всемозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры, греческаго исповѣданія; такожде, по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никакого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ, уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать будемъ и безъ онаго согласія: 1, войны ни съ кѣмъ не вчинать; 2, миру не заключать; 3, вѣрныхъ нашихъ подданнныхъ никакими податьми не отягощать; 4, въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе, выше полковничьяго ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; 5, у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6, вотчины и деревни не жаловать; 7, въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить и 8, государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать, а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской."

10 февраля Анна Ивановна въѣхала въ село Всесвятское подъ Москвою и остановилась тамъ, отдавъ приказаніе похоронить на другой день Петра II. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня вся знать и придворные собрались въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ жилъ усопшій государь и гдѣ находилось его тѣло. Собравшимся пришлось довольно долго дожидаться начала погребальной процессіи. Причиною замедленія оказалось то обстоятельство, что невѣста покойнаго государя княжна Долгорукова, поддерживаемая своей родней, требовала для себя въ похоронномъ шествіи мѣста и обстановки особы императорскаго дома. Эта претензія возбудила противъ Долгоруковыхъ сильное раздра-

женіе. Похоронное шествіе отправилось въ Кремль безъ невѣсты. Погребли Петра II, какъ уже сказано, въ Архангельскомъ соборѣ, вынувши для помѣщенія его гроба два гроба сибирскихъ царей.

15 февраля былъ торжественный въѣздъ императрицы въ Кремль, а 25 числа члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были позваны во дворецъ къ Аннѣ Ивановнѣ. Въ большой залѣ дворца собралось много сенаторовъ и человѣкъ 800 генералитета и дворянства, отъ имени которыхъ прочитаны были императрицѣ двѣ просьбы; во второй просьбѣ между прочимъ было сказано: „всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить.“

Когда прочитано было это прошеніе, императрица, притворяясь изумленною его содержаніемъ, сказала: „Какъ, развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, были составлены не по желанію всего народа?“—„Нѣтъ!“ раздалось среди собравшихся въ залѣ... „Такъ значитъ ты обманулъ меня князь Василій Лукичъ,“ сказала императрица, обращаясь къ Долгорукову. Затѣмъ императрица велѣла подать подписанныя ею „кондиціи“ и тутъ же разорвала ихъ въ клочки.

На другой день составлена была присяга о самодержавіи, а 28 числа по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ объявлялось, чтобы 1 марта всѣ шли бы къ присягѣ въ церкви и соборы.

Судьба фамиліи Долгоруковыхъ была печальная. Князь Василій Лукичъ былъ заточенъ въ Соловецкій монастырь, а фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ—сподвижникъ Петра Великаго — въ Нарскую крѣпость. Въ продолженіе всего царствованія Анны Ивановны постоянно и упорно преслѣдовалась эта фамилія, о членахъ ея постоянно производились дознанія и розыски и какъ только являлся малѣйшій предлогъ преслѣдованія усиливались. Наконецъ, въ 1739 году въ Новгородѣ были казнены мучительною смерью: князь Иванъ, двое его дядей и князь Василій Лукичъ Долгоруковы. Василій же Владиміровичъ съ братомъ осуждены были на вѣчное заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ.

28 апрѣля 1730 года Кремль праздновалъ торжество коронаціи императрицы Анны Ивановны. Она короновалась короной императрицы Екатерины I. Короновалъ ее Ѳеофанъ Прокоповичъ, который, между прочимъ, въ произнесенной имъ къ государынѣ рѣчи, сказалъ: „Твой престолъ тебѣ безпокойство, а намъ покой подаетъ; держава твоя тебѣ тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ; скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе приноситъ; корона твоя больше уязвляетъ, нежели украшаетъ главу твою, безчисленными наполняя попеченіями; но для чего? Чтобы главы подданныхъ твоихъ въ тишинѣ и веселіи пребывали.“

По случаю своей коронаціи императрица оказала многія милости и награды. Торжественный обѣденный столъ въ день коронованія по обычаю былъ въ Грановитой палатѣ. Затѣмъ, на другой день въ Золотой и Серебряной палатахъ, былъ данъ великолѣпный балъ, заключившійся многолюднымъ вечернимъ столомъ.

Императрица Анна Ивановна пробыла въ Кремлѣ до слѣдующаго года. Въ маѣ мѣсяцѣ она съ большою торжественною церемоніей переѣхала изъ Кремля въ подмосковное село Измайлово. 7 янв. 1731 г. государыня выѣхала въ Петербургъ.

Въ царствованіе Анны Ивановны внѣшній видъ Кремля получилъ нѣкоторыя измѣненія. Въ 1730 году императрица повелѣла сломать и перенесть въ Лефортово деревянный дворецъ стоявшіи подлѣ цейхгауза въ Кремлѣ въ которомъ тогда жилъ оберъ-гофмейстеръ графъ Салтыковъ. Дворецъ этотъ былъ только за годъ передъ этимъ построенъ и назывался Анненгофскимъ. Въ томъ же году приказано было въ Кремлѣ, равно какъ и во всей Москвѣ, по всѣмъ большимъ улицамъ разставить, на разстояніи десяти саженъ, другъ отъ друга, фонари. Въ 1736 году, какъ мѣру предосторожности отъ пожаровъ, велѣно было на большихъ улицахъ вырыть колодцы съ двумя насосами каждый. Для Сыскнаго приказа были назначены тѣ палаты, въ которыхъ до того времени помѣщался Разбойный приказъ, находившійся у восточной стѣны Кремля. Бархатный дворъ, стоявшій между Никитскими и Арбатскими воротами, перешелъ въ вѣдѣніе придворнаго вѣдомства. Въ 1731 году велѣно было пристроить особую церковь къ башнѣ у Житнаго двора, гдѣ былъ помѣщенъ образъ Благовѣщенія Божіей Матери.

Въ царствованіе Анны Ивановны отлитъ былъ также и тотъ знаменитый большой колоколъ, который извѣстенъ подъ именемъ „царь-колокола“ и составляетъ одну изъ достопримѣчательпостей Кремля. Вѣсъ колокола предполагался въ 14.000 пудовъ; отлить его взялся мастеръ Иванъ Моторинъ, который и устроилъ для этого литейныя печи со всѣми необходимыми приспособленіями близь самаго зданія Ивановской колокольни. Но самому Моторину не удалось кончить это предпріятіе, которымъ очень заинтересована была императрица. Первый опытъ отливки не удался, затѣмъ Иванъ Моторинъ умеръ, передавъ дѣло своему сыну Михаилу. Въ ноябрѣ 1736 года въ присутствіи коломенскаго архіепископа Веніамина дѣло было приведено къ благополучному концу: царь-колоколъ былъ отлитъ, хотя поднять его на Ивановскую колокольню и не удалось.

Во время Анны Ивановны страшный пожаръ 29 мая 1737 года опустошилъ Кремль и Москву. Пожаръ начался въ приходѣ Св. Іоанна Предтечи, въ домѣ Александра Милославскаго. Сильный вѣтеръ способствовалъ распространенію пожара, который скоро достигъ дворца царевны Екатерины Ивановны у Боровицкаго моста. Пламя перебросило въ самый Кремль, на дворы Конюшенный и Потѣшный, на конторы и канцеляріи и на самый дворецъ съ его церквями, на Грановитую и Оружейную палаты. Ко времени вечерень загорѣлись крыши Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго соборовъ, а внутренность ихъ наполнилась дымомъ. Пожаръ распространился на большое пространство; пламя перекидывало отъ Богоявленскаго монастыря до цейхгауза и вотчинной конторы, отъ Чудова и Вознесенскаго монастырей до Синода, казеннаго приказа, коллегій и палатъ князя Трубецкаго, находившихся у Никольскихъ воротъ. Съ Ивановской колокольни рухнули многіе колокола, а у царь колокола, какъ говорятъ, горящее бревно, отбило край. Тѣснота кремлевскихъ строеній, изъ которыхъ многія были деревянныя, много содѣйствовала распространенію пламени. Въ западной части Кремля сгорѣли палаты соляной конторы, бывшія прежде покоями царицы Маρѳы Матвѣевны, по лѣвую сторону отъ нихъ огонь уничтожилъ Троицкое подворье и синодальный домъ, а по правую— счетную башню Кригсъ—Коммисаріата и мундирную контору.

Также сгорѣли палаты за верхними теремами и всѣ строенія отъ Рождественскаго собора къ Кормовому дворцу. Вокругъ Спасской башни пламя уничтожило кровли въ два яруса, библіотеку и мѣдныя и желѣзныя ворота. Уцѣлѣли только верхніе и нижніе набережные сады съ шестью палатами, комнатные сады во дворцѣ и огородъ съ оранжереями. На Подолѣ сгорѣли двѣ церкви: Благовѣщенская на Житномъ дворѣ и св. Константина и Елены, сгорѣли и бывшіе тутъ дома соборянъ. Кровля сыскнаго приказа, острогъ близь него, позади острога застѣнокъ, другой острогъ съ пятью казармами, покаянная, сарай, часовня, караульня и казарма, гдѣ содержались колодники — все это сдѣлалось жертвою пламени. Изъ сыскнаго приказа болѣе 300 арестантовъ были переведены на Житный дворъ къ Калужскимъ воротамъ. Всѣ деревянныя зданія, находившіяся въ Кремлѣ, были обращены въ пепелъ и сильно повреждено много каменныхъ. Не уцѣлѣли и самыя кремлевскія башни и стѣны: деревянные всходы, мосты и кровли на многихъ изъ нихъ оказались уничтоженными. Опустошивъ Кремль, пожаръ истребилъ множество строеній также въ Китаѣ и Бѣломъ-городѣ.

Указомъ 22 іюня 1737 года Анна Ивановна велѣла возстановить на счетъ казны сгорѣвшія дворцовыя и соборныя церкви.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ пожара, уже въ царствованіе Елизаветы, Кремль являлъ въ себѣ неизгладившіеся еще слѣды этого страшнаго пожара 1737 года.

Послѣ десятилѣтняго царствованія Анны Ивановны и краткаго періода регенства Бирона и правленія Анны Леопольдовны на русскій престолъ вступила (25 ноября 1741 года) дочь Петра Великаго Елизавета Петровна. Еще въ первый день 1742 года было объявлено, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кремлѣ совершится коронованіе новой императрицы. Государыня выѣхала въ Москву въ февралѣ и 28 числа происходилъ торжественный въѣздъ ея въ Кремль, при чемъ было устроено въ Москвѣ четверо тріумфальныхъ воротъ. Въ Кремлѣ, по всему протяженію пути государыни, отъ рѣшетки къ соборамъ были устроены помосты съ балюстрадами, все это было покрыто дорогими коврами и сукнами; всѣ зданія были убраны различными

украшеніями, а съ оконъ и балконовъ свѣшивались персидскіе и турецкіе ковры и разныя богатыя матеріи и сукна. Порядкомъ процессіи распоряжался оберъ-прокуроръ сената. Государыня сидѣла въ парадной каретѣ, запряженной восемью „преизрядными" неаполитанскими лошадьми, ее окружали лейбъ-компанцы, а за ними тянулись вереницы камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, конюшенныхъ служителей и гайдуковъ. Далѣе слѣдовали придворныя и знатные особы обоего пола, ѣхавшія въ богатыхъ экипажахъ цугомъ и окруженныя лакеями, гренадерами, ѣздовыми, и скороходами. За поѣздомъ императрицы ѣхалъ наслѣдникъ Петръ Ѳедоровичъ, а за нимъ цугомъ слѣдовалъ его придворный штатъ, а за экипажами статсъ-дамъ, фрейлинъ и другихъ дамъ, шли почтальоны, а за ними везли „покоевыя, дорожныя сани ея величества и его высочества и другихъ знатныхъ персонъ." У кремлевской рѣшетки государыню встрѣтили архіереи и архимандриты съ крестами и съ хоромъ пѣвчихъ, исполнившихъ привѣтственный гимнъ. Звонкіе голоса пѣвчихъ замирали въ оглушительномъ колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ изъ 85 орудій и ружейныхъ залпахъ. Приложась къ иконамъ и мощамъ императрица стала на парадное мѣсто и архіепископъ Амвросій произнесъ приличное обстоятельствамъ торжественное слово.

Послѣ проповѣди, хожденія по кремлевскимъ церквамъ, молебновъ, церемоніальное шествіе во дворецъ продолжалось своимъ порядкомъ. У синодальныхъ воротъ Елизавета была встрѣчена хоромъ студентовъ славяно-греко-латинской академіи. Одѣтые въ бѣлыя платья, въ вѣнкахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, они пропѣли сложенную для этого случая пѣсню:

„Приспѣ день красный
Милость Россіи
Давно желанну.
Ни одно, ни два
Все дождь проливалъ
Така жъ пучина.
Возсіяло ведро,
Небеса прещедро,
Зрѣти показали,
Прочь всѣ печали!
Но многая лѣта

И не было свѣта
И слезъ бы безмѣстна
Богу извѣстна и т. д.

Московское купечество встрѣтило государыню знатными „презентами", которые и были приняты. Во дворцѣ Елизавету съ хлѣбомъ-солью встрѣтилъ оберъ-гофмейстеръ графъ Салтыковъ при громѣ выстрѣловъ изъ 101 пушки, поставленныхъ у Кремля и 90 передъ дворцомъ.

День закончился баломъ. Три дня къ ряду не умолкалъ колокольный звонъ во всѣхъ московскихъ церквахъ, и каждый вечеръ Кремль и Москва освѣщались иллюминаціями. Елизавета ежедневно каталась въ саняхъ и любовалась потѣшными огнями.

Распорядителями наступившихъ коронаціонныхъ торжествъ были назначены: князь Н. Ю. Трубецкой—верховнымъ маршаломъ, баронъ Люберасъ — верховнымъ церемоніймейстеромъ, а князь Черкасскій и Лопухинъ — оберъ-церемоніймейстерами. 23 апрѣля съ надлежащими церемоніями было объявлено герольдами, что днемъ коронованія назначено 25 апрѣля. Въ этотъ день Елизавета съ придворнымъ штатомъ переѣхала изъ зимняго дома въ кремлевскій императорскій дворецъ и „резидовала" въ покояхъ потѣшнаго дворца, который поэтому случаю былъ великолѣпно убранъ. Еще съ большимъ богатствомъ и роскошью приготовленны были въ Успенскомъ соборѣ мѣста для императрицы, министровъ и именитаго духовенства, а для высокочиновныхъ особъ обоего пола — галлереи.

25 апрѣля, въ 5 часовъ утра, пушечнымъ выстрѣломъ былъ данъ сигналъ для сбора въ Кремль какъ войскъ, такъ и всѣхъ, участвовавшихъ въ процессіи. Лейбъ-кампанцы шеренгами построились отъ внутреннихъ покоевъ государыни, по Красному крыльцу и до Успенскаго собора. Въ 6 часовъ стали съѣзжаться во дворецъ сановники, посланники, дамы и дѣвицы „знатнѣйшаго шляхетства," убранныя въ пребогатыя „робы." Всѣ они выстраивались во дворцовыхъ покояхъ, въ сѣняхъ, на лѣстницахъ, на помостѣ и въ соборѣ на заранѣе для всѣхъ опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ церковь впускались не иначе какъ по билетамъ. Въ восьмомъ часу были перенесены изъ мастерской палаты въ аудіенцъ-залу императорскія регаліи. Заблаговѣстили и

по первому удару колокола въ Успенскій соборъ съѣхалось знатное духовенство; отслуживъ заздравный молебенъ и часы, оно ожидало императрицу. Вслѣдъ за наслѣдникомъ и его придворнымъ штатомъ явилась и государыня; надъ нею несли великолѣпнѣйшій балдахинъ, а шлейфъ ея несли 12 человѣкъ по парно „на довольномъ“ разстояніи другъ отъ друга. Впереди, по бокамъ и сзади шли въ строгомъ порядкѣ придворные, депутаты и представители разныхъ областей, городовъ, сословій и правительственныхъ учрежденій. Тутъ были 36 представителей древнѣйшихъ русскихъ фамилій. Лишь только процессія началась,—усилились колокольный звонъ и пальба изъ пушекъ, войско взяло на караулъ, знамена преклонились, архіепископъ Амвросій и и епископъ псковскій Стефанъ кадили фиміамъ и кропили освященной водою. Обрядъ коронованія производился по общепринятому порядку. Архіепископъ Амвросій сказалъ „выспренное“ поздравленіе. По окончаніи коронаціи, началось шествіе въ разные кремлевскіе соборы, при чемъ въ народъ кидали золотые и серебряные жетоны. Множество военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, по обыкновенію, получили награды, чины, ордена, помѣстья. Тредьяковскій поднесъ императрицѣ привѣтственную оду во 120 стиховъ, по выслушаніи которой Елизавета, окружаемая лейбъ-кампанцами отправилась обѣдать въ Грановитую палату. „Потомъ“ говоритъ современное „обстоятельное описаніе“ коронаціи Елизаветы Петровны, когда ея величество за столомъ изволила спросить кушать (пить), когда выпила и прикушала, тогда всѣ особы знатныя, отдавъ поклонъ, сѣвъ за столы, были трактованы пребогатымъ обѣдомъ.“ Кушанье приносили знатнѣйшіе сановники и подавали императрицѣ съ колѣноприклоненіемъ. Во время стола играли „преизрядные“ концерты два хора итальянской музыки. Окончивъ обѣдъ, императрица бросала изъ окна Грановитой палаты золотые и серебряные жетоны, которые народъ расхватывалъ съ шумомъ, ссорами и драками.

Торжества послѣ коронаціи продолжались еще цѣлую недѣлю, въ теченіи которой въ Кремлѣ не умолкалъ звонъ колоколовъ, а по вечерамъ горѣли иллюминаціи. 26 апрѣля въ аудіенцъ-камерѣ государыня принимала поздравленія отъ особъ первыхъ четырехъ классовъ (бояре и прежніе

чины были уничтожены Петромъ Великимъ, введшимъ вмѣсто нихъ табель о рангахъ съ подраздѣленіемъ чиновъ на 14 классовъ), которые подходя къ трону, опускались на колѣни и цѣловали руку императрицы. Послѣ обѣда принимались поздравленія отъ духовенства, иностранныхъ министровъ и прочихъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Передъ Грановитой палатой, на двухъ высокихъ рундукахъ, были для народа поставлены жареные быки начиненные тоже жареными птицами; тутъ же устроены были фонтаны, бившіе бѣлымъ и краснымъ виномъ. По знаку, поданному государыней, народъ стремглавъ бросился на приготовленныя угощенія, ловя при этомъ жетоны, бросаемые изъ окна дворца.

27 апрѣля утромъ въ Кремлѣ представлялся императрицѣ персидскій посолъ со всею свитой, а послѣ обѣда—члены академіи наукъ и медицинскаго факультета, причемъ поздравительную рѣчь говорилъ профессоръ аллегоріи и воспитатель наслѣдника Штелинъ. 28 апрѣля продолжались пріемы поздравленій отъ разныхъ лицъ и вновь выставлены были народу жареные быки, птицы и фонтаны винъ; кончился день баломъ въ Грановитой палатѣ. 29 апрѣля государыня, церемоніально предшествуемая своимъ штатомъ, отправилась изъ Кремля въ Яузскій дворецъ, провожаемая колокольнымъ звономъ, пушечной и ружейной пальбой, криками солдатъ, музыкой всѣхъ полковыхъ хоровъ и возгласами народа. Улицы были обставлены частымъ ельникомъ. Послѣ параднаго обѣда вечеръ закончился баломъ. Публичные обѣды и балы для знати и придворныхъ давались также 3, 4 и 7 мая. Съ этого же времени во дворецъ допускались всѣ, желавшіе видѣть императорскія регаліи: корону, скипетръ, державу, мантію, и т. д. Впускали всѣхъ за исключеніемъ черни. Съ 8 мая въ Кремлѣ начались маскарады, въ продолженіи которыхъ императрица являлась въ маскарадныхъ костюмахъ; всѣ присутствующіе угощаемы были „пребогатыми“ обѣдами, при чемъ кушали безъ масокъ. Купечество угощали въ особомъ залѣ, за особыми столами. Билетовъ для входа въ маскарадъ было выдано 900.

29 мая при дворѣ шла итальянская опера, причемъ зрители были въ маскарадныхъ платьяхъ. Для представленія оперы противъ императорскаго дворца въ Кремлѣ по-

Никольская башня и часть зданія Судебныхъ учрежденій.

строили театральную залу въ новѣйшемъ вкусѣ, въ которой помѣщалось до 5.000 публики. Хоры исполнялись громадной массой голосовъ, при чемъ въ первый разъ были употреблены пѣвчіе императорской капеллы. Желаніе московской публики видѣть эту первую оперу было такъ велико, что множество зрителей обоего пола собралось въ залу за шесть часовъ до начала представленія, для того чтобы занять мѣста.

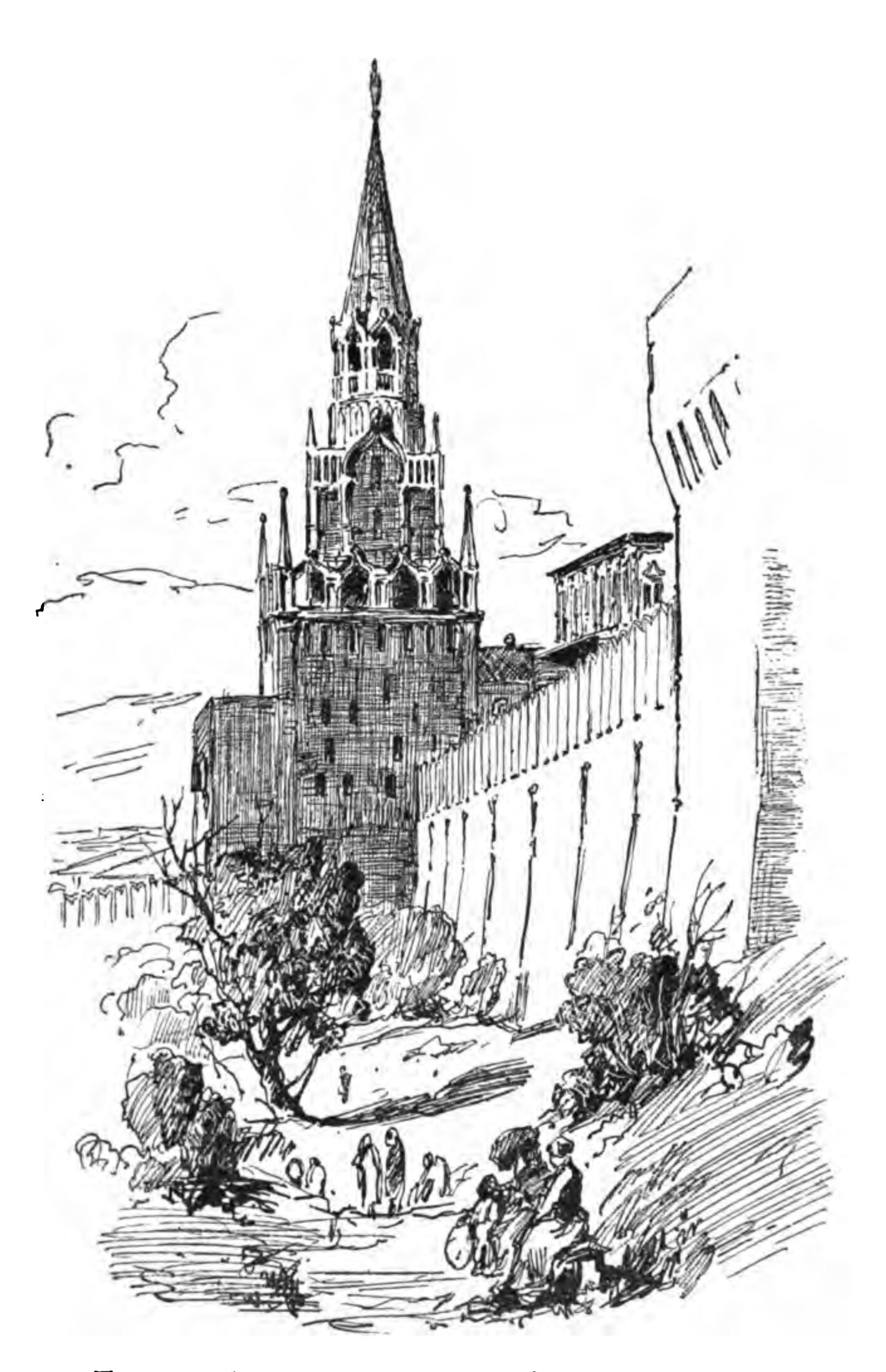
31 мая балъ и маскарадъ были вновь повторены, а 3 іюня, во время великолѣпнаго бала, маскарада и ужина, сожгли громадный фейерверкъ. 6-го іюня опять были балъ, маскарадъ и представленіе итальянской оперы, и наконецъ 7 іюня коронаціонныя торжества закончились великолѣпнѣйшей иллюминаціей Кремля и всей Москвы.

Весь 1742 годъ императрица Елизавета прожила въ Кремлѣ, живя также повременамъ и въ Анненгофскомъ дворцѣ (въ Лефортовѣ), посѣтивъ лѣтомъ для богомолья и Троицко-Сергіевскую Лавру. 7 ноября совершился въ кремлевской дворцовой церкви торжественный обрядъ принятія православной вѣры наслѣдникомъ престола герцогомъ Голштинскимъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Въ 9 часовъ утра все именитое духовенство съ архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ во главѣ, сенатъ, генералитетъ и придворные чины собрались въ дворцовой церкви Кремля. Сенатскій секретарь прочелъ Высочайшій манифестъ, объявлявшій Петра Ѳедоровича наслѣдникомъ императорскаго русскаго престола, послѣ чего великій князь-наслѣдникъ, ставъ на колѣни, „россійскимъ языкомъ учинилъ съ великимъ усердіемъ и желаніемъ обыкновенное отъ противныхъ православной церкви и отверженныхъ отъ нея всѣхъ еретичныхъ мудрованій отрицаніе.“ За тѣмъ наслѣдникъ прочелъ символъ вѣры: „всѣ догматы новой вѣры принялъ, а противныя и несогласныя нашей церкви отметнуть и анаѳемѣ предать соизволилъ.“ Послѣ прочтенія молитвъ архіепископъ Амвросій помазалъ его мѵромъ, а епископъ Стефанъ, помазанныя мѣста отеръ губкой. Во время обѣдни Петръ Ѳедоровичъ прикладывался къ иконамъ, причастился св. тайнъ и принялъ послѣ литургіи троекратное поздравленіе сената, синода и всего генералитета. Высокоторжественный день этотъ отпраздновали въ Кремлѣ пышнымъ обѣдомъ, кон-

цертомъ во дворцѣ итальянскихъ артистовъ, а вечеромъ—иллюминаціей и фейерверкомъ. Празднества по этому случаю не прекращались въ теченіи трехъ дней. Кремль и Москва оглашались непрерывнымъ колокольнымъ звономъ, въ церквахъ служились молебны и приводились всѣ чины къ присягѣ наслѣднику, а во дворцѣ приносились ему поздравленія. По этому поводу выбита была мастеромъ Вестнеромъ особая медаль.

25 ноября Кремль праздновалъ годовщину вступленія на престолъ Елизаветы. Былъ обѣдъ, балъ и иллюминація съ фейерверкомъ. Годовщина эта ознаменовалась для многихъ лицъ пожалованіемъ отъ императрицы въ даръ людей и земель въ вѣчное потомственное владѣніе. Въ декабрѣ мѣсяцѣ императрица выѣхала изъ Кремля въ Петербургъ, но Кремль и Москва всегда оставались близкими ея сердцу и любимыми ею мѣстами. Въ началѣ 1744 года Елизавета снова прибыла въ Кремль, куда вскорѣ прибыла также со своею матерью и невѣста наслѣдника престола принцесса Ангальтъ-Цербская, которой тогда было всего еще 14 лѣтъ. 28 іюня она приняла въ дворцовой кремлевской церкви православіе въ присутствіи императрицы, великаго князя наслѣдника и высшихъ государственныхъ чиновъ. Архіепископъ новгородскій Амвросій помазалъ ее мѵромъ, послѣ чего она наименована была великою княжною Екатериною Алексѣевною. По совершеніи обряда императрица Елизавета подарила ей великолѣпный брилліантовый аграфъ, стоившій нѣсколько сотъ тысячъ рублей. На другой день, 29 іюня, происходило въ Кремлѣ торжество обрученія Петра Ѳеодоровича съ Екатериной Алексѣевной. Бракосочетаніе ихъ было въ 1745 году.

Въ томъ же 1744 году Кремль и Москва праздновали заключеніе мира съ Швеціей. Опять происходили балы, обѣды, фейерверки, иллюминаціи, награды, милости и проч. Послѣ празднованія мира Елизавета съ дворомъ своимъ отбыла изъ Кремля въ Кіевъ. Но въ декабрѣ 1748 года императрица вновь посѣтила Кремль, гдѣ и прожила цѣлый годъ. Затѣмъ въ концѣ 1752 года, опять прибывъ въ Кремль, государыня и ея дворъ пробыли здѣсь слишкомъ полтора года—до мая 1754 года. Это послѣднее пребываніе императрицы Елизаветы въ Кремлѣ ознаменовалось

Троицкая башня со стороны 2-го Александровскаго сада.

несчастнымъ случаемъ: сгорѣло деревянное зданіе дворца, гдѣ помѣщалась государыня. Во время этого пожара пламя истребило и весь огромный гардеробъ Елизаветы, заключавшій 4.000 платьевъ. Погибли въ огнѣ также и нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, между которыми находилась чаша, купленная графомъ А. И. Румянцевымъ въ Константинополѣ за 8.000 червонцевъ. Въ началѣ мая 1754 года государыня и дворъ покинули Кремль и отбыли въ Петербургъ.

При Елизаветѣ въ Москвѣ былъ основанъ (26 апрѣля 1755 года) первый въ Россіи университетъ. Открытіе его ознаменовалось молебствіемъ въ Успенскомъ кремлевскомъ соборѣ, иллюминаціей и другими торжествами; а въ Кремлѣ былъ воздвигнутъ дворецъ, которому суждено было видѣть въ своихъ стѣнахъ Наполеона I и просуществовать до временъ государя Николая Павловича.

Екатерина II, вступившая на престолъ 28 іюня 1762 года, объявила 7 Іюля о назначеніи коронаціи ея въ Москвѣ на 22 сентября 1762 года. Въ концѣ августа Екатерина II вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ, а также въ сопровожденіи двора, сената, синода и гвардіи отправилась изъ Петербурга въ Москву. 13-го сентября былъ пышный въѣздъ государыни въ Кремль, а 22 числа совершилось и торжество коронаціи, согласно обычному церемоніалу. Коронацію совершалъ извѣстный Новгородскій архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ, пожалованный послѣ коронованія въ митрополиты. Послѣ коронаціи въ Кремлѣ и Москвѣ происходили торжества и увеселенія, подобныя тѣмъ, которыя сопровождали коронацію Елизаветы. Многочисленныя милости и награды придворнымъ, военнымъ и гражданскимъ должностнымъ лицамъ слѣдовали одни за другими. Послѣ коронаціи императрица, слѣдуя примѣру своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ, ѣздила на поклоненіе мощамъ преподобнаго Сергія въ Троицко-Сергіевскую Лавру. На медаляхъ, выбитыхъ въ честь коронаціи, на лицевой сторонѣ изображенъ былъ бюстъ императрицы, а на оборотѣ изображены были: православіе и россійское отечество, радостно возносящія украшенный дубовыми листьями щитъ съ именемъ ея величества; передъ ними стоитъ курящійся жертвенникъ съ изображеніемъ знаковъ духовнаго, военнаго и гражданскаго чиновъ, на ко-

*

торый россійское отечество сыплетъ фиміамъ во изъявленіе всенародныхъ молитвъ и усердныхъ желаній о долгоденствіи и благополучномъ государствованіи вседражайшія ихъ монархини и избавительницы."—29 Сентября, въ послѣдній день коронаціонныхъ торжествъ, длившихся цѣлую недѣлю, говорилъ Екатеринѣ рѣчь извѣстный Георгій Конисскій, епископъ могилевскій и бѣлорусскій. Графъ А. П. Безстужевъ-Рюминъ вручилъ Екатеринѣ составленный имъ проектъ предложенія сенату о наименованіи императрицы „матерью отечества." Но государыня написала на этомъ проектѣ: „Видится мнѣ что сей проектъ еще рано предложить, потому что растолкують въ свѣтѣ за тщеславіе, а за ваше усердіе благодарствую."

Екатерина была очень довольна пріемомъ, который ей оказывали Кремль и Москва. На третій день послѣ коронаціи 25 сентября она писала своему посланнику въ Варшавѣ, графу Кейзерлингу: „Невозможно вамъ описать радость, которую здѣсь безчисленный народъ оказываетъ при видѣ меня: стоитъ мнѣ выйти или показаться въ окнѣ и клики возобновляются." Послѣ коронаціонныхъ торжествъ Екатерина пробыла въ Кремлѣ до мая слѣдующаго 1763 года, когда выѣхала въ Ростовъ.

Въ 1767 году Кремль видѣлъ въ своихъ стѣнахъ замѣчательное событіе—открытіе засѣданій депутатовъ, созванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи въ коммиссію для составленія новаго уложенія. Депутаты должны были съѣхаться въ Москву въ концѣ іюля 1767 года, но императрица и ея дворъ прибыли въ Кремль изъ Петербурга въ началѣ года, а вмѣстѣ съ ними туда же сенатъ, синодъ и находившіяся въ Петербургѣ коллегіи. Въ концѣ апрѣля государыня покинула на два мѣсяца Кремль, отправившись посѣтить города, лежащіе на Волгѣ отъ Твери до Симбирска. 22 іюля Екатерина вернулась въ Кремль.

30 іюля происходило открытіе засѣданій коммиссіи объ уложеніи. Собравшіеся къ этому дню 460 депутатовъ прибыли въ 7 часовъ утра въ Чудовъ монастырь, но еще прежде нихъ туда пріѣхалъ главный распорядитель князь Вяземскій, не задолго передъ тѣмъ утвержденный въ званіи генералъ-прокурора (должность, соотвѣтствующая теперешнему министру юстиціи). Въ десятомъ часу въ Успенскій

соборъ прибыла императрица, одѣтая въ императорскую мантію съ малою короной на головѣ; ее сопровождали наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, придворная свита и взводъ кавалергардовъ подъ командою графа Орлова. Когда государыня вступила въ соборъ, туда же двинулись и депутаты по два въ рядъ подъ предводительствомъ генералъ-прокурора, державшаго въ рукѣ маршалскій жезлъ. По окончаніи богослуженія императрица отправилась въ кремлевскій дворецъ, а депутаты стали подписывать присягу, въ которой клялись приложить: „чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго уложенія, соотвѣтствуя довѣренности избирателей, чтобъ сіе дѣло начато было и окончено въ правилахъ богоугодныхъ, человѣколюбіе вселяющихъ и добронравіе къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго, изъ которыхъ правилъ всё правосудіе истекаетъ.“ Присягавшій просилъ Бога, „чтобъ ниспослалъ ему силу отвратить сердце и помышленіе отъ слѣпоты, происходящей отъ пристрастія, собственныя корысти, дружбы, вражды и ненавистныя зависти, изъ коихъ страстей могла-бъ родиться суровость въ мысляхъ и жестокость въ совѣтахъ.“

Послѣ подписанія присяги, депутаты отправились въ аудіенцъ-залу кремлевскаго дворца, гдѣ стояла на тронномъ возвышеніи Екатерина, имѣя на право отъ себя, покрытый краснымъ бархатомъ столъ, гдѣ лежали сочиненный ею знаменитый „Наказъ“ коммиссіи для составленія проекта уложенія, обрядъ управленія коммиссіей и генералъ-прокурорскій наказъ. По лѣвую сторону трона стоялъ наслѣдникъ престола съ правительственными лицами, придворными и иностранными послами, по правую — знатнѣйшія дамы; на второй ступени трона стоялъ вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ.

Когда генералъ-прокуроръ князь Вяземскій представилъ Екатеринѣ депутатовъ, то Новгородскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ, бывшій депутатомъ отъ синода, произнесъ рѣчь, въ которой выводилъ законодательное преемство Екатерины отъ римскаго императора Юстиніана. На другой день депутаты, въ числѣ 428 человѣкъ собрались въ Грановитой палатѣ и приступили къ избранію маршала (предсѣдателя). Былъ избранъ и утвержденъ императрицей костромской депутат Александръ Ильинъ Бибиковъ. Засѣданія

депутатовъ длились до 14 декабря 1767 года, а возобновились въ февралѣ слѣдующаго года уже въ Петербургѣ. Въ происходившихъ въ Кремлѣ засѣданіяхъ читались: „Наказъ" Екатерины, наказы избирателей депутатамъ и разбирались законы о правахъ дворянства и купечества и о лифляндскихъ и эстляндскихъ привиллегіяхъ.

Созывая депутатовъ, Екатерина имѣла цѣлью познакомиться съ нуждами, желаніями и требованіями народа и общества того времени, хотѣла узнать, по тогдашнему выраженію, „умоначертаніе" народное для того, чтобы положить въ основу своей практической законодательной дѣятельности, какъ нужды и желанія народа, такъ и, примѣнительно къ нимъ, начала, выработанныя современною европейскою мыслью и наукой. Вслѣдствіе этихъ причинъ и происходили засѣданія коммиссіи объ уложеніи въ 1767 году въ Кремлѣ и въ слѣдующемъ уже году въ Петербургѣ.

Въ 1771 году Москва и Кремль были ареной страшнаго бѣдствія—чумной эпидеміи, постигшей ихъ со всѣми своими ужасами. Чума, появившаяся сперва въ нашей дунайской арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, вскорѣ распространилась по Молдавіи и Бессарабіи, а оттуда проникла въ Подолію и Украйну. Приняты были карантинныя предохранительныя мѣры, чтобы чума не распространялась внутрь Россіи, но мѣры эти не достигли своей цѣли: эпидемія быстро распространилась и достигла Москвы и Кремля. Московскимъ главнокомандующимъ былъ тогда Салтыковъ, слабый и нерѣшительный семидесяти-лѣтній старикъ, который, вмѣсто того, чтобы принять какія нибудь энергическія и цѣлесообразныя мѣры, въ разгаръ эпидеміи, поддавшись страху, скрылся въ одномъ изъ своихъ подмосковныхъ имѣній. Императрица Екатерина поручила сенатору Еропкину принять на себя особое и исключительное завѣдываніе всѣми мѣрами для охраненія общественнаго здравія и порядка. Москва была оцѣплена карантинами и караулами, въ нее никого не пропускали, а изъ нея выѣздъ былъ дозволяемъ лишь по выдержаніи карантина. Учреждены были больницы; имущество, одежда и утварь тѣхъ домовъ, гдѣ появлялась чума, были сжигаемы. Для погребенія умершихъ отведены были за городомъ особыя кладбища. Кромѣ того, изъ преступниковъ, осужденныхъ на тяжкія наказанія,

Еропкинъ организовалъ отрядъ погребальщиковъ. Но всѣ мѣры эти плохо помогали дѣлу. Москвичи, не привыкшіе къ больницамъ, видя, что въ нихъ умираетъ много народа, утаивали больныхъ у себя по домамъ, чрезъ что, разумѣется, зараза только усиливалась, равно какъ и черезъ одежду, оставшуюся отъ умершихъ, которую многіе не сжигали, а прятали и затѣмъ носили. Карантинные караулы и заставы вокругъ города затрудняли доставку продовольствія и другихъ необходимыхъ предметовъ. Простонародье приписывало болѣзнь Божьей волѣ и считало беззаконіемъ противиться ея дѣйствію. Эпидемія съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ усилилась въ необыкновенной степени. Часто случалось, что заболѣвшихъ покидали всѣ, даже родные; трупы ихъ оставались безъ погребенія и отъ ихъ разложенія чума получала новую пищу. Иные жители выносили изъ своихъ домовъ заболѣвшихъ на улицу, боясь около нихъ заразиться и такимъ образомъ оставляли ихъ умирать безъ всякаго призрѣнія и пособія. Въ августѣ 1771 года число умирающихъ достигло до 400 и 500 человѣкъ въ сутки. Съ усиленіемъ чумы росло въ народѣ и раздраженіе. Докторамъ, которыхъ народъ считалъ виновниками зла, начинали угрожать и одного изъ нихъ чуть не убили. Еропкинъ, не смотря на выказанную имъ энергическую дѣятельность и распорядительность, не пользовался довѣріемъ жителей.

„Страхъ обуялъ все населеніе, — говоритъ Щебальскій, — дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ остановились; народъ повалилъ изъ бѣдствующаго города, не обращая вниманія на карантины и заставы, и разнесъ съ собою заразу въ смежные уѣзды. Эти побѣги, ровно какъ и самая смертность, значительно уменьшили населеніе Москвы; но болѣзнь такъ развилась, что въ сентябрѣ, не взирая на малолюдство, умирало отъ 700 до 800 человѣкъ въ день. Можно сказать, что вся Москва считала себя обреченною на жертву. Многіе, будучи еще совершенно здоровыми, исповѣдывались и пріобщались, какъ будто приговоренные къ смерти. Другіе спѣшили въ церковь, думая, что эта молитва ихъ будетъ, можетъ быть послѣднею.“

Въ это самое время, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, внезапно распространился неизвѣстно откуда взявшійся слухъ, что образъ Боголюбской Богоматери у Варварскихъ воротъ ис-

цѣляетъ и предохраняетъ отъ чумы. Полагаютъ, что слухъ этотъ былъ распущенъ однимъ священникомъ, имѣвшимъ разсчетъ на большіе доходы съ молебствій. Разсчетъ этотъ, если онъ существовалъ, оказался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ: священники не успѣвали служить молебновъ и народъ густыми толпами ежедневно сходился къ Варварскимъ воротамъ. Но между богомольцами были и зараженные чумой, они сообщали заразу другимъ, вслѣдствіе чего постоянное скопленіе народныхъ массъ у Варварскихъ воротъ угрожало еще сильнѣйшимъ развитіемъ болѣзни. По этому архіепископъ Амвросій приказалъ убрать образъ съ его мѣста. Распоряженіе это разсердило и безъ того взволнованный народъ, который воображалъ, что у него отнимаютъ послѣднюю надежду на спасеніе отъ гибели. 15 сентября, когда посланные архіереемъ Амвросіемъ убирали образъ, народъ бросился на нихъ съ криками, ругательствами и проклятіями и избилъ ихъ. Нѣкоторые изъ народа бросились къ колокольнямъ и ударили въ набатъ. На колокольный звонъ отовсюду сбѣжался народъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, массами повалилъ въ Кремль, гдѣ въ Чудовомъ монастырѣ проживалъ Амвросій. Требуя образъ, народъ угрожалъ не оставить камня на камнѣ. Амвросію удалось на этотъ разъ спастись бѣгствомъ, но кельи его были разграблены. Появленіе Еропкина въ Кремлѣ съ нѣсколькими сотнями солдатъ прекратило смятеніе. На другой день безпорядки возобновились и толпы всякаго сброда бросились къ Донскому монастырю, узнавъ что, тамъ укрылся Амвросій. Прежде, чѣмъ вооруженная сила могла прибыть къ нему на помощь, народъ ворвался въ монастырскую ограду и умертвилъ архипастыря.

Эти безпорядки могли породить новыя смятенія и неустройства; въ виду чего императрица сочла нужнымъ предупредить ихъ и успокоить народъ, приславъ въ Москву какого нибудь значительнаго сановника, который могъ-бы дѣйствовать на народъ непосредственно отъ ея имени. Екатерина избрала для этого князя Григорія Орлова, который и прибылъ въ Москву въ концѣ сентября. Снабженный всевозможными чрезвычайными полномочіями и имѣя большое значеніе и авторитетъ, по своему положенію при дворѣ императрицы, Орловъ нѣсколько успокоилъ умы. Мѣры,

Троицкая башня, пандусъ и башня Кутафья.

принятыя Еропкинымъ, были имъ усилены. Болѣзнь начала ослабѣвать и къ началу зимы вполнѣ прекратилась, похитивъ такъ много жертвъ и причинивъ столько бѣдствій. Память о страшной гостьѣ—чумѣ, еще до сихъ поръ живетъ въ народѣ. Она дала богатый матеріалъ авторамъ историческихъ монографій, которымъ пользуются нѣкоторые романисты и въ наши дни, рисуя страшныя картины этого тяжелаго времени.

Въ іюлѣ 1775 года Москва и Кремль торжественно праздновали заключеніе Кучукъ-Канарджійскаго мира. Екатерина для празднованья этого мира въ началѣ іюля прибыла въ Москву вмѣстѣ съ цесаревичемъ Павломъ, съ дворомъ своимъ и иностранными послами. За нѣсколько дней передъ тѣмъ прибылъ въ Москву и герой турецкой войны графъ Румянцевъ. Дворянство и купечество для въѣзда въ Москву императрицы соорудили двѣ тріумфальныя арки, богато разукрашенныя различными аллегорическими изображеніями. Императрица помѣстилась въ домѣ князя Голицына на Пречистенкѣ, откуда дѣлала, въ промежутокъ времени, остававшійся до предположенныхъ торжествъ, поѣздки въ окрестности Москвы, посѣщала подмосковныя имѣнія своихъ вельможъ и пѣшкомъ ходила въ Троицкую лавру.

Наконецъ наступило и 10 іюля—день открытія предположенныхъ празднествъ. Екатерина, окруженная истинно царскою пышностью, покрытая императорской мантіей и помѣщаясь подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи Румянцева и всего двора, по улицамъ, устланнымъ краснымъ сукномъ,—отправилась въ Кремль. Вдоль улицъ разставлены были войска. При входѣ императрицы въ Успенскій соборъ, ее встрѣтило все духовенство съ петербургскимъ митрополитомъ во главѣ. По окончаніи обѣдни въ Кремлѣ загремѣли пушечные и ружейные залпы. Изъ собора императрица церемоніально отправилась, при звукахъ трубъ и литавръ, въ Грановитую палату, гдѣ сѣла на тронъ. Генералъ-прокуроръ обратился къ императрицѣ съ длинной поздравительной рѣчью, по случаю заключеннаго съ Турціей мира; на эту рѣчь отъ имени Екатерины отвѣчалъ благодарственною рѣчью вице-канцлеръ графъ Остерманъ. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе въ Грановитой палатѣ сановники были допущены къ цѣлованію руки императрицы. Послѣ этой

церемоніи дѣйствительный тайный совѣтникъ Олсуфьевъ прочелъ списокъ наградъ и милостей, пожалованныхъ Екатериной дѣятелямъ турецкой войны. Фельдмаршалу графу Румянцеву пожалованы были: наименованіе Задунайскаго, фельдмаршальскій жезлъ съ алмазами „за успѣшное полководство“ и золотой лавровой вѣнокъ за побѣду, за міръ—золотая масличная вѣтвь, золотая булава и звѣзда св. Андрея, медаль съ его изображеніемъ, 5,000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, 100,000 рублей, серебряный сервизъ и картины для украшенія его дома. Фельдмаршалу князю Голицыну были пожалованы шпага съ алмазами и столовый серебряный сервизъ; генералу графу Панину похвальная грамота, шпага съ алмазами, звѣзда ордена св. Андрея и 60,000 рублей. Затѣмъ слѣдовали подобныя же награды орденами, деньгами и крестьянами князю Долгорукому, графамъ Алексѣю и Федору Орловымъ, графамъ Чернышеву и Салтыкову, генералъ-прокурору князю Вяземскому, генераламъ Потемкину, Суворову и другимъ.

Затѣмъ Екатерина церемоніально выѣхала изъ Кремля въ свое помѣщеніе на Пречистенку, а во время ея проѣзда по улицамъ Потемкинъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ герольдовъ, бросавшихъ народу изъ мѣшковъ особые жетоны. Всѣмъ же придворнымъ розданы были золотыя медали. Всѣ зданія въ Кремлѣ и по всей Москвѣ вечеромъ были роскошно иллюминованы.

На слѣдующій день, 11 іюля былъ отдыхъ, а 12 іюля у императрицы былъ пріемъ, вечеромъ-же балъ съ итальянской вокальной и инструментальной музыкой и ужинъ на 162 куверта. За тѣмъ, по случаю нездоровья императрицы, продолженіе торжествъ было отложено до 21 іюля, а въ этотъ день Екатерина отправилась на Ходынское поле, гдѣ уже собрались массы народа на гулянье. Народъ угощался жареными быками, фонтаны били виномъ. Были здѣсь представлены различныя игры; четыре бухарца ходили по канату. Посреди поля сооруженъ былъ цѣлый городокъ; на этихъ постройкахъ сдѣланы были надписи, напоминавшіе взятые у турокъ города и крѣпости; такъ, напр. на одномъ зданіи была надпись Азовъ, на другомъ—Керчь и т. д. Два дня 21 и 22 іюля являлась сюда со своимъ дворомъ императрица и смотрѣла на народныя игры и увеселенія,

присутствовала въ маскарадѣ, оперномъ представленіи и обѣдѣ въ такъ называемой „Азовской крѣпости.“ 22 іюля торжества закончились. Вскорѣ въ Кремлѣ былъ торжественный пріемъ посла Турецкаго султана съ грамотой о вѣчномъ мирѣ и подарками. Затѣмъ Императрица уѣхала въ Петербургъ.

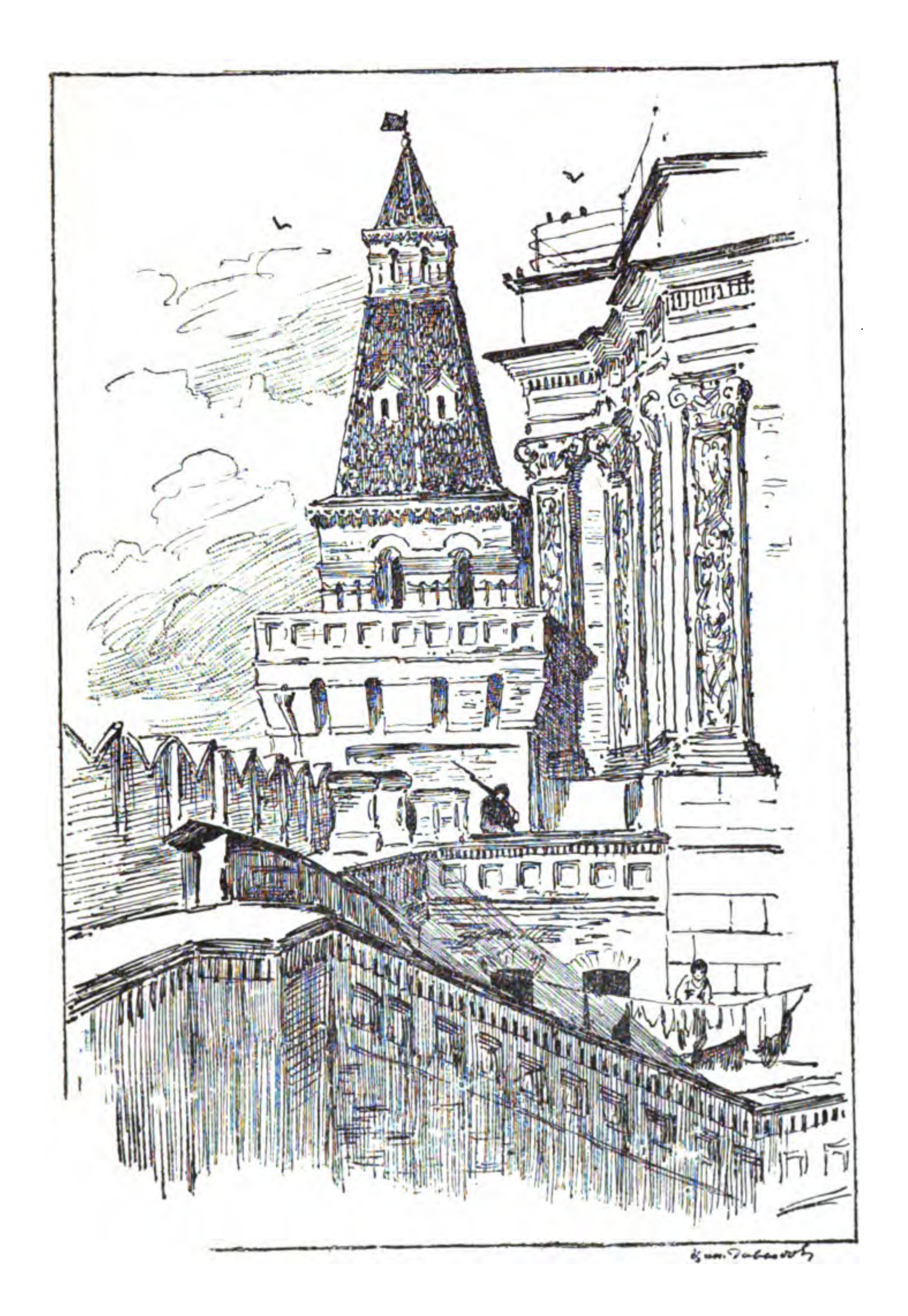
Прошло пять лѣтъ и Кремль видитъ въ своихъ стѣнахъ Римскаго императора Іосифа II, путешествовавшаго инкогнито, подъ фамиліей графа Фалькенштейна, осматривавшаго всѣ его достопримѣчательности.

Въ 1787 году, возвращаясь изъ путешествія на югъ Россіи, императрица снова посѣтила первопрестольную нашу столицу съ ея царственнымъ Кремлемъ. 27 іюня Екатерина, сопровождаемая великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, торжественно вступила черезъ Спасскія ворота въ Кремль. При входѣ въ Успенскій соборъ императрицу встрѣтилъ архіепископъ Московскій и Калужскій Платонъ и привѣтствовалъ ее рѣчью. Послѣ обѣдни государыня посѣтила Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и Чудовъ монастырь. На слѣдующій день, 28 іюня праздновалась годовщина вступленія Екатерины на престолъ. Послѣ молебствія и обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, государыня и ея свита отправились въ Грановитую палату, гдѣ приносились поздравленія. Затѣмъ слѣдовалъ парадный обѣдъ. День закончился баломъ въ Грановитой палатѣ. По случаю исполнившагося въ этотъ день двадцати-пятилѣтія царствованія Екатерины былъ изданъ манифестъ о сложеніи недоимокъ и о другихъ милостяхъ и льготахъ. На слѣдующій день праздновалось въ Кремлѣ тезоименитство наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича. Архіепископъ Московскій Платонъ въ этотъ день получилъ санъ митрополита. Весь день гремѣли пушечные выстрѣлы и звонили колокола кремлевскихъ церквей и соборовъ. Вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ для всего дворянства былъ данъ маскарадъ, длившійся до 3 часовъ ночи. Въ маскарадѣ было до 3,000 посѣтителей. 1 іюля Екатерина осматривала строившееся въ Кремлѣ зданіе для присутственныхъ мѣстъ, а 4 іюля выѣхала въ Петербургъ.

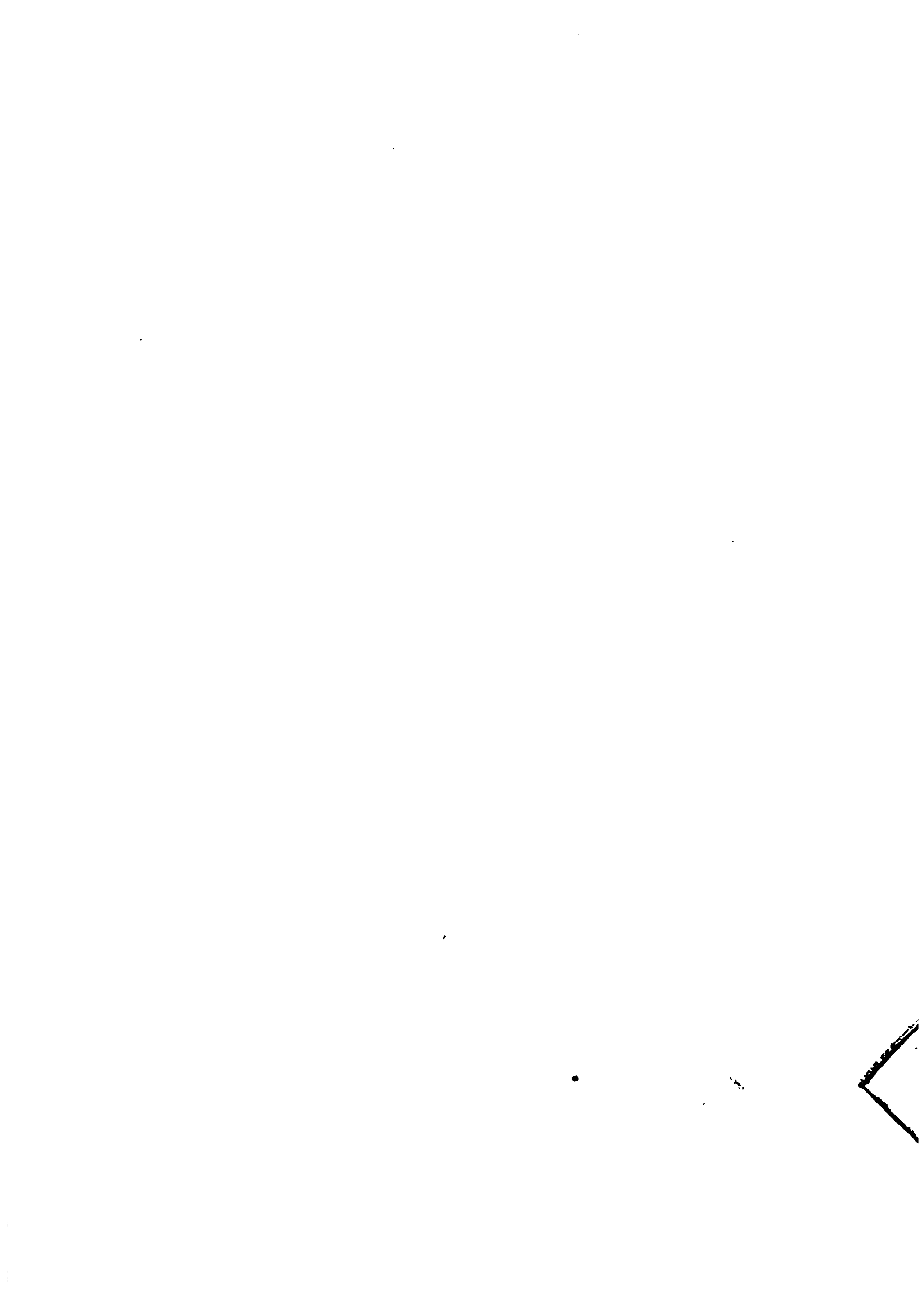
Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію болѣе близкихъ намъ событій изъ исторіи Кремля, скажемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, какія произошли въ немъ въ царствованія Елизаветы и Екатерины. Елизаветѣ Петровнѣ пришлось при самомъ началѣ своего царствованія обратить вниманіе на возстановленіе многихъ кремлевскихъ зданій, пострадавшихъ послѣ извѣстнаго Троицкаго пожара, который хотя и произошелъ 5 лѣтъ назадъ, но всё это время прошло лишь въ составленіи смѣтъ и въ поспѣшной, но не прочной починкѣ. Деревянные всходы съ внутренней стороны Кремля на стѣны, а также башни были значительно повреждены пожаромъ. Кремль тогда еще заключалъ въ себѣ нѣсколько деревянныхъ и каменныхъ домовъ частныхъ людей, монастырскія подворья: Кирилловское, Крутицкое и Троицкое, дворцы, присутственныя мѣста и даже кладбища у церквей: Благовѣщенія на Житномъ дворѣ и св.Константина и Елены на Подолѣ. Отъ Ивановской колокольни до Архангельскаго собора и до синодальнаго дома шла каменная ограда съ желѣзными рѣшетками. Кремль былъ обнесенъ кромѣ каменной стѣны также бастіонами и рвами. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ зданій въ Кремлѣ было кромѣ девяти соборовъ, дворцовъ, четыре монастыря, пять приходскихъ церквей, оружейная палата у Благовѣщенскаго собора, коллегіи и цейхгаусъ

Въ 1748 году разобраны были синодальныя палаты отъ церкви Трехъ-Святителей ко дворцу и посреди синодальнаго двора, гдѣ помѣщались казенный приказъ и казенныя палаты. Вмѣсто разобранныхъ были построены новыя, каменныя двухъэтажныя палаты. Послѣ истребленія пожаромъ деревяннаго кремлевскаго дворца за Благовѣщенскимъ соборомъ, императрица Елизавета временно проживала въ синодальныхъ присутственныхъ апартаментахъ и повелѣла заложить новый каменный дворецъ, оконченный уже при Екатеринѣ.

Царствованіе императрицы Елизаветы ознаменовалось особенною любовью къ изящнымъ искусствамъ. Въ 1757 году ею была основана академія художествъ. Изъ Франціи и изъ Италіи были вызваны знаменитые живописцы, ваятели и зодчіе; съ ихъ вызовомъ искусство въ Россіи получаетъ истинное значеніе и классическое направленіе. Изъ зодчихъ

Башня Оружейная.

особенно былъ знаменитъ графъ Растрелли, который оставилъ послѣ себя цѣлую школу послѣдователей. Впослѣдствіи прославили себя воспитанники академіи художествъ: Василій Бажановъ, Старовъ и Казаковъ, а изъ иностранцевъ — Ринальди, Кампарезы и Гваренги. Иностранные зодчіе уклонялись, какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ зданіяхъ, отъ старинной и своеобразной архитектуры и перенесли къ намъ формы западныхъ построекъ. Такъ они внесли въ постройку нашихъ церквей вкусы греческихъ и римскихъ храмовъ. Они къ русскимъ церквамъ придавали портики и порталы греческихъ и римскихъ храмовъ.

Екатерина II вновь учредила каменный приказъ и повелѣла строить разныя городовыя зданія въ Кремлѣ.

Въ Кремлѣ при Екатеринѣ были построены: намѣстничій домъ для присутственныхъ мѣстъ, гдѣ теперь зданія судебныхъ установленій (окружный судъ и судебная палата), конюшенный дворъ и каменный шатеръ, гдѣ помѣщались четыре большія пушки и набатный колоколъ. Въ эту эпоху нѣкоторыя древнія зданія и постройки въ Кремлѣ были сломаны, а мѣста были отведены подъ площади и улицы. Митрополитъ Платонъ къ главному входу Чудова монастыря пристроилъ готическій порталъ и обширный каменный архіерейскій домъ, теперь обращенный въ Николаевскій дворецъ.

Съ 1780 года самая кремлевская гора нѣсколько разъ обдѣлывалась, причемъ уничтожены были остатки Благовѣщенскихъ воротъ, набережнаго сада и Расписной палаты, стоявшей на скатѣ этой горы. Мѣсто снесенныхъ построекъ заняли улицы и площади. При перестройкахъ и поправкахъ церквей, древнія длинныя и узкія окна и малыя входныя двери были значительно разширены.

Въ ряду достопамятныхъ для Кремля событій Екатерининскаго царствованія необходимо упомянуть о происходившей въ 1773 году, въ присутствіи самой императрицы и ея наслѣдника, закладки громадныхъ царскихъ палатъ въ Кремлѣ. Начальный пунктъ закладки палатъ находился у башни Тайницкихъ воротъ. На мѣдной доскѣ, положенной при закладкѣ въ фундаментъ зданія находится слѣдующая надпись: „императорскій дворецъ, повелѣніемъ благочестивѣйшей, великія государыни Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссійскія, избавительницы Москвы отъ

смертоносной язвы, побѣдительницы Оттоманской гордой Порты, сохранительницы каждаго своего подданнаго безопасности, законодательницы всероссійской, къ славѣ Россійской имперіи, къ чести своего вѣка, къ безсмертной памяти будущихъ временъ, къ укрѣпленію столичнаго города, къ утѣхѣ и удовольствію своего народа, положено сихъ великолѣпныхъ императорскихъ чертоговъ основаніе, въ лѣто отъ сотворенія міра 7281, отъ воплощенія сына Божія 1773, мѣсяца іюня 1 дня, царствованія ея величества въ одинадцатый годъ, строеніе производилось подъ главнымъ смотрѣніемъ арміи генералъ-поручика и кавалера Михаила Михайловича Измайлова.“ Планъ этихъ палатъ сочинилъ знаменитый въ то время архитекторъ Василій Бажановъ, а помощникомъ у него былъ Казаковъ. Различныя препятствія однако помѣшали постройкѣ предноложенныхъ палатъ, деревянная модель которыхъ, сдѣланная архитекторомъ Елевзоемъ Назаровымъ, сохранилась до нашего времени. Многія зданія для очистки мѣста подъ постройки этого дворца были снесены. Когда же оказались разсѣлины въ стѣнахъ Архангельскаго собора, тогда императрица повелѣла прекратить постройку этого дворца. При разчисткѣ мѣста были уничтожены остатки набережнаго сада, возобновленнаго Елизаветой, но при Екатеринѣ еще оставались при подошвѣ Кремлевскаго холма, каменные своды садовыхъ палатъ съ выходами.

Графъ Чернышевъ, главнокомандующій Москвы приказалъ въ 1792 году спустить два пруда, бывшихъ на Неглинкѣ между Боровицкими и Воскресенскими воротами, что значительно измѣнило къ лучшему западную сторону окрестностей Кремля.

По кончинѣ императрицы Екатерины II императоръ Павелъ I вступилъ на престолъ 6 ноября 1796 года. Издавъ манифестъ о предстоящей своей коронаціи въ Кремлѣ, императоръ назначилъ въѣздъ свой въ Москву на 10 марта 1797 года. Въ этотъ день Павелъ I, со всей своей фамиліей и дворомъ, остановился въ построенномъ Екатериной II Петровскомъ подъѣздномъ дворцѣ. На крыльцѣ дворца государя встрѣтили высшія московскія военныя и гражданскія власти, а митрополитъ московскій Платонъ привѣтствовалъ

его рѣчью. За недѣлю до коронованія императоръ съ императрицей имѣли великолѣпный торжественный въѣздъ въ Москву изъ Петровскаго дворца. Павелъ I ѣхалъ верхомъ, а императрица Марія Ѳедоровна въ каретѣ. Вступя въ Кремль и помолясь его святынямъ, императоръ и императрица также церемоніально отправились въ Лефортовскій дворецъ и у Красныхъ воротъ были привѣтствованы депутаціей отъ московскаго купечества, поздравлявшими ихъ величества съ благополучнымъ прибытіемъ въ первопрестольную столицу.

Государъ назначилъ днемъ своей коронаціи первый день Пасхи, 5 апрѣля 1797 года. Въ страстную субботу, на канунѣ коронаціи, по желанію императора, вся императорская фамилія пріобщена была митрополитомъ Платономъ св. тайнъ въ Чудовомъ монастырѣ. Въ этотъ же день Павелъ I лично осмотрѣлъ всѣ сдѣланныя въ Успенскомъ соборѣ приготовленія къ торжественному обряду коронаціи и остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ. На другой день, 5 апрѣля съ обычнымъ великолѣпіемъ и пышностью совершилось торжество коронаціи Павла I и императрицы Маріи Ѳедоровны, первой изъ русскихъ государынь, короновавшихся вмѣстѣ съ своимъ супругомъ. Императоръ одѣтъ былъ въ парадный военный мундиръ. Первенствовалъ при коронаціи Новгородскій митрополитъ Гавріилъ, а Московскій митрополитъ Платонъ былъ вторымъ. Эти митрополиты, по прочтеніи евангелія, по волѣ императора, поднесли ему для возложенія на себя далматикъ—одежду, которую надѣвали на себя при вѣнчаніи на царство, сверхъ становыхъ кафтановъ, прежніе московскіе цари. Послѣ далматика митрополиты поднесли государю порфиру и корону, которую онъ нѣсколько минутъ держалъ надъ императрицей. Затѣмъ императоръ и императрица помазаны были св. мѵромъ. При обрядѣ коронованія присутствовали только особы двухъ первыхъ классовъ. Императоръ при коронованіи положилъ на жертвенникъ Успенскаго собора, подписанный имъ и императрицею актъ, которымъ навсегда утверждался порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи. Въ тотъ же день Павломъ I утверждено и издано было „учрежденіе объ императорской фамиліи,“ служащее до нынѣ однимъ изъ основныхъ законовъ имперіи.

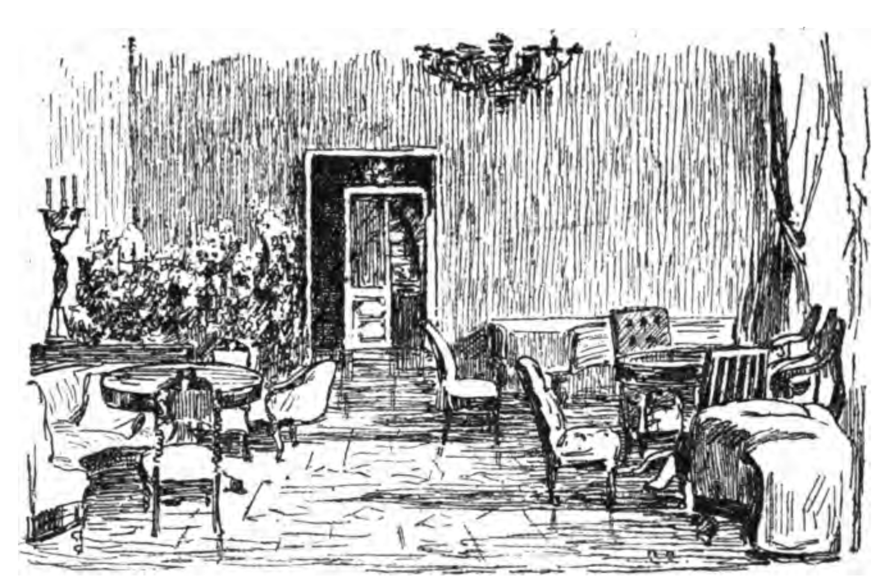
День своей коронаціи Павелъ I ознаменовалъ большими и многочисленными милостями и наградами. Великолѣпныя торжества и различныя увеселенія и празднества длились въ Москвѣ нѣсколько дней; въ самый день коронаціи для угощенія народа были устроены въ Кремлѣ, отъ Никольскихъ до Красныхъ воротъ, столы, изобильно уставленныя разными кушаньями и виноградными винами. Павелъ I показывалъ необыкновенное благоволеніе жителямъ первопрестольной столицы.

Въ концѣ апрѣля, въ праздникъ Преполовенія Господня, въ Кремлѣ происходилъ большой церемоніальный парадъ войскамъ, соединенный съ церковнымъ торжествомъ. Императоръ въ далматикѣ и коронѣ командовалъ войсками, а митрополитъ Платонъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою царя, войско и знамена.

3 мая 1797 года императоръ и императрица отбыли изъ Кремля.

Непродолжительное четырехъ-лѣтнее царствованіе императора Павла I ознаменовалось однако же нѣкоторыми перемѣнами во внѣшнемъ видѣ Кремля и Москвы, которой онъ придалъ, сообразно господствовавшему тогда преобладанію нѣмецкой дисциплины, характеръ болѣе военнаго, чѣмъ гражданскаго города. Нѣкоторыя изъ присутственныхъ мѣстъ были уничтожены, иныя переименованы, учреждены также и новыя. Совершенно упразднены были: Московскій гарнизонъ, коммиссія о строеніи древней столицы и монетная экспедиція сената. Вновь учреждены были: бергъ-контора, удѣльная экспедиція, а вмѣсто прежнихъ магистратовъ были образованы ратгаузы. Были выстроены для помѣщенія войскъ казармы, благодаря чему жители были освобождены отъ тягостныхъ для нихъ постоевъ. Было открыто Московское городское Правленіе; установлена такса на жизненные припасы. Павелъ I утвердилъ существованіе въ Москвѣ единоверческой церкви. 14 марта 1800 года было издано высочайшее повелѣніе о приходахъ и расходахъ городскихъ домовъ Москвы.

Кабинетъ Государыни Императрицы въ Маломъ Дворцѣ.

IX.

Кремль въ XIX столѣтіи.

Императоръ Александръ I въ Кремлѣ. — Коронація. — Пріѣздъ въ 1809 году. — Кремль во время Французовъ въ 1812 году.— Наполеонъ I въ Кремлѣ. — Храмы Кремля при Французахъ. — Пребываніе Императора Александра I въ 1816 и 1818 годахъ.— Рожденіе Императора Александра II.— Пріѣздъ наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха Вильгельма. -- Коронація Императора Николая Павловича. — Пріѣздъ его во время холеры въ 1830 году. — Празднованіе 25 лѣтняго царствованія. — Измѣненія въ Кремлѣ и новыя сооруженія въ немъ. — Коронованіе Государя Александра II.— Празднества. — Послѣдующіе пріѣзды Государя. — Пріемъ депутацій отъ освобожденныхъ крестьянъ. — Политехническая выставка. — Рѣчь Государя въ 1876 году. — Послѣдній пріѣздъ въ 1880 году. — Присяга Императору Александру Александровичу. — Первый пріѣздъ Государя въ Кремль и рѣчь его въ Георгіевскомъ залѣ. — Приготовленія къ предстоящему коронованію Ихъ Величествъ.

Императоръ Александръ I-й, вступившій на престолъ 12-го марта 1801 года, издалъ манифестъ о предстоявшемъ своемъ коронованіи въ Московскомъ Кремлѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года. Въ началѣ сентября государь прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ супругою своею Елизаветою Алексѣевною, матерью—вдовствующею императрицею Маріею Өеодоровною и прочими членами царской фамиліи. Государь остановился въ Петровскомъ Дворцѣ, а 8 сен-

тября имѣлъ торжественный въѣздъ въ кремль при радостныхъ кликахъ собравшагося народа. При вступленіи Императора въ Успенскій соборъ, Московскій митрополитъ Платонъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: „Возьмите врата, князи, ваша, и внидетъ Царь славы“. Выслушавъ молебенъ и приложась къ святынямъ Успенскаго собора, Александръ I отправился изъ Кремля въ Слободской дворецъ, гдѣ на другой день митрополитъ Платонъ говорилъ ему поздравительную рѣчь, по случаю его благополучнаго прибытія въ первопрестольную столицу.

15 сентября съ великолѣпною церемоніею совершилась коронація Александра I и его супруги Императрицы Елизаветы Алексѣевны. При обрядѣ коронованія первенствовалъ Московскій митрополитъ Платонъ. „Успенскій соборъ,— говоритъ И. М. Снигиревъ („Начертаніе житія Московскаго митрополита Платона“, ч. II, стр. 6—8),—вмѣщалъ въ себѣ торжественное и умилительное зрѣлище, которое предчувствовалъ и народъ, наполнявшій Кремль: вдовствующая матерь-царица, проливала отрадныя слезы, видя сына своего и невѣстку на престолѣ отеческомъ и внимая пастырскому поученію Платона, которое навсегда останется назиданіемъ для государей и блестящимъ памятникомъ русскаго витійства. Императоръ Александръ при коронованіи не возлагалъ на себя древняго долматика, какъ родитель его“. По окончаніи обряда коронованія, государь подъ балдахиномъ въ порфирѣ и коронѣ, предшествуемый митрополитомъ Платономъ, отправился привѣтствуемый восторженными восклицаніями множества собравшагося въ Кремль народа, въ Архангельскій соборъ, гдѣ поклонился могиламъ своихъ предковъ, и въ соборъ Благовѣщенскій.

Коронація Императора Александра I отличалась отъ коронацій прежнихъ государей необыкновенно большимъ стеченіемъ на это торжество посѣтителей, пріѣхавшихъ въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ того въ Москву прибыло также къ этому времени много высокопоставленныхъ иностранныхъ лицъ. Многочисленныя милости и награды сопровождали коронацію. Въ день коронаціи Кремль и Москва были великолѣпно иллюминованы многочисленными огнями.

Въ день памяти преподобнаго Сергія, 25 сентября,

государь со всею высочайшею фамиліею ѣздилъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, чтобы, по примѣру своихъ предшественниковъ, помолиться преподобному Сергію. Тамъ государь и вся его семья обѣдали у митрополита Платона въ монастырѣ, а на другой день посѣтили его въ Виѳаніи.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ государь издалъ два указа, первымъ изъ которыхъ, отъ 20 сентября, велѣно обревизовать и пересмотрѣть всѣ уголовныя и ссылочныя дѣла, а вторымъ, отъ 27 сентября, навсегда уничтожались при судопроизводствѣ пытки и истязанія, которыя часто до того времени заставляли ни въ чемъ неповинныхъ людей приписывать себѣ небывалыя преступленія.

15 октября 1801 года императоръ Александръ I покинулъ Москву, которую посѣтилъ вновь въ 1803 году вмѣстѣ съ своею сестрою Екатериною Павловною и ея супругомъ Георгіемъ Ольденбургскимъ. Въ это время, гремѣвшіе въ Кремлѣ, пушечные выстрѣлы возвѣщали Москвѣ вѣсть о побѣдѣ надъ турками и о взятіи Браилова. Въ концѣ 1809 года, въ декабрѣ государь снова навѣстилъ Москву и Кремль. Восхищенные радостнымъ и неожиданнымъ прибытіемъ императора, москвичи безчисленными толпами стремились за государемъ и не находили достаточно привѣтствій, чтобы выразить свою радость. Всеобщее ликованіе еще усилилось при полученіи извѣстія о побѣдѣ, одержанной русскими войсками надъ турками. Государь велѣлъ прочесть донесеніе о побѣдѣ всенародно въ Успенскомъ соборѣ, въ личномъ своемъ присутствіи. Черезъ нѣсколько дней императоръ выѣхалъ въ Петербургъ, и Кремлю суждено было увидѣть его вновь въ 1812 году совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ.

Наступилъ оставшійся навсегда памятнымъ для Россіи и Кремля 1812 годъ. Послѣ объявленія войны, Французы, предводительствуемые Наполеономъ, вступили въ предѣлы Россіи въ іюнѣ мѣсяцѣ. 11-го іюня прибылъ въ первопрестольную столицу императоръ Александръ I и, посѣтивъ Кремль съ его соборами и святынями, остановился въ Слободскомъ дворцѣ. Тамъ принялъ онъ депутацію отъ дворянства и купечества и указалъ имъ на опасность, угрожавшую Москвѣ и отечеству. Дворянство и купечество, подъ вліяніемъ патріотизма, положило сформировать, обмундиро-

*

вать и вооружить на свой счетъ 80,000 человѣкъ съ одной Московской губерніи. Съ задушевною искренностью благодарилъ ихъ государь за такое патріотическое усердіе. „Мы готовы жертвовать тебѣ, Отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и жизнью“,— отвѣчали дворяне и купцы. Имъ соревновали и другія сословія Москвы. Градоначальникъ Москвы, извѣстный графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, поддерживалъ бодрость москвичей постояннымъ изданіемъ афишъ, гдѣ онъ простонароднымъ языкомъ призывалъ жителей къ истребленію супостатовъ. Послѣ отъѣзда государя, городъ наполнился вновь сформированными ополченцами. По мѣрѣ приближенія Французовъ, Кремль и Москва принимали давно уже невиданный воинственный видъ. На гуляньяхъ и площадяхъ, гдѣ производилась вербовка въ пѣшее и конное ополченія изъ всѣхъ сословій (за исключеніемъ крѣпостныхъ людей), устраивались палатки съ съѣстными припасами, винами и музыкой. Архіепископъ Августинъ напутствовалъ сформированное московское ополченіе. Въ день Бородинской битвы былъ совершенъ вокругъ Кремля и Бѣлаго-города крестный ходъ съ двумя чудотворными иконами: Владимірской и Смоленской Божіей Матери. Бородинская битва наполнила Москву массами раненыхъ. Головинскій дворецъ былъ обращенъ во временной госпиталь; туда московскій архіепископъ викарій Августинъ отправилъ съ духовенствомъ иконы Иверской и Смоленской Богоматери. 1 сентября, когда великій народный вождь, безсмертный Кутузовъ, на берегу рѣки Москвы, въ деревнѣ Фили, въ виду Кремля, рѣшилъ пожертвовать Москвой, дабы спасти Россію, и вѣсть эта достигла города, въ Кремлѣ начинается оживленная дѣятельность. Тысячи повозокъ загромождаютъ его, нагруженныя всевозможными вещами. Драгоцѣнности Кремля, казенныя и духовныя вещи, а также важнѣйшія дѣла изъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ, стали отправлять во Владиміръ, Вологду, Нижній-Новгородъ и другіе болѣе дальніе города. Но времени было мало, средствъ — еще меньше и не все успѣли увезти и спасти; такъ напр., въ Успенскомъ соборѣ осталось на жертву непріятеля большое количество серебра (до 325 пудовъ) и золота (18 пудовъ) въ окладахъ, на иконахъ, лампадахъ и паникадилахъ. Многіе начали покидать городъ, и улицы были наполнены экипажами и телѣгами

съ имуществомъ; множество пѣшеходовъ съ узлами и котомками за плечами выходили изъ Москвы.

Наканунѣ вступленія въ Москву французовъ, архіепископъ Августинъ совершалъ обѣдню и молебствіе въ Успенскомъ соборѣ. Въ понедѣльникъ, 2 сентября, къ вечеру Французы вступили въ Москву. По приказанію Наполеона, Кремль былъ занятъ маршаломъ Лефевромъ съ корпусомъ молодой гвардіи; Лефевру же была поручена организація полиціи въ Москвѣ. Генералъ Дюронель былъ назначенъ губернаторомъ Москвы. Уже Французы вошли въ Москву, какъ толпа буйныхъ и пьяныхъ людей вбѣжала въ Кремль и направилась къ арсеналу, чтобы захватить тамъ имѣвшееся оружіе, которымъ графъ Ростопчинъ обѣщалъ вооружить москвичей и вести ихъ на бой съ Французами. Толпа расхватала въ арсеналѣ разное, болѣе или менѣе негодное, старое и заржавленное оружіе. Случайнымъ зрителемъ этой сцены былъ проходившій мимо, не успѣвшій выѣхать изъ города сенатскій чиновникъ Бестужевъ-Рюминъ. Идя въ сопровожденіи одного изъ своихъ чиновниковъ, Бестужевъ-Рюминъ встрѣтилъ „пьянаго господскаго человѣка“, который, ворча и сильно шатаясь, несъ въ одной рукѣ ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Бестужевъ замѣтилъ, улыбаясь, своему чиновнику: „вотъ видишь, что̀ значитъ безначаліе“! Въ отвѣтъ на это полетѣло въ него сначала ружье, пролетѣвшее мимо, а потомъ карабинъ, такъ сильно ушибшій ему ногу, что онъ вынужденъ былъ возвратиться назадъ. Такіе-то буйные и не совсѣмъ трезвые люди, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, разобравши въ арсеналѣ старое и испорченное оружіе, находились въ Кремлѣ, когда къ его Троицкимъ воротамъ подошли войска французскаго авангарда съ генераломъ Себастьяни. Себастьяни, увидавъ вооруженную толпу, подозвалъ къ себѣ одного молодаго человѣка, который изъ любопытства вышелъ посмотрѣть, что̀ происходитъ въ Кремлѣ. Узнавъ, что онъ говоритъ по-французски, Себастьяни поручилъ ему уговорить толпу не вступать въ неравный бой и сложить оружіе. Но тутъ изъ толпы раздалось вдругъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на которые французы отвѣтили двумя пушечными выстрѣлами. Произошла схватка, и Бестужевъ-Рюминъ видѣлъ изъ окна сената, какъ французскіе уланы начали рубить стоявшихъ

у арсенала нѣсколькихъ вооруженныхъ людей. Человѣкъ десять упало, а остальные, бросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили пощады. Уланы сошли съ лошадей, взяли оружіе, забрали людей и засадили ихъ подъ арестъ въ Оружейную Палату. По разсказамъ другихъ, эпизодъ этотъ происходилъ иначе. Говорятъ, что по вступленіи французовъ въ Кремль кучка людей, стоявшихъ у арсенала, замѣтивъ генерала впереди войска и думая что это самъ Наполеонъ, дала залпъ и была разсѣяна выстрѣлами и частью изрублена.

Въ ночь со 2 на 3 сентября въ Москвѣ уже начались пожары; начался также и грабежъ французами домовъ и немногихъ оставшихся въ городѣ обывателей.

На другой день чрезъ Боровицкія ворота въѣхалъ въ Кремль Наполеонъ. При его слѣдованіи, улицы были пусты, окна и двери домовъ были заперты. Наполеонъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ; за нимъ слѣдовала многочисленная свита и три русскихъ плѣнника, а впереди — два эскадрона конной гвардіи. Выраженіе лица Наполеона было сурово, но оно нѣсколько прояснилось, когда онъ вступилъ въ Кремлевскій дворецъ, избранный имъ для своего жительства. „Вотъ эти гордыя стѣны, — сказалъ онъ, увидавъ Кремль и войдя во дворецъ: — наконецъ-то я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ (je suis donc enfin dans Moscou, dans l'antique palais des czars, dans le Cremlin)". — „Русскіе — продолжалъ Наполеонъ, обращаясь къ окружавшимъ:—еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы. Посмотримъ, что̀ они будутъ дѣлать. Если они еще не войдутъ въ мирные переговоры съ нами, — мы сдѣлаемъ свое дѣло, представимъ міру небывалое явленіе спокойно зимующей арміи посреди враждебнаго ей народа, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Наши зимнія квартиры обезпечены. Наша армія, пребывающая въ Москвѣ, будетъ походить на корабль, охваченный льдами, но съ возвращеніемъ весны мы снова начнемъ войну. Впрочемъ, до этого не дойдетъ; Императоръ Александръ не доведетъ меня до этого. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ".

Пожары начались, какъ уже выше сказано, въ ночь со 2 на 3 сентября. Лишь только Наполеонъ вступилъ въ Кремль, какъ запылалъ Гостинный дворъ, или, по мѣст-

ному московскому говору, городъ. Пожаръ Москвы начался во многихъ мѣстахъ и въ первое время не возбудилъ особеннаго вниманія французовъ. Но это длилось не долго. Пожаръ, начавшійся на Солянкѣ, перешелъ на скобяные и москательные ряды и новый Гостинный Дворъ, или такъ называвшіеся Чернышевскіе ряды (нынѣ не существующіе), расположенные вдоль Кремлевской стѣны, между Никольской и Спасской башнями. Трудно, вѣрнѣе невозможно, было справиться съ пожаромъ, все болѣе и болѣе усилившимся и распространившимся по Москвѣ. Когда Наполеонъ вступилъ въ Кремль, уже сильно горѣли москательныя и масляныя лавки, Зарядье, Балчугъ, и пламя все болѣе и болѣе захватывало большой Гостинный дворъ на Красной площади. Опасность отъ пожара для Кремля, гдѣ находился императоръ съ молодой гвардіей и сосредоточены были въ большомъ количествѣ порохъ и артиллерійскіе снаряды, принудила принять необходимыя мѣры. Наполеонъ велѣлъ маршалу Мортье употребить всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ и спасти горѣвшіе въ лавкахъ Гостиннаго двора товары. Мортье дѣятельно принялся за тушеніе пожара, но пламя при встрѣчномъ вѣтрѣ, питаемое горючими и легко воспламеняющимися веществами, находившимися въ лавкахъ и подвалахъ свѣчнаго, масляннаго и москательнаго рядовъ, не покорялось. Вокругъ лавокъ были разставлены часовые, складывавшіе товаръ въ опредѣленныя мѣста и охранявшіе его отъ расхищенія. Въ ближайшихъ къ Кремлю улицахъ и въ самомъ Кремлѣ еще сохранялся порядокъ, но въ другихъ мѣстахъ города происходилъ грабежъ въ большихъ размѣрахъ и безъ всякаго удержу. Къ вечеру 3 сентября маршалу Мортье удалось, если не совсѣмъ затушить угрожавшій Кремлю пожаръ, то по крайней мѣрѣ значительно ослабить силу огня и районъ его распространенія.

Первую московскую ночь Наполеонъ провелъ спокойно въ Кремлевскомъ дворцѣ. На другой день, въ 7 час. утра, онъ позвалъ къ себѣ своего доктора Метивье и предложилъ ему обычный вопросъ: что новаго? Когда докторъ сказалъ, что вокругъ Кремля распространяются пожары, Наполеонъ сперва равнодушно отвѣтилъ: „Это неосторожность солдатъ; вѣроятно они разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ“. Но вслѣдъ за этими

словами, взглядъ его остановился неподвижно и выраженіе лица, „сперва исполненное благорасположенія, сдѣлалось ужаснымъ“; онъ быстро вскочилъ съ постели, поспѣшно одѣлся, ни произнося ни слова, толкнулъ ногой такъ сильно прислуживавшаго ему мамелюка, который надѣвалъ неловко сапогъ, что тотъ упалъ навзничь. Очевидно, что въ эту минуту Наполеонъ вспомнилъ доходившіе и до него толки, слухи и разговоры на тему о томъ, что русскіе намѣреваются сжечь Москву.

Въ эту самую ночь несовсѣмъ затушенный наканунѣ пожаръ Зарядья и рядовъ опять разгорѣлся съ новой силой и перешелъ на главный Гостинный дворъ, который къ утру и былъ весь охваченъ огнемъ. Пылали дома на Ильинкѣ и Никольской; видны были также пожары въ разныхъ мѣстахъ Китая и Бѣлаго города. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ нѣсколько разъ направлялъ пламя къ Кремлю. Осыпаемый огненными искрами и пылающими головнями, Кремль освѣщался иногда такимъ яркимъ свѣтомъ, что казалось, будто въ его стѣнахъ уже начался пожаръ. Между тѣмъ въ Кремлѣ помѣщены были, по распоряженію начальника французской артиллеріи, генерала Ларибуассьера, подвижной пороховой магазинъ и всѣ боевые снаряды молодой гвардіи; фуры съ боевыми снарядами стояли даже какъ разъ насупротивъ оконъ дворца, въ которомъ почевалъ императоръ Наполеонъ. Въ Кремлѣ всю ночь царствовала сильпая тревога. — Вотъ что разсказываетъ очевидецъ, графъ Сегюръ („Histoire de Napoleon et de la grande armée“): „Въ то время, какъ наши солдаты боролись съ пожаромъ и оспаривали свою добычу у огня, Наполеонъ, котораго сонъ не смѣли потревожить въ теченіе ночи, былъ пробужденъ двойнымъ свѣтомъ: дня и пожара. Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться и уступить необходимости. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, онъ почувствовалъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ все принесъ въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ дыма и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, кото-

рый насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали внутреннюю жестокую тревогу. Онъ оставляетъ необходимую работу, принимается за нее снова и снова бросаетъ, чтобы посмотрѣть въ окно на непрекращающееся распространеніе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣдкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это сами они поджигаютъ; сколько прекрасныхъ зданій!... Какая необычайная рѣшимость..... Что за люди: это—скиѳы!“

Пожаръ свирѣпствовалъ все сильнѣе и страшнѣе: изъ оконъ Кремлевскаго дворца все Замоскворѣчье, охваченное пламенемъ, казалось какимъ-то огненнымъ моремъ. Несмотря на большое пространство, отдѣлявшее Кремлевскій дворецъ отъ этого пожара, оконныя стекла дворца до того накалились, что къ нимъ нельзя было прикасаться. Стоявшіе на кровляхъ солдаты едва успѣвали своевременно тушить искры и головни, со всѣхъ сторонъ сыпавшіяся на дворецъ. Возраставшая сила пожара и толки о поджигателяхъ усиливали безпокойство Наполеона. Онъ молчалъ, когда окружавшія его лица совѣтовали ему удалиться изъ Кремля. Очевидно, ему не хотѣлось, только-что помѣстившись во дворцѣ русскихъ царей, немедленно его покинуть. „Онъ порывисто ходилъ взадъ и впередъ, — говоритъ графъ Сегюръ, — останавливаясь передъ каждымъ окномъ и смотря на страшную стихію, охватывавшую всѣ мѣста, всѣ входы въ Кремль, окружавшую его со всѣхъ сторонъ, какъ осажденнаго, и подступавшую все ближе и ближе къ Кремлю“. До этого времени пожаръ Гостиннаго двора и другіе пожары въ разныхъ мѣстахъ Москвы еще не особенно озабочивали Наполеона, помѣщавшагося въ Кремлевскомъ дворцѣ, посреди большихъ зданій и за высокими стѣнами Кремля; но пожаръ Замоскворѣчья, бывшій прямо предъ окнами дворца, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ ночь съ 5 на 6 сентября загорѣлось Замоскворѣчье. Мосты на рѣкѣ, также барки съ хлѣбомъ охватились огнемъ. Общее пламя какъ будто слилось, сплотилось въ потокъ раскаленной лавы и обвилось яркимъ вѣнцомъ надъ несчастной Москвою. Глазамъ Наполеона представилось вол-

нующееся огнедышащее море, въ волнахъ котораго погибали городскія зданія. — Бѣдствія пожара все увеличивались, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, страшнаго союзника пожара. Отъ разрѣженія воздуха образовались страшные вихри съ огнемъ, кружившимся надъ Замоскворѣчьемъ и далеко переносившимъ горящія головни пожара. Наполеонъ слышалъ громкій вопль народа, плачъ дѣтей, рѣзкій барабанный бой, колокольный набатъ, грохотъ падающихъ стѣнъ и выстрѣлы, прорѣзывавшіе воздухъ, но все это заглушалось порывами гудящаго вѣтра. Наполеонъ слушалъ и видѣлъ это, волновался и удивлялся силѣ народа, жегшаго свою столицу, „силѣ,—какъ онъ выразился,—скиѳовъ". Эти разнообразные звуки соединялись въ какой-то неопредѣленный гулъ, въ адскую музыку, раздирающую слухъ и надрывающую душу отчаяніемъ. Съ колоколенъ обрывались колокола и падали съ глухимъ звономъ. Огненныя головни и бревна летали въ воздухѣ, разсыпая безчисленныя миріады искръ, закипая огненными фонтанами и каскадами. Особенно ярко горѣли казенный винный дворъ и сальный заводъ. „Пламя яростно впилось въ нихъ и охватило ихъ своими огненными языками; змѣями извивалось оно по крышамъ зданій, выметывалось въ окна и съ оглушающимъ шумомъ высоко взбрасывались на воздухъ лопающіяся винныя бочки, объятыя пирамидальнымъ голубымъ огнемъ. По улицамъ потекли огненныя рѣки". Бѣдные голуби кружились надъ огнемъ, не находя себѣ пріюта. Собаки, воя, метались по улицамъ, разнузданныя лошади съ ржаніемъ скакали въ разныя стороны. Особенно провелъ безпокойно Наполеонъ вторую ночь въ Кремлѣ. Въ сильномъ волненіи, съ тоской на сердцѣ, расхаживалъ онъ по заламъ дворца и нѣсколько разъ изъ кабинета Александра выходилъ на террасу, обращенную къ Москвѣ-рѣкѣ; но видъ огненнаго океана, обвивавшаго городъ, пронзительный визгъ крутящагося пламени производили на него страшное впечатлѣніе, и онъ, глубоко взволнованный, возвращался въ комнаты дворца. Въ весьма рѣдкихъ мѣстахъ пожара можно было только различить кровли еще не успѣвшихъ загорѣться строеній и колокольни; а вправо отъ Грановитой Палаты, за Кремлевской стѣной подымалось до небесъ облако густаго чернаго дыма и слышенъ былъ трескъ разрушавшихся кровель и стѣнъ. Весь

Кремль былъ переполненъ солдатами Наполеоновской гвардіи; одни изъ нихъ тушили искры и головни, другіе стояли наготовѣ къ выступленію изъ Кремля; лошади были осѣдланы и запряжены,—все было готово оставить Кремль и вывезти изъ него военные снаряды и запасы. Но Наполеонъ все еще медлилъ покинуть Кремль. Вдругъ распространился слухъ, что подъ Кремлемъ устроены мины, и всюду раздался крикъ: „Кремль горитъ"! Наполеонъ вышелъ изъ дворца на Сенатскую площадь, чтобы лично удостовѣриться въ грозящей опасности. Оказалось, что горѣла Троицкая башня, близъ арсенала. Хотя усиліями гвардіи этотъ пожаръ вскорѣ и былъ прекращенъ, но всякую минуту могли вспыхнуть новые, такъ какъ всюду летали и сыпапались искры и горящія головни. Наполеону необходимо было позаботиться и о своей личной безопасности. Король неаполитанскій Мюратъ, вице-король итальянскій Евгеній Богарнэ, начальникъ его штаба, маршалъ Бертье, и другія приближенныя лица на колѣняхъ умоляли Наполеона оставить Кремль. Въ это же время схватили въ Кремлѣ русскаго полицейскаго чиновника и арестовали его, считая поджигателемъ. Наполеонъ рѣшился на время оставить Кремль и помѣститься въ Петровскомъ дворцѣ, за Тверской заставой. Съ большимъ трудомъ онъ и его свита выбрались изъ Кремля и пылавшихъ улицъ Москвы. Они шли пѣшкомъ, а жаръ пожара жегъ имъ лица. Они блуждали по горѣвшимъ улицамъ, спасаясь отъ настигавшаго ихъ часто пламени пожара, и едва къ вечеру добрались до Петровскаго дворца.

5 сентября пожары начали утихать, а въ ночь на 6 число пошелъ сильный дождь, который продолжался еще съ большей силой и весь день 6-го сентября. Вѣтеръ стихъ, и пожары прекратились; только повсюду дымились пожарища. Въ воскресенье, 8 сентября, Наполеонъ возвратился въ Кремль и опять поселился во дворцѣ. Всѣ его военные начальники и офицеры, которымъ надоѣла походная жизнь на бивуакахъ, также размѣстились въ кремлевскихъ зданіяхъ. По всей Москвѣ свирѣпствовалъ необузданный грабежъ, производимый французскими солдатами, расхищавшими все, что̀ только можно было изъ уцѣлѣвшихъ домовъ. Многіе обыватели прибѣгали съ жалобами и за по-

мощью къ французскому начальству, хотя часто неудачно. Французы не только отнимали у погорѣвшихъ москвичей ихъ имущество, спасенное отъ пожара, но часто ихъ же самихъ заставляли тащить за собою ограбленныя у нихъ вещи, сопровождая свои приказанія ругательствами и побоями. Женщины не только подвергались грабежу, но и насилію. Улицы были наполнены обгорѣлыми обломками зданій, полурасплавленными листами желѣза, трупами людей и животныхъ. Нѣкоторые москвичи скрывались въ уцѣлѣвшихъ отъ огня домахъ, занятыхъ французами. Нашедшіе себѣ пріютъ охотно принимали къ себѣ и другихъ несчастныхъ и братски дѣлились съ ними и помогали имъ всѣмъ, чѣмъ могли. Многіе жители скрывались въ кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ развалинахъ, въ надворныхъ постройкахъ, въ сараяхъ, ямахъ и погребахъ, откуда выходили только по ночамъ для добыванія себѣ пищи. Много народу оставалось подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, огородахъ, пустыряхъ и на кладбищахъ.

Во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, храмы Кремля не избѣжали поруганія. Всѣ церкви были ограблены; въ Успенскомъ соборѣ, вмѣсто паникадила, висѣли большіе вѣсы, на которыхъ французы взвѣшивали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ сокровищъ, ризъ, окладовъ, чашъ и проч. Тутъ стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей. Въ храмахъ Спаса на Бору и Николы Гостунскаго находились склады овса, сѣна и соломы для лошадей самого Наполеона. Въ Верхоспасскомъ соборѣ стояли кровати, а престолъ его служилъ обѣденнымъ столомъ. Маршалъ Даву не разъ устраивалъ себѣ спальню въ алтарѣ главнаго храма въ Чудовомъ монастырѣ.

Относительно проживавшихъ въ Москвѣ старообрядцевъ сохранилось преданіе, что они отправили отъ себя депутатовъ въ Кремль съ подарками и съ переводчикомъ, которому поручили объяснить, что они составляютъ общество древнихъ христіанъ, притѣсняемое русскимъ правительствомъ, но имѣющее по всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ почти весь русскій народъ, и что, покоряясь Наполеону и признавая его власть, они просятъ оградить ихъ и ихъ жилища, и собственность

отъ грабежа и насилій *). Преданіе утверждаетъ, что Наполеонъ посѣтилъ Преображенское кладбище съ Мюратомъ и свитою, и старики, подъ предводительствомъ ихъ попечителя Алексѣя Никифорова, поднесли ему при этомъ хлѣбъ-соль.

Тревожность положенія и неизвѣстность относительно будущаго смущали Наполеона, его маршаловъ и солдатъ. Нѣкоторые историки говорятъ, что во время своего пребыванія въ Кремлѣ Наполеонъ задумывалъ походъ на Петербургъ, но затѣмъ оставилъ эту мысль, убѣдившись въ ея полной неосуществимости. Между тѣмъ, упадокъ и разстройство дисциплины въ рядахъ французской арміи увеличивались съ часу на часъ. Недостатокъ въ Москвѣ съѣстныхъ припасовъ и наступившіе ранніе холода еще болѣе усиливали деморализацію арміи. Надежды на миръ съ Россіей чѣмъ далѣе тѣмъ менѣе могли быть осуществлены. Но чтобы внушить болѣе бодрости офицерамъ и солдатамъ и показать свою прочную осѣдлость въ Москвѣ, Наполеонъ, узнавъ, что въ Москвѣ находится нѣсколько французскихъ актеровъ и актрисъ, велѣлъ устроить театральныя представленія, которыя и давались въ домѣ Познякова на Никитской улицѣ. Въ Кремлѣ театральныхъ представленій не было, но была устроена концертная зала, гдѣ пѣлъ итальянскій пѣвецъ Тарквиніо и игралъ піанистъ Мартини. Въ слушаніи этой музыки и пѣнія, въ прогулкахъ по городу и въ осмотрѣ зданій заключались всѣ развлеченія Наполеона во время его кремлевской жизни. За завтраками онъ выслушивалъ доклады объ успѣхѣ театральныхъ представленій и даже еще 7 октября, т. е. наканунѣ своего выступленія изъ Москвы, Наполеонъ разсуждалъ о томъ, чтобы выписать изъ Парижа въ Москву нѣсколько актеровъ и актрисъ, и составлялъ даже ихъ списокъ. Затѣмъ онъ диктовалъ своимъ секретарямъ различныя приказанія. Обѣды его въ Кремлѣ длились подолгу, вопреки прежнему обыкновенію; прежде онъ не любилъ долго сидѣть за столомъ, но въ Кремлѣ, какъ будто желая убить время, тяготившее его своей продолжительностью, онъ измѣнилъ свои привычки. По вечерамъ, окруженный свитою и своими гене-

---

*) Преданіе это относится, впрочемъ, исключительно къ сектѣ такъ называемой „безпоповской“.

ралами, ходя взадъ и впередъ по ярко освѣщенной залѣ Кремлевскаго дворца, Наполеонъ разсуждалъ о литературѣ и театрѣ. За нѣсколько дней до оставленія имъ Москвы, онъ, говоря съ графомъ Нарбонномъ, между прочимъ, такъ выразился о характерѣ Петра Великаго: „Какую трагедію могъ бы создать даровитый писатель изъ Петра Великаго, этого гранитнаго мужа, твердаго какъ основанія Кремля, человѣка, который создалъ просвѣщеніе Россіи и ея вліяніе на Европу и который вынудилъ меня, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, предпринять эту ужасную экспедицію. Я прихожу въ изумленіе, когда думаю, что въ этомъ дворцѣ 20-лѣтній Петръ безъ совѣтниковъ, почти безъ образованія, въ виду гордой правительницы и старыхъ русскихъ, захватываетъ власть и, замысливъ сдѣлать ее побѣдоносною и завоевательною, уничтожаетъ стрѣльцовъ. Какой примѣръ нравственной силы! Какъ бы хорошо было увидѣть на сценѣ, какъ молодой Петръ, котораго считали преданнымъ грубымъ удовольствіямъ, приводитъ въ исполненіе дѣло 18 Брюмера при своемъ дворѣ, посылаетъ въ монастырь гордую Софью и въ одно время создаетъ мирныя и военныя учрежденія, начинаетъ войну, устраиваетъ армію и флотъ и строитъ новую столицу Россіи. Что касается до особенностей его генія, то онѣ ни кѣмъ не были поняты. Не замѣтили, что онъ пріобрѣлъ то, чего недостаетъ рожденнымъ на престолѣ,—славу новаго человѣка (la gloire de parvenu), достигшаго до трона со всѣми испытаніями, соединенными съ этой славой. Онъ добровольно сдѣлался артиллерійскимъ поручикомъ, чѣмъ и я былъ. Это не была комедія. Онъ оставилъ страну, чтобы освободить себя на нѣкоторое время отъ короны, чтобы испытать жизнь частнаго человѣка и постепенно дойдти до величія. Онъ самъ сдѣлалъ для себя то, что̀ дала мнѣ судьба. Вотъ что выдвигаетъ его впередъ изъ ряда всѣхъ прирожденныхъ государей (les monarques de race). И не смотря на то, какое было испытаніе этому генію! Подумайте: такой человѣкъ на берегахъ Прута, во главѣ войскъ, имъ самимъ созданныхъ, допустилъ себя окружить турецкой арміи, лишить способовъ продовольствія и едва не взять себя въ плѣнъ! Такія необъяснимыя затмѣнія случаются съ великими людьми“. Нечего и говорить объ ошибочности взгляда Наполеона на

Петра Великаго, какъ на „новаго человѣка“, „parvenu“ верховной власти. Такое непониманіе характера Петра I, ясное для всякаго, происходило вѣроятно отъ малаго и поверхностнаго знакомства съ исторіей жизни и дѣятельности Петра. Сужденіе же о тяжеломъ положеніи Петра Великаго при Прутѣ, со стороны Наполеона, очевидно намекало на него самого и на тогдашнее безвыходное положеніе его съ французской арміей въ Кремлѣ. Но, впрочемъ, на замѣчаніе объ этихъ обстоятельствахъ собесѣдника его, графа Нарбонна, Наполеонъ отвѣчалъ: „Я имѣю причины надѣяться на заключеніе мира; но заключимъ мы его или нѣтъ,— во всякомъ случаѣ есть предѣлъ нашему пребыванію въ Москвѣ. Наши войска отдохнули и переустроены; время стоитъ хорошее, и мы имѣемъ возможность отойдти къ Смоленску, соединиться на пути съ нашими подкрѣпленіями и расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Есть еще и другой способъ, который предлагаетъ Дарю, и я называю его львинымъ совѣтомъ: собрать провизію, убить и посолить всѣхъ нашихъ лошадей, зимовать въ Москвѣ и весною снова начать наступательныя дѣйствія. Но я не соглашаюсь съ этимъ предложеніемъ. Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ оставаться долго внѣ своего дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, нежели манитъ Петербургъ. Будьте довольны, любезный графъ: скоро уйдемъ съ миромъ или безъ него.“

Но попытки, сдѣланныя Наполеономъ на заключеніе мира съ императоромъ Александромъ, оказались вполнѣ неудачными, какъ и слѣдовало этого ожидать. Чрезъ отставнаго гвардейскаго капитана И. А. Яковлева (не успѣвшаго до вступленія французовъ выѣхать изъ Москвы), братъ котораго былъ нашимъ посломъ при гессенъ-кассельскомъ дворѣ, Наполеонъ отправилъ къ Александру I письмо, оставшееся безъ всякаго отвѣта. Затѣмъ онъ послалъ своего адъютанта, бывшаго ранѣе французскимъ посланникомъ въ Россіи, графа Лористока, съ мирными предложеніями, которыя точно также неимѣли никакого успѣха.

Наполеонъ въ Кремлевскомъ дворцѣ предался различнымъ фантазіямъ; такъ онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о Пугачевѣ, чтобы, подобно ему, произвести волненіе въ Рос-

сіи въ отношеніи крѣпостнаго состоянія. Съ тою же цѣлью возбудить волненіе татаръ противъ Россіи, посылалъ онъ шпіоновъ своихъ даже въ Казань. Понятно, что эти фантастическіе планы не имѣли никакого успѣха.

Между тѣмъ, въ виду наступающей зимы, Наполеонъ дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія, чтобы покинуть Москву. Въ это время съ колокольни Ивана Великаго въ Кремлѣ сняли крестъ, предполагая, что онъ золотой, чтобы увезти его въ числѣ трофеевъ; точно также Наполеонъ велѣлъ обобрать всѣ серебряныя и золотыя украшенія Кремлевскихъ соборовъ. Мѣдныя деньги, найденныя въ Москвѣ, велѣно было раздать французскимъ войскамъ; имъ же раздавались и фальшивыя русскія ассигнаціи сторублеваго достоинства, которыя хотѣли распространить среди русскаго народа. Однако ассигнацій этихъ никто не бралъ, такъ какъ поддѣлка была замѣтна съ перваго взгляда.

Въ первыхъ числахъ Октября больные и раненые французы были вывезены изъ Москвы по Смоленской дорогѣ. Но Наполеонъ все еще не желалъ, чтобы всѣ знали о его намѣреніи оставить Москву. Такъ онъ поручалъ Мюрату, укрѣплять Кремль. Рѣшившись покинуть Москву Наполеонъ задумалъ сжечь въ ней всѣ уцѣлѣвшія отъ пожара зданія и взорвать на воздухъ Кремль съ его древними стѣнами и башнями, съ его дворцами и соборами. Исполненіе этого намѣренія поручено было оставшемуся съ арьергардомъ отступавшей изъ Москвы французской арміи маршалу Мортье. За часъ до оставленія Кремля, Наполеонъ писалъ герцогу Бассону въ Вильну: ,,Съ выступленіемъ арміи въ походъ, завтра я рѣшу взорвать Кремль.“ Пораженіе Мюрата подъ Тарутинымъ заставило, какъ извѣстно, Наполеона поспѣшно оставить Москву. Съ высоты знаменитыхъ Воробьевыхъ горъ начальнику артилеріи генералу Ларибуассьеру велѣно было всѣ оставшіеся въ Москвѣ, по выходѣ изъ нея французовъ боевые снаряды, свинецъ, порохъ и заряды сосредоточить въ Кремлѣ. „Можетъ быть я еще возвращусь въ Москву“, писалъ Наполеонъ, — но конечно онъ самъ менѣе всѣхъ могъ вѣрить этому возвращенію въ Кремль, наполненный порохомъ съ подведенными подъ него минами.

Наполеонъ покинулъ Кремль и Москву рано утромъ 7 Октября и оправился по старой Калужской дорогѣ. Маршалъ

Мортье, оставшійся съ небольшимъ отрядомъ въ Кремлѣ, дѣлалъ тамъ необходимыя приготовленія для его взрыва. Въ Кремлѣ дѣятельно рыли рвы и канавы, устраивали мины и наполняли ихъ порохомъ. Въ ночь съ 11 на 12 Октября Мортье покинулъ Москву и, отойдя на незначительное разстояніе отъ нея, пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ къ взрыву Кремля. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже въ большомъ разстояніи отъ Кремля полопались стекла въ окнахъ; во многихъ домахъ города обрушились потолки и стѣны домовъ и внутри ихъ ничего не осталось на своемъ мѣстѣ; обывателей сбросило съ постелей. Жители бросились на улицы и площади, полуодѣтые, а нѣкоторые израненные осколками стеколъ и каменьевъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Въ ночной темнотѣ, освѣщаемой пожаромъ Кремля и другихъ зажженныхъ въ городѣ покинувшими его французами зданій, слышались плачъ и стоны. Новые взрывы послѣдовали одинъ за другими, но ужъ не настолько сильные, какъ первый.

Послѣдствія взрывовъ были однако для Кремля не такъ опустошительны, какъ можно было ожидать. Разрушены были часть арсенала и примыкавшей къ нему восточной кремлевской стѣны и верхъ башни у Никольскихъ воротъ, но здѣсь уцѣлѣлъ не только надворотный образъ чудотворца Николая, но даже и самое стекло кіоты и висѣвшая передъ ней лампада. Взорванною оказалась часть южной стѣны Кремля съ тремя башнями: Петровскою съ упраздненной въ ней церковью Московскаго святителя Петра митрополита, Рождественскою съ бывшей при ней церковью и Филаретовскою, что близъ Ивановской колокольни. Сама же Ивановская колокольня треснула съ верху до низу и заколебалась въ своемъ основаніи, но устояла и стоитъ съ тѣхъ поръ непоколебимо. Угольная водовзводная башня взлетѣла на воздухъ и своими остатками завалила набережную и рѣку; на ея мѣстѣ взвился высоко вверхъ столбъ пыли и дыма. Къ общему удивленію и радости въ Кремлѣ уцѣлѣли всѣ дворцы, соборы, церкви и монастыри. Хлынувшій во время взрывовъ дождь залилъ нѣсколько минъ и подкоповъ въ Кремлѣ, откуда было вынуто до 60 бочекъ пороха; другіе же подкопы были засыпаны камнями и землей отъ перваго взрыва, почему и остались безвредными. Дождь, конечно, много со-

дѣйствовалъ къ ослабленію разрушительной силы подкоповъ, но кромѣ того существуетъ еще весьма правдоподобное показаніе одного французскаго офицера Фезанзака («Souvenirs militaires») о томъ, что маршалъ Мортье нарочно отпустилъ для взрывовъ негодный порохъ, не желая строго выполнить варварское распоряженіе Наполеона о взрывѣ древняго Кремля.

Въ первый разъ послѣ бѣдствій французскаго нашествія посѣтилъ Москву и царственный Кремль Александръ I въ 1816 году. Онъ прибылъ 15 Августа. Москва и Кремль начинали поправляться и отстраиваться послѣ пожара 1812 года. Все время двухнедѣльнаго пребыванія въ первопрестольной столицѣ нашей было какимъ-то народнымъ празднествомъ въ честь умиротворителя Европы. 30 августа, наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы, Александръ I издалъ высочайшую грамоту, въ которой онъ изъявлялъ Москвѣ и ея жителямъ всѣхъ сословій свою искреннюю благодарность „за усердіе, мужество и величіе, оказанныя ими въ достопамятный 1812 годъ.“ Въ слѣдующемъ 1817 году (1 октября) Александръ I снова прибылъ въ Москву и поселился въ Кремлѣ, на этотъ разъ со всею высочайшею фамиліею. 20-го февраля 1818 года (въ Кремлѣ) было совершено торжество открытія близъ Кремля на Красной площади памятника двумъ знаменитымъ героямъ Смутнаго времени, Минину и князю Пожарскому. Торжество это происходило въ присутствіи государя и императорской фамиліи. На другой день 21 февраля государь выѣхалъ изъ Кремля въ Варшаву. Въ отсутствіе его въ Кремлѣ родился великій князь (впослѣдствіи императоръ) Александръ Николаевичъ, 17 апрѣля 1818 года. Обрядъ крещенія происходилъ 5 мая. Къ этому времени въ Кремль вернулся и самъ государь.

10 іюня 1818 года императоръ Александръ I былъ въ Кремлѣ. Въ это время тамъ дѣлались приготовленія къ ожидаемому прибытію высокаго гостя, прусскаго короля Фридриха Вильгельма и его старшаго сына, наслѣднаго принца. 16-го іюня прусскій король и императоръ Александръ въѣзжали въ Кремль при звонѣ колоколовъ и громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, заглушавшихся привѣтственными восклицаніями толпы. Всѣ зданія и дома, какъ частные, такъ казенные и общественные, были увѣшаны русскими и

прусскими флагами. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ былъ въ мундирѣ шефа русскаго полка, съ звѣздою ордена св. Андрея, а на мундирѣ императора Александра I былъ прусскій орденъ Чернаго орла. Наслѣдный принцъ прусскій ѣхалъ верхомъ между великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ. Войска въ парадной формѣ двойными шпалерами стояли отъ заставы до Кремля. Императрицы Марія Θеодоровна и Елизавета Алексѣевна приняли короля у подножія главнаго крыльца Кремлевскаго дворца и представили ему его маленькаго внука и крестника, великаго князя Александра Николаевича, котораго супруга Николая Павловича, великая княгиня взяла изъ рукъ кормилицы и подала Фридриху Вильгельму.— „Государь,—сказалъ императоръ Александръ королю:— вспомнимъ, что этотъ ребенокъ родился въ Кремлѣ, въ древнемъ дворцѣ русскихъ царей, недалеко отъ колыбели фамиліи Романовыхъ и близъ Св. Иверскихъ воротъ, гдѣ чудесный образъ Богоматери бодрствуетъ и печется о судьбахъ этого города и Россіи.“ Эти слова государя произвели глубокое и сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, и король Фридрихъ Вильгельмъ не разъ повторялъ ихъ близкимъ къ нему лицамъ.

Десять дней, проведенные прусскимъ королемъ вмѣстѣ съ императорской фамиліей, прошли во всевозможныхъ торжествахъ и увеселеніяхъ. Фридрихъ Вильгельмъ не переставалъ удивляться, какъ Кремлю съ его историческими достопамятностями, такъ и самой Москвѣ, городу послѣ опустошительнаго пожара 1812 года возрождавшемуся, какъ фениксъ изъ пепла, еще красивѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ былъ онъ прежде. Прусскій король безпрестанно, то пѣшкомъ, то верхомъ прогуливался по Москвѣ, сопровождаемый императоромъ Александромъ, который съ гордостью показывалъ ему новыя постройки въ городѣ, въ которомъ отъ пожара уцѣлѣло едва 500 каменныхъ и 1200 деревянныхъ зданій, а къ этому времени уже насчитывалось около 10,000 большею частію каменныхъ зданій и 350 церквей и монастырей, поправленныхъ и отдѣланныхъ заново.

Фридрихъ Вильгельмъ, смотря разъ съ Краснаго крыльца на ярко блестѣвшіе на солнцѣ куполы церквей и соборовъ и изумляясь удивительному зрѣлищу, воскликнулъ: — „Съ

*

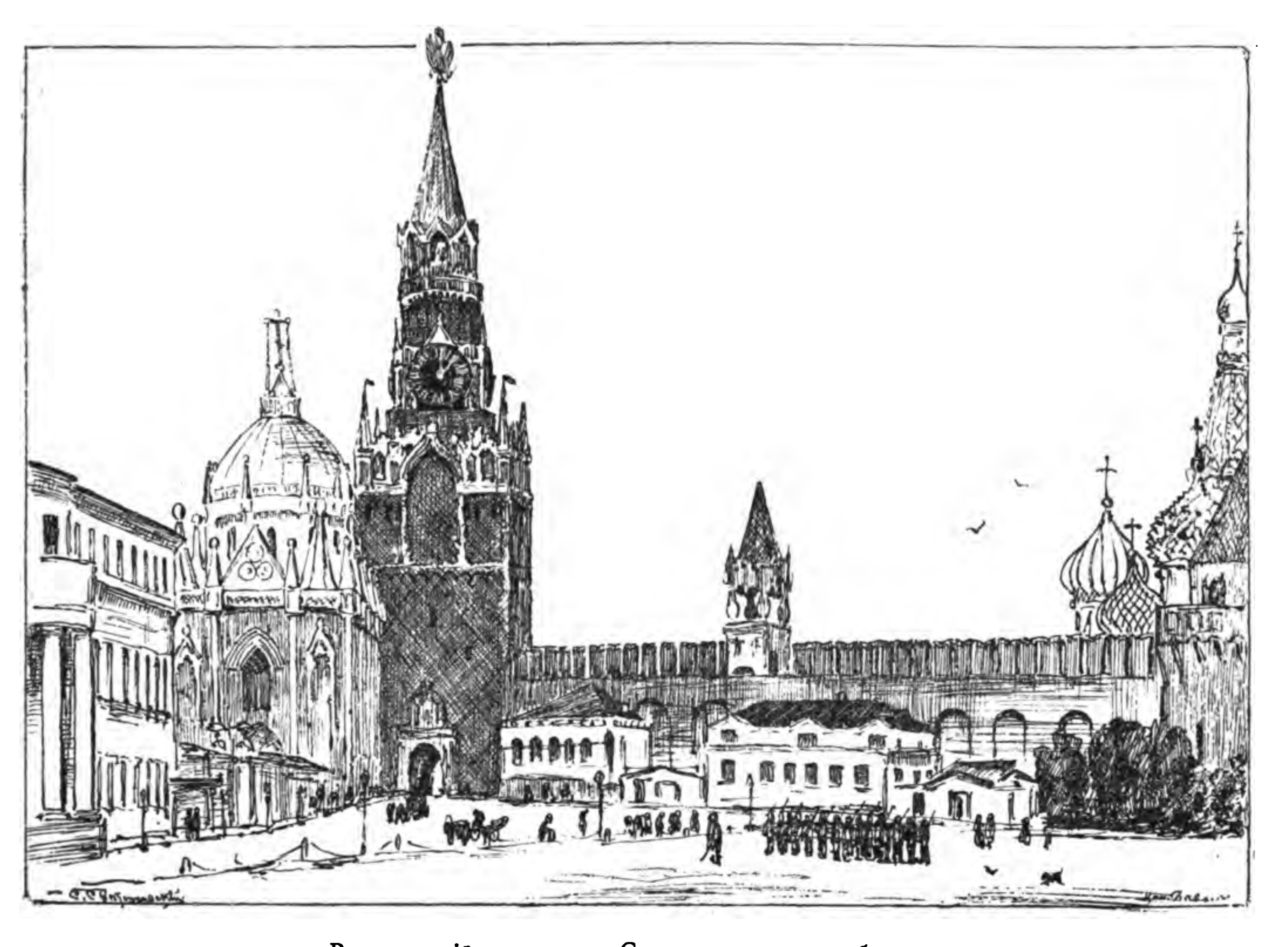
Москвой не можетъ соперничать ни одинъ городъ въ мірѣ!“— „Да, это святой городъ!“ сказалъ императоръ Александръ съ волненіемъ, указывая рукой на множество колоколенъ и куполовъ, блестѣвшихъ въ дали.

Во время этого пребыванія въ Кремлѣ, на Александра I находили моменты грусти, унынія и меланхоліи, которыхъ онъ не скрывалъ отъ Фридриха Вильгельма. Императоръ говорилъ королю, что въ немъ часто является мысль объ отреченіи отъ престола, чтобы имѣть возможность жить въ уединеніи. Онъ уже разсчитывалъ передать престолъ великому князю Николаю. Но прусскій король уговаривалъ его отказаться отъ этой мысли, указывая на положеніе Европы и на значеніе Священнаго союза, котораго Александръ I былъ главой и безъ котораго онъ едва-ли могъ существовать. (см. Поля Лакруа: „Исторія жизни и царствованія Николая I-го“, пер. съ фран. М. 1877—1878, вып. I, стр. 126—9).

Изъ внѣшнихъ измѣненій Кремля необходимо замѣтить, что, послѣ занятія его французами и опустошительнаго пожара, Кремль едва-ли могъ оправиться черезъ нѣсколько лѣтъ. При починкѣ и возстановленіи соборовъ и церквей Кремля неизмѣнно держались прежняго архитектурнаго стиля. Точно также поступали и при реставраціи и поправкахъ иконной и стѣнной живописи въ Кремлевскихъ соборахъ. Для послѣдней цѣли съ большими трудностями собраны были разные мастера, архитекторы и художники, которые и возстановили прежній видъ внутренности соборовъ и дворцовыхъ палатъ. Освященіемъ Архангельскаго собора, происходившимъ 1 февраля 1813 года, торжественно былъ открытъ для всѣхъ до того времени закрытый Кремль.

До 1818 года, какъ извѣстно, въ Кремлѣ стоялъ памятникъ XV столѣтія—Гостунскій соборъ на мѣстѣ бывшаго до того времени Ордынскаго подворья. Дьяконъ этого собора Иванъ Ѳедоровъ былъ первымъ типографщикомъ въ Москвѣ. Въ 1818 году Гостунскій соборъ былъ сломанъ, а престолъ его былъ перенесенъ на Ивановскую колокольню, гдѣ и устроена была церковь во имя этого святителя.

Коронацію Императора Николая I Кремль торжествовалъ въ 1826 году. Государь прибылъ въ Москву съ супругой своей 21 іюля и остановился въ Петровскомъ дворцѣ.

Вознесенскій монастырь, Спасская и царская башни.

Вся царская фамилія собралась въ Москвѣ еще до пріѣзда государя. Первопрестольная столица наполнилась массами народа, съѣхавшагося съ разныхъ концовъ Россіи. Ежедневно, во все время пребыванія Государя въ Петровскомъ дворцѣ, туда стремилось изъ Москвы множество людей всѣхъ званій и сословій, чтобы имѣть возможность увидать государя, государыню и наслѣдника. Въ прекрасный лѣтній день 25 іюля былъ въѣздъ государя и его семьи въ Кремль. Восторженныя привѣтствія и восклицанія народа сопровождали царскій поѣздъ на всемъ пути его. Императоръ Николай съ этого дня избралъ своимъ жилищемъ Кремлевскій дворецъ.

Обрядъ коронованія совершенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ 22 августа митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ Серафимомъ. Во время вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ государь возсѣдалъ на древнемъ алмазномъ тронѣ Михаила Ѳеодоровича. По совершеніи коронованія, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна со слезами обняла своего сына. Затѣмъ государь, при восторженныхъ кликахъ народа, отправился въ Архангельскій соборъ поклониться гробницамъ предковъ. Подлѣ императора справа шелъ братъ его, великій князь Константинъ Павловичъ. Взойдя на Красное крыльцо, императоръ привѣтствовалъ народъ тремя поклонами.

„Много я на своемъ вѣку видѣлъ всякаго рода торжествъ, но подобнаго этой коронаціи не видывалъ,“—такъ отзывался о коронаціи императора Николая шведскій чрезвычайный посолъ, старый фельдмаршалъ Стедингъ, за 49 лѣтъ до этого, въ 1777 году, поздравлявшій императрицу Екатерину съ рожденіемъ внука ея Александра Павловича.— „Какой городъ! какой день! какой народъ!“ безпрерывно восклицалъ французскій посланникъ графъ Лафероннэ, смотря на Москву и Кремль съ Красной площади.

Въ этотъ день былъ данъ великолѣпный обѣдъ въ Грановитой Палатѣ, а вечеромъ зданія и дома Кремля и Москвы были роскошно иллюминованы, что продолжалось и въ слѣдующіе три вечера. Праздники и пиры неустанно шли весь сентябрь мѣсяцъ. Въ Большомъ театрѣ нѣсколько разъ были даны маскарады для дворянства и купечества. 16 сентября было дано угощеніе простому народу на Дѣвичьемъ полѣ. Это угощеніе достигло такихъ огромныхъ размѣровъ и со-

провождалось такими разнообразными увеселеніями, что съ этимъ народнымъ пиромъ могло только сравниться развѣ одно угощеніе, данное народу на Ходынскомъ полѣ въ 1774 году Екатериной II по случаю празднованія мира съ турками. „Столы для пиршества на Дѣвичьемъ полѣ были разставлены на три версты и пироги везли на возахъ, саженями,—по выраженію Пушкина,—какъ дрова. Императоръ далъ народу угощеніе чисто по-царски, на широкую ногу." (В. В. Андреевъ, „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I-го." Спб. 1870 отд. II стр. 104). Вскорѣ послѣ этого московское купечество дало пиръ войску. Балы, спектакли русской и итальянской оперы разнообразили увеселенія.

При коронаціи Николая I присутствовали спеціально присланные на нее послы: Англіи (герцогъ Веллингтонъ), Франціи (маршалъ Мармонъ), Австріи (герцогъ Гессенъ-Гамбургскій), отъ папы (Бернетти), Швеціи, Сардиніи, Даніи, Пруссіи, Саксоніи, Ганновера, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Испаніи, Португаліи, Баваріи, Виртемберга, Неаполя, Нидерландовъ и другихъ государствъ.

Послѣ коронаціи Николай I вмѣстѣ съ царской фамиліей 25 сентября, т. е. въ день памяти преподобнаго Сергія, отправился въ Троице-Сергіеву Лавру поклониться мощамъ угодника. Въ ризницѣ митрополитъ Московскій Филаретъ показывалъ государю собственноручное письмо отца его, Павла I, къ митрополиту Платону, отъ 25 Іюня 1796 г., въ которомъ Павелъ извѣщалъ, что въ этотъ день у него родился сынъ Николай. Въ октябрѣ Николай I оставилъ Кремль и Москву и вернулся въ Петербургъ.

Въ половинѣ сентября 1830 г. Москву поразило появленіе въ ея стѣнахъ невиданной еще до того времени эпидеміи—холеры. Страхъ обывателей былъ невыразимъ. Всѣ, кто имѣлъ средства, покинули Москву; остальные заперлись въ своихъ домахъ и боялись за свою жизнь. Послѣ перваго донесенія о бѣдствіи, постигшемъ Москву, государь писалъ (24 сентября) Московскому генералъ губернатору: „Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ получилъ я ваше печальное извѣстіе. Увѣдомляйте меня эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды". Едва генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ, успѣлъ получить этотъ рескриптъ, какъ по Москвѣ

разнеслась вѣсть о прибытіи царя въ пораженную бѣдствіемъ первопрестольную столицу. Утромъ 29 сентября государь въѣхалъ въ Кремль, приложившись предварительно къ образу Иверской Богоматери. Народъ, толпами окружавшій Государя на его пути, привѣтствовалъ его словами: „Отецъ нашъ! Мы знали, что ты будешь. Гдѣ бѣда, тамъ и ты!“ Императорскій флагъ взвился надъ Кремлевскимъ дворцомъ,— знакъ пребыванія въ немъ государя, — раздался въ соборахъ обычный благовѣстъ, и толпы народа наполнили Кремль. Государь отправился изъ дворца въ Успенскій соборъ, при входѣ въ который Митрополитъ Московскій Филаретъ сказалъ ему: „Со крестомъ срѣтимъ тебя, Государь! Да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь!“

Успокоенная присутствіемъ среди нея государя, Москва ободрилась духомъ и ея обыватели съ довѣріемъ и безпрекословно подчинялись всѣмъ принимавшимся санитарнымъ мѣрамъ для прекращенія эпидеміи. Больницы и госпитали устраивались дѣятельно и многіе уступали для помѣщенія больныхъ свои дома (такъ напр. Пашковъ не пожалѣлъ отдать для этой цѣли великолѣпный домъ). Государь пробылъ въ Кремлѣ болѣе недѣли и, успокоивъ умы обывателей и организовавъ подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ все необходимое для скорѣйшаго прекращенія страшной болѣзни, отправился въ С.-Петербургъ. Въ 1839 г. въ Кремлѣ былъ заложенъ Большой Кремлевскій дворецъ, освященный въ 1849 году въ присутствіи Государя.

22 августа 1851 года Москва и Кремль торжественно праздновали двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая I. 19 августа по, только-что построенной между Петербургомъ и Москвою, Николаевской желѣзной дорогѣ прибыли въ Москву и затѣмъ вступили въ Кремль государь съ государыней, наслѣдникомъ, другими членами царской фамиліи и иностранными принцами: виртембергскимъ, саксенъ-веймарскимъ, мекленбургъ-стрелицкимъ и гессенскимъ. На слѣдующій день 20 августа, при колокольномъ звонѣ Кремлевскихъ церквей и соборовъ, при радостныхъ кликахъ народа государь съ фамиліей своей отправился изъ Николаевскаго дворца въ Успенскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ, имѣвшимъ во главѣ митрополита Московскаго Филарета. Митрополитъ привѣтствовалъ государя слѣдующими

словами: „Благочестивѣйшій государь! срѣтая тебя, притекающаго къ святынѣ сего храма, нынѣ особенно, проникнутые мыслью, что въ немъ принялъ ты царскій прародительскій вѣнецъ и священное помазаніе, мы можемъ только благоговѣть, а не изъяснять воспоминанія и чувствованія, которыми теперь воспламеняются вѣрныя тебѣ сердца. Вѣруемъ, что немощь нашу восполняютъ сильные Богомъ, древніе священноначальники сего храма: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, и слышно твоему духу духовно привѣтствуютъ тебя словомъ благодати: Благословенъ грядый во имя Господне!“ Приложившись ко св. кресту и принявъ окропленіе св. водою, государь вступилъ въ соборъ, гдѣ прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ и почивающимъ въ соборѣ мощамъ, а затѣмъ государь, предшествуемый митрополитомъ Филаретомъ съ крестомъ, вышелъ изъ Успенскаго собора и при колокольномъ звонѣ и привѣтственныхъ возгласахъ толпившагося въ Кремлѣ народа вступилъ въ большой Кремлевскій дворецъ черезъ Красное крыльцо, гдѣ былъ встрѣченъ придворнымъ духсвенствомъ. Послѣ осмотра Дворца государь присутствовалъ на разводѣ, произведенномъ въ Кремлѣ, 1-го батальона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Въ день двадцатипятилѣтія вѣнчанія государя на царство, 22 августа, по высочайшему повелѣнію, въ большой Кремлевскій дворецъ съѣхались, для слушанія благодарственнаго молебствія въ Успенскомъ соборѣ, знатныя особы обоего пола, генералитетъ, представители Московскаго дворянства, купечества и мѣщанства. Въ полдень былъ выходъ государя и царской фамиліи черезъ Красное крыльцо въ Успенскій соборъ, гдѣ и совершенъ былъ митрополитомъ Филаретомъ благодарственный молебенъ. Послѣ молебна государь императоръ тѣмъ же порядкомъ возвратился во дворецъ среди массъ привѣтствовавшаго его народа. Вечеромъ зданія и улицы Кремля и всей Москвы были великолѣпно иллюминованы. Кремлевскій садъ былъ весь залитъ яркими огнями. Изъ Кремля открывался великолѣпный видъ на Замоскворѣчье, казавшееся какимъ-то волшебнымъ, огненнымъ городомъ. Въ этотъ же самый день, 22 августа, супруга В. К. Константина Николаевича Великая Княгиня Александра Іосифовна благополучно разрѣшилась отъ бремени великой княж-

ной Ольгой Константиновной, по случаю чего въ Чудовомъ монастырѣ, въ присутствіи государя и царской фамиліи, 25 августа было отслужено благодарственное молебствіе митрополитомъ Филаретомъ. При выходѣ государя изъ Чудова монастыря и при слѣдованіи его во дворецъ, съ Тайнинской башни Кремля производилась пушечная пальба, а на Ивановской колокольнѣ былъ торжественный звонъ, продолжавшійся весь день.

30 августа, по случаю тезоименитствъ наслѣдника цесаревича великаго князя Александра Николаевича и сына его великаго князя Александра Александровича (нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра III) въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ вновь былъ съѣздъ и высочайшій пріемъ всѣхъ высшихъ, находившихся въ то время въ Москвѣ особъ, генералитета, дворянства и купечества. Въ этотъ день литургію въ Успенскомъ соборѣ совершалъ „соборне“ Филоѳей, епископъ Дмитровскій и викарій Московскій; проповѣдь передъ окончаніемъ литургіи говорилъ Срѣтенскаго сорока церкви Адріана и Наталіи протоіерей Дмитрій Новскій. По совершеніи же литургіи, митрополитъ Филаретъ совершилъ благодарственный молебенъ.

Въ память двадцатипятилѣтія царствованія Николая I Московское духовенство принесло въ даръ Успенскому собору золотую дарохранительницу, великолѣпно сдѣланную въ видѣ голубя и украшенную вверху императорскимъ вѣнцомъ и скипетромъ. На дарохранительницѣ вырѣзана слѣдующая надпись: „Господи, благословивый двадесятипятилѣтіе помазанника Твоего Николая Перваго, благослови и грядущая лѣта Его, къ миру Церкви Твоея, ко спасенію людей Твоихъ.“ Митрополитъ Московскій Филаретъ въ день празднованія двадцатипятилѣтія царствованія получилъ отъ государя осыпанную алмазами панагію при весьма лестномъ рескриптѣ.

4-го сентября государь оставилъ Кремль и выѣхалъ изъ Москвы по почтовому тракту въ Тулу.

Въ это царствованіе Кремль весьма замѣтно измѣнился. На мѣстѣ стараго, пришедшаго въ ветхость дворца былъ воздвигнутъ, какъ мы сказали, новый, существующій и теперь. Колоссальный дворецъ, владычествуя надъ Москвой, занялъ громадное пространство и заключилъ въ себя древній

теремной дворецъ, соборъ Спаса что на Бору и многіе другія церкви. Тогда же было воздвигнуто зданіе для Оружейной Палаты, примкнувшее къ дворцу и составившее одну изъ его многочисленныхъ частей. Въ 1849 году было совершено торжественное освященіе дворца, сопровождавшееся празднествами и балами. Въ день обхода дворца, государь получилъ эстафету отъ императора австрійскаго и тутъ же повелѣлъ нашимъ войскамъ начать знаменитую Венгерскую кампанію, имѣвшую столь важныя послѣдствія.

Для постройки дворца въ Кремлѣ были сломаны нѣкоторыя постройки, мѣстность спланирована, разведенъ садъ по скату горы и престолъ древней церкви Іоанна Крестителя переведенъ въ Боровицкую башню, а сооруженіе снесено.

Тогда же были возобновлены многіе соборы, церкви, зданія и стѣны Кремля, и покоившійся въ землѣ гигантъ царь-колоколъ поднятъ и поставленъ на пьедесталъ.

Торжество коронаціи императора Александра II происходило 26 августа 1856 года. 14 августа императоръ, императрица и высочайшее семейство прибыли въ Москву и остановились въ Петровскомъ дворцѣ. 17 августа государь и царская фамилія торжественно въѣхали въ Кремль по заранѣе установленному церемоніалу. Еще наканунѣ этого дня дома и зданія въ Кремлѣ и отъ Тверской заставы до Кремля, по пути слѣдованія государя, были украшены разноцвѣтными матеріями и коврами. По обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ слѣдовалъ государь, были выстроены войска. Народъ встрѣчалъ и сопровождалъ царя и его семью радостными криками „ура!“ Вечеромъ Кремль и Москва были иллюминованы. Всенародное объявленіе черезъ герольдовъ о предстоящей коронаціи производилось на улицахъ и площадяхъ три дня, 23, 24 и 25 августа. Самый обрядъ коронаціи происходилъ въ Успенскомъ соборѣ 26 августа. Митрополитъ Московскій Филаретъ обратился къ государю предъ вступленіемъ его въ соборъ съ слѣдующими словами: „Благочестивѣйшій, великій государь! преимущественно велико твое настоящее пришествіе. Да будетъ достойно его срѣтеніе. Тебя сопровождаетъ—Россія, тебя срѣтаетъ—церковь. Молитвою любви и надежды напутствуетъ тебя Россія; съ молитвою любви и надежды пріемлетъ тебя цер-

ковь. Столько молитвъ не проникнуть-ли въ небо? Но кто достоинъ здѣсь благословить входъ твой? Первопрестольникъ сей церкви, за пять вѣковъ до нынѣ предрекшій славу царей на мѣстѣ семъ, святитель Петръ, да станетъ предъ нами, и, черезъ его небесное благословеніе, благословеніе пренебесное да снидетъ на тебя и съ тобою на Россію."

По совершеніи обряда коронованія митрополитомъ также произнесена была приличная случаю рѣчь, обращенная къ государю. Увеселенія, торжества, награды и милости ознаменовали собою торжество коронаціи Александра II.

Тогда же былъ изданъ манифестъ, дарующій многія милости, награды, облегченіе въ платежѣ повинностей, освобожденіе отъ воинской повинности на два года, прощеніе многихъ сосланныхъ въ Сибирь по политическимъ проступкамъ и проч.

Со времени коронаціонныхъ торжествъ 1856 года Кремль и Москва не разъ видали въ своихъ стѣнахъ государя Александра II. Не разъ въ теченіе своего славнаго двадцатишестилѣтняго царствованія Александръ II навѣщалъ Кремль.

Такъ въ 1861 году здѣсь въ залахъ Кремлевскаго дворца государь принималъ депутаціи милліоновъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, по волѣ державнаго монарха получившихъ свободу и землю, какъ фундаментъ послѣдующаго преуспѣванія и пользованія жизнью въ будущемъ. Въ 1867 году Кремль впервые видитъ въ своихъ стѣнахъ нынѣ благополучно царствующую государыню, а залы дворца наполняются людьми всѣхъ сословій г. Москвы, желавшихъ видѣть и поклониться будущей императрицѣ Россіи. 1872 годъ памятенъ Кремлю по Политехнической выставкѣ. Тогда вокругъ западной и южной стѣны древняго Кремля, въ садахъ и по набережной, были разбросаны зданія выставки, заключавшія въ себѣ плоды трудовъ и успѣха въ промышленности сыновъ Россіи. Не забудемъ, что Кремль есть одно изъ начальныхъ мѣстъ, гдѣ зародилась русская промышленность; здѣсь вѣдь были первые въ Россіи, по словамъ Карамзина, бархатныя фабрики и сахарный заводъ. Наконецъ, здѣсь же въ мастерскихъ палатахъ выдѣлывались первые въ Россіи роскошные предметы домашняго обихода, нынѣ прочно укоренившіеся на фабрикахъ и заводахъ Московскаго про-

мышленнаго района. Въ самомъ Кремлѣ на площади плацъ парада былъ размѣщенъ военный отдѣлъ выставки, богатый предметами для арміи, ядро которой зачато при Петрѣ I также изъ Кремля.

Въ 1876 году, когда сербы и черногорцы боролись за свою свободу съ Турціей, слово государя остановило (18 октября) турокъ отъ окончательнаго порабощенія Сербіи послѣ Дюнишскаго погрома. Послѣ ультиматума, посланнаго Турціи о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій ея противъ сербовъ и черногорцевъ, государь съ супругой, наслѣдникомъ цесаревичемъ, государыней цесаревной, ихъ дѣтьми и великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами, прибылъ изъ Ливадіи въ Кремль 28 октября въ 8 1/2 часовъ вечера.

29 октября государь и государыня, въ 12 часовъ дня, имѣли выходъ изъ большаго Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ и Чудовъ монастырь. Въ Георгіевской залѣ Кремлевскаго дворца государь принималъ въ этотъ день представителей московскаго дворянства и городскаго общества, поднесшихъ ему адресъ. При этомъ государь обратился къ нимъ со слѣдующими многознаменательными словами: „Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про Сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣ-

щанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что̀ мы въ правѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе.“

Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе произвела эта рѣчь государя въ Россіи и въ Европѣ. Многочисленные адресы со всѣхъ концовъ Россіи и ото всѣхъ ея сословій свидѣтельствовали о глубокой, исконной преданности русскаго народа дѣлу освобожденія славянъ.

На другой годъ ранней весною главнокомандующій Дунайской арміей великій Князь Николай Николаевичъ, направляясь къ арміи, прибылъ въ Кремль и поклонился святынямъ его. Спустя нѣкоторое время, когда армія наша была двинута въ предѣлы Турціи, государь снова говорилъ многознаменательную рѣчь въ Георгіевской залѣ большаго дворца.

Послѣднее посѣщеніе Кремля покойнымъ государемъ было въ 1880 году 19 ноября, когда онъ осматривалъ малый Николаевскій дворецъ, только-что оконченный перестройкой. Такимъ образомъ судьбѣ угодно было, чтобы государь, увидѣвшій свѣтъ въ Кремлѣ, въ маломъ дворцѣ, и простился навсегда съ Кремлемъ, посѣщая дворецъ, гдѣ онъ родился.

Невозможно, конечно, въ краткихъ очеркахъ прослѣдить все случившееся въ Кремлѣ въ царствованіе государя Александра Николаевича. Время это было столь обильно благими дѣяніями, оставившими глубокіе слѣды въ Россіи, что конечно они тѣмъ или другимъ способомъ отзывались въ сердцѣ ея — Москвѣ и Кремлѣ.

Въ продолженіе 25 лѣтъ прошлаго царствованія Кремль посѣтили государи Германіи, Австріи, Даніи, Греціи, Швеціи, Италіи, Бразиліи, Персіи и особы многихъ импера-

торскихъ, королевскихъ и велико-княжескихъ и велико-герцогскихъ фамилій. Всѣ они, осматривая Кремль, посѣщали его святыни, древлехранилища, собранія рѣдкостей и драгоцѣнностей—подарковъ иностранныхъ государей россійскимъ, любовались старинными сооруженіями, а также несравненно прекраснымъ видомъ съ высотъ Кремлевской горы. Многимъ памятенъ торжественный парадный въѣздъ шаха персидскаго Насръ-Эдина въ золоченныхъ царскихъ каретахъ и въ параллель съ нимъ болѣе чѣмъ скромное посѣщеніе Кремля и его достопримѣчательностей императоромъ Бразиліи Донъ Педро II, соблюдавшимъ строгое инкогнито.

Мы, конечно, также не можемъ даже перечислить иностранныхъ посольствъ, депутацій, ученыхъ изслѣдователей или просто извѣстныхъ путешественниковъ, которыхъ манитъ Кремль—средоточіе Россіи, мѣсто, хранящее въ себѣ остатки и сокровища глубокой, чисто русской старины.

Внѣшній видъ Кремля въ прошлое царствованіе ничѣмъ не измѣнился; новыхъ зданій не воздвигалось, исключая служебныхъ корпусовъ, а все направляемо было къ тому, чтобы, постоянной тщательной реставраціей существующихъ, сохранить все въ томъ же видѣ, какъ было прежде.

2-го марта 1881 г. печальный звонъ съ колокольни Ивана Великаго оповѣстилъ старый Кремль и первопрестольную Москву, что не стало Великаго Государя. Уже съ ранняго утра Кремлевскія площади были запружены народомъ, съ трудомъ вѣрившимъ страшной вѣсти. Въ церквахъ шли панихиды въ присутствіи властей и знатныхъ особъ Москвы. Небывалое волненіе царствовало въ Кремлѣ, колыбели почившаго государя. Немедленно въ соборѣ Успенскомъ приняли присягу новому Государю военные и гражданскіе чины, а въ другихъ церквахъ всѣ прочіе. Цѣлый день народъ не покидалъ Кремля; звонъ колоколовъ и постоянныя службы въ церквахъ его долго еще собирали москвичей и нарушали обычный покой Кремля.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ посѣтилъ свою первопрестольную столицу и Кремль въ минувшемъ 1881 году. 17 іюля государь прибылъ въ Москву

вмѣстѣ съ Государыней Императрицей и съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями: Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Алексѣемъ Александровичемъ и Георгіемъ Александровичемъ.

Высочайшій выходъ въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ имѣлъ особенный характеръ послѣ великаго несчастія, постигшаго, по волѣ Божіей, Россію. Въ тронной Андреевской залѣ собрались военные чины, въ Александровской—дамы, въ Георгіевской—гражданскіе чины, дворяне и представители городскаго управленія, во Владимірской—разныя депутаціи и представители обществъ. Передъ выходомъ Государь изволилъ принимать генералъ-адъютанта Скобелева. Городской голова С. М. Третьяковъ, поднося хлѣбъ-соль на роскошномъ эмальированномъ блюдѣ, растроганнымъ голосомъ произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ по поводу счастья встрѣчать Государя впервые по его восшествіи на престолъ, послѣ дней всенародной скорби. Государь изволилъ отвѣтить на это привѣтствіе слѣдующими словами: „Послѣ пережитаго нами великаго горя, которое поразило Меня, Мою семью и всю Россію, Я счастливъ наконецъ, что могъ исполнить душевное желаніе Мое—посѣтить древнюю первопрестольную столицу. Искренно благодарю васъ за радушный пріемъ, оказанный Мнѣ, Императрицѣ и Дѣтямъ. Покойный Батюшка не разъ выражалъ Москвѣ благодарность за ея преданность. Москва всегда служила примѣромъ для всей Россіи. Надѣюсь, и впередъ такъ будетъ; и какъ прежде Москва свидѣтельствовала, такъ и теперь свидѣтельствуетъ, что въ Россіи Царь и народъ составляютъ одно единодушное, крѣпкое цѣлое.“ Послѣ словъ Государя раздались восторженныя восклицанія. Во Владимірской залѣ государь изволилъ принять хлѣбъ-соль отъ депутацій московскихъ обществъ: мѣщанскаго, ямскаго, ремесленнаго, отъ купечества, отъ московскихъ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, отъ прихожанъ Покровской церкви города Орла, отъ хоругвеносцевъ — 11 фарфоровыхъ блюдъ и икону московскихъ святителей. Въ сѣняхъ придворное духовенство встрѣтило государя пѣніемъ тропаря: „Спаси, Господи, люди Твоя.“ Съ Краснаго крыльца Ихъ Величества трижды поклонились народу. Восторгъ народа, движеніе сплоченной толпы къ Государю, бросаніе вверхъ шапокъ

и потрясающее „ура“ десятковъ тысячъ голосовъ — трудно описать. У входа въ Успенскій соборъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества были встрѣчены митрополитомъ Макаріемъ, который при окрапленіи ихъ святою водою произнесъ слово. Выслушавъ краткое молебствіе и приложившись къ мощамъ святителей, Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили пойтти въ Чудовъ монастырь и оттуда въ малый Николаевскій дворецъ. При каждомъ переходѣ Ихъ Величествъ, при появленіи Государя въ окнахъ дворца раздавались новые взрывы долго неумолкавшаго восторженнаго народнаго клика.

Въ настоящее время Кремль готовится къ торжественному событію — принять въ своихъ стѣнахъ царственнаго хозяина, повелителя Всероссійской имперіи. Кремль готовится предстать достойнымъ передъ лицемъ Монарха Александра III, который здѣсь, въ его стѣнахъ, въ Успенскомъ соборѣ пріиметъ корону Мономаха. По этому поводу теперь въ Кремлѣ производятся какъ передѣлки, такъ и обновленія многихъ зданій, которымъ предназначено играть видную роль въ жизни Кремля въ предстоящее великое торжество.

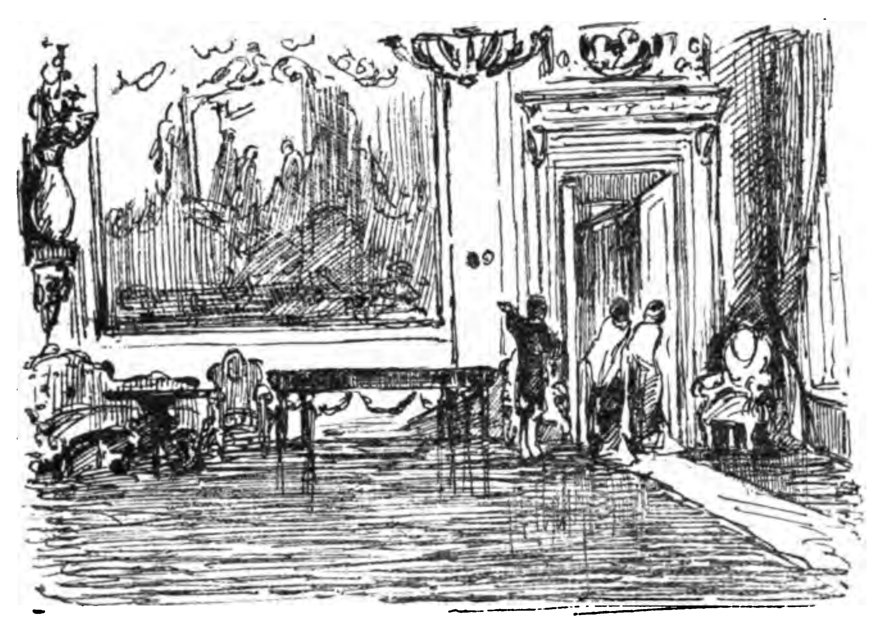

Возокъ Имп. Елисаветы Петровны.

Арханг. соборъ. Благовѣщ. соборъ. Большой двор. Красное крыльцо и Грановитая палата. Золотая пал. Успенскій соборъ.

Видъ на Кремль съ Колокольни Ивана Великаго.

Серебряная гостинная въ Больш. Дворцѣ.

X.

Вокругъ стѣнъ Кремля.

Церковь Василія Блаженнаго, Лобное мѣсто.—Красная площадь.—Ихъ прошлое значеніе, событія и настоящее.—Историческій Музей Цесаревича.—Его значеніе.—Иверская часовня.—Сады по Неглинной.—Ихъ прошлое.—Башня Кутафья.—Видъ на Кремль съ запада.—Экзерцирѓаузъ.—Второй и третій Александровскіе сады.—Лебединый прудъ въ прошломъ.—Южная окрестность Кремля.—Мѣсто бывшей политехнической выставки.—Ботикъ Петра I.—Москва рѣка.

„Склони чело, Россіи вѣрный сынъ:
Безсмертный Кремль передъ тобою".
(Станкевичъ).

Если вы, читатель, съ интересомъ прочли первую часть книги, а слѣдовательно какъ бы пережили весь долгій періодъ жизни Престольнаго Кремля, прочувствовали все, свершавшееся въ немъ великое, содрогались тѣми ужасами, ареной которыхъ былъ Кремль, познакомились съ дѣятелями событій, то радостныхъ, то залитыхъ кровью, то тихихъ и плодотворныхъ по своимъ послѣдствіямъ, то трескучихъ, пышныхъ, но прошедшихъ почти безслѣдно для Россіи,—думаю, вы еще съ бóльшимъ интересомъ пойдете за мной въ

нынѣшній Кремль, чтобы помолиться въ сумракѣ его древнихъ соборовъ, пробудить воспоминанія о прошломъ, созерцая остатки старины родной, погрузиться въ сокровища въ немъ сохраняемыя, или хотя полюбоваться тѣмъ чуднымъ видомъ, какой открывается съ высотъ стараго Кремля на обхватившую его со всѣхъ сторонъ въ объятія старушку-Москву. «Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ созерцать минувшее и сравнивать его съ настоящимъ. Всякая черта прошлаго времени, всякій отголосокъ изъ этой бездны, въ которую всё стремится и ничего не возвращается, для насъ любопытны, поучительны и даже прекрасны», говоритъ Бѣлинскій, а конечно, Кремль дастъ то, чего потребуетъ пытливый умъ и горячее чувство человѣка. И такъ, читатель, въ путь,—онъ лежитъ передъ нами открытымъ и обставленнымъ предметами родной русской старины, интересъ къ которымъ растетъ все больше и больше, по мѣрѣ развитія исторической науки, освѣщающей остатки глубокой старины все яснѣе и яснѣе.

Я поведу читателя сначала вокругъ стѣнъ Кремля, познакомлю въ бѣгломъ разсказѣ съ окрестностями его, укажу на предметы, имѣющіе связь съ нимъ, а затѣмъ, снявъ шапку и осѣнивъ себя крестомъ, войдемъ чрезъ Спасскія ворота въ самый Кремль.

У юговосточнаго угла высокой Кремлевской ограды, прилегающаго къ рѣкѣ Москвѣ, сгруппировались нѣсколько владѣній частныхъ лицъ, отдѣленныхъ отъ стѣнъ широкимъ проѣздомъ, подымающимся на плато исторической Красной площади. На этомъ мѣстѣ пролегала когда-то та Великая улица, по которой, по преданію, Дмитрій Донской велъ свои дружины въ знаменитую Куликовскую битву. Нынѣ нѣтъ и слѣда этой улицы — ее замѣнилъ кварталъ городскихъ владѣній, да набережная рѣки Москвы. Поднимаясь въ гору къ Спасскимъ воротамъ и оставляя за собой съ лѣвой руки зубчатую стѣну Кремля съ башнями, мы достигнемъ вскорѣ, расположеннаго справа, одного изъ чудныхъ памятниковъ русскаго зодчества. Предъ нами откроется Покровскій Соборъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ церкви Василія Блаженнаго. Соборъ этотъ можетъ быть причисленъ по своей оригинальности къ замѣчательнѣйшимъ

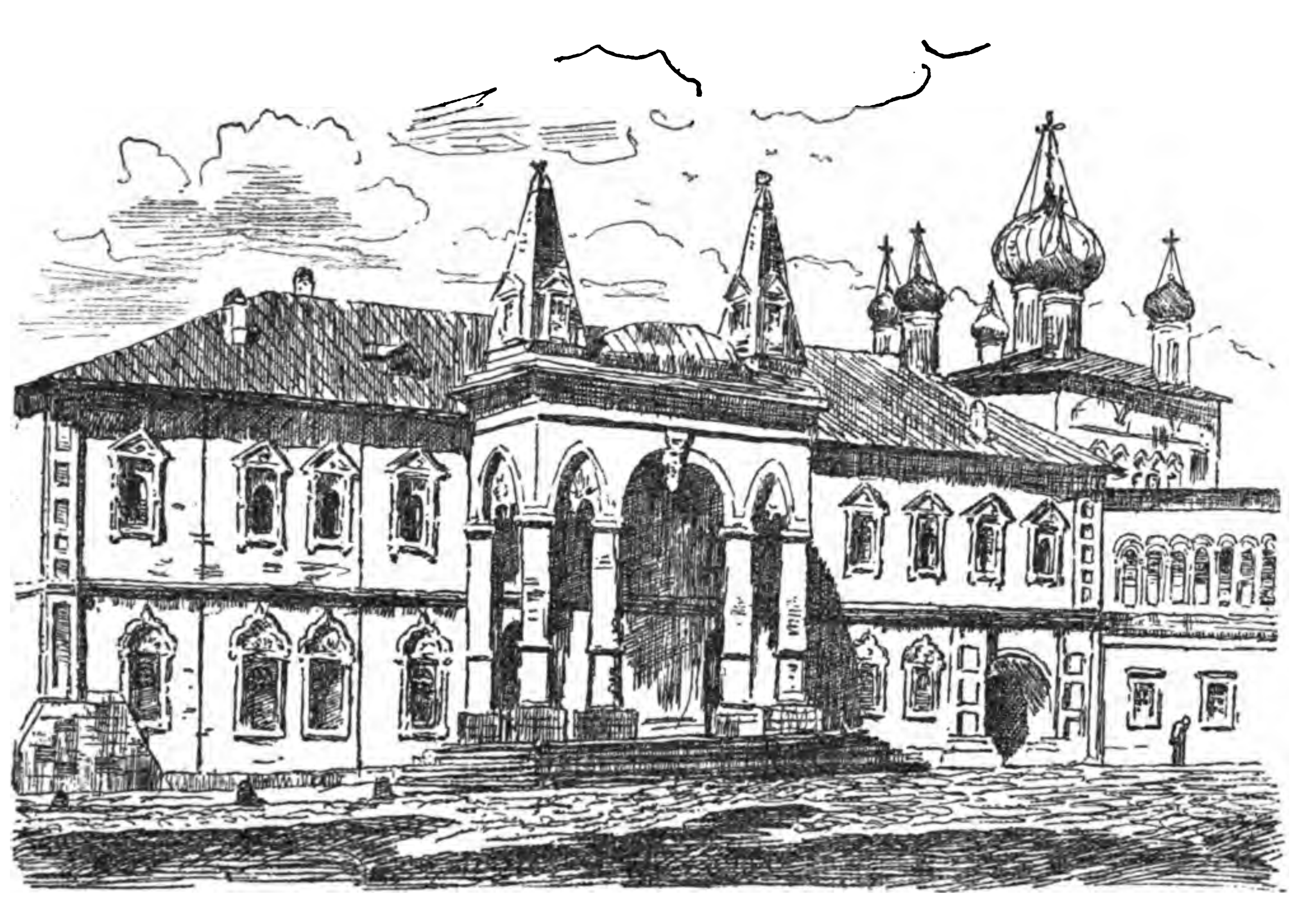
сооруженіямъ въ мірѣ и слава его, благодаря множеству рисунковъ, описаній и разсказовъ объ немъ видѣвшихъ его путешественниковъ, проникла далеко за предѣлы Россіи. Кто не удивлялся, смотря на это чудо древняго искусства? Кто не любовался сочетаніемъ его причудливыхъ частей? Кто не старался разгадать идею, руководившую строителя, такъ восхитительно съумѣвшаго скомбинировать эти невяжущіяся одна съ другой части въ одно гармоническое цѣлое? Церковь эта построена по приказанію Царя Іоанна Васильевича Грознаго, въ благодарность Богу за покореніе Казани, на деньги царства Казанскаго. Къ великому сожалѣнію, имени строителя, но причинамъ, до сихъ поръ невыясненнымъ, не сохранила исторія; но преданіе настойчиво твердитъ, что великій строитель собора былъ лишенъ зрѣнія Царемъ Грознымъ, указавшимъ ему на причину подобнаго поступка: „хочу, чтобы сія церковь осталась единственнымъ славнымъ памятникомъ его искусства". Замѣчательно, между прочимъ, что на Западѣ есть подобное же преданіе и его относятъ къ строителю знаменитаго собора Св. Марка въ Венеціи, собора, возбуждавшаго когда-то такое же удивленіе среди Венеціанцевъ, какое храмъ Василія среди тогдашнихъ Москвичей.

Зданіе храма заключаетъ въ себѣ 11 церквей въ двухъ этажахъ, изъ коихъ 9 въ одномъ верхнемъ расположены по плану столь же причудливо-своеобразному, какъ и фасадъ увѣнчанный девятью главами, одна на другую непохожими ни размѣрами, ни формой очертаній, ни окраской, ни деталями отдѣлки. Даже колокольня собора и та, какъ-бы изъ желанія во всемъ быть своеобразной, помѣщена не на западной сторонѣ храма, какъ это бываетъ въ православныхъ церквахъ, а на восточной. Въ стилѣ этого собора, въ чудной гармоніи сочетается индійская вычурность, роскошь востока, строгость и сухость линій западной готики, сочность и величіе византійской архитектуры; сама окраска частей, во всевозможные колеры и тоны ихъ, рѣзко очерченные, при всей пестротѣ, въ общемъ гармонируютъ съ причудливостью силуэта. Недаромъ Наполеонъ называлъ его мечетью,—такъ онъ выдѣляется среди общаго характера русскихъ церквей.

Въ былыя времена паперть храма была пристанищемъ

калѣкъ, убогихъ, слѣпцовъ—рапсодистовъ, распѣвавшихъ гнусливымъ голосомъ свои заунывные напѣвы объ убогомъ Лазарѣ, да разныхъ юродивыхъ, изъ которыхъ имя одного Василія Блаженнаго дало названіе самому собору. Мощи Василія находятся подъ спудомъ въ самой церкви, гдѣ сохраняется много старинныхъ книгъ, утвари, образовъ, а также вериги и крестъ Блаженнаго. Нужно замѣтить, что соборъ подвергался разнымъ передѣлкамъ, много разъ былъ опустошаемъ и ограбленъ въ послѣдній разъ въ 1812 году, когда нижній его этажъ былъ отданъ подъ конюшни непріятельскихъ лошадей. Во время патріаршества къ этому собору направлялось знаменитое шествіе въ Вербное воскресенье, въ память вшествія въ Іерусалимъ Христа-Спасителя. Въ торжественной процессіи, съ крестами и хоругвями церковными, самъ царь, въ сопровожденіи ближнихъ бояръ и всего двора, велъ коня, на которомъ возсѣдалъ патріархъ, осѣняя толпы народа крестомъ и благословеніемъ. Въ отсутствіе царя, коня патріаршаго велъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ. Торжество это отмѣнено съ упраздненіемъ патріаршества.

Вотъ краткій и бѣглый обзоръ чуднаго памятника, на которомъ мы не останавливаемся дольше только потому, что онъ находится не въ самомъ Кремлѣ—предметѣ нашего описанія. Въ недальнемъ разстояніи отъ церкви Василія Блаженнаго мы замѣчаемъ небольшое каменное возвышеніе, это знаменитое и знаменательное по многому для Россіи Лобное мѣсто. Здѣсь во времена до-Петровской Руси объявлялись важнѣйшія законоположенія и указы Государей; съ нимъ исторія связываетъ достопамятный всенародный обѣтъ Царя Грознаго царить на благо своего народа; отсюда, по совершеніи молебствія, начинался величественный во времена патріаршества, нами только что описанный, крестный ходъ въ Кремль; къ мѣсту этому и нынѣ совершаются Крестные ходы изъ Кремля; на немъ происходитъ торжественное богослуженіе посреди множества хоругвей, громаднаго сонма духовенства, въ присутствіи тысячей народа, покрывающаго вплотную всю окружающую его мѣстность. У ступеней Лобнаго мѣста лежалъ обезображенный трупъ Лже-Димитрія, приволоченный чернью изъ Кремлевскихъ хоромъ; здѣсь у Лобнаго мѣста въ 1682 году раскольники, съ Ники-

Главный фасадъ Чудова-монастыря.

тою Пустосвятомъ во главѣ, передъ собравшимися толпами народа, требовали отъ правительницы Софіи и патріарха Іоакима собора; отсюда двинулись они въ Грановитую палату на состязаніе съ православными іерархами; сюда вернулись, торжествуя мнимую побѣду и сложивъ два перста правой руки, взывали къ недоумѣвающимъ толпамъ: „тако вѣруйте, тако знаменуйтеся!“ Рядомъ съ Лобнымъ мѣстомъ съ сѣверо-западной его стороны лежитъ самая оживленная и торговая улица въ Москвѣ — Ильинка, перерѣзывающая поперекъ торговый центръ Москвы, а слѣдовательно и всей Россіи, —Китай-городъ, съ его сотнями лавокъ, конторъ, банковъ, торговыхъ дворовъ и тысячами снующаго и торопящагося постоянно торговаго люда Москвы. Это — соты Москвы.

Къ сѣверу отъ Лобнаго мѣста, между Кремлевскою стѣной и старымъ зданіемъ Гостиннаго двора, разстилается та историческая Красная площадь, которой эпитетъ присущъ не только въ смыслѣ древнерусскомъ (главной, лучшей, красной), а можно сказать, что она могла-бы быть красной и отъ массы крови, пролитой на ней. Длинной, страшной чередой встаютъ передъ нами ужасы, когда мы вспомнимъ дѣянія бѣшеныхъ опричниковъ Грознаго, Стрѣлецкія казни всѣхъ родовъ и видовъ. Въ толпѣ, наполнявшей въ былое время обыкновенно эту площадь, мелькали тѣ закрытые съ головой языки, завидя которыхъ разступался народъ, какъ отъ зачумленныхъ, потому что единый знакъ такого языка, выпущеннаго въ толпу изъ Кремлевскихъ темницъ для оговоровъ другихъ, страшный возгласъ: „Слово и дѣло“—бывали достаточны, чтобы одинъ изъ народа былъ взятъ, подвергнутъ пыткамъ и очень часто возвращенъ уже сюда только для казни. Не даромъ близъ рва, окружавшаго Кремлевскую стѣну, стояли 14 церквей, построенныхъ родственниками казненныхъ „на крови“ своихъ ближнихъ и родныхъ. Во время безначалія площадь эта была ареной, гдѣ собиралось великое, народное Вѣче для выбора правителя. Здѣсь же мѣсто знаменитаго по характеру своему — семейнаго публичнаго суда. Въ 1812 году Наполеонъ I, считая себя властелиномъ Москвы, дѣлалъ здѣсь смотръ своей великой арміи, занесенной его геніемъ въ отдаленную и на этотъ разъ не гостепріимную Москву. Теперь площадь эта привлекаетъ многихъ туристовъ, кромѣ своего историческаго

значенія, еще тѣмъ, что обыкновенно съ площади входятъ въ Кремль, а также осматриваютъ памятники старины, на ней находящіеся. Здѣсь у самыхъ стѣнъ Кремля, на Вербной недѣлѣ, разбивается лагерь наскоро сколоченныхъ лавченокъ для торговли вербами, игрушками и другими подарками для дѣтей къ празднику Пасхи и толпится масса московскаго люда. При благопріятной погодѣ, длинной вереницей, въ нѣсколько рядовъ тянутся экипажи катающихся—это остатокъ знаменитаго традиціоннаго Вербнаго катанья, падающаго съ каждымъ годомъ, но когда-то блестѣвшаго чудными запряжками, тысячными рысаками и обильной выставкой московскихъ невѣстъ. Здѣсь же передъ среднею частью громаднаго Гостиннаго двора красуется памятникъ „Гражданину Минину и Князю Пожарскому". Монументъ поставленъ по повелѣнію Императора Александра I въ 1813 году. Какъ извѣстно по почину перваго, Нижегородскаго гражданина Минина, поднялась Россія и вокругъ втораго, Князя Пожарскаго, сгруппировались ея сыны, чтобы отстоять свое хладное, но горячо любимое отечество отъ владычества чужеземцевъ и сохранить въ неприкосновенности вѣру своихъ предковъ. Художникъ Мартосъ, творецъ памятника, выбралъ тотъ моментъ, когда великій Нижегородскій Гражданинъ зоветъ удрученнаго болѣзнью и трудами любимца народнаго Князя Пожарскаго стать во главѣ ополченія русскаго и указываетъ ему на западъ, откуда на Москву устремился врагъ. Барельефъ на пьедесталѣ изображаетъ моментъ, когда по зову Минина нижегородцы несутъ свои имущества, какъ жертву необходимости, для образованія фонда народной войны. Видъ на Кремль съ площади величественъ и красивъ, въ особенности, когда при лунѣ, въ морозную ночь, силуэтъ Кремлевскихъ башенъ рельефно вырисовался на сумрачно синемъ небѣ. Распространенные во множествѣ снимки площади даютъ однако весьма малое понятіе о настоящей дѣйствительности.

Красная площадь, со стороны противоположной церкви Василія Блаженнаго, замыкается почти уже отстроеннымъ, громаднымъ зданіемъ, предназначеннымъ для „Историческаго Музея Цесаревича". Музей своими внѣшними формами и башнями долженъ, по мысли строителей академика Шервуда и инженера Семенова, гармонировать съ церковью Василія Блаженнаго, а по внутренней послѣдовательности залъ и

порядку размѣщенія предметовъ — представить полную картину исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Постройка зданія еще не вполнѣ окончена и, если выполнится программа во всей ея обширности, то конечно въ немъ Россія пріобрѣтетъ себѣ наглядную исторію своего прошлаго, а Москва — одинъ изъ дѣйствительно величественныхъ памятниковъ.

Едва-ли возможно пройти молчаніемъ пріютившуюся у проѣзда черезъ Воскресенскія ворота на Красную площадь—небольшую часовню Иверской Божіей Матери, гдѣ съ 4-хъ часовъ утра и до поздняго вечера толпится народъ, служитъ молебны предъ чудотворной иконой, почитаемой одной изъ главныхъ святынь Москвы. Всякій богомольный русскій, начиная съ Государя и кончая обыкновеннымъ простолюдиномъ, считаетъ первымъ своимъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Москву, помолиться у чудотворнаго образа.

Такимъ образомъ мы прошли восточную часть окрестностей Кремля и у круглой угловой башни войдемъ въ сады, окружающіе всю его сѣверо-западную и западную стороны. Низкое плато, занятое теперь садами, прежде представляло собою рядъ прудовъ, образуемыхъ плотинами, преграждавшими протекающую здѣсь рѣчку Неглинную. Теперь рѣки невидно; она скрыта подъ землей, протекая по проложенной каменной трубѣ, пруды уничтожены, мѣстность сровнена и на ней разбитъ садъ. Въ началѣ столѣтія, въ царствованіе императора Александра I, на мѣстѣ сада были болота и овраги, въ которые окрестные жители сбрасывали всякій соръ, нечистоты, даже павшихъ домашнихъ животныхъ; вся мѣстность представляла собою непроходимыя и непроѣздныя топи и болота. Садъ, названный въ честь Благословеннаго — Александровскимъ, распадается на три части; украшенъ садъ гротами, посрединѣ тянутся липовыя аллеи. Нѣкогда Александровскій садъ служилъ мѣстомъ прогулокъ москвичей. Видъ изъ сада на высокую Кремлевскую стѣну съ башнями и нагроможденными внутри его зданіями, золочеными куполами и крышами, очень хорошъ, въ особенности вечеромъ, при закатѣ солнца. Справа отъ перваго сада—стоитъ громадное зданіе—Экзерциргаузъ, зала котораго съ горизонтальнымъ потолкомъ по своей величинѣ (80 саж. и 20 саж.) величайшая въ мірѣ, а конструкція

деревянныхъ стропилъ, поддерживающихъ этотъ колоссальный плафонъ, замѣчательна въ архитектурномъ отношеніи. Надъ Кремлевской стѣной слѣва высится громадное, тяжелой и скучной своимъ однообразіемъ архитектуры зданіе Арсенала. Въ концѣ сада изъ Кремля ведетъ въ городъ крутой каменный спускъ, имѣющій пологіе пандусы для схода въ садъ и оканчивающійся своеобразной зубчатой башней Кутафьей, служащей какъ-бы древнимъ предмѣстнымъ укрѣпленіемъ для защиты спуска, окруженнаго перилами съ бойницами.

Во второмъ саду, взглянувъ на Кремль, мы остановимъ взоръ нашъ на причудливомъ зеленомъ зданіи, возвышающемся надъ зубчатою стѣною, съ вышками и высокими крышами—это древній Потѣшный дворецъ, въ настоящее время жилище Коменданта Москвы. Съ правой стороны расположены зданія частныхъ лицъ.

Третій садъ, начинающійся у проѣзда въ Боровицкія ворота и идущій къ рѣкѣ, не великъ и въ немъ обращаетъ на себя вниманіе развѣ каменное ядро, вѣроятно для украшенія брошенное у самой Боровицкой башни.

Во всѣхъ Кремлевскихъ садахъ прежде, въ извѣстные дни играла музыка, рабатки и пандусы убирались цвѣтами. Въ 1872 году, въ садахъ устроена была Политехническая выставка, во время которой здѣсь кипѣла жизнь, но съ окончаніемъ выставки, по разборкѣ красивыхъ павильоновъ, въ которыхъ группировались предметы различныхъ отраслей технической промышленности, первый садъ перешолъ въ вѣдѣніе Импер. Общ. Люб. Естествознанія и Антропологіи, которое не утилизировало его, крайне запустило; запущены были, болѣе или менѣе и остальные сады, потомъ они уже не убирались цвѣтами, какъ прежде, и только въ настоящемъ году первый садъ снова поступилъ въ Дворцовое вѣдѣніе. Третьимъ садомъ оканчивается западная сторона Кремля, и мы выходимъ на набережную Москвы-рѣки. Все пространство внѣ южной стороны Кремлевской стѣны, идущей среди зелени бульвара почти у самой рѣки, занято проѣздомъ по набережной и въ обыкновенное время малолюдно. Оживляется оно, наполняясь массами народа, только во

время водосвятій на рѣкѣ, совершаемыхъ огромнымъ сонмомъ духовенства, спускающагося съ высотъ Кремля съ хоругвями и иконами въ устроиваемую временно на рѣкѣ Іордань. Во время Политехнической выставки, въ 1872 году, здѣсь былъ расположенъ Морской отдѣлъ, въ которомъ фигурировалъ „Дѣдушка Русскаго флота", знаменитый ботикъ Петра I, съ громаднымъ торжествомъ встрѣченный Москвой. И мѣсто, для него отведенное, вблизи стѣнъ Кремля, имѣло еще то значеніе, что здѣсь вѣдь, какъ мы увидимъ дальше, въ этихъ стѣнахъ Кремлевскихъ Великій Петръ узналъ и полюбилъ морскую забаву, родившую впослѣдствіи флотъ Россіи. По своей мелководности, рѣка Москва допускаетъ здѣсь плаваніе только шлюпокъ, а потому на спокойныхъ ея водахъ мы можемъ встрѣтить лишь меланхолика-рыболова съ удочками, да подчасъ группы катающихся на лодкѣ и любующихся съ рѣки чуднымъ видомъ на Кремль. И дѣйствительно, есть чѣмъ любоваться. Отражаясь на поверхности воды, предъ вами встаютъ высоты Кремля, окаймленныя внизу потонувшей въ зелени темной, красноватой линіей Кремлевской стѣны, съ причудливыми башнями и изумруднымъ ковромъ крутаго ската горы съ нагроможденными на ней дворцами, группами златоглавыхъ соборовъ и уносящимися въ высь голубаго неба остроконечными шпилями многочисленныхъ башенъ.

Карета, присланная Англійскою королевою Елисаветою царю Борису Іоановичу Годунову.

Двери въ Потѣшномъ дворцѣ.

XI.

По стѣнамъ и башнямъ Кремля.

Значенiе стѣнъ Кремля и бѣглый историческiй очеркъ. — Ихъ сооруженiе и возобновленiя.—Ихъ роль, какъ крѣпостныхъ стѣнъ.—Нынѣшнiй видъ ихъ и протяженiе.—Прогулка по стѣнамъ.— Башня Боровицкая.—Водовзводная.— Благовѣщенская.— Тайницкая, 1 и 2 Безъименныя.— Петра Митрополита.— Угловая.— Беклемишевская.— Константино-Еленинская.— Набатная.— Царская.— Спасская башня.—Ея значенiе.—Часы.—Сенатская.—Никольская.—Угловая Арсенальная.— Троицкая.—Архивъ.—Дворцовый Мостъ.—1 и 2 Конюшенныя.—Видъ съ Боровицкой башни.

Изъ-за Кремлевскихъ стѣнъ, изъ древняго забрала
Глядятъ Богатыри-вѣка......

Вспомнимъ прошлое значенiе Кремлевскихъ стѣнъ, какъ крѣпостной ограды сначала небольшаго городка, состоящаго изъ одного этого мѣста, потомъ, какъ послѣдняго

оплота, какъ цитадели Москвы, а съ ней подчасъ и всей Россіи. Конечно, будетъ интересно въ бѣглыхъ пабраскахъ прослѣдить ихъ перерожденіе до нынѣшняго времени. Сначала обыкновенный сосновый частоколъ, ограждавшій небольшой поселокъ отъ ближнихъ враговъ во время непрерывныхъ войнъ между удѣльными князьями, былъ достаточной защитой при тогдашнихъ способахъ веденія войны и боевыхъ средствахъ осаждающихъ, но вскорѣ для большей прочности ограды частоколъ, при Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ въ 1331 году,—сдѣланъ дубовый, по всему вѣроятію съ башнями и рвомъ впереди. Такимъ образомъ при перенесеніи Великокняжескаго престола въ Кремль, ограду его стараются сдѣлать болѣе стойкою. Но Дмитрій Донской, какъ-бы предчувствуя предстоящее, какъ-бы сознавая, что врагъ, котораго увидитъ Кремль, не остановится передъ стѣной дубовой, повелѣлъ обнести Кремль каменной стѣной. Это была, конечно, кладка изъ бѣлаго камня, такъ какъ кирпичъ становится извѣстнымъ уже значительно позже. Мѣсто и характеръ сооруженія стѣнъ намъ неизвѣстенъ, такъ какъ не сохранилось ни какихъ на то указаній; извѣстно только, что стѣны тогда имѣли гораздо меньшее протяженіе. Сто лѣтъ спустя, волею Іоанна III Кремль былъ обнесенъ стѣной по новому, т. е. расширенъ, и для постановки стѣнъ потребовалось снести многіе дома, вплотную окружавшіе Кремль со всѣхъ сторонъ. Итальянскіе художники во главѣ съ Алевизомъ Фіоравенти, по вызову Іоанна III, приступили къ сооруженію новыхъ каменныхъ стѣнъ и ими же воздвигнуты главнѣйшія башни Кремля: Спасская, Боровицкая, Троицкая и Тайницкая, и по всей вѣроятности нѣкоторыя другія. Относительно другихъ башень слѣдуетъ сдѣлать предположеніе, что онѣ построены русскими мастерами, такъ какъ формы ихъ носятъ на себѣ характеръ деревянныхъ сооруженій. Надо думать, что наши мастера не могли отрѣшиться отъ усвоенныхъ ими въ совершенствѣ формъ деревянныхъ башень, которыя, какъ извѣстно, были построены во множествѣ по стѣнамъ, окружавшимъ самый тогдашній городъ Москву, и отличались своею громадностью, сложностью конструкціи и мастерствомъ исполненія. Плотничное мастерство достигло возможнаго совершенства въ древней деревянной Руси, такъ какъ чудный

свой матеріалъ и постоянная, благодаря пожарамъ, обильная работа этому крайне способствовали. И вотъ думается, что этому-то именно обстоятельству и слѣдуетъ приписать формы нынѣшнихъ небольшихъ башень Кремля.

Будучи возобновлены при Алексѣѣ Михайловичѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и при Александрѣ I, стѣны эти дожили до нашихъ временъ, когда постоянная ихъ реставрація хотя и производится, но во всемъ сохраняется ихъ древній характеръ и стиль. Только окраска ихъ измѣнилась и онѣ изъ бѣлыхъ сдѣлались кирпичнаго цвѣта, для экономіи, что̀, конечно, жаль и вѣроятно, если ихъ пожелаютъ по возможности привести къ первоначальному виду, то не замедлятъ придать имъ величіе, красоту и должный характеръ чрезъ окраску вновь бѣлой краской.

Не разъ, въ долгій періодъ жизни Кремля, стѣны его сослужили службу и защитили спасавшихся за ихъ твердынями Москвичей, хотя не разъ-же твердыни эти не могли выдержать натиска несмѣтнаго врага, а въ 1612 году они уже защищали не русскихъ, а враговъ ихъ—поляковъ, засѣвшихъ подъ защитою зубчатыхъ стѣнъ въ Кремлѣ. Во время частыхъ пожаровъ башни Кремля тоже служили свою службу. Съ нихъ давали знать набатомъ всполошными колоколами о мѣстѣ пожаровъ. На Ивановской колокольнѣ помѣщался наблюдательный пунктъ, а на башняхъ: Спасской, Тайницкой и Троицкой били въ набатъ. „Будетъ загорится въ Кремлѣ, бить во всѣ три набата въ оба края, поскору. Будетъ загорится въ Китаѣ, бить въ одинъ Спасскій набатъ въ одинъ край, скоро-же. Будетъ—въ Бѣломъ городѣ, въ Спасскій набатъ въ оба края потише и въ набатъ, что на Троицкомъ мосту, въ оба края потише. Въ Земляномъ городѣ,—въ набатъ на Тайницкой башнѣ, въ одинъ край, тихимъ обычаемъ, бить разваломъ, съ разстановкою.“

Въ настоящее время Кремлевскія стѣны раскинуты на протяженіи 2-хъ верстъ 40 сажень и, какъ бы слѣдя за очертаніемъ Кремлевскаго холма, то спускаются вглубь, то подымаются на самый холмъ, и образуя неправильный треугольникъ съ длиною южной части 300 саж., восточной 350 саж. и западной 390 саж., при толщинѣ отъ 6 до 8 аршинъ; стѣны наверху увѣнчаны непрерывнымъ на всемъ протяженіи рядомъ зубцовъ, съ ходомъ (4 аршина) и па-

рапетомъ; ходъ по стѣнамъ уложенъ квадратными плитами со скатомъ и лѣстницами при переломѣ, а въ самой толщинѣ ихъ часто можно встрѣтить корридоры и теперь; а въ былое время въ нихъ же помѣщались такъ называемые застѣнки, каморы, ямы для преступниковъ. У внутренней подошвы ихъ были расположены навѣсы и погребки для снарядовъ и пороха. На протяженіи стѣнъ высится 19 башень различныхъ высотъ, формъ и стилей. Пять угловыхъ башень имѣютъ проѣздныя ворота, изъ которыхъ одинъ проѣздъ, чрезъ Тайницкую башню у рѣки Москвы, открытъ только для пѣшеходовъ. Три башни, помѣщенныя въ углахъ неправильнаго треугольника, образуемаго всѣми стѣнами, своей круглой формой въ планѣ рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ другихъ. Познакомившись болѣе или менѣе съ общимъ характеромъ стѣнъ и башенъ Кремля, я предложу читателю сдѣлать со мной прогулку по стѣнамъ; времени на это мы потратимъ не много, а то, что̀ увидимъ на стѣнахъ и со стѣнъ, вполнѣ вознаградитъ и любителя старины и простаго любознательнаго туриста. Въ дѣйствительности на прогулку эту, взбираясь только на нѣкоторыя башни и не останавливаясь по долгу на созерцаніи чудныхъ разнообразныхъ картинъ, разстилающихся во множествѣ со стѣнъ,—необходимо около двухъ часовъ; зимой прогулка по стѣнамъ крайне неудобна. Для прогулки по стѣнамъ необходимо заручиться позволеніемъ отъ дворцоваго начальства. Начнемъ прогулку съ починнаго пункта Москвы—Боровицкой башни (высота 28 саж.), построенной итальянцемъ Петромъ Антоніемъ Получивъ свое названіе отъ покрывавшаго эту мѣстность лѣса (боръ), башня и ворота при ней, не удержали оффиціальнаго переименованія ихъ въ Предтеченскія, извѣстныя и теперь подъ именемъ Боровицкихъ.

Поклонившись образу въ часовнѣ, помѣщенной въ 1-мъ этажѣ башни, чрезъ дверь, слѣва ея, входятъ по витой лѣстницѣ внутрь башни. Лѣстница ведетъ во 2-й этажъ, гдѣ помѣщена одна изъ 9 дворцовыхъ церквей Іоанна Предтечи, перенесенная сюда по сломкѣ старинной церкви Іоанна Предтечи, находившейся противъ нынѣшняго дворца и называвшейся «подъ боромъ». Въ ней происходитъ служба одинъ разъ въ годъ, въ храмовой праздникъ, когда можно услышать звонъ въ колокола, помѣщенные въ 3-мъ этажѣ.

По выходѣ на платформу стѣнъ, взглядъ невольно остановится на картинѣ, которая открывается передъ вами, на верхнее теченіе рѣки Москвы, храма Спасителя и часть города по сю и по ту сторону рѣки. Не будемъ останавливаться здѣсь долго, а пройдемъ въ близъ-лежащую угловую круглую Водовзводную башню, силуэтъ которой вырѣзывается предъ вами въ синевѣ неба. Башня эта имѣетъ за собой въ прошломъ тѣ заслуги, что на ней былъ устроенъ первый въ Москвѣ водопроводъ и изъ баковъ, поставленныхъ въ верхнихъ ярусахъ ея, была проведена вода въ сады, зимніе, лѣтніе, верховые и низовые, помѣщавшіеся по скату Кремлевскаго холма, въ которыхъ находились цѣлые водные бассейны. Но объ нихъ—послѣ, а теперь, бросивъ еще разъ взглядъ на башню и замѣтивъ еще, что въ ней въ 1856 году сохранялись сокровища, вывезенныя изъ Петербурга, и что башня эта была возобновлена послѣ разбитія ея молніей,—мы направимся вдоль южной стѣны. Здѣсь царствующая тишина, плѣсень и мохъ, покрывающіе кладку стѣнъ, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей прошлаго, въ зубцы которыхъ проглядываетъ свѣжая зелень окружающей стѣны,—пестрыя тѣни, бросаемыя яркимъ солнцемъ на поверхность кладки,—все это сливается въ картинѣ, даетъ пищу поэтическому чувству, будитъ воспоминанія старины и невольно тянетъ все дальше и дальше вдоль пестраго ряда зубцовъ по скользкой и сырой платформѣ. Вы какъ бы надѣетесь, что не здѣсь, а гдѣ-то дальше встрѣтите отвѣтъ на мучащіе васъ вопросы, насытите ваше возбужденное чувство и встрѣтите вновь что-либо интереснѣе. Мирно позваниваютъ ключи въ рукахъ провожающаго васъ старика—солдата, скрипитъ какъ-то болѣзненно на заржавленныхъ петляхъ тяжелая желѣзная дверь, и васъ обдаетъ могильнымъ холодомъ. При входѣ въ Благовѣщенскую башню слѣва прилѣпилась къ ней покосившаяся на сторону небольшая церковка—Благовѣщенія на Житномъ дворѣ, колокольней, для которой и жильемъ причта служитъ сама башня. Преданіе гласитъ, что здѣсь на стѣнѣ явилась Чудотворная икона Благовѣщенія, въ память чего и построена церковь. Пройдя узкимъ корридоромъ чрезъ башню и минуя лѣстпицу слѣва, ведущую въ церковь, мы выйдемъ снова на стѣну, идущую изломомъ среди зелени деревьевъ, ласкающихъ своими вѣт-

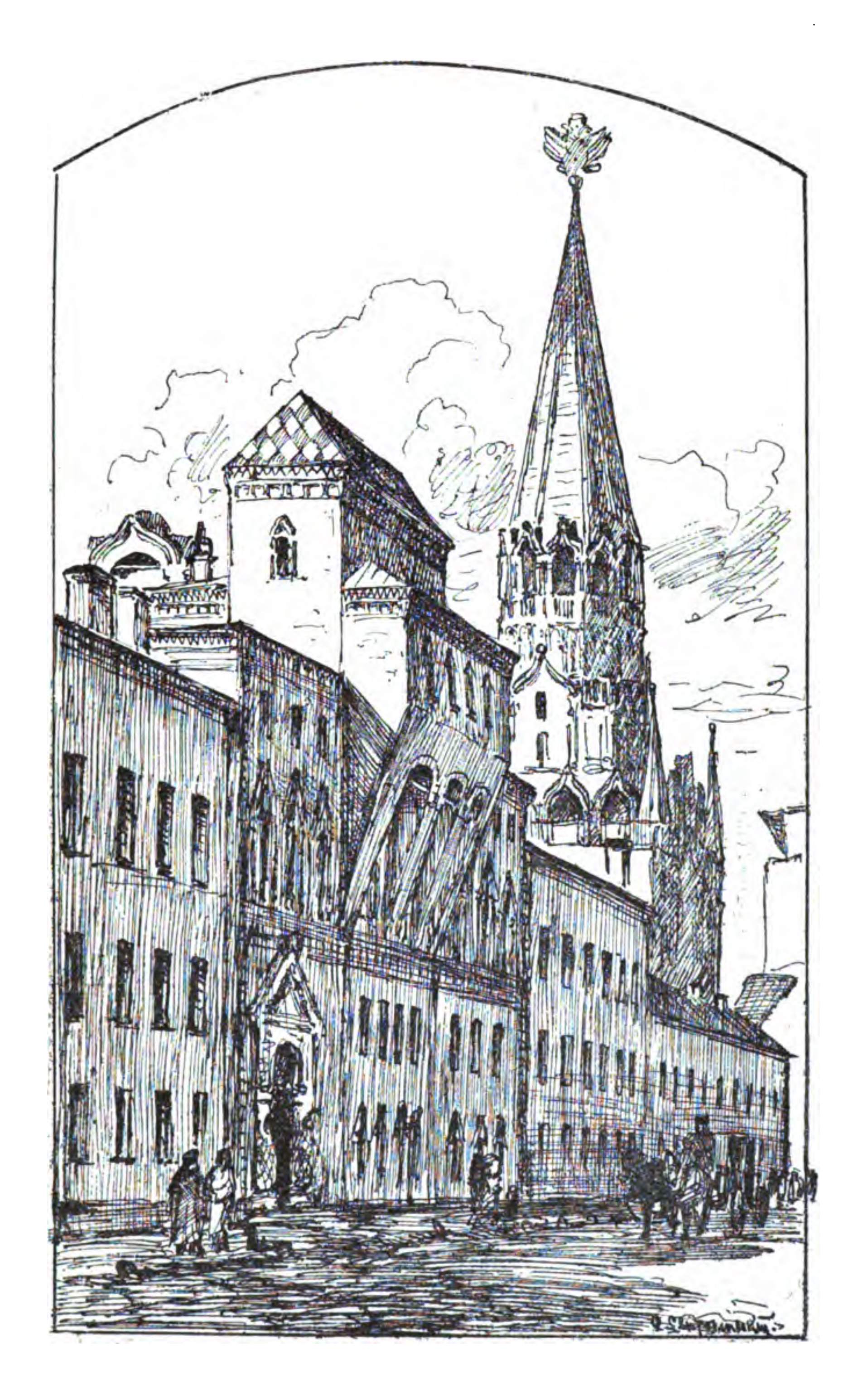
вями холодную стѣну. Предъ нами одинъ изъ памятниковъ глубокой старины, одна изъ старѣйшихъ башень — башня Тайницкая, съ воротами подъ ней, открытыми только для пѣшеходовъ. Построена она итальянскимъ зодчимъ Антоніемъ и впослѣдствіи нѣсколько разъ реставрировалась. Названіе свое получила, по всему вѣроятію, отъ того, что въ ней находился потайной, скрытый колодезь, и нѣтъ серьезнаго основанія придавать значенія молвѣ, приписывающей это названіе существовавшему, будто бы, здѣсь потайному ходу изъ Кремля. Колодезь, о которомъ я говорю, есть и теперь; конечно онъ потерялъ свое значеніе, а между тѣмъ въ былыя времена, при осадахъ Кремля, онъ долженъ былъ играть чрезвычайно важную роль, снабжая осажденныхъ водою, которой нѣтъ болѣе во всемъ высокостоящемъ Кремлѣ. Вотъ чѣмъ можетъ быть объяснено главное значеніе башни, заложенной прежде всѣхъ другихъ. Съ выступа къ рѣкѣ, вся южная стѣна была обстрѣливаема и тѣмъ затруднены подступы. Вотъ объясненіе того факта, что въ исторіи ни разу не упоминается о подступахъ враговъ съ этой стороны. Подлѣ башни находился прежде старинный Черниговскій соборъ. На платформѣ, выступающей къ рѣкѣ пристройки, помѣщаются орудія, изъ которыхъ производятся салюты въ высокоторжественные дни; а 6 января и 1 августа сквозь эти ворота проходитъ величественная процессія съ хоругвями, крестами, иконами, сопровождаемыми многочисленнымъ духовенствомъ, изъ соборовъ Кремля, направляющаяся къ рѣкѣ, на Іорданскую сѣнь для водосвятія.

За Тайницкой башней, по направленію нѣсколько изломанному тянется стѣна съ тремя небольшими башнями: 1-й и 2-й Безъимянной и Петра Митрополита. Картины, открывающіяся при переломахъ стѣны и при выходѣ изъ башень, представляютъ массу пищи для художниковъ и невольно просятся на полотно. Весьма жаль, если эти чудные уголки не выйдутъ на свѣтъ Божій и не будутъ увѣковѣчены кистью даровитаго, мыслящаго и чувствующаго художника. Сочетаніе молчаливаго, мертваго спокойствія этихъ каменныхъ, покрытыхъ мохомъ и плѣсенью громадъ, окутанныхъ свѣжею зеленью садовъ, этихъ башень, поддавшихся вліянію суроваго климата съ обвалившеюся мѣстами штукатуркой и оковами - черепицами, съ синевой неба и прозрачностью

воздуха — невольно вызоветъ творческую силу мастера и выльется въ формы для ряда чудныхъ, богатыхъ содержаніемъ и колоритомъ картинъ. Я уже говорилъ, что нѣкоторыя башни Кремля сохранили на себѣ слѣды архитектуры деревянной. Взгляните на эти башни южной стѣны, и вы должны будете согласиться со мной. Эти шатрообразныя покрытія, эти окна, расположенныя въ разбивку, эти выступы съ обходомъ вокругъ верхушекъ — развѣ это не есть формы, присущія сооруженію изъ дерева? Но пусть люди, занимающіеся исторіей русскаго зодчества, скажутъ свое компетентное слово и рѣшатъ этотъ интересный для науки вопросъ, а мы будемъ любоваться только этими башнями и ждать ихъ рѣчи и доказательствъ противнаго.

Минуя башню Митрополита Петра, названную такъ по церкви, здѣсь когда-то находившейся, предъ нами обрисуется чрезвычайно стройный силуэтъ угловой круглой Беклемишевской или Свибловской башни. Узкій проходъ, у самыхъ зубцовъ, ведетъ прямо во 2-й этажъ, гдѣ изъ трехъ оконъ, выходящихъ наружу, открываются три картины, одна другой привлекательнѣе по богатству перспективы, уходящей по рѣкѣ вдаль. Столь же узкая, какъ и проходъ, но очень крутая каменная лѣстница ведетъ въ слѣдующій ярусъ башни и на болѣе возвышенную часть восточной стѣны Кремля, подымающейся уступами по скату горы. Здѣсь мы встрѣчаемъ первую на восточной сторонѣ башню Констаптино-Еленинскую, названную такъ по церкви Царя Константина и Царицы Елены, находящейся внутри Кремлевской ограды. Въ этомъ юговосточномъ углу Кремля, гдѣ нынѣ расположенъ дровяной дворъ, когда-то близъ самой башни стоялъ Разбойничій Приказъ, а въ самой стѣнѣ, въ толщѣ ея помѣщались тѣ страшные застѣнки, отъ которыхъ къ счастью сохранились одни воспоминанія. Здѣсь же находились, теперь уничтоженные, но имѣвшіе важное значеніе въ прежніе годы проѣздные ворота. Къ нимъ вела такъ называемая Великая улица, по которой, какъ говоритъ сохранившееся преданіе, Дмитрій Донской велъ свои дружины изъ Кремля на поле Куликовское. Теперь нижній ярусъ башни занятъ служащими при Кремлевскомъ Дворцѣ.

Далѣе вверхъ по стѣнѣ, стоитъ башня Набатная. Въ верхнемъ ея ярусѣ висѣлъ набатный колоколъ, перелитый

Улица въ Кремлѣ.

изъ разбившагося Спасскаго колокола и помѣщенный сюда по именному повелѣнію императора Петра I въ 1714 году. Во время страшной чумы 1771 года участники мятежа звономъ въ него собирали въ Кремль толпы обезумѣвшаго народа. Какъ-бы за это колоколъ, по приказанію императрицы Екатерины II, былъ снятъ, языкъ отнятъ и колоколъ помѣщенъ въ складъ, а послѣ перенесенъ въ Оружейную Палату, гдѣ находится и до нынѣ. Нужно замѣтить, что въ старину набатные колокола висѣли на Спасской, Троицкой, Боровицкой и Тайницкой башняхъ и звонъ ихъ имѣлъ свой регламентъ и свое значеніе. Вообще было приказано звонить въ набатъ въ случаѣ пожаровъ, столь частыхъ въ тогдашней деревянной Москвѣ; каждой части города соотвѣтствовалъ набатъ на извѣстной опредѣленной башнѣ и даже характеръ звона былъ для каждой части города опредѣленъ особый. Колокола набатные назывались иногда всполошными и вѣчевыми, по звуку которыхъ народъ собирался на вѣче, и такими колоколами обладали многіе города на Руси. Царская башня, построенная по типу совершенно несходному съ другими башнями, имѣетъ характеръ скорѣй какой-то сѣни; эта башня, находящаяся на верхней площадкѣ стѣны, по всему вѣроятію болѣе позднѣйшей постройки. Очень можетъ быть, что было сооружено сначала просто небольшое, крытое царское мѣсто, замѣненное потомъ каменной постройкой того же характера. Говорятъ, что отсюда царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный слѣдилъ за постройкой церкви Василія Блаженнаго. Отсюда-же, кажется, смотрѣли царицы и царевны на крестные ходы, въ особенности на шествіе въ Вербное Воскресенье Патріарха на осляти, при чемъ, какъ извѣстно, самъ государь велъ подъ уздцы патріаршаго коня. Не опровергая этого, я упомяну еще о другомъ преданіи, гласящемъ, что здѣсь на сохранившихся, крестообразно съ угла на уголъ положенныхъ деревянныхъ бревнахъ висѣлъ набатный колоколъ.

Но вотъ предъ нами во всей своей величавой красѣ возносится стройнымъ силуэтомъ Спасская башня, называвшаяся прежде Флоровскою, отъ находившейся здѣсь церкви Флора и Лавра, а также Іерусалимскою. Бѣглый очеркъ ея исторіи познакомитъ читателя съ тѣмъ значеніемъ, какое она пріобрѣла, благодаря роли, которую играла въ исто-

ріи. „Іоаннъ Васильевичъ, Божіею Милостію Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской, Псковской, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ и всея Россіи Государь, въ лѣто 30 государствованія своего, сіи башни повелѣлъ построить, а дѣлалъ Петръ Антоній Соларій Медіоланецъ, въ лѣто отъ воплощенія Господня 1491“,—такъ гласитъ надпись, до сихъ поръ сохранившаяся надъ воротами со стороны Кремля. Конечно, башня, при построеніи, имѣла другую форму, но все таки извѣстно, что уже съ той поры верхушка была увѣнчана орломъ. Въ 1626 году, по повелѣнію Михаила Ѳеодоровича, она была перестроена на новую, въ видѣ высокой башни, англичаниномъ Галовеемъ, устроившимъ въ ней и новые часы на мѣсто старыхъ. Не лишне замѣтить, что часы того времени были сдѣланы такъ, что показывали только время отъ восхода до захода солнца и число денныхъ часовъ достигало лѣтомъ до 17. (Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, единственные такіе часы временъ Іоанна Грознаго съ тѣмъ же счетомъ сохранились въ женскомъ монастырѣ города Александрова, бывшей Александровской слободы, куда гнѣвный государь удалялся съ опричиною изъ опальной столицы). По повелѣнію Петра, ихъ передѣлали въ новыя, съ раздѣленіемъ на 12 часовъ; но часы эти, устроенные по Амстердамски „съ танцы“ испорчены были пожаромъ въ 1737 году, послѣ чего и были замѣнены новыми. Теперешніе часы поставлены фирмой Бутенопъ, имѣютъ 33 колокола и исполняютъ 2 пьесы: въ 12 час. и 6 часовъ „Преображенскій маршъ“ и въ 3 и въ 9 ч. „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Заунывный тонъ и какой-то нервный характеръ музыки вызываютъ чрезвычайно странный откликъ въ сердцѣ, невольныя мечты и представленія. Спасская башня, со времени ея постройки, возобновлялась нѣсколько разъ; еще очень недавно архитекторъ Герасимовъ произвелъ очень искусную ея реставрацію и изъ-подъ его рукъ вышла она въ той дѣйствительно плѣнительной красѣ, которою всѣ теперь любуются и восхищаются. Девять ярусовъ башни совершенно различны по типу, но удивительно какъ гармонируютъ въ общемъ и насколько тяжелые и простые съ виду низы даютъ мощь и силу основанію ея, насколько легкость переходовъ отъ яруса къ ярусу, ажур-

ная рѣзьба деталей и вычурность и обиліе украшеній, способствуютъ полету въ высь неба ея остроконечнаго шпиля, достигающаго высоты $23^1/_2$ сажени. Самый стиль башни— Ломбардской готики съ ея ажурными кружевами, высѣченными изъ бѣлаго камня на темно-красномъ фонѣ массива- башеньки, арочки и огромной золоченый орелъ на вершинѣ, какъ бы способствуетъ неудержимому стремленію все выше и выше къ чему-то недостигаемому—святому, и напоминаютъ собою сооруженія города Милана далекой родины ея перваго строителя. Передъ образомъ Спасителя, помѣщеннымъ на наружной сторонѣ башни, вѣчно теплится неугасимая лампада, и всякій проходящій чрезъ ворота башни снимаетъ шапку. Это вошло въ обычай, строго сохраняемый до сихъ поръ, съ того времени, какъ это было указано повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича.

Среди многихъ историческихъ событій, Спасскія ворота играли важную роль. Ворота эти считались главными изъ всѣхъ Кремлевскихъ и какъ бы святыми. Всѣ крестные ходы изъ Кремля шли чрезъ эти ворота, всѣ торжественные въѣзды государей Россіи передъ обрядомъ Коронованія, начиная со встрѣчи царя Михаила Ѳеодоровича Романова, направлялись въ эти ворота. Чрезъ эти же ворота вносимы были многія святыни, находящіяся нынѣ въ Кремлѣ. Здѣсь встрѣчены были Мощи царевича Димитрія, принесенныя изъ Углича, Св. Филиппа Митрополита, Св. Патріарха Іоны и иконы Владимірской Божіей Матери, Новгородскаго Спаса Вседержителя и другія.

Въ 1812 году башню спасли неустрашимые Донскіе казаки, потушивъ уже зажженные фитили, проведенные отступающими Французами къ пороховой каморѣ для взрыва башни. На образъ Спасителя молились осужденные на смерть преступники, казнь которыхъ совершалась на Красной площади у Лобнаго мѣста въ виду Спасской башни. Къ башнѣ велъ прежде, чрезъ бывшій здѣсь ровъ, — каменный мостъ, на которомъ производилась торговля, собиралось неимѣющее мѣста духовенство и сидѣли и распѣвали свои заунывныя пѣсни убогіе, калѣки и слѣпые нищіе. Теперь ни рва, ни моста не существуетъ, мѣсто расчищено и по бокамъ башни съ наружной стороны построены двѣ часовни, усердно посѣщаемыя богомольцами.

*

Вотъ довольно полное знакомство съ прошлымъ и настоящимъ Спасской башни. Интересующимся же устройствомъ часовъ, а также любителямъ видовъ, можно посовѣтовать подняться на самую башню — трудъ громадный, такъ какъ лѣстницы крутыя, хотя и исправны. Отъ всѣхъ 33 колоколовъ проведена паутина проволокъ къ общему барабану часоваго механизма и, во время боя часовъ, все это приходитъ въ движеніе. Видъ какъ съ платформы выступа, такъ и въ особенности съ верхнихъ ярусовъ башни вполнѣ вознаградитъ за трудъ всхожденія на башню, откуда развертывается панорама города во всей своей обширности и красотѣ.

Отъ Спасской башни по прямому направленію тянется стѣна до башни Никольской, отдѣляя Красную площадь отъ зданія, сперва стариннаго Вознесенскаго женскаго монастыря, а потомъ зданія бывшаго Сената. Чрезвычайно своеобразный видъ представляютъ монастырскія зданія съ ихъ галлерейками, лѣсенками и окнами мирныхъ келлій, гдѣ жизнь по обѣту течетъ въ тишинѣ, воздержаніи, молитвахъ и отчужденіи отъ міра другаго—свѣтскаго, который, тутъже за стѣной, кипитъ суетой житейской и шумомъ своимъ нарушаетъ покой и уединеніе монашествующихъ. Средина стѣны между Спасскими и Никольскими воротами занята Сенатскою башнею, ничѣмъ впрочемъ особеннымъ не замѣчательною, а за ней уже бѣлѣетъ серьезно-строгая готическая башня Никольская, съ воротами подъ ней. Бѣлый колеръ окраски, Никольской башни вполнѣ идетъ къ ея формамъ и деталямъ стиля—Нѣмецкой готики. Башня эта тоже въ 1812 году была взорвана и уцѣлѣлъ только 1-й ярусъ съ иконой, на ней находящейся и понынѣ; объ этомъ событіи свидѣтельствуетъ надпись, помѣщенная подъ иконой со стороны Красной площади. Вскорѣ по выходѣ французовъ изъ Москвы, башня была возобновлена, придерживаясь старыхъ ея формъ, а въ 1881 году она вновь была реставрирована и, съ наружной ея стороны, на пожертвованіе г. Корзинкина сооружены двѣ новыя часовни. Надъ въѣздомъ въ ворота помѣщена икона Николая Чудотворца, передъ которою теплется всегда неугасимая лампада. Полюбовавшись этимъ памятникомъ готическаго стиля, который рѣдко можно встрѣтить у насъ на Руси въ

примѣненіи къ архитектурѣ башенъ, мы должны будемъ спуститься со стѣнъ внутрь Кремля, такъ какъ проходъ чрезъ башню, какъ и все ея внутреннее пространство, занято Архивомъ старинныхъ бумагъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Еслибы не это препятствіе, то Кремль возможно было бы обойти весь по стѣнамъ, нигдѣ не сходя на землю. Спустившись по крутой лѣстницѣ, помѣщенной въ самой толщѣ стѣны, мы изъ воротъ, чрезъ желѣзную дверь, снова поднимемся на стѣну, чтобы продолжать наше путешествіе. Здѣсь слѣва громады арсенала, а справа зданіе Историческаго Музея — бросаютъ постоянную почти тѣнь на поверхность стѣны и потому всѣ камни покрыты плѣсенью и лишаями. Васъ обдаетъ какимъ-то холодомъ и вы стараетесь пройдти этотъ небольшой промежутокъ скорѣй и достигнуть третьей Круглой Угольной Арсенальной башни, которая заканчиваетъ собой Сѣверо-восточную часть Кремлевской ограды. Башня эта замѣчательна потому, что въ ней помѣщались резервуары съ водой старыхъ Московскихъ водопроводовъ, очемъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся чертежи и планы. Теперь эта башня ничѣмъ не занята и мало чемъ обращаетъ на себя вниманіе. Извѣстно только, что изъ этой башни шла въ толщѣ стѣны лѣстница, въ настоящее время уничтоженная. У башни справа примыкаетъ старинная полуразрушенная чугунная рѣшетка съ золочеными украшеніями, рѣшетка эта отдѣляетъ Александровскій садъ отъ Городской площади, съ фонтаномъ предъ входомъ въ ворота сада. Пріятное чувство простора и свѣжаго воздуха обхватываетъ васъ, когда вы у самой Угловой башни поворачиваете на Западную сторону Кремля. Слѣва безконечный рядъ оконъ громаднаго Арсенала уходитъ въ даль и заканчивается башней Троицкой; у ногъ вашихъ шумятъ деревья и пестрѣютъ дорожки 1-го Александровскаго сада, а дальше нагромождаются городскія зданія разныхъ колеровъ и формъ. Какъ-то легче, свободнѣе, теплѣе дышется; вы идете, любуясь на измѣняющуюся съ каждымъ шагомъ понораму города.

Пройдя и взглянувъ мелькомъ на башню Арсенальную, мы приблизились къ одной изъ пяти главныхъ башенъ Кремля, башнѣ Троицкой, съ воротами подъ ней. Построенная при Іоаннѣ III итальянскими мастерами, башня

эта нѣсколько разъ реставрировалась и перемѣняла свое назначеніе, но и до сихъ поръ сохранила прекрасный стиль ломбардской готики съ ея вычурными высѣченными изъ камня украшеніями верхнихъ ярусовъ. Высокій шпиль башни увѣнчанъ громаднымъ металлическимъ золоченымъ орломъ. Высота башни, около 30 саженей, особенно выказывается, благодаря значительно низкому положенію, у ея подошвы, Кремлевскаго сада. Чрезъ весь садъ къ башнѣ идетъ Каменный мостъ, имѣющій по сторонамъ пандусы и лѣстницы въ садъ, громадныя помѣщенія подъ самымъ проѣздомъ, и оканчивающійся башней Кутафья. На этомъ мѣстѣ въ былые годы существовалъ мостъ чрезъ протекавшую здѣсь рѣчку Неглинку и назывался Старымъ Каменнымъ мостомъ. Надо думать, что это былъ первый каменный мостъ въ Москвѣ, такъ какъ прежде всѣ мосты были деревянные, а старинный Каменный мостъ на Москвѣ рѣкѣ, теперь измѣненный, былъ сооруженъ гораздо позднѣе.

Башня Троицкая теперь занята Дворцовымъ архивомъ, заключающимъ въ себѣ замѣчательные документы и старыя дѣла дворцоваго вѣдомства, дающія богатый матеріалъ какъ для серьезныхъ историческихъ изслѣдованій, такъ и для составленія историческихъ романовъ, авторы которыхъ постоянно пользуются дѣлами архива. Архивъ приведенъ въ порядокъ, частью составлены алфавиты, списки дѣлъ, что̀ значительно облегчаютъ труды ученыхъ и литераторовъ, доступъ которымъ къ дѣламъ по возможности упрощенъ, благодаря существующему при архивѣ штату служащихъ, основательно знакомыхъ съ богатымъ матеріаломъ, находящимся въ ихъ вѣдѣніи. Поверхностный осмотръ его, для людей незаинтересованныхъ, не представитъ ни чего особеннаго, да и архивъ не всегда доступенъ.

Верхній ярусъ башни въ былые годы былъ занятъ помѣщеніемъ набатнаго колокола для звона во время пожаровъ. Послѣ здѣсь были устроены часы съ боемъ,— курантами, игравшими „Боже Царя храни“ во время похоронъ знаменитыхъ людей, такъ напр. Графа Захара Григорьевича Чернышева. Часы эти съ музыкой были вѣроятно Голландской работы, что доказываютъ сохранившіеся отъ нихъ четыре колокола, перемѣщенные теперь къ часамъ на Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ. Судя по прекрасному тону этихъ

колоколовъ,—подобранныхъ подъ аккордъ, слышный явственно очень далеко, среди тишины, царствующей въ Кремлѣ ночью,—вѣроятно музыка часовъ была дѣйствительно хороша. Видъ съ оконъ верхнихъ ярусъ башни чрезвычайно обширенъ, и стоитъ труда подняться на башню, чтобы имъ насладиться и оцѣнить его.

Спустившись снова на стѣну, мы увидимъ слѣва внутренній дворъ Потѣшнаго Дворца и можемъ любоваться какъ на самый дворецъ, съ его вышками, выступами, арочками и вычурной, старинной, расписный отдѣлкой наличниковъ оконъ, а справа на роскошной зеленый коверъ Александровскаго сада, разстилающагося у ногъ нашихъ на глубинѣ почти 8 саженей. Минуя Потѣшный дворецъ и двѣ башни Конюшенную и Оружейную, изъ которыхъ въ одной помѣщаются резервуары, снабждающіе водой Кремль, а другая не занята ни чѣмъ, и полюбовавшись ихъ характерными формами съ выступными балконами вокругъ—мы придемъ, наконецъ, снова къ башнѣ Боровицкой, отъ которой и начали наше путешествіе. Невозможно, однако скоро оторвать глазъ отъ вида—на рѣку Москву, домъ Пашкова, храмъ Спасителя и пеструю массу домовъ,—разстилающагося съ балкона башни. Вы невольно остановитесь здѣсь подольше пока есть у васъ время, пока усталость, отъ долгой прогулки и массы видѣннаго вами, не возьметъ свое и заставитъ спуститься снова на землю, чтобы запастись силами на осмотръ всего, что̀ хранятъ внутри себя только что обойденныя Вами стѣны Престольнаго Кремля.

Царь-Колоколъ.

XII.

Прогулка по Кремлю.

Прогулка по площадямъ Кремля отъ Спасскихъ воротъ къ рѣшеткѣ. — Видъ на Замоскварѣчье. — Время его осмотра. — Воспоминаніе о прошломъ Нижняго Кремлевскаго сада. — Плацъ-парадъ, его прошлое и будущее назначеніе. — Окружающія его зданія. — Царь-колоколъ. — Соборная площадь. — Храмы и зданія ее окружающіе. — Царь-пушка. — Сенатская площадь. — Орудія, взятыя въ 1812 году. — Зданія на площади. — Улицы въ Кремлѣ. — Парадный дворъ. — Нижній Кремлевскій садъ.

Кто бы вы ни были, читатель, — русскій ли, иностранецъ ли, — послѣдуйте совмѣстно со мной по освященному давностью обычаю, обнажимъ головы наши передъ образомъ Спасителя на древнихъ Спасскихъ воротахъ и, пройдя подъ башней, войдемъ внутрь стараго Московскаго Кремля. Я поведу васъ, — пробуждая воспоминанія прошлаго, ознакомливая съ настоящимъ, указывая на замѣчательное существующее и удерживая тамъ гдѣ нужно и сколько нужно по площадямъ и между зданіями Кремля.

Уже на башнѣ пробило 3 часа и куранты продолжаютъ играть „Коль славенъ нашъ Господь“. Значитъ — лучшее время дня, чтобы любоваться дѣйствительно очаровательнымъ видомъ изъ Кремля на разстилающійся у ногъ его городъ, освѣщенный лучами склоняющагося къ западу солнца. Хотя утро и даже полдень могутъ быть избраны для этой цѣли, но вечеръ отъ 3 и до 6 часовъ лѣтомъ—время самое лучшее.

Если бы было возможно, по выходѣ изъ Спасскихъ воротъ, повернуть налѣво и слѣдовать, опустивъ глаза въ землю, чрезъ площадь къ рѣшеткѣ, окаймляющей гребень горы и потомъ сразу окинуть взоромъ открывшуюся передъ вами картину,—то впечатлѣніе достигло бы эффекта необычайнаго и моментъ этотъ остался бы памятенъ на всю жизнь. Но площадь такъ велика, желаніе поскорѣе увидить чудную картину такъ сильно,—что вы по неволѣ гораздо ранѣе подымете глаза и только ускорите шагъ, чтобы взору больше и шире дать возможность обхватить грандіозную картину. На первомъ планѣ какъ бы въ рамкѣ, образуемой зубчатою стѣною съ башнями, изгибаясь у самыхъ стѣнъ катитъ свои воды Москва-рѣка, уходящая въ извилинахъ на западъ къ синѣющимъ вдали высотамъ, а на востокъ теряясь въ массѣ городскихъ зданій. За нею широко раскинулась масса зданій, крышъ, переулковъ мирнаго Замоскворѣчья. Справа, на самомъ берегу рѣки, среди зданій города, бѣлѣетъ громада пятиглаваго Храма Спасителя, на колоссальномъ золотомъ куполѣ котораго ярко горятъ и играютъ лучи солнца, отражаясь въ замѣчательно чистой и плотной позолотѣ. Гранитные полукруги оканчиваютъ возвышенность на которой онъ стоитъ, а широчайшая лѣстница съ уступами ведетъ отъ Храма на рѣку къ устроенному на ней басейну для водосвятій. Видъ на этотъ величавый храмъ, воздвигнутый въ память освобожденія Россіи отъ нашествія „двунадесяти языковъ“ въ 1812 году, по повелѣнію Императора Александра I, великолѣпенъ утромъ, когда лучи восходящаго солнца ярко играютъ на позолотѣ куполовъ собора, а бѣлая громада самаго зданія еще тонетъ въ дымкѣ утренняго тумана. Соборъ построенъ по плану архитектора Тона и внутренность самаго зданія поражаетъ посѣтителя громадностью, стройностью и соразмѣрностью частей и богатствомъ отдѣлки.

Если взглянуть лѣвѣе храма, по направленію уходящей вдоль рѣки, то далеко на горизонтѣ, въ синевѣ тумана, мы увидимъ покрытые рѣдкимъ лѣсомъ крутые скаты знаменитыхъ Воробьевыхъ горъ. Здѣсь любимое гулянье Москвичей, откуда они à vol d'oiseau видятъ весь громадный городъ, растянувшійся на 100 квадратныхъ верстъ. Здѣсь же иностранцы по цѣлымъ часамъ стоятъ обозрѣвая чуждую имъ, но замѣчательную картину столицы далекаго сѣвернаго могучаго царства. Рѣдкій иностранецъ, бывши въ Москвѣ не посѣщалъ Воробьевыхъ горъ, куда непремѣнно ѣздятъ также особы царственныхъ домовъ Европы, при посѣщеніи ими первопрестольной столицы Москвы.

Ближе къ городу, за рѣкой, тонетъ въ зелени чуднаго Нескучнаго сада Александрійскій дворецъ, а рядомъ съ нимъ виднѣется цѣлый рядъ громадныхъ зданій: больницъ, богадѣленъ и училищъ.

Окинувъ взоромъ все пространство, одной изъ частей Москвы, Замоскварѣчья, съ его множествомъ церквей и колоколенъ, мы уже въ окраинахъ города увидимъ двѣ небольшія крѣпостцы,—это старинные монастыри Донской и Даниловъ, въ которомъ лежитъ тѣло перваго князя Московскаго Даніила, а въ монастырской оградѣ похоронены Н. В. Гоголь, Венелинъ, Н. Г. Рубинштейнъ и многія другіе, болѣе или менѣе извѣстныя лица. За монастырями еще лѣвѣе на высокомъ берегу рѣки, теряясь во мглѣ, бѣлѣютъ церкви и башни древняго села Коломенскаго, когда-то лѣтней резиденціи Царей русскихъ, резиденціи — оспаривающей и теперь у Москвы право считаться мѣстомъ рожденія Петра Великаго.

Еще лѣвѣе къ востоку, по сю сторону рѣки, возвышается усѣянная зданіями и церквами Швивая горка, видъ съ которой на Кремль утромъ восхитителенъ. За ней на самомъ берегу рѣки ближе къ Кремлю бѣлѣетъ колоссальное зданіе Воспитательнаго дома, гдѣ находятъ себѣ пріютъ тысячи дѣтей, по разнымъ причинамъ покинутыхъ своими родителями. Это одно изъ замѣчательныхъ, полезныхъ и достойныхъ осмотра, учрежденій Великой Екатерины. Еще ближе видны только крыши Московскаго Сити—Китай города, уже доходящаго до самой стѣны Кремля. Вотъ картина, на которую можно долго любоваться. Здѣсь можно

встрѣтить постоянно посѣтителей, и даже Москвичъ, которому все это знакомо, не одинъ разъ въ году, останавливается здѣсь, чтобы полюбоваться на дорогую ему Москву.

Теперь не сходя съ мѣста, у рѣшетки на гребнѣ горы взглянемъ, по сю сторону Кремлевской стѣны, на сады разбитые у подошвы горы. Справа церковь Благовѣщенія, прислонившаяся къ стѣнѣ, здѣсь въ XVII вѣкѣ стоялъ житный дворъ—дворцовое хранилище съѣстныхъ припасовъ. Выше его на покатости горы находились верховые и низовые сады, въ которыхъ росъ даже виноградъ и были расположены въ свинцовыхъ обкладкахъ большіе пруды. Пруды эти имѣютъ великое историческое значеніе. Здѣсь Великій Петръ тѣшился своими потѣшными лодками. Здѣсь онъ узналъ впервые водную стихію, полюбилъ морскую забаву, пристрастился къ ней и, такъ сказать, положилъ начало будущему русскому флоту. Дѣтскія попытки судостроенія въ Кремлевскихъ садахъ и прудахъ, привели его къ морю Азовскому, а въ послѣдствіи къ берегамъ Невы, гдѣ геніальный умъ преобразователя нашелъ просторъ для своего любимаго дѣтища—флота. И такъ заслуга этихъ нынѣ не существующихъ прудовъ велика и богата извѣстными послѣдствіями. Мы же съ своей стороны замѣтимъ, что все-таки здѣсь, на берегу мелководной рѣки Москвы, на склонѣ Боровицкаго холма, въ оградѣ престольнаго Кремля, слѣдуетъ считать мѣсто рожденія флота Россіи, флаги котораго теперь видятъ моря и океаны всего міра. Не эта ли морская забава въ Кремлѣ была причиной перенесенію столицы, знакомству съ иностранными землями, слѣдовательно великому преобразованію Царя-работника? На этотъ вопросъ не намъ, а людямъ исторической науки слѣдуетъ дать положительный отвѣтъ, а мы ограничимся предположеніемъ, вытекающимъ по нашему изъ всего этого.

Лѣвѣе, въ юго-восточномъ углу сада стоитъ небольшая церковь Царя Константина и Царицы Елены, а за ней раскинутъ дворцовый дровяной дворъ. Кстати будетъ замѣтить, что здѣсь на протяженіи всего сада, предположено было воздвигнуть колоссальный дворецъ, задуманный Императрицей Екатериной II по проекту знаменитаго архитектора того времени Божанова (1771 г.). Грандіозный дворецъ долженъ былъ опоясать весь Кремль и быть величайшимъ

заніемъ въ Россіи. Уже было приступлено къ закладкѣ на покатости горы, для чего даже снесены нѣкоторыя зданія,—но постройка была остановлена и память объ этой грандіозной затѣѣ осталась въ видѣ чертежей и великолѣпной модели, хранящейся въ Оружейной Палатѣ *).

Неосуществленію проекта мы обязаны сохраненіемъ многихъ уцѣлѣвшихъ старинныхъ зданій, стѣнъ и башенъ Кремля. Теперь оторвемъ нашъ взоръ отъ панорамы города и взглянемъ на самый Кремль.

Площадь съ которой любуются видомъ, называемая „плацъ-парадомъ,“ прежде она была вся застроена. Еще въ XVII столѣтіи на ней находились два монастырскихъ подворья: Крутицкое и Кирилловское, дома священниковъ и частныхъ лицъ, а также зданія разныхъ коллегій. Теперь мѣсто это выровнено, вымощено кирпичемъ и служитъ для ученій и военныхъ парадовъ. Но скоро эта площадь превратится въ скверъ, среди котораго воздвигнется памятникъ Великому Царю Мученику Освободителю Александру II. Мысль постановки памятника, возникла въ сердцахъ Москвичей и одобрена словами Государя: „конечно, согласенъ.“ Въ Комитетъ сооруженія памятника со всей Россіи стекаются обильныя жертвованія и назначенъ вторичный конкурсъ для художниковъ и архитекторовъ. Изъ множества моделей памятника, представленныхъ на первый конкурсъ, ни одна не найдена вполнѣ удовлетворительной, вслѣдствіе чего исходатайствовано назначеніе втораго конкурса. Именно здѣсь въ Кремлѣ, сердцѣ земли Русской, мѣсто для памятника Государю, образъ котораго будетъ вѣчно жить въ сердцахъ русскаго народа.

Прежде, чѣмъ мы начнемъ свою прогулку вспомнимъ что улицы, площади, проѣзды, по которымъ мы будемъ ходить, въ старину были тѣсно застроены зданіями, монастырскими подворьями и проч., о существованіи которыхъ теперь ничто не напоминаетъ. Въ старинныхъ описяхъ, сказаніяхъ и указахъ, въ повѣствованіяхъ посѣщавшихъ Кремль иностранцевъ, можно встрѣтить о нихъ то или

---

*) Интересующіеся этимъ могутъ видѣть общій планъ дворца въ сочиненіи Снѣгирева, изданіе Мартынова «Москва» т. II, а детальные планы и разрѣзы—въ Дворцовой Конторѣ.

другое указаніе. Но земля, самый грунтъ Кремля — вотъ гдѣ только любопытный взоръ наблюдателя, да пытливый умъ археолога найдетъ себѣ богатую пищу. Только здѣсь мы можемъ созерцать остатки глубокой старины, сокрытые въ нѣдрахъ земли по которой ежедневно проходятъ тысячи людей.—Рѣдкое мѣсто въ Кремлѣ можно найти свободнымъ отъ остатковъ старинныхъ построекъ. Здѣсь, то или другое случайное обстоятельство, открываетъ намъ сохранившіяся части зданій. Частые провалы мостовой наводятъ на слѣды сооруженій, а не большія только раскопки даютъ возможность проникать въ подвалы прежнихъ жилищъ. Эти помѣщенія, по осмотру ихъ людьми науки, иногда разбираются, но чаще ихъ заваливаютъ снова, вовсе неизслѣдованными. Гдѣ-бы ни приходилось возводить вновь зданія,—всегда наталкивались на остатки старинныхъ сооруженій. Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ открываемы были подвалы временъ Годуновскихъ, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Такъ при постройкѣ зданія нынѣшнихъ казармъ были открыты громадные погреба, сложенные изъ старинпаго кирпича. На дворѣ Синодальнаго дома — двѣ компаты, снова засыпанны неразобранными. Наконецъ 15 Апрѣля 1882 года, среди улицы между Царь-пушкою и Чудовымъ монастыремъ, раскопано подвальное помѣщеніе, сложенное изъ бѣлаго тесаннаго камня, покрытое цилиндрическимъ сводомъ, высотою около 7 аршинъ, отлично сохранившееся. Бѣлокаменный сводъ его находился на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ отъ поверхности земли. Сѣверная стѣна его имѣла нишь и надъ ней окно выходящее, возвышаясь, на поверхность земли. Положеніе этого окна, опредѣлило наружную стѣну исчезнувшаго дома, который выходилъ на древнюю улицу (шириною около 10 аршинъ) бывшую между Чудовымъ монастыремъ и другими зданіями. По словамъ археолога И. Е. Забѣлина здѣсь, находился дворецъ Бориса Годунова и вѣроятно этотъ подвалъ есть часть Царь-Борисова двора. Кладка изъ бѣлаго камня и форма найденнаго тутъ кирпича указываютъ тоже на время XVI вѣка.

Остатки костей, находимые при раскопкахъ, есть слѣды многихъ кладбищъ бывшихъ въ Кремлѣ. Такъ при перестройкѣ Малаго Дворца, было открыто такъ много костей и надгробныхъ памятниковъ, что пришлось сдѣлать па

дворѣ небольшое кладбище, закопать кости и положить на нихъ плиты, покоившіеся два вѣка въ землѣ стараго Кремля.

Если мы взглянемъ на зданія, существующія теперь,— то у самой Спасской башни увидимъ древній женскій монастырь — Вознесенскій, въ которомъ погребены русскія великія княгини и царицы. Рядомъ съ монастыремъ, лѣвѣе на площадь выходитъ Малый Николаевскій Дворецъ, въ которомъ родился въ Бозѣ почившій Государь Александръ Николаевичъ, а за нимъ еще лѣвѣе въ углубленіи площади виднѣется старинный входъ въ древній, знаменитый по многимъ историческимъ событіямъ, Чудовъ монастырь. На площади между Малымъ Дворцомъ и колокольней Ивана Великаго, еще при Іоаннѣ III, стояло татарское подворье, ордынскихъ баскаковъ, но по просьбѣ царицы Софіи мѣсто уступлено царю, ханское подворье совершенно выведено изъ Кремля, а на его мѣстѣ воздвигнутъ храмъ Николая Гостунскаго. Церковь эта при перестройкѣ Кремля была сломана, а престолъ перенесенъ въ Ивановскую колокольню (подъ колокола) гдѣ и теперь находится.

Теперь мы оставимъ край горы Кремлевской и пойдемъ къ одному изъ чудесъ Москвы—колокольнѣ Ивана Великаго. Я не поведу читателя на верхъ любоваться видомъ Москвы, а прежде ознакомлю съ другимъ чудомъ Москвы, находящимся у входа въ колокольню—Царемъ колоколомъ. На гранитномъ пьедесталѣ высится этотъ гигантъ въ 12 тысячъ пудовъ, съ отбитымъ и прислоненнымъ къ нему кускомъ (окружность по низу 60 футовъ, вышина 19 футовъ). Колоколъ отлитъ въ царствованіе Анны Іоанновны, но упавши во время пожара, онъ лежалъ въ землѣ до того времени, когда по повелѣнію Императора Николая Павловича поднятъ и поставленъ на пьедесталѣ, о чемъ и свидѣтельствуетъ надпись.

Интересно то, что это—величайшій колоколъ въ мірѣ. Нужно замѣтить, что собратъ нашего Царя-колокола находится въ городѣ Менгунѣ близъ Мандалея; этотъ колоколъ вѣситъ около 5000 пуд. и помѣщается въ землѣ до сихъ поръ, такъ какъ онъ подобно Царю колоколу, свалился въ землю, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ, тогда какъ нашъ снова поднятъ на поверхность земли.

Царь-колоколъ былъ вылитъ русскимъ мастеромъ Мо-

торинымъ въ 1734 году, а черезъ 100 лѣтъ извлеченъ изъ земли и поставленъ на мѣсто архитекторомъ Монфераномъ. У колокола постоянно можно встрѣтить группы туристовъ осматривающихъ его и дивящихся на это единственное въ своемъ родѣ произведеніе. Слава о его величинѣ разнеслась по всему царству и послужила для расказовъ, чисто преувеличивающихъ его дѣйствительную величину.

Отъ колокола, чрезъ чугунныя ворота, мы войдемъ на соборную площадь и окинемъ взоромъ храмы и сооруженія обступившія со всѣхъ сторонъ эту выложенную плитами площадку. Вотъ слѣва соборъ Архангельскій, усыпательница великихъ князей и царей Россіи, одно изъ древнихъ сооруженій Кремля. За нимъ на фонѣ Дворца бѣлѣютъ формы и блестятъ великолѣпно золоченыя главы Благовѣщенскаго Придворнаго собора. Тутъ же справа высится четырехъугольное зданіе знаменитой Грановитой палаты, примыкающей къ новому Дворцу. У южной стѣны съ террасы дворцовой спускается историческая Красная лѣстница, оканчивающаяся наверху извѣстнымъ въ исторіи Краснымъ крыльцомъ. Подъ Грановитой Палатой помѣщается главная гауптвахта.—

Пройдя Грановитую палату за ней въ углу въ зданіи дворца, помѣщается часовня съ иконой Печерской Божіей Матери, постоянно привлекающая поклонниковъ. Тутъ же посреди самой площади высится главнѣйшая святыня Москвы— древній большой Успенскій соборъ, мѣсто совершенія Священнаго Коронованія Всѣхъ Государей Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. За нимъ угрюмо смотритъ зданіе Патріаршаго дома съ его знаменитой Синодальной библіотекой, Патріаршей ризницей и соборною церковью Двѣнадцати Апостоловъ. Рядъ этихъ сооруженій замыкается колокольнею Ивана Великаго, общей для всѣхъ соборовъ, съ Филаретовской пристройкой для большихъ колоколовъ и двумя въ ней церквами. Тутъ же внизу среди арокъ пріютилась книжная лавочка для продажи полезныхъ народныхъ книгъ.

Окинувъ взглядомъ все окружающее площадь, вспомнимъ, что она была ареной страшныхъ стрѣлецкихъ бунтовъ, утишить которые не могла даже кровь Матвѣева и другихъ бояръ, пролитая здѣсь же у Краснаго крыльца. Здѣсь же толпы раскольниковъ, предводимые Никитой Пустосвятомъ, ждали конца преній, происходившихъ въ Грановитой палатѣ.

На площади соборной теперь постоянно видны богомольцы и туристы. Изъ храма въ храмъ, отъ воротъ къ воротамъ постоянно снуютъ пѣшеходы,—ѣзда по площади, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, не допускается. Замѣтимъ также, что площадь эта въ великую ночь Воскресенія Христова превращается какъ бы въ одинъ храмъ, наполненный тысячами людей съ зажженными свѣчами ожидающими такъ называемаго „перваго звона“ и крестныхъ ходовъ изъ всѣхъ соборовъ. Это торжество весьма знаменательно, и мы съ нимъ познакомимъ читателя подробнѣе впослѣдствіи.

Осмотрѣвъ соборную площадь, мы войдемъ въ ворота, и, оставивъ справа колокольню Ивана Великаго, повернемъ въ проѣздъ между казармами и Чудовымъ монастыремъ. Здѣсь направо въ одномъ изъ оконъ Чудова монастыря можно купить просфоры, приготовленіемъ которыхъ онъ славится. Идя дальше, мы увидимъ снова другой замѣчательный предметъ—Царь-пушку.

Невозможно опредѣлить причину отливки этого чуда, такъ какъ для практическихъ цѣлей, по своей конструкціи, она не могла быть пригодна и конечно никогда не было произведено изъ нея ни одного выстрѣла. Царь-пушка, иначе „дробовикъ,“ вылита въ 1586 году при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, мастеромъ Чеховымъ (вѣсъ 2400 пуд.). И здѣсь, какъ у Царь-колокола, постоянно можно встрѣтить любопытныхъ осматривающихъ пушку, удивляющихся ея чудовищной величинѣ. Пушка помѣщена вмѣстѣ съ другими старинными орудіями расположенными по фасаду зданія, занятаго теперь казармами, а въ былое время служившее помѣщеніемъ для Оружейной Палаты.

Направо, противъ пушки, къ Кремлевской стѣнѣ идетъ небольшой переулокъ между зданіями Чудова монастыря и бывшимъ Сенатомъ.

Третью сторону трехъ-угольной площади на которую мы вошли составляетъ зданіе арсенала. Площадь называется „Сенатскою“ отъ зданія Сената, выходящаго на нее съ правой стороны и теперь занятаго судебными установленіями. На этой площади въ 1812 году былъ убитъ одинъ изъ генераловъ вступившей въ Кремль, французской арміи, принятый однимъ изъ русскихъ за самого Наполеона.

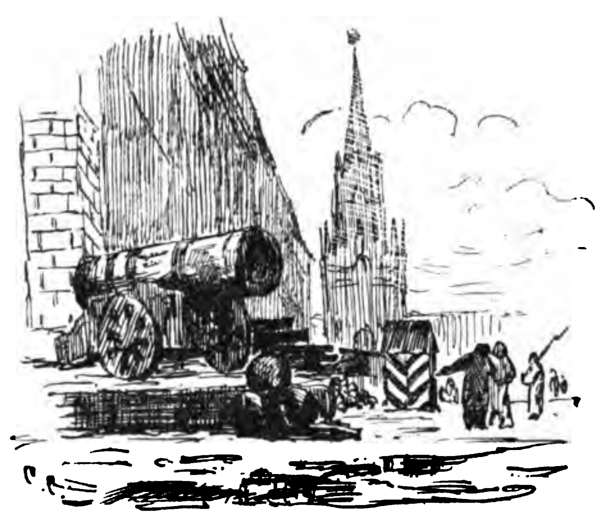
Не безъинтересно осмотрѣть ряды пушекъ, украша-

Церковь Благовѣщенія на житномъ дворѣ, въ нижнемъ Кремлевскомъ саду.

ющихъ собою тяжелый фасадъ зданія арсенала; здѣсь вы встрѣтите пушки многихъ государствъ, принявшихъ сторону Наполеона въ 1812 году. Всѣ онѣ взяты во время знаменитаго похода въ Москву и лежатъ на площади Кремля, напоминая грустный для союзниковъ конецъ, какъ самой компаніи 1812 года, такъ и славы великаго Наполеона. Кремль былъ крайней на востокѣ точкой походовъ Наполеона, кульминаціоннымъ пунктомъ его военныхъ подвиговъ и репутаціи непобѣдимаго. Здѣсь склонилась къ закату звѣзда его военнаго счастья, чтобы, еще разъ поднявшись при Ватерлоо, кануть въ вѣчность.

Съ Сенатской площади видны ворота Никольскія и къ западу Троицкія, къ которымъ мы и направимся. Мѣстность ближе къ Троицкимъ воротамъ была прежде занята Троицкимъ монастырскимъ подворьемъ, гдѣ былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Отсюда начинается единственная въ Кремлѣ улица Комендантская, по сторонамъ которой расположены корпуса Дворцоваго вѣдомства и между ними старинный, причудливой архитектуры Потѣшный дворецъ. Улица оканчивается аркадою, на которой расположенъ зимній дворцовый садъ, а за ней уже лежитъ парадный царскій дворъ, окруженный слѣва Кремлевскимъ дворцомъ, а справа аппартаментами Наслѣдника и зданіемъ Оружейной Палаты. Пройдя рѣшетку, отдѣляющую главный дворъ, мы выйдемъ снова на гребень горы и здѣсь у Боровицкихъ воротъ можемъ спуститься въ нижній Кремлевскій садъ. Широкія аллеи, проходящія чрезъ весь садъ у подножья горы, среди зелени, служатъ обыкновенно мѣстомъ прогулки живущихъ въ Кремлѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Весьма интересно во время прогулки глядѣть на дворецъ, соборы и проч., громоздящіеся на вершинѣ горы. Вы не замѣтите времени и скоро по отлогому подъему выйдите къ Спасскимъ воротамъ, откуда и начали мы свою прогулку. Небольшой домикъ справа у стѣны и гауптвахта у самыхъ воротъ не представляютъ ничего замѣчательнаго, и мы, минуя ихъ, выйдемъ изъ Кремля, чтобы въ другой разъ, войдя въ него, уже заняться осмотромъ его храмовъ, сооруженій и достопримѣчательностей.

Царь-пушка.

XIII.

Въ храмахъ Кремля.

Положеніе и значеніе ихъ.—Соборы: Успенскій, Архангельскій, Благовѣщенскій.—Колокольня (Иванъ Великій) и церкви св. Николая Гостунскаго и св. Іоанна Лѣствичника.—Дворцовые соборы и церкви: Преображенія Господня (Спаса на Бору), Рождество Богородицы, Воскресенія Лазаря, Спасъ за золотой рѣшеткой, Словущаго Воскресенія, Распятія, св. Екатерины, Положенія ризъ съ часовней Печерской Божіей Матери, Рождество Іоанна Предтечи и Ап. Петра и Павла.—Монастыри: Вознесенскій-дѣвичій и Чудовъ-мужской съ церквами.—Церкви: Двунадесяти Апостоловъ, Апостола Филиппа въ синодальномъ домѣ, св. Константина и Елены и Благовѣщенія — на Житномъ дворѣ.

Павъ ницъ предъ великой святыней Москвы,
Молитесь,—о други! и снова, какъ было,
Проявится свыше ей данная сила
И здравы возстанете вы!

И. Борозднa.

Московскій Кремль—центръ государственной жизни Россіи, въ силу основъ, на которыхъ создалась и окрѣпла эта жизнь,—былъ въ тоже время средоточіемъ жизни духовной. Здѣсь былъ дворъ митрополичій со временъ Калиты, жили патріархи съ 1587 года и воздвигнуты главнѣйшіе храмы, въ которыхъ совершались великія событія, куда стекались дары

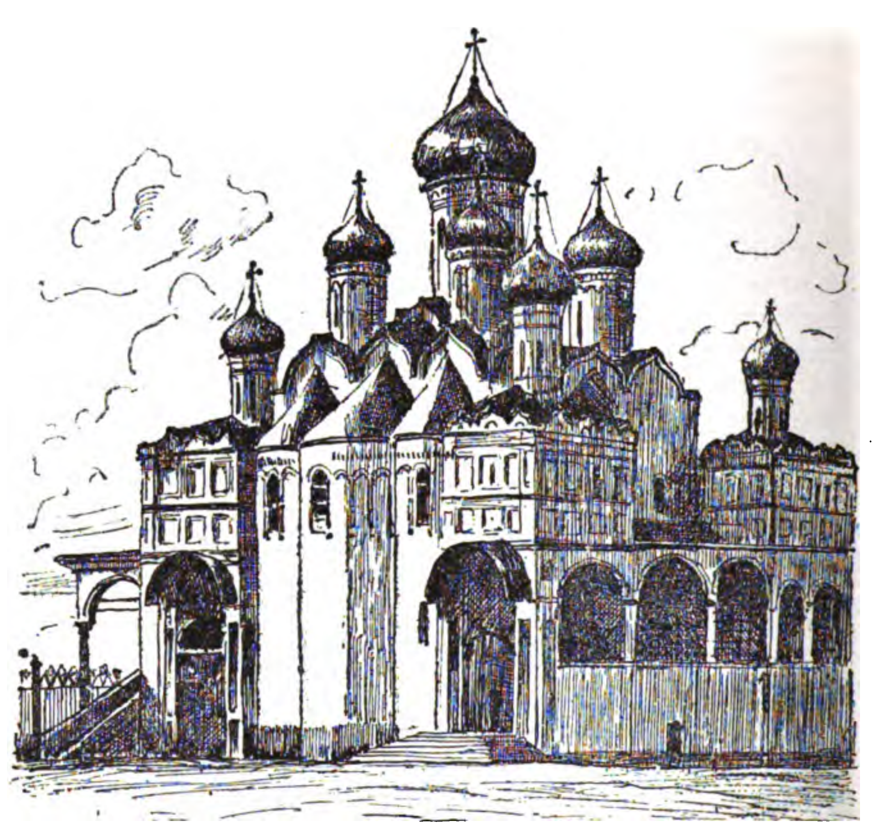
со всѣхъ концовъ Россіи и гдѣ хранились и хранятся донынѣ многія святыни, гробницы царей, царицъ и святителей. Какъ бы соотвѣтствуя неразрывной связи, существовавшей между властью духовной и царской, здѣсь въ Кремлѣ расположены рядомъ, бокъ-о-бокъ, дворцы и палаты повелителей Россіи и соборы, въ которыхъ принимали они св. крещеніе (соборъ Благовѣщенскій), короновались и коронуются вѣнцомъ и бармами Мономаха съ 1498 года до нашихъ дней (соборъ Успенскій) и гдѣ наконецъ, покоятся тѣла великихъ князей, царей и одного императора, правившихъ Россіей изъ Кремля въ Москвѣ. Занявъ средину Кремлевскаго холма главнѣйшіе соборы сгруппировались всѣ на его вершинѣ, увѣнчанной гигантской колокольней Ивана Великаго. Ярко горятъ на солнцѣ ихъ золотыя главы, величаво прикрывающія старинныя стѣны и своды сооруженій. Нѣсколько старинныхъ церквей, домъ патріаршій, терема и знаменитая Грановитая палата съ Краснымъ крыльцомъ, дополняя собой зданія соборовъ, обступили со всѣхъ сторонъ соборную площадь, служившую прежде парадным дворомъ древнихъ царскихъ хоромъ.

Два монастыря — мужской-Чудовъ и женскій-Вознесенскій—расположились тутъ-же вблизи по дорогѣ отъ соборовъ къ извѣстнымъ Спасскимъ воротамъ, а двѣ небольшія наружныя церкви подымаютъ свои увѣнчанныя золочеными крестами главы изъ зеленой чащи нижняго Кремлевскаго сада. Наконецъ церкви дворцовыя, наслѣдіе прошлаго, охвачены и скрыты громадами новаго дворца, на крышѣ котораго горятъ однако золотыя вѣнчающія ихъ главы.

Всѣ храмы Кремля, не только какъ остатки старины, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ примѣчательны, и я поведу въ нихъ читателя помолиться святынямъ и, обозрѣвая ихъ достопримѣчательности, перенестись мыслью и воскресить въ памяти неразрывно связанное съ ними прошлое Кремля, а съ нимъ и всей Россіи.

*

Соборъ Благовѣщенскій.

Соборы.

Успенскій соборъ. На соборной площади, въ самомъ центрѣ священнаго Кремля, окруженный другими соборами и церквами—стоитъ первопрестольный храмъ Москвы—Успенскій соборъ. Въ сонмѣ Кремлевскихъ святынь его совершенно изолированное положеніе какъ бы отвѣчаетъ тому значенію, какое имѣлъ и имѣетъ соборъ въ исторіи Русскаго государства со времени своего основанія и до нашихъ дней. Не величавость храма, не обширность, не богатство отдѣлки манятъ въ него поклонниковъ, а тѣ святыни, которыми онъ полонъ, да тѣ воспоминанія, что онъ безмолвно хранитъ,—вотъ причина, почему мы, какъ и всѣ, начинаемъ съ него обзоръ святынь Кремля.

Фотогр. Художн. Панова, въ Москвѣ, д. Кр. Общ.

Внутренній видъ Успенскаго собора.

Еще въ началѣ XIV столѣтія (1326 г.) воля Іоанна Даниловича Калиты, да совѣтъ митрополита Московскаго Петра воздвигнули на этомъ мѣстѣ храмъ Успенія Божіей Матери, въ которомъ и былъ погребенъ основатель его Митрополитъ Петръ.

„Если ты,—сказалъ митрополитъ Великому Князю Іоанну Даниловичу,—успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится.“ Внимая голосу высоко-чтимаго Святителя, Великій Князь повелѣлъ строить храмъ и такимъ образомъ было положено основаніе собору, по значенію своему, первому въ Россіи.

Прошло 146 лѣтъ. Во время общей перестройки Кремля, изъ деревяннаго въ каменный, при Іоаннѣ III, соборъ былъ сломанъ и, почти выстроенный русскими мастерами каменнымъ, вскорѣ обрушился. Тогда извѣстному строителю итальянцу Аристотелю Фіоравенти выпало на долю воздвигнуть зданіе болѣе прочное и долговѣчное.

Характеристику мастера этого даетъ намъ г. Снегиревъ въ слѣдующихъ словахъ: „Фіоравенти, сдвинувшій съ мѣста колокольню въ Болоньи, а въ Ченто выпрямившій покривившуюся башню, научилъ Москвитянъ обжигать кирпичи, кои онъ дѣлалъ уже, длиннѣе и тверже прежнихъ, а известь приготовлялъ болѣе клейкою и густою; вмѣсто булыжника, онъ началъ класть внутрь стѣнъ ровный камень и связывать ихъ желѣзомъ; своды (покровы) сводилъ въ одинъ кирпичъ и строилъ зданія палатнымъ образомъ. Кромѣ того, Фіоравенти былъ пушечно-литейнымъ мастеромъ, медальеромъ, монетчикомъ и пр.“

Фіоравенти, заимствуя характеръ сооруженія собора Богоматери во Владимірѣ, окончилъ постройку въ 1479 году въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его и теперь. Храмъ этотъ считался по тогдашнему чудомъ зодчества и превосходилъ всѣ другія церкви. Однако соборъ въ первоначальномъ видѣ не сохранился, а подвергался различнымъ исправленіямъ и подновленіямъ. Такъ въ 1493 году, послѣ пожара, онъ былъ возобновленъ, въ 1514 году стѣны росписаны, а въ 1550, послѣ пожара, главы его уже блистаютъ яркой позолотой. Во время пребыванія Поляковъ въ Кремлѣ въ 1612 году, соборъ ограбленъ, оскверненъ и при-

шелъ въ такое состояніе, что былъ снова возобновленъ. Пожары 1682 года и страшный Всѣхсвятскій 1737 года вызвали снова перестройки, а при Императрицѣ Екатеринѣ II была произведена серьезная реставрація и возобновлены живопись и позолота на стѣнахъ, такъ чтобы „написано было такимъ искусствомъ, какъ и древнее, безъ отличія“. При нашествіи Французовъ въ 1812 году, изъ собора было похищено 325 пуд. серебра и 18 пуд. золота. „Разграбленный и оскверненный храмъ“, говоритъ Мартыновъ, „они наполнили бочками, горнами, станками, кучами уголья, щепъ и конскаго помета. Снятые съ алтарнаго иконостаса и лишенные драгоцѣнныхъ окладовъ образа лежали грудами на помостѣ храма, такъ что все средостѣніе алтаря было обнажено. Остались нетронутыми образъ Св. Троицы въ нижнемъ ярусѣ и двѣ-три иконы въ третьемъ (праздничныя и пророческія) въ томъ мѣстѣ, гдѣ ризница и ходъ въ придѣлъ Похвалы Богородицы. Между столбами въ соборѣ поставлены были деревянные болваны богатырей, взятые изъ Оружейной Палаты; у гробницъ всероссійскихъ митрополитовъ сдѣланы коновязи, большіе вѣсы заняли мѣсто огромнаго серебрянаго паникадила; на нихъ вѣшали серебро и золото, которое тамъ же переплавляли въ слитки; словомъ, все въ храмѣ свидѣтельствовало о нечестіи западныхъ враговъ Россіи, которые внесли такую же мерзость запустѣнія на мѣсто свято, какую назадъ тому два вѣка Поляко-Литовцы“. Но прошелъ годъ и соборъ опять былъ приведенъ въ хорошее состояніе, принялъ въ себя сохраненныя отъ враговъ святыни и освященъ снова. Минуло 40 лѣтъ и пришлось приступить къ реставраціи живописи, иконъ и стѣнописи; наконецъ съ весны 1882 года началось возобновленіе иконостаса и приведеніе его, по сохранившимся остаткамъ и историческимъ даннымъ, въ то состояніе, въ какомъ онъ былъ въ XVIII вѣкѣ. Надо замѣтить, что иконостасъ до 1882 года сохранялся въ томъ видѣ, въ какомъ его сдѣлали въ 1813 году, когда онъ былъ наскоро возобновленъ послѣ разгрома его непріятелемъ. Тогда дѣло сдѣлали кое какъ и при возобновленіи не старались строго возстановить то, что было прежде.

Теперь съ Высочайшаго соизволенія была составлена коммисія, въ которую вошли такіе знатоки древностей рус-

скихъ, какъ И. Е. Забѣлинъ, и ей было поручено произвести правильную реставрацію иконостаса и промываніе живописи на стѣнахъ. Лишь только былъ разобранъ иконостасъ, какъ на стѣнѣ, за нимъ находящейся, открыли фрески весьма древней работы. Археологи, занимающіеся реставраціей, послѣ серьезныхъ обсужденій, пришли къ заключенію, что фрески эти слѣдуетъ отнести къ 1491 году. Присутствіе ихъ на стѣнѣ объясняютъ тѣмъ, что иконостасъ былъ одноярусный и находился ниже перваго яруса иконъ нынѣшняго, такъ какъ извѣстно, что полъ собора прежде былъ значительно ниже теперешняго уровня. Это подтверждается также тѣмъ, что снаружи собора базы пилястровъ значительно засыпаны. Новый иконостасъ устроенъ такъ, что доступъ къ осмотру фресокъ интересующимся станетъ всегда возможенъ: иконы устроены подвижными. Къ осени 1882 года работы окончены, иконостасъ сдѣланъ серебряный, весь чеканный, кромѣ цоколя, который изъ золоченной бронзы, и по рисункамъ, сдѣланнымъ по сохранившимся образцамъ. Работами руководилъ архитекторъ Д. Н. Чичаговъ, а коммиссію составляли гг. А. Н. Потемкинъ, И. Е. Забѣлинъ, Румянцевъ, Богословскій и Поповъ.

Вотъ краткій набросокъ исторіи собора. Если мы познакомимся хотя въ бѣгломъ перечнѣ съ событіями, въ немъ совершившимися, то пріобрѣтемъ должное знакомство съ храмомъ—первой святыней Кремля. Здѣсь Великій Князь Василій Васильевичъ одинъ, среди безмолвствующаго люда возсталъ противъ митрополита Исидора, желавшаго подчинить Восточную церковь Латинской и допустившаго уже помянуть на литургіи папу Евгенія и прочитать грамоту Флорентинскаго собора. Здѣсь Грозный Царь услышалъ слово правды отъ святителя Филиппа, отказавшаго царю въ благословеніи. Здѣсь совершаются и совершались въ прошломъ многія священныя торжества, отсюда идутъ всѣ крестные ходы и сюда въ высокоторжественные дни стекаются представители сословій, начальствующія лица и толпы народа, чтобы вознести молитвы передъ престоломъ Всевышняго.

Съ тѣхъ поръ, какъ Кремль сдѣлался средоточіемъ Россіи, Успѣнскій соборъ занимаетъ первое мѣсто среди другихъ церквей Кремлевскихъ. Здѣсь, даже послѣ перенесенія резиденціи государей въ Петербургъ, происходятъ ко-

ронованія имераторовъ и императрицъ. Извѣстно, что торжество коронованія государей началось при Іоаннѣ III, короновавшемъ здѣсь сына своего Дмитрія; съ 1547 года послѣ коронованія Іоанна Грознаго вошло въ постоянный обычай. Впослѣдствіи здѣсь корновался 29 іюня 1605 года Лже-Димитрій, а со времени Петра I, возложившаго на Екатерину I корону императорскую, подобнымъ образомъ коронуются и до нашихъ дней императрицы Россіи.

Здѣсь, по настоянію Петра I, царевичъ Алексѣй отрекся отъ правъ своихъ на престолъ; здѣсь принялъ православную вѣру Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, царствовавшій подъ именемъ Петра III; здѣсь же наконецъ происходили бракосочетанія нѣкоторыхъ государей, какъ напр. Великаго Князя Василія Дмитріевича съ Софьей Витовтовной, Великаго Князя Василія Дмитріевича съ Евгеніей Глинской, Царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича, а въ 1606 году Лже-Димитрія съ Мариной Мнишекъ.

Изъ духовныхъ обрядовъ и службъ упомянемъ о томъ, что въ первую недѣлю Великаго поста ежегодно совершается чинъ православія. Въ великій четвергъ, въ 9 часовъ утра совершается здѣсь таинство елеосвященія, послѣ котораго народъ помазывается освященнымъ елеемъ и въ тотъ же день послѣ литургіи совершается митрополитомъ обрядъ омовенія ногъ въ воспоминаніе Тайной вечери, на которой великій Учитель омылъ ноги своимъ ученикамъ. Въ тотъ-же день, разъ въ три года, во время литургіи, совершается освященіе мνра, употребляемаго при таинствѣ мνропомазанія. Въ великую пятницу происходитъ омовеніе мощей. Утромъ до начала священнослуженія, изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій съ крестнымъ ходомъ переносятся части св. мощей. Архіерей отираетъ губкою со св. водою сперва мощи св. угодниковъ, почивающихъ въ Успенскомъ соборѣ, а затѣмъ и принесенныя туда части св. мощей, послѣ чего онѣ переносятся обратно въ Благовѣщенскій соборъ. Кромѣ того здѣсь торжественно происходитъ воздвиженіе креста и празднованіе положенія ризы Господней. Во времена патріарховъ совершались еще другіе священные обряды; такъ здѣсь происходило „пещное дѣйство“ въ воспоминаніе трехъ отроковъ, бывшихъ въ халдейской пещи, дѣйство воспоминанія Страш-

наго суда, дѣйство многолѣтняго здравія и сюда направлялось въ вербное воскресенье торжественное шествіе патріарха на ослѣ.

Чтобы дополнить воспоминанія о прошломъ Успенскаго собора, скажемъ, что здѣсь никогда не происходили отпѣванія усопшихъ лицъ царской фамиліи, но здѣсь въ храмѣ погребены всѣ патріархи Россіи, исключая Никона, котораго могила находится въ Новомъ Іерусалимѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы; здѣсь же погребены тѣла нѣкоторыхъ митрополитовъ.

Соборъ привлекаетъ постоянно много поклонниковъ, а во время службъ всегда наполненъ народомъ. Въ высокоторжественные дни здѣсь собирается все начальство и высшія сословія города для служенія молебновъ и наконецъ здѣсь же эти сословія приносятъ присягу по вступленіи Государя на престолъ.

Теперь ознакомившись вкратцѣ съ прошлымъ Успенскаго собора, войдемъ подъ его мрачные своды и окинемъ взоромъ самое зданіе собора. Нося на себѣ совершенно Византійскій характеръ, соборъ въ планѣ представляетъ правильный четырехъугольникъ, котораго восточная сторона имѣетъ 5 полукруглыхъ выступовъ. Четыре колоссальныхъ колонны, толщиною въ 3 аршина каждая, поддерживаютъ арки, опирающіяся другими концами на стѣны. На этихъ аркахъ, а также на алтарныхъ стѣнахъ высятся куполы: средній большой, вѣнчающій средину храма между колоннами и четыре малыхъ по угламъ, что̀ знаменуетъ собой І. Христа и 4-хъ евангелистовъ. Высота собора 55 аршинъ въ среднемъ куполѣ до нынѣшняго пола, который, какъ показали изслѣдованія, лежитъ на 7 аршинахъ сверхъ двухъ другихъ половъ—лещаднаго и кирпичнаго. Такимъ образомъ это обстоятельство, подтверждаемое еще тѣмъ, что соборъ снаружи не имѣетъ цоколя, а пилястры — базы, — уменьшило значительно внутреннее пространство собора.

Алтарь отдѣляется отъ собора иконостасомъ, поднимающимся почти до сводовъ храма. Слабый свѣтъ отъ расположенныхъ высоко оконъ играетъ на его серебряныхъ и позолоченныхъ тягахъ, вѣнкахъ, ризахъ и проч., а также на громадномъ серебряномъ паникадилѣ, висящемъ посреди собора. Блескъ дорогихъ металловъ увеличивается еще при-

сутствіемъ массы лампадъ и множества восковыхъ свѣчей, горящихъ передъ образами. Стѣны и своды собора, расписанныя иконописью по золоту, еще болѣе увеличиваютъ торжественный видъ храма.

Главный храмъ — въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, иконостасъ котораго состоитъ изъ пяти ярусовъ иконъ, олицетворяющихъ св. Вселенскую церковь. Верхній ярусъ представляетъ церковь до Моисея, съ изображеніемъ праотцевъ, второй — отъ Моисея до Іисуса Христа съ изображеніемъ пророковъ, третій—праздники, въ четвертомъ—Спаситель съ апостолами и нижній—съ мѣстными иконами. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательна икона Всемилостиваго Спаса, написанная, какъ гласитъ преданіе, греческимъ императоромъ Мануиломъ и находящаяся по правую сторону царскихъ вратъ; по лѣвую же сторону находится Владимірская чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою; эта икона первоначально была перевезена, въ XII вѣкѣ, въ Кіевъ изъ Царь-Града, затѣмъ изъ Кіева во Владиміръ и изъ Владиміра въ Московскій Успенскій соборъ. Эта икона почитается чудотворною, спасшею Москву отъ вторженія Тамерлана. Передъ этой иконой въ Успенскомъ соборѣ происходило, посредствомъ жребія, избраніе первосвятителей на всероссійскую каѳедру. Жребій лицъ, достойныхъ избранія на святительскую каѳедру, клали въ особенный ковчежецъ, который ставили передъ этой иконой Богоматери. Послѣ молебствія подносились они государю, который, распечатавъ одинъ изъ нихъ, объявлялъ имя избраннаго первосвятителя. Во времена самозванца, сверженный имъ патріархъ Іовъ, когда его выводили изъ Успенскаго собора, снявъ съ себя облаченіе и панагію, положилъ ихъ передъ этимъ образомъ и сказалъ: „Доселѣ я хранилъ цѣлость вѣры, теперь вижу торжество ереси и обмана. Матерь Божія, спаси православіе!“ Эту чудотворную икону Богоматери, какъ цари, такъ и весь народъ, всегда считали своей заступницей и высочайшей покровительницей. Икона эта помѣщается въ драгоцѣнномъ кіотѣ; риза, сдѣланная изъ чистаго золота съ множествомъ драгоцѣнностей, изъ которыхъ одинъ изумрудъ, цѣнившійся въ 80,000 р., стоитъ гораздо болѣе 200,000 руб. — Правѣе иконы Всемилостиваго Спаса находится, замѣчатель-

пая по жизненности красокъ, икона Успенія Пресвятыя Богородицы, по преданію писанная св. митрополитомъ Петромъ. Эта икона, по своему письму, даетъ ясное понятіе о живописи XIII и XIV вв. въ Россіи. Кромѣ образа Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, здѣсь находится весьма много другихъ иконъ, высоко-чтимыхъ русскимъ народомъ. Упомянемъ здѣсь еще о высѣченномъ изъ камня изображеніи всадника, поражающаго змія, который принимаютъ за икону Георгія Побѣдоносца; но Снегиревъ приводитъ доводы, что это есть изображеніе Константина Великаго, такъ какъ по преданію барельефъ привезенъ изъ Рима, гдѣ находился на воротахъ тріумфальныхъ, воздвигнутыхъ народомъ Константину Великому, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся на немъ надпись по-латыни.

При соборѣ находятся три придѣла: 1) Св. Апостоловъ Петра и Павла въ сѣверо-восточномъ углу храма, гдѣ почиваютъ мощи митрополита Петра, раскрытыя Тохтамышемъ и впослѣдствіи въ 1812 году Французами. Въ этомъ придѣлѣ удѣльные князья цѣловали крестъ въ вѣрности Великому Князю, здѣсь также ставились митрополиты. 2) Похвалы Богородицы въ юго-восточной главѣ, гдѣ избирались въ XVI и XVII вѣкахъ патріархи и 3) Св. Дмитрія Мѵроточца, гдѣ погребенъ братъ Іоанна Даниловича Калиты — Юрій; гробница эта считается древнѣйшею въ Москвѣ. Придѣлъ этотъ находится въ юго-восточной сторонѣ близъ алтаря. Въ немъ былъ убитъ Юрій Глинскій, дядя Грознаго.

Изъ мощей въ соборѣ хранятся: правая рука Андрея Первозваннаго, главы Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и др. Въ соборѣ находятся также: 1) Мощи митрополитовъ Петра, перваго митрополита московскаго, Θеогноста—въ придѣлѣ Ап. Петра и Павла, Іоны въ сѣверозападномъ углу собора въ серебряной ракѣ, сохранившейся въ 1812 году не тронутой. У южной стѣны, близъ иконостаса, св. Филиппа II, задушеннаго Малютой Скуратовымъ, и св. Кипріана; 2) на противоположномъ концѣ, и даже у южной стѣны подъ спудомъ мощи митрополита Фотія, могилы митрополитовъ, Геронтія, Симеона, Макарія и Аθанасія у сѣверной стѣны и 3) девяти патріарховъ—у западной стѣны собора: Іова, Гермогена—снаружи; а Филарета, Іоасафа I,

Іоасафа II, Питирима, Іоакима и Адріана — подъ спудомъ. — Въ юго-западномъ углу собора подъ особою сѣнью хранится великій даръ, поднесенный Михаилу Ѳеодоровичу Шахомъ Абасомъ, который взятъ имъ изъ Мухетскаго Грузинскаго монастыря, это — Риза Господня. Хотя шатеръ и назначенъ для Ризы Господней, но въ обыкновенное время эта святыня находится въ придѣлѣ Петра и Павла въ алтарѣ. Кромѣ того въ соборѣ находятся слѣдующіе святые предметы: гвоздь Господень, перенесенный сюда изъ Грузіи, и часть ризы Божіей Матери, — и проч. Изъ предметовъ, заслуживающихъ особаго вниманія, укажемъ на находящійся въ алтарѣ золотой ковчегъ — подарокъ Потемкина, изображающій Синайскую гору, который прежде служилъ хранилищемъ государственныхъ актовъ; въ немъ положены были: a) начертаніе о новомъ учрежденіи губерній, b) актъ о престолонаслѣдіи Павла I, c) манифестъ Александра I, d) отреченіе отъ престола Константина Павловича и e) актъ о совершеннолѣтіи наслѣдника престола. Акты эти отосланы въ 1880 году въ С. Петербургъ. Въ самомъ соборѣ замѣчателенъ еще стоящій у южной стѣны, такъ называемый, тронъ Мономаха; онъ деревянный съ шатромъ, опирающимся на 4 колонки и увѣнчаннымъ орломъ. Весь тронъ рѣзной съ вырѣзанными же надписями. Эта рѣзьба изображаетъ эпизоды изъ жизни Владиміра Мономаха. Время его сооруженія, какъ думаютъ археологи, должно быть отнесено къ началу XVII вѣка. Весь тронъ былъ прежде расписанъ золотомъ, серебромъ и живописью; нынѣ онъ закрашенъ, но уже поднятъ вопросъ объ его реставраціи для открытія древней рѣзьбы, мѣстами и теперь видной и показывающей высокое искусство. Тронъ покоится на 4 львахъ, тоже вырѣзанныхъ изъ дерева. Петръ I придавалъ особое значеніе этому трону и приказалъ оставить его въ соборѣ. Екатерина I, Петръ II, Анна, Елизавета и Екатерина II въ дни коронованія слушали въ немъ обѣдню.

У лѣвой передней колонны находится мѣсто Ихъ Императорскихъ Высочествъ, называвшееся прежде мѣстомъ древнихъ Царицъ Россійскихъ, или Царицыно. Оно стояло прежде въ церкви Рождества Богородицы, нынѣ находящейся во Дворцѣ, и поставлено сюда по приказанію

Царя Алексѣя Михайловича. Прежде это мѣсто было обложено чеканнымъ серебромъ.

У праваго передняго столба находится патріаршее мѣсто, сдѣланное изъ камня, въ немъ стаивали службу патріархи. Здѣсь-то на этомъ мѣстѣ митрополитъ Филиппъ отказалъ въ благословеніи Іоанну Грозному. Здѣсь находится жезлъ Петра Митрополита, основателя собора.

Замѣчательны также южныя двери собора, которыя назывались прежде золотыми и корсунскими. По свидѣтельству лѣтописцевъ, двери эти были доставлены изъ Корсуня въ Суздаль, а оттуда въ Москву. Онѣ желѣзныя, покрытыя мѣдью, и росписаны золотомъ. Двери раздѣлены на двадцать частей, на которыхъ изображены вверху событія изъ священной исторіи, а внизу языческія изображенія Апполона, Платона и др. Замѣчательно, что здѣсь, у этихъ дверей возводимы были ханскими послами на престолъ великіе князья во время владычества татаръ.

Ризница и библіотека собора помѣщаются надъ южнымъ алтарнымъ придѣломъ, и замѣчательны по богатству, рѣдкости и разнообразію предметовъ; такъ напр. выдѣляются: 1) Евангеліе, даръ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, непечатанное въ Москвѣ съ великолѣпными миніатюрами, бордюрами и изображеніями 4-хъ евангелистовъ. Верхній окладъ переплета, усыпанный множествомъ драгоцѣнныхъ камней,—работы мастеровъ Оружейной Палаты, 2) Псалтырь рукописный XV вѣка, съ прекрасными миніатюрами евангелистовъ, заглавныхъ буквъ и въ переплетѣ замѣчательной филигранной работы—даръ боярина Бориса Морозова. 3) Евангеліе рукописное съ миніатюрами русской работы исполнено въ 1664 году—въ богатомъ переплетѣ. 4) Евангеліе греческое изъ храма Софіи, писанное золотыми буквами. 5) Крестъ, кипарисный въ золотѣ съ частями животворящаго древа и мощами святыхъ, сдѣланъ по приказанію Годунова. 6) Крестъ Царя Константина. 7) Антоніевы сосуды изъ яшмы съ драгоцѣнными камнями, принадлежавшіе игумену Антонію древнѣйшаго Новгородскаго монастыря, замѣчательны по изображеніямъ на нихъ четвероконечнаго креста, не принимаемаго старообрядцами, привезены въ Москву при Іоаннѣ Грозномъ. 8) Потиръ золотой съ принадлежностами, выточенными Императрицей

Маріей Өеодоровной собственноручно изъ кости. 9) Сосуды золотые, дары Императрицы Екатерины II. 10) Сосюритовая чаша со змѣемъ на ней. Эта чаша замѣчательна по древности своей, какъ поступившая, по преданію, отъ Алексѣя Комнена въ даръ Мономаху, и потому, главное, что изъ нея помазуются міромъ и до сихъ поръ всѣ Государи Россіи при коронованіи.

Архангельскій соборъ. На самомъ видномъ и живописномъ мѣстѣ Кремля, на гребнѣ горы, среди другихъ соборовъ, высится соборъ Архангельскій, занимающій, по своему значенію, одно изъ главныхъ мѣстъ среди святынь Кремля, такъ какъ онъ хранитъ гробницы великихъ и удѣльныхъ князей древней Руси, всѣхъ царей Московскихъ и гробницу Императора Петра II. Соборъ видѣнъ съ трехъ воротъ Кремлевскихъ и первый бросается въ глаза всякому, впервые вступающему въ Московскій Кремль. Высокое, выдвинутое среди другихъ зданій, положеніе собора на краю обрыва способствуетъ живописности его и даетъ возможность любоваться его старинными формами съ далекихъ мѣстъ Москвы.

Прошлое собора весьма сходно съ прошлымъ другихъ соборовъ Кремля: ему также пришлось нѣсколько разъ возрождаться послѣ разгрома и опустошенія его врагами, не уважавшими ни святости мѣста, ни сокровищей древняго исскуства, въ немъ сохранившихся.

Еще въ XII вѣкѣ на гребнѣ Кремлевской горы стояла древняя деревянная церковь Архистратига Михаила, вмѣсто которой Іоаннъ Даниловичъ Калита построилъ въ 1333 году новую каменную, назначилъ въ ней себѣ могилу и тѣмъ самымъ основалъ усыпательницу царскаго рода. Іоаннъ III приказалъ итальянцу Алевизу на мѣстѣ стараго построить новый болѣе обширный, что̀ было исполнено, и въ 1509 году новый соборъ освященъ. Въ 1612 году Поляки и Литовцы раззорили и разграбили соборъ, но цари изъ дома Романовыхъ богатыми дарами и вкладами способствовали возрожденію собора. Цари Михаилъ Өеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Өеодоръ Алексѣевичъ и въ особенности Императрица Елизавета Петровна заботились объ устройствѣ

и украшеніи собора. Тогда въ соборѣ уже славился богатый иконостасъ съ богатыми ризами на иконахъ и возобновленная живопись портретовъ погребенныхъ здѣсь государей. При Императрицѣ Екатеринѣ II соборъ былъ снова возобновленъ и такъ просуществовалъ нетронутымъ до 1812 года. Этотъ несчастный и тяжелый утратами годъ оставилъ на себѣ неизгладимые слѣды: соборъ былъ ограбленъ, ризы съ иконъ содраны и увезены, а зданіе превращено въ складъ вина и проч. припасовъ. Очевидцы разсказываютъ, что непріятель въ ночь выхода изъ Кремля разбилъ бочки, и вино, заключенное въ нихъ, разлилось по всему собору. Многія гробницы были разрушены, иконы испорчены, оклады съ нихъ сняты. Какъ на особенность укажемъ на то, что по уходѣ непріятелей Кремль былъ на время поправокъ запертъ и 1 февраля 1813 года доступъ въ него открытъ былъ освященіемъ Архангельскаго собора.

Въ торжествѣ этомъ участвовали, по словамъ протоіерея Алексѣя Лебедева — „настоятели всѣхъ монастырей, протоіереи всѣхъ соборныхъ и ружныхъ церквей Кремля и весь Китайскій сорокъ при колокольномъ звонѣ въ Кремлѣ, Китайскомъ и Замоскворѣцкомъ сорокàхъ. Главную святыню въ этомъ ходѣ составляли мощи св. царевича Дмитрія, которыя, послѣ 200-лѣтняго покоя въ семъ храмѣ, были обнесены кругомъ его; равно и на другой день, 2-го февраля мощи сіи несены были въ крестномъ же хожденіи кругомъ Кремля, которое сопровождалось колокольнымъ въ продолженіи цѣлаго дня звономъ при всѣхъ московскихъ церквахъ и пушечною пальбою“. 1826 годъ, памятный для Россіи тяжелой утратой Императора Александра I, замѣчателенъ для собора тѣмъ, что въ немъ съ 3 по 6 февраля стояло тѣло Императора, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись, находящаяся въ соборѣ. Кромѣ этихъ событій, интересенъ весьма обычай, практиковавшійся до Петра I и состоявшій въ томъ, что на гробницы государей клались различныя просьбы и государи брали ихъ во время посѣщенія ими собора. А посѣщенія собора бывали очень часто прежде, но есть моменты, когда посѣщеніе это вошло въ освященный временемъ обычай. Такъ послѣ коронованія, государи и теперь идутъ на поклоненіе гробницамъ своихъ предковъ въ Архангельскій соборъ. Предъ отправленіемъ на войну обыкновенно тоже государи

посѣщаютъ соборъ, какъ бы испрашивая благословенія. Въ былое же время Государи ходили на Страстной недѣлѣ прощаться, а на Пасху христосоваться съ умершими ихъ предками. Тутъ же бывало прежде цѣлованіе младшими князьями креста въ подтвержденіе того, что будутъ государю повиноваться и не будутъ вести междоусобную войну. Въ наше столѣтіе поновленіе живописи совершалось въ соборѣ нѣсколько разъ и въ 1853 году послѣдній разъ, потому что соборъ не отапливался, что̀ дурно отзывалось на внутренности собора. Въ 1864 году въ немъ устроены печи и съ тѣхъ поръ возобновленія не было уже. Замѣтимъ, что возобновленія касались только живописи и состояли болѣе всего въ возстановленіи потемнѣвшихъ иконъ снятіемъ копоти съ нихъ.

Таково прошлое Архангельскаго собора, въ который я поведу читателя теперь, чтобы поклониться его святынямъ и осмотрѣть его достопримѣчательности.

Наружность собора, претерпѣвшая много измѣненій, не носитъ на себѣ ничего особаго, бьющаго въ глаза своею оригинальностью, среди другихъ соборовъ; онъ, какъ и всѣ соборы Кремля, Византійскаго характера съ планомъ въ видѣ прямоугольника съ четырьмя пилонами по срединѣ, несущими на себѣ своды, восточная сторона котораго оканчивается тремя полукруглыми выступами, въ которыхъ расположены алтари. У восточной стѣны пристроены двѣ небольшія церкви, а южная стѣна, выходящая къ рѣкѣ, подперта массивными контрофорсами, устроенными для поддержанія собора, давшаго трещины, когда близъ него начали планировать мѣста для знаменитой затѣи постройки колоссальнаго Кремлевскаго дворца при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тутъ-же есть небольшая пристройка, гдѣ прежде была Судная изба, имѣющая теперь хозяйственное значеніе, подъ которой находятся старинные сводчатые подвалы, выходящіе даже подъ улицу. Западная стѣна двойная и здѣсь въ промежуткѣ между стѣнами, гдѣ прежде помѣщались 4 придѣла, теперь находится одинъ придѣлъ, ризница и библіотека. Надо думать, что вторая стѣна позднѣйшей постройки. Такимъ образомъ эти пристройки и придѣлки совершенно измѣняютъ видъ собора и придаютъ ему видъ, уступающій далеко по цѣльности впечатлѣнія собору Успенскому.

Парадная лѣстница.

Замѣтимъ также что теперешній полъ собора находится на 5 аршинъ отъ материка и подъ нимъ лежатъ еще два пола—лещадной и еще глубже кирпичный.

Чрезъ готическій портикъ сѣверныхъ дверей, со стороны соборной площади, пристроенный архитекторомъ Казаковымъ при императрицѣ Екатеринѣ II, мы войдемъ внутрь собора.

Здѣсь, конечно, поразитъ всякаго общій видъ внутренности собора. Слабый свѣтъ, проникающій чрезъ высоко расположенныя узкія окна, и темный колоритъ росписанныхъ стѣнъ собора вообще—едва даетъ возможность разглядывать содержащееся въ соборѣ. Четыре громадныхъ пилона дѣлятъ все пространство на части и поддерживаютъ куполы, изъ коихъ средній вздымается на высоту 16 саж. отъ пола собора. Все остальное свободное пространство за исключеніемъ узкихъ проходовъ заставлено гробницами повелителей Россіи до начала XVIII вѣка. Гробницы покрыты бархатными темномалиновыми покровами съ мѣдными дощечками, на которыхъ обозначено имя, годъ рожденія и погребенія усопшихъ. Одна за другой гробницы слѣдуютъ около пилоновъ и трехъ стѣнъ собора, на которыхъ противъ каждой гробницы сдѣлано изображеніе погребеннаго здѣсь государя, такъ что невольно чудится, что видишь ихъ вставшими изъ могилъ. Вообще всѣ стѣны покрыты живописью (al-secco), относимою къ XVI вѣку и изображающею, кромѣ портретовъ государей Россіи,—Страшный судъ, Сvмволъ вѣры и чудеса св. Архистратига Михаила, расположенные горизонтальными рядами до сводовъ собора.

Гробницы, расположенныя въ соборѣ, не подчиняются особому строгому порядку и послѣдовательности. Мы укажемъ здѣсь мѣста гробницъ государей, оставившихъ по себѣ особую память.

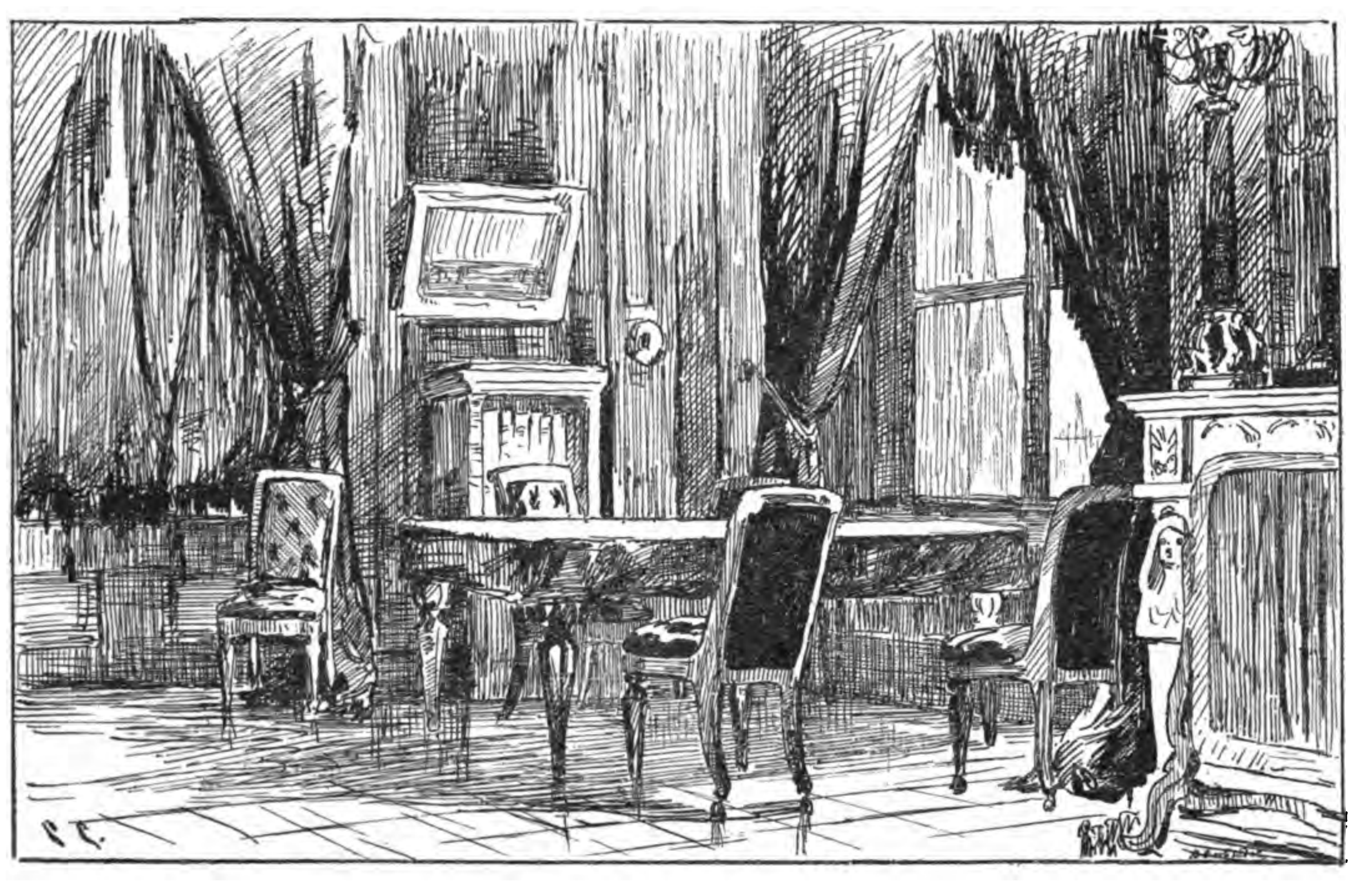
У праваго передняго столба (ставъ лицомъ къ иконостасу), установлена серебряная рака съ мощами послѣдней отрасли Рюриковичей—измѣннически убитаго Дмитрія царевича; здѣсь всегда теплится неугасимая лампада и почти всегда мерцаетъ множество восковыхъ свѣчей; тутъ же находится образъ съ изображеніемъ царевича въ возрастѣ его мученической смерти и нѣсколько вещей, принадлежавшихъ царевичу Дмитрію при жизни. Нѣсколько ступенекъ ведутъ

къ частью открытымъ мощамъ его — предмету постояннаго стеченія богомольцевъ.

У праваго втораго столба стоятъ мощи Черниговскихъ чудотворцевъ „благовѣрнаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора“, знаменитыхъ мучениковъ и борцовъ за вѣру христіанскую, погибшихъ въ татарской ордѣ; мощи эти перенесены въ Москву по приказанію Іоанна Грознаго изъ Чернигова. У передняго же праваго пилона, близъ мощей Дмитрія царевича, послѣдняго Рюриковича, стоитъ пять гробницъ первыхъ государей изъ дома Романовыхъ. Такъ здѣсь погребены среди своихъ сыновей и внуковъ Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ,—государи, положившіе начало возрожденія Россіи въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ, расширившіе предѣлы государства, присоединеніемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ — Малороссіи Кіева, Смоленска и проч. Напротивъ мощей царевича Дмитрія, у лѣваго передняго столба мирно покоится прахъ внука Петра I, императора Петра II, и это единственная императорская гробница въ Архангельскомъ соборѣ. Здѣсь же вблизи находится гробница предшественника Петра I царя Ѳеодора Алексѣевича и брата его Іоанна Алексѣевича. На пилонѣ помѣщенъ портретъ царя Ѳеодора, а на гробницѣ Петра II между прочимъ значится: „Всякихъ благъ чаяніемъ подданныхъ своихъ вкратцѣ обнадеживъ, изволеніемъ Божіимъ къ вѣчному царствію переселился въ лѣто (7238) 1730 Іануарія 19. Разсыпася радость сердецъ нашихъ, обратися въ плачъ ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашея. Горе намъ, яко согрѣшихомъ“. Здѣсь же на противоположной сторонѣ — доска, обозначающая мѣсто погребенія царя Казанскаго, принявшаго православную вѣру, Александра.

На лѣвомъ заднемъ столбѣ можно видѣть вдѣланную въ столбъ доску съ славянской изсѣченной надписью, обозначающею, что здѣсь погребенъ царевичъ Петръ, сынъ Ибрагима и внукъ Казанскаго царя Мамотякова.

Вдоль сѣверной и западной стѣнъ идутъ 12 могилъ удѣльныхъ и великихъ князей, между которыми мы отмѣтимъ гробницу царя Василія Ивановича Шуйскаго. Припомнимъ изложенную въ предъидущихъ очеркахъ грустную исторію царствованія Василія Шуйскаго, его плѣнъ, вступленіе

Кабинетъ Государя Императора въ Больш. Кремл. Дворцѣ.

въ оковахъ въ столицу Сигизмунда—Варшаву и наконецъ смерть этого царя Россіи на далекой чужбинѣ среди враждебнаго русскимъ народа; припомнимъ также, что Сигизмундъ, выдавъ тѣло Шуйскаго царю Михаилу Ѳеодоровичу, велѣлъ воздвигнуть въ Варшавѣ ему памятникъ.

Вся южная стѣна собора обставлена также гробницами по три въ рядъ. Здѣсь во второмъ ряду мы встрѣчаемъ гробницу вѣрнаго боеваго товарища Дмитрія Донскаго, Владиміра Андреевича, побѣдившаго Мамая, Ольгерда, Олега Рязанскаго и друг., и перваго изъ князей, отказавшагося отъ древняго права наслѣдованія престола старшимъ въ родѣ. Далѣе гробницу Великаго Князя Дмитрія Донскаго—храбраго витязя, которому Россія обязана освобожденіемъ отъ тяжкаго ига татарскаго,—ига, остановившаго ея естественный ростъ. Онъ, въ день знаменитой Куликовской битвы, первый поднялъ мечъ противъ татаръ, разбилъ нахлынувшія на Россію тучи враговъ и тѣмъ далъ возможность вскорѣ увидѣть зарю свободы порабощенной и угнетенной до того дня родинѣ.

Далѣе, въ ряду ближайшемъ къ южнымъ дверямъ покоится прахъ „собирателя земли Русской“ Іоанна Даниловича Калиты, положившаго здѣсь на берегу р. Москвы на высотахъ Кремлевскихъ начальный камень единодержавія, перенеся сюда резиденцію великаго князя и пріобрѣтя вліяніе и власть надъ удѣльными князьями. Мирное и тихое княженіе его успокоило взволнованную безпрерывными междоусобіями Русь и дало ей столицу въ г. Москвѣ, гдѣ Калита основалъ между прочимъ и соборъ Архангельскій, въ которомъ мы теперь и посѣщаемъ его могилу.

У самаго иконостаса находится гробница Василія Темнаго, царствованіе котораго наполнено, какъ мы видѣли, страшными невзгодами, какъ для Россіи, такъ и для самаго князя, перенесшаго три сверженія съ престола, плѣнъ у татаръ, пребываніе въ темницѣ и наконецъ ослѣпленіе, почему и сохранилось за нимъ прозваніе — Темнаго.

Тутъ-же рядомъ гробница Іоанна III, великаго строителя соборовъ Кремлевскихъ и вообще Кремля, внесшаго въ среду русскихъ,—чрезъ женитьбу на Софіи Палеологъ,—вліяніе Византіи, стоявшей на болѣе высокой ступени культуры. Близъ этихъ гробницъ дверь, находящаяся въ

*

иконостасѣ, ведетъ въ предѣлъ Іоанна Предтечи, гдѣ погребенъ первый царь Россіи Іоаннъ Грозный съ двумя своими сыновьями Іоанномъ и Ѳеодоромъ, послѣднимъ изъ царей Россіи — Рюриковичей.

Этимъ бѣглымъ перечнемъ мы закончимъ обозрѣніе гробницъ государей Россіи, покоящихся подъ сводами Архангельскаго собора. Но намъ остается еще упомянуть, что въ придѣлѣ Уара мученика, находящемся въ пристройкѣ къ восточной сторонѣ собора, покоится прахъ любимца народа Михаила Скопина-Шуйскаго, великаго полководца и замѣчательнаго человѣка среди современниковъ.

Иконостасъ Архангельскаго собора подымается во всю высоту до сводовъ и весь блеститъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Иконы расположены рядами и между ними нѣсколько весьма замѣчательныхъ: 1) Образъ Богородицы, названный благодатное небо, по преданію, прибывшій въ Москву съ Великой Княгиней Софіей Витовтовной. 2) Тихвинской Богоматери, принадлежавшій матери Дмитрія Царевича. 3) Василія Великаго (съ южной стороны), съ которымъ вмѣстѣ нарисованъ въ иконномъ стилѣ Великій Князь Василій Іоанновичъ и проч.

При соборѣ три придѣла: 1) Уара Мученика—у восточной стѣны собора, въ небольшой пристройкѣ съ отдѣльнымъ входомъ, перенесенный сюда изъ разобранной въ 1847 году церкви Іоанна Предтечи подъ Боромъ; 2) Іоанна Предтечи — тоже въ пристройкѣ къ восточной стѣнѣ, но со входомъ изнутри собора и 3) Покрова Богородицы — у западной стѣны собора.

Ризница Архангельскаго собора весьма богата драгоцѣнными предметами, по большей части вкладами государей. Между ними замѣчательны: 1) Рукописное евангеліе начала XII вѣка, перенесенное изъ Новгорода, съ изображеніями евангелистовъ и проч., въ чрезвычайно замѣчательномъ переплетѣ филигранной работы изъ золота съ драгоцѣнными камнями; 2) Псалтырь, писанный въ 1594 году съ рисунками на поляхъ, и кромѣ того много другихъ замѣчательныхъ евангелій и проч.

Изъ предметовъ священныхъ замѣчательны: 1) Серебрянный чеканный крестъ (работы 1560 года), украшенный драгоцѣнными камнями; 2) золотой крестъ съ мощами;

Кабинетъ Государя Императора
въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

3) золотой потиръ и дискосъ вѣсомъ 7 фунт. 83 золотн. и проч.

Въ ризницѣ хранятся также дорогіе покровы на гробницы государей, употребляемые въ торжественныхъ случаяхъ; между ними нѣкоторые замѣчательны по богатству, работѣ и обилію драгоцѣнныхъ камней.

Конечно, этотъ перечень далеко не указываетъ на все замѣчательное въ соборѣ,—какъ въ ризницѣ, такъ и въ библіотекѣ собора, гдѣ ученые, знатоки и любители найдутъ богатую пищу для изысканій, сравненій и простаго обзора предметовъ, рѣдкихъ по древности и замѣчательныхъ по работѣ.

Благовѣщенскій соборъ. Основанный еще при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ въ 1397 году Благовѣщенскій соборъ извѣстенъ былъ въ лѣтописяхъ подъ разными именами: „церковь Благовѣщенія на площади", „па Великокняжескомъ, Государевомъ дворѣ", потомъ „на Царскихъ сѣняхъ" и „у Царскія казны".—Это послѣднее названіе присвоено ему было потому, что нижній этажъ собора служилъ хранилищемъ драгоцѣнностей и казны царской; у собора этого, какъ мы видѣли въ очеркахъ исторіи Кремля, стояла, къ сторонѣ собора Архангельскаго, кирпичная палата или такъ называемый казенный дворъ. Съ 1722 года соборъ называли„ у Его Императорскаго Величества на сѣняхъ", что оправдывало самое положеніе собора вблизи главнаго входа во дворецъ, такъ какъ главный фасадъ дворца выходилъ на соборную площадь. Въ 1405 году онъ былъ росписанъ знаменитымъ тогда русскимъ иконописцемъ Рублевымъ, а близъ него поставлены были первые въ Москвѣ часы Лазаремъ Сербиномъ. Іоаннъ III, великій строитель всѣхъ большихъ соборовъ Кремля, приказалъ по ветхости зданіе разобрать и на старомъ нижнемъ этажѣ воздвигъ въ 1482 году новое зданіе, росписанное уже при преемникѣ его.—Но пожаръ 1547 года повредилъ строеніе и уже при Грозномъ соборъ былъ снова реставрированъ, по сохранившимся образцамъ, а куполы его позолочены золотомъ взятымъ изъ покореннаго имъ Новгорода.

Поляко-Литовцы въ 1612 году и въ Благовѣщенскомъ соборѣ оставили слѣды разрушенія на столько большіе, что

царь Михаилъ Θеодоровичъ снова повелѣлъ его возобновить и дарами своими обогатилъ его. При Императорѣ Петрѣ I живопись была реставрирована, но не надолго, такъ какъ извѣстный гибельный для Кремля пожаръ 1737 года заставилъ снова приступить къ поновленію живописи и пр., что-было исполнено по повелѣнію Императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. При Императрицѣ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ I соборъ былъ снова возобновленъ, но погромъ 1812 года, оставившій глубокіе непоправимые слѣды вообще во всемъ Кремлѣ, тяжело отозвался и на Благовѣщенскомъ соборѣ, пострадавшемъ очень значительно.

При Императорѣ Николаѣ I и покойномъ Государѣ Александрѣ Николаевичѣ опять происходила реставрація.— Тогда было обращено особое вниманіе на позолоту 9 главъ собора и результатомъ этого мы видимъ ихъ теперь ярко выдѣляющимися, по богатству и прочности позолоты, среди всѣхъ куполовъ Кремлевскихъ соборовъ и церквей.

Внѣшній видъ храма, имѣя нѣкоторое сходство по мысли съ другими соборами, выдѣляется среди ихъ значительно тѣмъ, что самый храмъ, имѣющій въ планѣ общую съ другими фигуру прямоугольника, окруженъ еще крытою папертью съ двумя входами въ нее съ восточной стороны. Кромѣ того, мы уже видѣли, что здѣсь не шесть куполовъ, какъ на другихъ соборахъ, а девять: пять на самомъ соборѣ и 4 на его придѣлахъ, помѣщающихся въ надстройкахъ по угламъ надъ папертью, т. е. крытой галлереей, окружающей три стороны храма. Все это, а также нѣкоторое разнообразіе въ деталяхъ выдѣляетъ соборъ среди всѣхъ другихъ сходныхъ съ нимъ по типу.—Прежде, чѣмъ войдемъ внутрь собора, познакомимся съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ соборъ теперь и какое имѣлъ онъ въ прошломъ.— Находясь у самаго дворца и будучи и теперь соединенъ съ нимъ крытымъ переходомъ, Благовѣщенскій соборъ всегда имѣлъ значеніе придворнаго собора. Въ немъ совершались нерѣдко бракосочетанія Великихъ князей, пріобщеніе св. тайнъ, крещеніе новорожденныхъ и всегда въ день коронованія государи посѣщали соборъ, гдѣ молились находящимся въ немъ святынямъ. Хоры, находящіеся и понынѣ въ соборѣ, служили мѣстомъ гдѣ, по древнему обычаю,

стояли царица и царевичъ, въ то время, какъ государь стоялъ службу внизу. Начиная съ XV вѣка и до сихъ поръ протоіереи Благовѣщенскаго собора считались духовниками государей, жили даже прежде при соборѣ, и теперь духовникъ государя все-таки считается протоіереемъ Благовѣщенскаго собора. Извѣстно какое значеніе имѣли духовники государей въ прошломъ на дѣла и повелѣнія государей, начинавшихъ день молитвой въ присутствіи духовника своего, видѣвшихъ его нѣсколько разъ въ день и получавшихъ его благословеніе отходя ко сну. Всѣмъ памятно, конечно, вліяніе на событія XVI вѣка духовника Іоанна Грознаго, попа Сильвестра, который: „бысть же у государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все моги и вся его послушаху...... всякія дѣла святительскія и царскія правяше“.....

Замѣтимъ еще, что до 1874 года на южномъ крыльцѣ паперти происходили споры съ старообрядцами, въ которыхъ видную роль игралъ извѣстный бывшій старообрядецъ начетчикъ о. Пафнутій. Къ сожалѣнію, споры эти были прекращены.

Внутрь собора входятъ чрезъ сѣверную паперть, которая, какъ и весь храмъ, по сводамъ и стѣнамъ покрыта живописью. Здѣсь, между разными изображеніями изъ священной исторіи, мы встрѣчаемъ образъ Всемилостивѣйшаго Спаса, памятный по чумѣ 1771 года, а на стѣнахъ портреты Великихъ князей: Даніила Александровича, Дмитрія Іоанновича и Василія Іоанновича. Тутъ же интересны на правой отъ входа сторонѣ изображенія греческихъ философовъ: Аристотеля, Анахарсиса, Менандра, Птоломея, Ѳукидида, Зенона, Плутарха и друг. На сверткахъ, находящихся въ ихъ рукахъ, видны надписи; напр., у Платона на сверткѣ значится: „Должно надѣяться, что самъ Богъ ниспошлетъ небеснаго учителя и наставника людямъ;“ у Сократа: „Добраго мужа никакое зло не постигнетъ. Душа наша безсмертна. По смерти будетъ добрымъ награда, а злымъ наказаніе,“ и проч.

Внутреннее помѣщеніе самаго храма очень незначительно, какъ и его высота. Посреди находятся два четырехъгранные пилона, которые съ двумя другими, находящимися уже въ алтарѣ, поддерживаютъ своды собора. Между пило-

нами и западной стѣной помѣщены хоры, еще болѣе съуживающіе просторъ храма. Своды, стѣны и пилоны покрыты живописью, изображающею святыхъ, таинственныя видѣнія изъ Апокалипсиса, мученіе грѣшниковъ въ аду и блаженство праведныхъ въ раю. Въ прошломъ 1882 году, когда было приступлено къ исправленію живописи на стѣнахъ собора, то производитель работъ архитекторъ Шохинъ и художникъ Фартусовъ замѣтили, что во многихъ мѣстахъ старинная живопись закрыта новой, по снятіи которой было найдено, что старинная живопись сохранилась очень хорошо. По докладу объ этомъ Государю Императору, было повелѣно образовать коммиссію, въ которую вошли извѣстный ученый археологъ И. Забѣлинъ, профессоръ архитектуры Резановъ и профессоръ живописи Боткинъ, и имъ было поручено руководить работами по возобновленію живописи. Такимъ образомъ мы имѣемъ ручательство, что будетъ снято все позднѣйшее и возстановятъ дѣйствительно интересный памятникъ древне-русской живописи. Уже теперь, когда снята только часть позднѣйшихъ подмалевокъ,—знатоки восхищаются замѣчательной живописью, скрывавшейся подъ мазками новѣйшихъ богомазовъ. Замѣтимъ, что живопись эту слѣдуетъ отнести къ 1482 году, т. е. ко времени до Рафаэля, родившагося, какъ извѣстно, въ 1483 году.

Полъ собора, обращающій на себя вниманіе всякаго входящаго, состоитъ изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ кусковъ очень рѣдкой и твердой яшмы. Чрезвычайно интересно, что подобный же яшмовый полъ мы встрѣчаемъ въ знаменитомъ древнемъ соборѣ Св. Марка въ Венеціи. Тамъ полъ сдѣланъ волнообразнымъ, какъ бы отвѣчая значенію Венеціи, владычицы морей,—здѣсь онъ ровенъ, какъ тѣ знаменитыя еще издревле ровныя степи, владычицей которыхъ считаютъ древнюю Москву.

Иконостасъ собора, возстановленный по ограбленіи его въ 1812 году, состоитъ изъ пяти ярусовъ, раздѣленныхъ теперь бронзовыми тягами и колонками; прежде онъ былъ обложенъ серебромъ и финифтью. Изъ образовъ въ иконостасѣ замѣчательны: 1) Справа отъ царскихъ вратъ икона Всемилостивѣйшаго Спаса съ открытымъ евангеліемъ на словахъ: „не судите, да не осудимы будете,“—замѣчательна по древности письма; ее относятъ къ XIV вѣку, т. е.

Фотогр. Художн. Панова. въ Москвѣ, д Кр. Общ.

Георгіевскій залъ.

ко времени Іоанна Даниловича Калиты. 2) Благовѣщенія Богоматери, храмовой образъ и 3) съ лѣвой стороны образъ Донской Божіей Матери, замѣчательный потому, что былъ съ Дмитріемъ Донскимъ въ Куликовской битвѣ и съ Борисомъ Годуновымъ при встрѣчѣ его съ Казы-Гиреемъ. Весь богатый окладъ иконы, драгоцѣнные камни, его украшавшіе, и привѣски—все было похищено въ 1812 году и теперь образъ окруженъ 18 изображеніями Праматерей, Фламандской работы XVIII вѣка.

Въ алтарѣ у престола находится два корсунскихъ креста.

При соборѣ 5 придѣловъ, изъ которыхъ одинъ у южной стѣны и 4 въ 4-хъ небольшихъ надстройкахъ надъ папертью. Эти послѣдніе расположены совершенно отдѣльно отъ храма и ходъ къ нимъ возможенъ только по крышѣ паперти.— Придѣлы: 1) Входъ Христовъ въ Іерусалимъ, 2) Соборъ Архангела Гавріила и 3) Соборъ Пресвятой Богородицы замѣчательны древностью своихъ иконостасовъ, въ которыхъ образа обдѣланы бесменнымъ и сканнымъ серебромъ, древняго письма. Эти придѣлы сохранились какимъ-то чудомъ отъ погрома 1812 года, чему мы и обязаны возможности видѣть предметы глубокой старины. Четвертый придѣлъ Великомученика Георгія передѣланъ заново во время императора Николая Павловича.

Внутри храма у пилоновъ поставлены 2 аналоя съ 107 частицами мощей, привезенныхъ большею частью изъ Греціи. У праваго пилона спереди поставлено царское мѣсто, называемое мѣстомъ царя Ѳеодора Алексѣевича. У лѣваго столба стоитъ кіотъ, въ которомъ помѣщается „крестъ животворящее древо“ и много другихъ крестовъ и панагій, подарковъ восточныхъ патріарховъ и императоровъ русскимъ царевичамъ при ихъ рожденіи.

Ризница Благовѣщенскаго собора, спасенная отъ раззоренія 1812 года перевозкой въ Вологду, сохраняетъ въ себѣ замѣчательные памятники глубокой старины и помѣщается въ южной пристройкѣ. Здѣсь кромѣ древнихъ евангелій съ миніатюрами въ богатыхъ, усѣянныхъ драгоцѣнными камнями окладахъ замѣчателенъ болѣе всего крестъ осмиконечный изъ животворящаго древа въ золотомъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями и панагіей Іерусалимскаго патріарха, въ который вдѣланъ камень отъ гроба Господня.

Надпись на верхней сторонѣ оклада свидѣтельствуетъ, что крестъ этотъ присланъ Константиномъ Мономахомъ Владиміру Мономаху въ Кіевъ, вмѣстѣ съ шапкой и діадемой. Окладъ работы 1621 года.—Кромѣ этого въ ризницѣ хранятся другіе замѣчательные кресты, сосуды, драгоцѣнныя ризы и проч.; все это вклады Государей русскихъ, коихъ придворнымъ соборомъ состоитъ и состоялъ храмъ Благовѣщенія.

Колокольня Иванъ Великій. Одно изъ чудесъ Кремля, которому удивлялись прежде и которое считаютъ долгомъ посѣтить теперь многочисленные туристы, — есть такъ называемый въ старину Ивановскій столпъ, а нынѣ просто Иванъ Великій. Не чуденъ онъ своей архитектурой, крайне незамысловатой и простой, не замѣчателенъ онъ также по конструкціи сооруженія, такъ какъ теперь строительное искусство ушло далеко, но слылъ онъ за чудо въ XVII вѣкѣ и слава эта осталась за нимъ въ народѣ до нашихъ дней. Воздвигнутый въ 1600 году при Борисѣ Годуновѣ, Ивановскій столпъ, какъ по положенію своему на вершинѣ Кремлевскаго холма, такъ и по высотѣ, болѣе 46 саж., останавливалъ на себѣ взоры не только Москвичей, но всѣхъ подъѣзжавшихъ къ городу.—Съ какой-бы стороны Москвы ни приблизиться къ ней, золотая глава Великаго Ивана видна уже издалека, окруженная золотыми же куполами соборовъ, церквей, шпилями дворцовъ и высокихъ остроконечныхъ башенъ. На него глядя, православный, подъѣзжая къ городу, творитъ крестное знаменіе и туристъ, завидя блестящую точку, уже не отходитъ отъ окна вагона, любуясь на обрисовывающійся все болѣе и болѣе чрезвычайно живописный издали городъ.

Прошлое колокольни не замѣчательно особо.—Воздвигнутый на мѣстѣ старинной церкви Іоанна Лѣствичника, отчего и получилъ, какъ думаютъ, свое названіе, Иванъ Великій уже въ 1611 году приводилъ въ удивленіе извѣстнаго Маскѣвича и стоялъ отдѣльно отъ прочихъ зданій. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ къ нему были сдѣланы двѣ пристройки, но частые пожары, а въ особенности знаменитый пожаръ 1737 года, послужили къ тому, что зданіе было нѣсколько разъ возобновлено, а колокола, упавшіе во

время этого страшнаго пожара, были снова перелиты и повѣшены на мѣста уже при Аннѣ Іоанновнѣ.—1812 годъ оставилъ еще болѣе значительные слѣды. Двѣ пристройки къ нему, Успенская и Филаретовская (временъ Михаила Ѳеодоровича) были взорваны при извѣстныхъ взрывахъ въ Кремлѣ, самый Ивановскій столпъ далъ трещину, а ярко блестѣвшій крестъ былъ снятъ, но оказался не золотымъ, а потому оставленъ изломаннымъ.—Вскорѣ однако пристройки воздвигнуты снова, придерживаясь старины, трещины задѣланы, попадавшіе колокола частью перелиты и повѣшены вновь, а крестъ, найденный среди развалинъ, поновленъ и снова засіялъ на вершинѣ золотой главы колокольни.

Въ прошломъ, кромѣ назначенія своего быть общей колокольней для всѣхъ соборовъ, верхній этажъ Ивана Великаго служилъ еще обсерваціоннымъ пунктомъ, такъ какъ на немъ находились, по словамъ Снегирева, сторожа, высматривавшіе приближающихся къ Москвѣ враговъ. Кромѣ того до начала XIX столѣтія здѣсь былъ пожарный постъ.

Мѣстность около Ивановской колокольни замѣчательна еще тѣмъ, что здѣсь въ Кремлѣ находилась при Борисѣ Годуновѣ первая въ Россіи бархатная и парчевая фабрика, а въ другой пристройкѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ помѣщался громадный глобусъ. Само зданіе служило помѣщеніемъ для нѣкоторыхъ канцелярій, а площадь Ивановская—мѣстомъ сборища подъячихъ, писавшихъ народу за плату челобитныя, купчія и проч.—Здѣсь также объявлялись разные Царскіе указы во всеуслышаніе, какъ говоритъ Снегиревъ, „во всю Ивановскую“ и совершались до перенесенія на Красную площадь публичныя казни. — Таково прошлое Ивана Великаго; но церкви, въ немъ помѣщенныя: 1) Іоанна Лѣствичника и въ особенности 2) св. Николая Голстунскаго въ пристройкѣ, замѣчательны еще по другимъ историческимъ воспоминаніямъ.

Церковь св. Іоанна Лѣствичника, находящаяся въ 1-мъ этажѣ колокольни, впервые была деревянная, построенная въ 1320 году. Затѣмъ при постройкѣ колокольни она была сломана и перенесена впослѣдствіи въ самое зданіе воздвигнутаго на ея мѣстѣ Ивановскаго столпа. Теперь въ ней находится нѣсколько замѣчательныхъ древнихъ иконъ;

самая-же внутренность церкви, передѣлывавшаяся не одинъ разъ, носитъ на себѣ характеръ обыкновенной новой церкви, заключенной въ очень тѣсномъ пространствѣ.

Храмъ св. Николая Голстунскаго памятенъ потому, что былъ воздвигнутъ на площади передъ колокольней на томъ мѣстѣ, гдѣ до конца XV вѣка стояло Ханское подворье, съ ея построеніемъ Кремль совершенно избавился отъ присутствія татаръ. Діаконъ этой церкви Иванъ Ѳедоровъ первый въ Россіи положилъ начало книгопечатанію въ 1567 году изданіемъ Часослова. Въ 1816 году соборъ сломанъ, мѣсто очищено и престолъ перенесенъ въ пристройку къ колокольнѣ, гдѣ и теперь находится.

Внѣшній видъ сооруженія не имѣетъ однообразнаго характера: главное зданіе и Успенская пристройка носятъ слѣды, подобно соборамъ, Византійскаго стиля, а на другой пристройкѣ, съ остроконечной крышей и башеньками, видно вліяніе готики. Шестигранная форма въ планѣ колокольни сохраняется почти до верху, гдѣ переходитъ въ цилиндрическую съ готическими орнаментами и оканчивается извѣстной Византійской золотой луковицей съ крестомъ, на верху котораго надпись: Царь славы. Подъ главой три черныхъ пояса испещрены надписью золотыми буквами: Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всея Россіи самодержца, и сына его Благовѣрнаго Великаго Государя, Царевича, Князя Ѳеодора Борисовича всея Россіи храмъ сооруженъ и позлащенъ во второе лѣто Государства ихъ 108 года (1600).

Иванъ Великій и теперь служитъ колокольней для всѣхъ трехъ большихъ Кремлевскихъ соборовъ. На немъ находится всего 34 колокола, изъ которыхъ 4 самыхъ большихъ въ Успенской пристройкѣ. — Между ними замѣчательны: 1) Успенскій или праздничный (4000 пуд.), самый большой, отлитый Богдановымъ изъ стараго, разбившагося при взрывѣ пристройки въ 1812 году. Это тотъ колоколъ, въ который звонятъ въ большіе праздники и ударяютъ три раза по смерти Государей. Звукъ его замѣчателенъ по

полнотѣ тона, гармоничности и силѣ. Во время звона онъ какъ бы поетъ мощнымъ величественнымъ голосомъ, его заслушиваются многіе любители музыки; имъ дается съ иллюминованной колокольни начало тому торжественному звону всѣхъ Московскихъ церквей въ великую ночь передъ Пасхой, который сзываетъ толпы народа на площади Кремля.

Гигантъ, люблю твой царскій гулъ,
Несомый въ воздухѣ привольномъ,
Лишь онъ бывало не топулъ
Въ аккордѣ мѣдно-колокольномъ,—

говоритъ Трилунный, и дѣйствительно звукъ Успенскаго колокола царитъ и не тонетъ среди звона колоколовъ Кремля и Москвы вообще.—2) Реутъ (2000 пуд.), вылитый въ 1689 году мастеромъ Чеховымъ. Въ 1812 году онъ упалъ, но не разбился и потому повѣшенъ вновь на мѣсто. 3) Вседневный (1017 пуд.), отлитый изъ стараго въ 1782 году и 4) Семисотенный, литый въ 1704 году. Всѣ эти колокола работы русскихъ мастеровъ—Богданова, Чехова, Завьялова и Маторина. Между прочими колоколами есть нѣсколько обращающихъ на себя вниманіе своимъ иностраннымъ происхожденіемъ или древностью. Звонятъ въ колокола обыкновенно звонари, живущіе въ пристройкѣ, но въ праздники обыкновенно звонъ привлекаетъ на колокольню любителей, которые и исполняютъ роль звонарей. Но не колокола привлекаютъ туристовъ на колокольню, а тотъ чарующій видъ, который открывается съ верхняго уступа колокольни на городъ, пригороды и окрестности верстъ болѣе чѣмъ на 30 вокругъ. И дѣйствительно, тяжелый трудъ поднятія по крутой лѣстницѣ па колокольню вполнѣ вознаграждается созерцаніемъ дивной картины громаднаго города, который разстилается у ногъ обоврѣвателя. Не даромъ Императоръ Римскій Іосифъ II въ 1780 году и Наполеонъ I со всѣми маршалами въ 1812 году подымались на колокольню, чтобы любоваться чудной понорамой Москвы.

И теперь многіе, посѣщающіе Москву и осматривающіе ея достопримѣчательности, рѣдко минуютъ небольшую дверку, находящуюся близъ Царя-колокола и ведущую на колокольню Ивана Великаго. Здѣсь обыкновенно туриста встрѣчаютъ звонари колокольни, имѣющіе какъ бы привилегію водить па колокольню, и предлагаютъ желающимъ подняться на

высоту балкона ея, чтобы полюбоваться съ высоты птичьяго полета разбросившимся по холмамъ семисотлѣтнимъ старикомъ городомъ. Въ солнечный теплый день этотъ видъ способенъ надолго задержать на высотѣ колокольни всякаго любителя-туриста и воспоминаніе о немъ надолго сохранится въ его памяти.

Во время праздниковъ, а въ особенности во время торжествъ коронаціи, колокольня обыкновенно роскошно иллюминуется, и зажженіе иллюминаціи служитъ сигналомъ для начала иллюминаціи всего города.

Таково одно изъ чудесъ Кремля—Иванъ Великій и мы, покидая его, воскликнемъ вмѣстѣ съ А. Полежаевымъ:

Живи, цвѣти, Иванъ Кремлевскій
И, утѣшая слухъ Московскій,
Гуди во всѣ колокола!....

Дворцовые соборы и церкви.

Прослѣдивъ прошлое Московскаго Кремля, познакомившись съ нравами, обычаями и вообще съ жизнью Великихъ Князей и Царей древней Руси, станетъ понятно, почему и въ нынѣшнемъ дворцѣ, отчасти новомъ, отчасти состоящемъ изъ остатковъ древнихъ дворцовъ, мы встрѣчаемъ столько дворцовыхъ церквей. Въ то время, когда событія сметали съ лица земли другія дворцовыя палаты и хоромы, измѣнялись ихъ положеніе, видъ и убранство соотвѣтствено желаніямъ и обиходу Царской семьи, — церкви дворца сохранялись большею частью на мѣстахъ ихъ основанія и только время и вкусы измѣняли ихъ внѣшность. Дворцовыя церкви служили домашними для царей и царицъ, обогащались ихъ дарами, вкладами и пользовались, понятно, особымъ попеченіемъ. И, конечно, въ храмахъ дворца мы бы имѣли драгоцѣнные памятники родной старины, если бы не страшные пожары, опустошавшіе не одинъ разъ Кремлевскій дворецъ въ его почти 700 лѣтней жизни, да не варварское истребленіе и расхищенія, врагами не одинъ разъ хозяйничавшими въ престольномъ Кремлѣ.

Набожность Московскихъ Царей, ихъ постоянная связь съ церковью, засвидѣтельствованная исторіей, оставили слѣды въ построеніи многихъ дворцовыхъ церквей, изъ которыхъ теперешній дворецъ имѣетъ десять.

Благовѣщенскій соборъ, о которомъ мы говорили, служилъ со времени его построенія главнымъ придворнымъ храмомъ.

Спасъ на Бору, т. е. соборъ Преображенія Господня, занимаетъ между всѣми дворцовыми церквами самое выдающееся мѣсто, какъ по своему очень древнему основанію, такъ и по значенію, какое онъ имѣлъ.

Еще въ то время, когда дремучій боръ покрывалъ вершину Кремлевскаго холма, когда вся мѣстность носила на себѣ характеръ не населенной почти пустыни,—жизнь здѣсь зародилась около небольшой сначала деревянной церкви, стоявшей среди лѣса на вершинѣ Боровицкаго холма; по преданію, она сооружена первымъ Московскимъ Княземъ Даніиломъ. Іоаннъ Даниловичъ Калита, перенеся престолъ Великаго Князя въ Москву, построилъ въ 1330 году каменный храмъ Преображенія и учредилъ при немъ монастырь.—Съ перенесеніемъ митрополіи въ Москву, монастырь этотъ разроссся, привлекъ къ себѣ выходцевъ изъ другихъ городовъ и самъ впослѣдствіи выдѣлялъ изъ среды братіи своей священнослужителей въ другіе города тогдашней Россіи. Такъ какъ дворецъ Великаго Князя находился окола храма Преображенія, то, ставъ какъ бы домовою дворцовою церковью, храмъ былъ обогащенъ вкладами и дарами Великаго Князя, въ которомъ строитель его передъ кончиною и принялъ монашескій чинъ. Во время страшнаго погрома Москвы Тохтамышемъ, храмъ Преображенія тоже пострадалъ, но былъ возобновленъ Дмитріемъ Донскимъ. При монастырѣ тогда находились: 1) Кельи монаховъ, быть можетъ даже монахинь, какъ говоритъ Снегиревъ, 2) Кладбище, на которомъ погребались Великіе Князья и Княгини до построенія Архангельскаго собора и Вознесенскаго монастыря, о чемъ свидѣтельствуютъ найденные здѣсь памятники, 3) Первая въ Москвѣ богадѣльня и пріютъ для нищихъ и убогихъ, основанный Калитою. Іоаннъ III, при перестройкахъ дворца, перенесъ отсюда монастырь, а усыпальницею Князей сталъ служить Архангель-

скій соборъ, храмъ же Спаса на Бору преобразился въ придворный, по тогдашнему верховой, соборъ.

Въ 1527 году, при Василіѣ Іоанновичѣ соборъ былъ заново перестроенъ. Послѣ пожаровъ 1554 года, а въ особенности 1737 г., церковь значительно пострадала и была возобновлена еще нѣсколько разъ; но нигдѣ не упоминается о сооруженіи церкви вновь и потому, не смотря на неоднократное, подчасъ крайне небрежное и неумѣлое возстановленіе, надо признать, что теперешній храмъ остается на томъ же мѣстѣ, на томъ же фундаментѣ и въ тѣхъ-же стѣнахъ, которые были сооружены въ 1527 году.

Въ 1812 году этотъ храмъ раздѣлилъ общій жребій со всѣми другими: былъ разграбленъ, алтарь превращенъ въ складъ овса, частью обращенъ въ конюшню, а частью въ жилье для солдатъ великой арміи.

Въ 1856 году соборъ снова капитально возобновленъ и два верхнихъ придѣла обращены въ колокольни, въ которыхъ и теперь находятся древніе колокола, съ иностранными на нѣкоторыхъ изъ нихъ надписями и годомъ 1702-й.

При послѣдующихъ перестройкахъ дворца и его увеличеніи, храмъ Спаса на Бору очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ дворцовыми зданіями, а при постройкѣ новаго Кремлевскаго дворца въ 1839 году, по плану дворца, храмъ остался на своемъ первоначальномъ мѣстѣ посреди внутренняго дворцоваго двора, среди громадъ окружающихъ его теперь зданій, сгруппировавшихся вокругъ него какъ бы для того, чтобы сберечь этотъ памятникъ зарожденія Кремля, а съ нимъ и всей Москвы.

Теперь, оглянувши прошлое этого замѣчательнаго въ исторіи храма, войдемъ чрезъ ворота подъ западнымъ фасомъ дворца на вымощенный плитами внутреній дворъ, среди котораго увидимъ небольшое, какъ бы вросшее въ землю, зданіе, сохранившее слѣды старинной архитектуры и осѣненное 7 главами. Внутренность храма болѣе сохранила слѣды старины, чѣмъ наружность. Здѣсь посѣтителя сразу поражаетъ массивность пилоновъ, стѣнъ, тяжеловѣсность низкихъ, давящихъ сводовъ и общій темный колоритъ, лежащій на всемъ. Небольшія узкія окна, загороженныя еще

Серебрянная группа «Ермакъ и графъ Платовъ»

(Подарокъ Донскихъ казаковъ).

высокія двери не могутъ дать обильнаго свѣта, а потемнѣвшая живопись, возстановленная въ 1863 году и покрывающая стѣны и своды; еще болѣе увеличиваетъ мрачность храма. Храмъ Преображенія, находящійся въ среднемъ зданіи, самый древній, а окружающія его пристройки сдѣланы уже впослѣдствіи. Иконостасъ собора заключаетъ нѣкоторыя иконы стариннаго писанія и очень древнія царскія врата, а ризница, вообще небогатая содержаніемъ, заключаетъ нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и только двѣ вещи, замѣчательныя своею древностью: глиняную чашечку и кожаный съ тиснеными изображеніями (парамандъ) поясъ, найденный въ 1836 году подъ поломъ собора въ гробницѣ съ остатками тѣла и одежды, которую относятъ къ XIV и XV вѣку. Въ трапезѣ храма въ лѣвомъ углу съ 1396 года находятся мощи знаменитаго просвѣтителя Перми, Стефана Пермскаго, проповѣдывавшаго христіанство среди язычниковъ.

Въ нынѣшнемъ 1883 году исполнилось 500 лѣтъ со времени, когда этотъ святитель, рукоположенный въ Москвѣ, проповѣдуя христіанство среди инородцевъ, принадлежавшихъ Новгороду, этимъ самымъ какъ бы поставилъ ихъ въ зависимость отъ Москвы,— зависимость перешедшую послѣ въ полное подчиненіе. Св. Стефанъ одною своею проповѣдью отдалъ Москвѣ весь сѣверо-восточный уголъ теперешней Европейской Россіи задолго еще до того времени, когда богатая Сибирь вошла въ семью царствъ и областей, составляющихъ нынѣшнее необъятное Русское Царство.

Придѣлы храма: 1) съ южной стороны: Св. Гурія, Самона и Авива съ стариннымъ иконостасомъ; 2) во 2-мъ этажѣ, въ который входъ снаружи по узкой и крутой лѣстницѣ, въ честь Стефана Пермскаго и 3) сѣверный—въ честь великомученика Прокопія.

Теперь въ храмѣ Спаса на Бору ежедневно совершается служба придворнымъ духовенствомъ, что дѣлается какъ бы по традиціи, потому, что еще въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ извѣстно изъ документовъ историческихъ, здѣсь совершались раннія обѣдни для придворныхъ слугъ, „чтобы, отправясь, шли всякъ на свой приспѣхъ, къ царскому столу готовить“.

Церковь Рождества Богородицы. На сѣверной сто-

ронѣ двора церкви Спаса на Бору, влѣво отъ разцвѣченнаго причудливаго фасада Теремнаго дворца, но въ одномъ корпусѣ съ нимъ, — ярко горитъ на солнцѣ золотая глава, вѣнчающая собой древнюю церковь Рождества Богородицы, находящуюся во 2-мъ этажѣ. Историческіе документы свидѣтельствуютъ, что въ 1393 году царица Евдокія, жена Дмитрія Донскаго, основала, на мѣстѣ древней деревянной церкви св. Лазаря, новую въ честь Рождества Богородицы каменную церковь, которая подвергалась бѣдствіямъ не одинъ разъ: разбита молніей въ 1414 году, пострадала отъ страшныхъ пожаровъ 1473 г., обрушилась въ 1480 году и проч. При Великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ церковь воздвигнута вновь въ 1514 году и вѣроятно, какъ свидѣтельствуетъ Снегиревъ, въ страшные пожары 1547 и 1571 года, сгорѣла и была вновь сооружена на старой—уже въ началѣ XVII столѣтія. Тогда она служила придворной — на сѣняхъ, т. е. была домашней церковью царицъ, такъ какъ по своему положенію примыкала къ царицыной половинѣ. Теперь храмъ состоитъ изъ высокой сводчатой одноглавой, свѣтлой церкви, алтаря и низкой полутемной трапезы. Всѣ стѣны и своды расписаны орнаментами въ подражаніе старинной стѣнописи и изображеніями святыхъ. Иконостасъ, четырехъ-ярусный, пострадавшій въ 1812 году, возобновленъ, царскія же двери относятъ къ немногимъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ старины. Въ трапезѣ находятся двѣ изразчатыя печи въ старинномъ русскомъ стилѣ и по угламъ поставлены, по приказанію Государя Императора Александра Николаевича, два бунчука, взятые при покореніи Кокана. Свѣтъ въ церковь проникаетъ изъ купола, а въ нижнемъ ярусѣ оконъ, выходящихъ въ дворцовый корридоръ, вставлены разноцвѣтныя стекла. Служба въ церкви совершается по воскресеньямъ и праздникамъ и посѣщается высшими служащими при дворцѣ и многими изъ интеллигенціи Москвы. Во время заутрени на Пасху крестный ходъ идетъ вокругъ церкви по корридорамъ дворца. Службу совершаетъ придворное духовенство.

Церковь Воскресенія Лазаря, помѣщающаяся подъ частью церкви Рождества Богородицы и имѣющая входъ со двора Спаса на Бору, должна быть причислена къ важнѣйшимъ достопримѣчательностямъ Кремля уже по одному тому,

что сооруженіе ея относится къ XIV вѣку, т. е. ко времени, отъ котораго въ Кремлѣ не осталось ни одного памятника.

Мы уже видѣли, что верхняя церковь Рождества была построена въ 1514 году на старой—нижней, и этотъ фактъ, а болѣе всего то, что кладка стѣнъ церкви св. Лазаря сдѣлана изъ бѣлаго камня, заставляетъ думать, что это сооруженіе XIV вѣка, такъ какъ извѣстно, что до Іоанна III, т. е. до прибытія итальянцевъ, въ Москвѣ почти исключительно практиковалось употребленіе бѣлаго камня на постройку. Эта церковь и была церковью Рождества Богородицы и домашнею Цариць и Царевенъ; въ ней также погребались умершіе Великіе Князья и хранилась великокняжеская казна. Затѣмъ, долгое время церковь какъ бы не существуетъ; надо думать, что при послѣдующихъ перестройкахъ она была упразднена и застроена. Но вотъ въ 1837 году, при работахъ по постройкѣ новаго Кремлевскаго дворца, случайно пробили отверстіе и нашли темное помѣщеніе въ которомъ на стѣнахъ были еще остатки живописи и надпись: „Ангелъ Господень трубитъ на землю.“ Государь Николай Павловичъ приказалъ возстановить открытый храмъ въ честь Воскресенія Лазаря. Тогда приступили къ реставраціи, придерживаясь старины. Въ одномъ изъ круглыхъ столбовъ, поддерживающихъ старинные своды, находится углубленіе, какъ думаютъ бывшее великокняжеское мѣсто, а за нимъ въ стѣнѣ другое—княгинино. Теперь храмъ причисленъ къ дворцовымъ церквамъ и служба въ немъ совершается въ храмовой праздникъ.

Въ сѣверо-восточномъ углу дворцоваго каре, прилегающемъ къ соборной площади, ярко блестятъ многочисленныя золотыя главы, вѣнчая собой пять небольшихъ церквей, помѣщающихся въ различныхъ этажахъ теремнаго дворца. Посѣщеніе ихъ весьма интересно, такъ какъ это домовыя церкви Государей Россіи и патріарховъ XVII вѣка.

Церковь Нерукотвореннаго образа Спаса, иначе, Спасъ за золотой рѣшеткой или Верхоспасскій соборъ. Подымаясь по лѣстницѣ, ведущей въ 3-й этажъ теремнаго дворца, мы встрѣчаемъ золоченную рѣшетку, за которой находится площадка, отдѣляющая собственно теремные покои отъ Верхоспасскаго собора, называемаго такъ потому, что

находился на верху, (на сѣняхъ у государя)—и иногда за золотою рѣшеткой. Послѣ построенія въ 1635 году при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскимъ каменныхъ дѣлъ мастеромъ Баженко Огурцовымъ,—церковь эта была нѣсколько разъ возобновляема: при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, послѣ пожара въ 1737 году, уничтожившаго богатую ризницу, при Елизаветѣ, при Екатеринѣ II, послѣ погрома въ 1812 году и наконецъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ 1836 году.

Церковь Спаса была, какъ мы сказали, домашнею Государей въ XVII вѣкѣ и посѣщалась ими весьма часто, но кромѣ того здѣсь крестились царевичи Ѳеодоръ и Іоаннъ Алексѣевичи и здѣсь же, при достиженіи ими совершеннолѣтія, начиналось торжество объявленія объ этомъ событіи и отсюда уже направлялось шествіе въ Успенскій соборъ. Въ тяжелое время стрѣлецкихъ бунтовъ 1682 года здѣсь, по словамъ Снегирева, исповѣдывался и пріобщался Св. тайнъ бояринъ Иванъ Нарышкинъ и отсюда въ сопровожденіи сестры царицы и царевны Софіи, онъ отправился къ требовавшимъ его неповинной головы стрѣльцамъ, чтобы, жертвуя жизнью своей, успокоить ихъ.

Въ настоящее время церковь Спаса, помѣщающаяся внутри дворца, привлекаетъ молящихся одинъ разъ въ годъ въ храмовой праздникъ 6 августа, когда въ немъ совершается служба. Въ церковь ведутъ три входа, запирающіеся также рѣшетками, сдѣланными по образцу золотой рѣшетки. Церковь состоитъ изъ трапезы, собственно церкви и алтаря, отдѣляющагося богатымъ серебрянымъ чеканнымъ иконостасомъ, сооруженнымъ г-ею Салтыковой и уцѣлѣвшимъ отъ погрома 1812 года.

Изъ образовъ здѣсь замѣчательны: 1) Храмовая икона Всемилостивѣйшаго Спаса, по преданію принесенная въ Россію царевной Софіей Ѳоминишною, въ богатомъ окладѣ украшенномъ г-жею Салтыковой; 2) образъ Логгина Сотника, признаваемаго покровителемъ роду Государей Московскихъ, и нѣкоторые другіе. При церкви находится придѣлъ Св. Іоанна Предтечи съ стариннымъ (XVIII вѣка) иконостасомъ. Въ ризницѣ собора находится много драгоцѣнныхъ предметовъ, дары Государей Ѳеодора, Іоанна и

Фотогр. Художн. Панова, въ Москвѣ, д. Кр. Общ.

Андреевскій Тронный залъ.

Петра Аликсѣевичей, Алексѣя Михайловича и вклады Потемкина и Салтыковой.

Церковь Словущаго Воскресенія находится тоже въ третьемъ этажѣ теремнаго дворца на сѣверъ отъ Верхоспасскаго собора. Время сооруженія ея относятъ къ концу XVII вѣка. Послѣднее возобновленіе ея было въ 1841 году.

Исторія свидѣтельствуетъ, что здѣсь въ 1682 году въ алтарѣ подъ престоломъ былъ найденъ стрѣльцами братъ царицы Аѳанасій Нарышкинъ и убитъ ими у порога церкви.

Церковь эта, какъ по характеру внутренняго помѣщенія, такъ и по отдѣлкѣ, не имѣетъ вида, присущаго стариннымъ церквамъ Кремля. Свѣтлое, высокое, покрытое стрѣльчатымъ сводомъ помѣщеніе храма все расписано фресками, и у западной стѣны помѣщены рѣзныя съ живописью и позолотою на кронштейнахъ хоры. На западныхъ двéряхъ изображены 8 древнихъ греческихъ мудрецовъ. Иконостасъ замѣчательной рѣзной работы, которая покрыта позолотой, серебреніемъ и разными колерами, что придаетъ ему условную красоту и своеобразную оригинальность. Среди церкви виситъ паникадило, вѣроятно голландской работы, съ изображеніемъ десяти дѣвъ и надъ ними грядущаго жениха— Мессіи, а въ нижней части его шары съ циферблатомъ. Въ алтарѣ за престоломъ стоитъ распятіе, сдѣланное въ ростъ человѣка. Церковь эта, совмѣстно съ Верхоспасскимъ соборомъ, увѣнчана 11 небольшими прекрасно вызолоченными главками, шейки которыхъ одѣты фигурными цвѣтными изразцами, рисунокъ которыхъ сдѣланъ въ подражаніе извѣстнымъ древне-русскимъ поливнымъ изразцамъ, украшающимъ и теперь древніе храмы въ Ярославлѣ, Переяславлѣ-Залѣскомъ, въ Крутицахъ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Церковь Распятія находится надъ корридоромъ, отдѣляющимъ Верхоспасскій соборъ отъ церкви Словущаго Воскресенія, такъ что оно приходится въ 4-мъ этажѣ теремовъ. Очень небольшое помѣщеніе, занимаемое церковью, почти темное, вымощено чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. Самая замѣчательная особенность здѣсь та, что всѣ образа иконостаса вышиты руками царицъ и царевнъ; лица на образахъ рисованы на холстѣ, а одежды вышиты и составлены изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій. При

самомъ входѣ въ церковь находится небольшое отдѣленіе, въ которомъ, говорятъ, молился Царь Алексѣй Михайловичъ. Здѣсь находится крестъ съ распятіемъ изъ трехъ древъ: кедра, певча и кипариса, а по стѣнамъ два образа Страшнаго суда и Страстей Господнихъ, также вышитые. Отъ входа слѣва видна дверь, сдѣланная изъ царскихъ вратъ церкви Положенія ризъ,—куда они поступили изъ села Троицкаго-Голенищева. Эта дверь замѣчательна чрезвычайно тонкой стариннаго пошиба рѣзьбой. Дверь эта ведетъ на хоры церкви Словущаго Воскресенія. Въ самой церкви направо, въ нижнемъ ярусѣ иконостаса изображены: Іисусъ сынъ Сираховъ и Афродитіанъ, Омиръ и Менандръ съ свитками въ рукахъ, на которыхъ написаны ихъ изреченія. На сѣверной стѣнѣ образъ Богоматери съ луной подъ ногами, а на южной — Емануилъ и внизу солнце. Надъ жертвенникомъ находится образъ, на которомъ изображены: Цари Константинъ и Елена, Алексѣй Михайловичъ, его супруга Марія Ильинишна и Патріархъ Никонъ со свиткомъ въ рукахъ. Въ ризницѣ храма хранятся дорогіе вклады Царя Θеодора Алексѣевича.

Церковь Екатерины мученицы находится во 2-мъ этажѣ теремнаго дворца подъ Церковью Словущаго Воскресенія. Она была домашнею церковью царицъ и построеніе ея приписываютъ извѣстному палатному мастеру Джону Томеру въ 1627 году. Возобновляемая нѣсколько разъ и обогащенная вкладами царей и царицъ, она не разъ подвергалась пожарамъ и снова была возстановляема. Послѣднее возобновленіе относится ко времени постройки дворца. Въ концѣ XVII вѣка къ этой церкви примыкали хоромы, въ которыхъ жилъ Петръ I.

Теперь церковь по внѣшнему виду не напоминаетъ ничѣмъ старинныхъ церквей,—стѣны ея росписаны клеевыми красками обыкновенными орнаментами.

Въ числѣ иконъ замѣчательна икона Св. Екатерины съ драгоцѣннымъ вѣнкомъ, осыпаннымъ изумрудами, алмазами и яхонтами. Въ числѣ утвари есть нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей.

Церковь Положенія Ризъ, иначе Печерской Божіей Матери, находится въ концѣ теремнаго корридора и заканчивая собою дворецъ, выходитъ своимъ алтаремъ

къ Успенскому собору. Церковь эта по своему прошлому достойна болѣе подробнаго описанія.

Извѣстно, что съ перенесеніемъ митрополіи изъ Владиміра въ Москву, митрополичій домъ находился близъ Боровицкой башни и домовой церкви Іоанна Предтечи подъ боромъ, нынѣ не существующей. Далѣе лѣтописи упоминаютъ (около 1451 года) объ основаніи митрополитомъ Іоною при Великомъ Князѣ Василіѣ Темномъ, каменной церкви во имя Положенія Ризъ Пресвятой Богородицы въ память избавленія Москвы отъ татаръ, близъ митрополичьяго двора, на которомъ была сооружена каменная палата,—одно изъ первыхъ каменныхъ зданій въ Кремлѣ. Такимъ образомъ эта церковь становится домовой церковью митрополитовъ и впослѣдствіи патріарховъ Россіи до перенесенія Никономъ патріаршаго двора на другое мѣсто. Однако, эта церковь не сохранилась и въ 1486 году была построена новая, сгорѣвшая въ 1547 году. Хотя послѣ этого церковь и была возобновлена еще разъ, но погромъ 1612 года привелъ ее снова въ раззореніе и только при патріархѣ Филаретѣ ее возобновили. Послѣ пожаровъ 1626 и 1644 годовъ церковь снова поновлена и перестроена и въ 1655 году, по свидѣтельству Снегирева, причислена къ дворцовымъ церквамъ.

Пожары 1682 и 1737 года, а также разгромъ Кремля 1812 года были причиной постепеннаго возобновленія храма; въ послѣдній разъ онъ освященъ въ 1813 году.

Въ настоящее время церковь имѣетъ одинъ входъ съ соборной площади, со стороны Грановитой Палаты. Архитектура церкви, не смотря на неоднократныя возобновленія, имѣетъ характеръ общій всѣмъ церквамъ XV и XVI столѣтій. Внутренность церкви раздѣляется четырьмя пилонами, поддерживающими своды храма. Стѣны расписаны изображеніями акаѳиста Божіей Матери и святыхъ, а въ алтарѣ находится икона Печерской Божіей Матери.

Иконостасъ въ четыре яруса; образа верхняго яруса покрыты чеканнымъ серебромъ XVII вѣка. Въ нижнемъ ярусѣ замѣчательны по древности иконы: Положенія Ризъ Божіей Матери, Владимірскія Божія Матери и св. Троицы, передъ которыми стоятъ деревянныя, покрытыя воскомъ и расписанныя красками свѣчи съ надписями объ устройствѣ

ихъ патріархомъ Іосифомъ въ 1643 и 1645 годахъ. Посреди церкви обращаетъ на себя вниманіе старинное паникадило, работы котельныхъ дѣлъ старосты Сверчкова 1624 года. Съ сѣверной стороны къ церкви примыкаютъ, такъ называемые, патріаршіе переходы, принадлежащіе теперь дворцу, а съ западной — часовня Печерской Божіей Матери, входъ въ которую съ южной стороны, общій съ церковью. Здѣсь на стѣнѣ находится образъ Печерской Божіей Матери съ предстоящими ей первосвятителями Московскими: Петромъ, Алексѣемъ, Іоною и Филиппомъ, а также Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими. Часовня эта открыта цѣлый день, въ ней горитъ неугасимая лампада и постоянно ее посѣщаютъ богомольцы.—Существуетъ въ народѣ преданіе, по которому никто не долженъ проходить здѣсь не поклонившись св. иконѣ.

Церковь Рождества Іоанна Предтечи, была по преданію первая въ Кремлѣ; прежде стояла около юго-западнаго угла дворца, была митрополичьею со времени перенесенія митрополіи св. Петромъ изъ Владиміра въ Москву и до перенесенія двора митрополита отсюда къ церкви Положенія Ризъ, при митрополитѣ Іонѣ. — Претерпѣвъ много измѣненій и поновленій послѣ пожаровъ, потерявъ богатую ризницу въ пожаръ 1737 года и будучи ограбленнымъ въ 1812 году, этотъ древній памятникъ разобранъ въ 1847 году, во время постройки большаго дворца, мѣсто спланировано подъ улицу и престолъ перенесенъ въ Боровицкую башню, гдѣ и до сихъ поръ находится. Придѣлъ же, находившійся при ней въ честь Уара мученика былъ перенесенъ въ Архангельскій соборъ. При срытіи церкви было найдено древнее кладбище, а подъ жертвенникомъ, по свидѣтельству очевидца протоіерея Лебедева, лошадиная голова и двѣ голени. Освященіе новой церкви происходило въ 1848 году 2 мая. Тогда же старинный крестъ, снятый съ главы разобранной церкви, вдѣланъ въ восточную стѣну Боровицкой башни, а другой—снятый съ придѣла Уара мученика водруженъ на находящуюся въ нижнемъ этажѣ Боровицкой башни часовню.

Теперь въ этой церкви два раза въ годъ: въ праздникъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и другой разъ въ день Рождества Іоанна Предтечи служба совершается при-

дворнымъ духовенствомъ, такъ какъ церковь принадлежитъ къ числу 10 церквей Московскаго Кремлевскаго дворца.

Церковь Ап. Петра и Павла находится въ маломъ Николаевскомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Это бывшая домовая церковь митрополита Платона, которому принадлежалъ митрополичій домъ, превращенный теперь въ дворецъ. При послѣдней реставраціи дворца въ 1879 году возобновлена и церковь. Иконостасъ въ ней расписанъ темно-лазуревымъ цвѣтомъ и устроена превосходная вентиляція.

Монастыри.

Вознесенскій Дѣвичій монастырь. Въ очеркахъ прошлаго было нами упомянуто о томъ, что первымъ монастыремъ въ Кремлѣ, по времени его основанія, былъ Спасскій монастырь, учрежденный или перенесенный къ церкви Спаса на Бору. Въ этомъ монастырѣ, какъ говорено было, погребались Великіе Князья до построенія Успенскаго собора Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, и Великія Княгини — до устроенія Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря Великою Княгинею Евдокіею, супругою Дмитрія Донскаго, въ 1393 году. Однако есть нѣкоторыя указанія на то, что Вознесенскій монастырь существовалъ и до того времени, но извѣстно, что Великая Княгиня Евдокія его устроила и, назначивъ въ немъ себѣ могилу, постриглась здѣсь подъ именемъ Ефросиніи.

Пожары 1483, 1547, 1571 годовъ, погромъ и раззореніе въ 1612 году и снова пожары 1701 года и страшный Всѣхсвятскій 1737 года, конечно, не разъ приводили монастырскія зданія въ такой видъ и состояніе, что требовалась перестройка ихъ почти заново. Особое вниманіе государей къ усыпательницѣ предковъ способствовало къ скорому возрожденію монастыря изъ пепла, а дары восполняли разграбленное и сгорѣвшее въ немъ, но не могли, конечно, вознаградить потеряннаго.

1812 годъ съ его взрывами, гребежомъ, пожарами, оставилъ и здѣсь тѣ-же слѣды, что и въ другихъ храмахъ

Кремля, хотя часть утвари была спасена отправленіемъ въ Вологду.

Всѣ невзгоды, пережитыя монастыремъ, однако не могли умалить его значенія, какъ усыпательницы сначала Великихъ Княгинь, а потомъ — царицъ и царевенъ. Въ этомъ монастырѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: Евдокія мать Великаго Князя Іоанна III, Великая Княгиня Марѳа, царица Марія, супруга царя Василія Шуйскаго принимали иноческій санъ, а другія, какъ напримѣръ, мать царя Михаила Ѳеодоровича — Марѳа, царица Евдокія — мать Императора Петра I, — были даже настоятельницами. Здѣсь послѣдняя жена Іоанна IV — Марія, несчастная мать убитаго царевича Дмитрія, должна была принимать Самозванца, какъ своего сына, а Марину Мнишекъ — какъ нареченную его невѣсту: въ дни ея пребыванія, стѣны монастыря, по словамъ Снегирева, оглашались пѣніемъ и пляской. Здѣсь, по приказанію Самозванца, была заключена царевна Ксенія — дочь Бориса Годунова, до прибытія его въ Москву; здѣсь жила и скончалась на памяти московскихъ старожиловъ таинственная инокиня Досиѳея...

Великіе Князья, Цари и Императоры не разъ посѣщали монастырь и обогащали его дарами и вкладами; въ 1667 году здѣсь на гробахъ Царицъ была совершена торжественная панихида тремя Патріархами: Антіохійскимъ, Александрійскимъ и Московскимъ.

Главный соборный храмъ монастыря въ честь Вознесенія Господня, находящійся въ срединѣ двора, построенъ на мѣстѣ нѣсколько разъ горѣвшей старой церкви, — въ 1518 году при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ и теперь по неоднократномъ возобновленіи носитъ слѣды архитектуры конца XVI вѣка. Замѣчательно выдѣляются своей своеобразной формой пять куполовъ собора, не похожихъ на обыкновенные луковичные куполы церквей той эпохи. Внутри церковь, подобно другимъ, почти современнымъ ей, дѣлится на части четырьмя пилонами, поддерживающими куполъ; два пилона служатъ опорой шести-ярусному рѣзному золоченному иконостасу. Всѣ стѣны и пилоны украшены стѣнописью.

Алтарь состоитъ изъ трехъ частей, какъ и въ другихъ соборахъ Кремля, и носитъ отпечатокъ старины. Здѣсь въ

алтарѣ замѣчателенъ стоящій за престоломъ крестъ съ 14-ю отверстіями, въ которыхъ помѣщены части св. мощей. Крестъ этотъ устроенъ въ 1816 году по избавленіи отъ французовъ, что̀ свидѣтельствуетъ надпись на немъ.

Въ иконостасѣ нѣсколько замѣчательныхъ иконъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ: Божіей Матери, Спасителя, Вознесенія Господня и пр. украшены богатыми окладами со множествомъ драгоцѣнныхъ камней.

Соборъ имѣетъ два придѣла: 1) съ сѣверной стороны Успенія Божіей Матери и 2) Божіей Матери Всѣхъ скорбящихъ.

Гробницы Государынь русскихъ расположены по сѣверной, западной и южной сторонамъ; нѣкоторыя сдѣланы изъ кирпича, а другія изъ бѣлаго камня. Древнѣйшая гробница устроительницы монастыря обложена позолоченною мѣдью и надъ нею поставленъ богатый образъ св. Ефросиніи. Прежде, по преданію, на стѣнахъ были изображенія погребенныхъ здѣсь государынь, но теперь ихъ не существуетъ. Всѣхъ гробницъ въ соборѣ 35, въ которыхъ погребались Великія Княгини, Царицы и Царевны отъ 1407 до 1731 года. Здѣсь мы встрѣтимъ знаменитыя въ исторіи Россіи имена: Софіи Палеологъ — супруги Іоанна III, Великой Княгини Елены Глинской—матери Іоанна Грознаго, Евдокіи Лукіановны, изъ рода Стрѣшневыхъ, Царицы Наталіи Кириловны — матери Петра I, царицы Евдокіи — первой супруги Петра I.

Церковь Михаила Малеина, — находится у Спасской башни и имѣетъ придѣлъ во имя св. Ѳеодора Пергійскаго. Здѣсь замѣчательны иконы: Божіей Матери — осмилистовый и храмовой, писанный въ 1739 году. Въ храмѣ также сберегается древнее изображеніе св. Великомученика Георгія Побѣдоносца; оно высѣчено изъ камня и изображаетъ св. Георгія съ непокрытой головой; это изображеніе, по преданію, стояло у Спасскихъ воротъ, а потомъ перенесено въ церковь св. Георгія, бывшую здѣсь до пожара 1737 года, откуда и перенесено въ существующую церковь.

Церковь св. Великомученицы Екатерины, выходящая на площадь, своимъ готическимъ фасадомъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ другими храмами Кремля. По-

строена она въ 1817 году на мѣстѣ старой, существовавшей съ 1686 года; въ 1882 году окончена ея полная внутренняя реставрація. Теперь церковь очень богато отдѣлапа тоже въ готическомъ стилѣ съ богатымъ примѣненіемъ мрамора и позолоты. Въ церкви два придѣла: Казанской Божіей Матери и Іоанна Предтечи.

Ризница монастыря обладаетъ богатыми сокровищами, уцѣлѣвшими въ 1812 году. Здѣсь замѣчательны: два евангелія и два креста, вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича, золотые сосуды—даръ царя Алексѣя Михайловича, многіе покровы на гробницы, вышитые и убранные драгоцѣнными камнями и проч. На колокольнѣ собора, построенной около 150 лѣтъ назадъ, есть два старинныхъ колокола 1557 г. и 1688.

Монастырь Вознесенскій считается по спискамъ первымъ изъ женскихъ монастырей въ Россіи. Въ немъ числится около 40 инокинь; онъ славился еще въ древности (съ 1716 года, Веберъ) рукодѣліями монахинь и строго держится установленій: онъ запирается на всю первую недѣлю Великаго поста. Разъ въ годъ,—именно во второе воскресеніе послѣ Троицына дпя,—бываетъ крестный ходъ въ память страшнаго пожара 1737 года.

Чудовъ монастырь (мужской). Монастырь пазванный такъ по церкви, въ немъ находящейся,—Чуда св. Архистратига Михаила,—находится противъ колокольни Ивана Великаго и выдѣляется среди окружающихъ его зданій, своеобразными формами его древней архитектуры. Слава этого нѣмаго свидѣтеля великихъ историческихъ событій гремитъ по Россіи, а мощи св. Митрополита Алексія привлекаютъ толпы поклонниковъ.

Около половины XIV вѣка, па мѣстѣ нынѣшняго Чудова монастыря, находился ханскій конюшенный дворъ, подаренный ханомъ Джанибекомъ, за исцѣленіе его жены Тайдулы, Митрополиту Московскому Алексѣю, который здѣсь, въ 1365 году, построилъ деревянную церковь Чуда Архистратига Михаила. Таково начало монастыря, который въ нашествіе Тохтамыша былъ ограбленъ и уничтоженъ пожаромъ. Пожары 1445, 1447, 1449 и въ особенпости въ 1547 году уничтожили все и только сохранились мощи

св. Алексѣя, а послѣ пожара 1626 года монастырь снова былъ возобновленъ попеченіями Царя Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета. Возобновленный при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и при Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ, монастырь снова пострадалъ въ пожары 1701 и 1737 года и былъ возобновленъ при Императрицахъ Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ.

Раззоренный въ 1771 году мятежной толпой, ворвавшейся въ стѣны монастыря и въ тяжелые дни 1812 года, подобно другимъ святынямъ Кремля, монастырь пережилъ оскверненіе и ограбленіе, но вскорѣ приведенъ въ порядокъ и возобновленъ въ 1814 году.

Громкую извѣстность пріобрѣлъ Чудовъ монастырь, благодаря событіямъ, въ немъ совершившимся, и благодаря значенію, какое имѣли въ старину нѣкоторые изъ его настоятелей. Такъ извѣстны дѣла основателя, его Митрополита Алексѣя, мощи котораго и теперь находятся въ основанной имъ болѣе 5 вѣковъ тому назадъ обители. Два изъ настоятелей его — Іоакимъ и Адріанъ — были патріархами. Длинной вереницей проходятъ передъ нами картины подчасъ тяжелыхъ, под-часъ отрадныхъ событій, ареной которыхъ былъ монастырь. Лѣтописи говорятъ, что изъ его темныхъ келій вышелъ бывшій инокъ, а впослѣдствіи Лже-Димитрій, возсѣдавшій здѣсь же въ Кремлѣ на тронахъ Государей Россіи. Здѣсь былъ постриженъ насильно Царь Василій Шуйскій и спустя 55 лѣтъ, уже въ 1667 году въ трапезѣ церкви Благовѣщенія, соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ патріарховъ, Антіохійскаго и Александрійскаго, лишилъ Никона патріаршескаго сана.

Изъ-за стѣнъ монастыря въ 1612 году разсылались грамоты, взывавшія о спасеніи отечества отъ враговъ и здѣсь же, надо думать, погибъ мученическою смертью блюститель вѣры и царскаго престола, великій патріархъ Гермогенъ. Здѣсь въ 1771 году во время страшной чумы въ Москвѣ, мы видимъ толпы обезумѣвшей черни, грабившей и раззорявшей все въ своихъ неистовыхъ поискахъ за Архіепископомъ Амвросіемъ. Наконецъ въ 1812 году здѣсь былъ размѣщенъ штабъ Великой арміи Наполеона.

Въ церкви монастыря часто совершались крещенія Государей Россіи.—Такъ здѣсь приняли крещеніе, послѣ

котораго новорожденные возлагались на мощи св. Алексѣя: Іоаннъ, Ѳеодоръ, Евдокія,—дѣти Іоанна Грознаго, Алексѣй Михайловичъ, Петръ I и Государь-Освободитель Александръ Николаевичъ.

Здѣсь, съ 1506 года, занимался извѣстный ученый Максимъ Грекъ. Впослѣдствіи въ монастырѣ учреждена была первая въ Великороссіи Греко-латинская школа, впослѣдствіи академія; а въ половинѣ XVII вѣка здѣсь же работали надъ исправленіемъ церковныхъ книгъ, которое и повлекло за собой расколъ.

Въ настоящее время мы застаемъ монастырь на мѣстѣ его основанія, и зданіе его своимъ древнимъ характеромъ рѣзко выдѣляется среди другихъ, болѣе поздняго сооруженія. Двухъ-этажныя постройки конца XVII вѣка, съ небольшими неправильно расположенными окнами, украшенными характерными наличниками, крыши съ большимъ подъемомъ конька, самый портикъ у главнаго входа, напоминают готику, построены архитекторомъ Казаковымъ (XVIII вѣка),— вотъ характерныя внѣшнія отличія Чудова монастыря.

Внутри просторнаго двора выдѣляется своимъ древнимъ видомъ церковь Чуда Архистратига Михаила, положившая собой начало Чудова монастыря съ 1365 года. Видимый же теперь храмъ построенъ въ 1504 году и, возобновленный нѣсколько разъ, все таки болѣе всѣхъ церквей сохранилъ слѣды характера постройки XV и XVI вѣковъ. Внутренность церкви вся расписана фресками, изображающими предметы изъ Священной исторіи. Иконостасъ, очень древній, заключаетъ въ верхнихъ поясахъ иконы стариннаго письма. Надъ престоломъ замѣчательна сѣнь, сдѣланная въ видѣ церковнаго верха изъ дерева съ 12 главами; сооружена она, судя по надписи на ней, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—Ремезовымъ. Послѣднее возобновленіе церкви происходило въ 1779 году, о чемъ говоритъ намъ надпись, высѣченная на доскѣ, вдѣланной въ западную стѣну.

Въ зданіи, выходящемъ на площадь Кремля, находятся двѣ церкви:

Соборная церковь Святителя Алексѣя построена въ 1686 году. Здѣсь почиваютъ мощи св. Митрополита Алексѣя, перенесенныя сюда въ присутствіи Царей Іоанна

и Петра и царевны Софіи. Серебряная рака устроена вновь послѣ 1812 года, когда старая была похищена. Иконостасъ церкви, устроенный въ 1839 году по рисункамъ академика Быковскаго, замѣчательной работы, Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе царскія двери, (работы московскаго фабриканта Сазикова), на сдѣланіе которыхъ пошло 11 пудовъ 30 фунтовъ серебра. Въ алтарѣ замѣчательны: серебряный ковчегъ, сѣнь надъ престоломъ, подсвѣчники и кресло Митрополита Платона—все изъ серебра. На сѣверъ отъ церкви находится соединенный съ ней придѣлъ Благовѣщенія.

При монастырѣ находится богатая ризница, въ которой много драгоцѣнныхъ по древности и богатству убранства крестовъ, евангелій, священныхъ сосудовъ, митръ, панагій, посоховъ, облаченій и другихъ предметовъ. Въ монастырской библіотекѣ хранятся между прочими нѣсколько книгъ рукописныхъ XIII, XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ и печатныя, не древнѣе XVII вѣка.

На кладбищѣ при монастырѣ погребены: послѣдній Царь Казанскій Едигеръ (1565 г.) и много лицъ старинныхъ боярскихъ фамилій: Трубецкихъ, Куракиныхъ, Оболенскихъ, Хованскихъ, Щербатовыхъ и друг.

На колокольнѣ, монастыря между прочими есть два старинныхъ колокола.

Въ настоящее время въ зданіи Чудова монастыря приспособлены покои для Митрополита Московскаго, выходящіе окнами къ Успенскому собору. Въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, почти противъ Царь-пушки, продаютъ просфоры, и потому здѣсь часто можно застать стоящихъ у окна посѣтителей. Громадные подвалы подъ главнымъ зданіемъ, издревле занимаемые подъ склады вина, въ настоящее время очищены отъ всего. Прежде здѣсь, надо думать, хранилась монастырская казна, а быть можетъ это тѣ темницы въ которыхъ былъ заключенъ знаменитый патріархъ Гермогенъ.

Церкви въ Кремлѣ.

Церковь Двунадесяти Апостоловъ находится въ Синодальномъ домѣ близъ Успенскаго собора, построена патріархомъ Никономъ и имъ же украшена; Церковь была возобновлена и вновь освящена въ 1723 году членами Святѣйшаго Сѵнода. Послѣднее возобновленіе ея происходило при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, когда и уничтоженъ находившійся при ней придѣлъ во имя Всемилостивѣйшаго Спаса. Эта церковь — одна изъ тѣхъ Кремлевскихъ церквей, гдѣ служба совершается ежедневно.

Церковь во имя Апостола Филиппа, находящаяся надъ трапезой церкви Двѣнадцати Апостоловъ въ 3-мъ этажѣ Синодальнаго дома, имѣетъ особое значеніе. Она сооружена Патріархомъ Никономъ и была домовою церковью Патріарховъ Россіи, жилые покои которыхъ находились въ этомъ же этажѣ. Въ ней иконостасъ сохранился тоже со временъ Никона, хотя и возобновленъ послѣ 1812 года. Въ настоящее время, какъ помѣщеніе церкви, такъ и сосѣдняя комната служатъ для помѣщенія знаменитыхъ сокровищъ патріаршей ризницы. Здѣсь же поставлены сосуды для мѵроваренія, но главное и важнѣйшее сокровище — это священный сосудъ алавастръ, находящійся на престолѣ, сосудъ этотъ, по преданію, перенесенъ изъ Константинополя со священнымъ мѵромъ въ Кіевъ и наконецъ въ Москву. Въ немъ хранится святое мѵро, никогда не изсякаемое, такъ какъ въ день мѵроваренія взятое изъ него небольшое количество стараго, — замѣняется таковымъ же количествомъ новаго. Самый сосудъ мѣдный, обложенный перламутромъ. Службы въ церкви совершаются одинъ разъ въ годъ, именно 14 Ноября.

Церковь Константина и Елены находится въ юговосточномъ углу Кремля подъ горой въ саду. Основаніе ея должно быть отнесено къ глубокой древности, и такъ какъ она была деревянная, то конечно была много разъ уничтожаема пожарами. Въ 1651 году бояринъ Милославскій построилъ ее каменную и, послѣ возобновленія въ 1692 г., она капитально сохранилась до нашего времени, такъ какъ

Фотогр. Художн. Панова. въ Москвѣ, д. Кр. Общ.

Престольный покой въ теремахъ.

другія возобновленія не касались серьезно зданія. Внутри храмъ носитъ слѣды старины, какъ и пяти-ярусный иконостасъ его. Придѣлъ съ южной стороны во имя св. Николая. Такъ какъ церковь находится у Константиновской башни, гдѣ въ старину былъ Константиновскій застѣнокъ и Разбойничій приказъ, то вѣроятно „здѣсь были приводимы уличенные въ преступленіи къ присягѣ и увѣщанію, прежде чѣмъ отводились въ застѣнокъ для пытки".

Церковь Благовѣщенія, на Житномъ дворѣ,— построена Императрицей Анной Іоанновной въ 1731 году „въ честь явленнаго образа Благовѣщенія Божіей Матери". Уцѣлѣвшая отъ пожара 1737 г., церковь эта находится на томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину былъ запасный—житный дворъ. Теперь церковь находится у южной стѣны Кремля близъ Благовѣщенской башни, служащей для нея колокольней. Иконостасъ храма четырехъ-ярусный, на стѣнѣ храмовой образъ въ серебряной ризѣ. Здѣсь съ 1825 г. находится придѣлъ во имя Іоанна Милостиваго.

Окно Чудова Монастыря, гдѣ продаются просфоры.

XIV.

Кремлевскіе дворцы и зданія.

Дворцы. — Большой Кремлевскій дворецъ. — Прошлое дворца въ Кремлѣ. — Существующій дворецъ. — Аппартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ. — Залы: Георгіевская, Александровская и Андреевская. — Парадные аппартаменты. — Аппартаменты Наслѣдника Цесаревича. — Золотая палата. — Владимірская зала. — Грановитая палата. — Святыя сѣни и Красное крыльце. — Теремный дворецъ. — Корпуса при большомъ дворцѣ. — Потѣшный дворецъ. — Малый Кремлевскій дворецъ. — Зданія: Судебныхъ установленій, Арсеналъ, Казармы, (царь пушка). — Синодальный, бывшій патріаршій домъ.

„Кремлевскій дворецъ мой, изящное произведеніе зодчества, будетъ новымъ достойнымъ украшеніемъ любезной моей древней столицы, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ окружающимъ его зданіямъ, священнымъ для насъ и по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ вѣковъ минувшихъ и великихъ событій отечественной исторіи“.

(Высочайшій рескриптъ 1849 г.).

Дворцы.

Большой дворецъ. Вѣнчая Кремлевскій холмъ и владычествуя, благодаря высокому положенію Кремля, почти надъ всей Москвой, Большой Кремлевскій дворецъ величаво глядитъ на разстилающійся у ногъ его городъ, рѣку и проч., окружающее его. Уже за 12 верстъ отъ Москвы, подъѣзжающіе съ юга видятъ его золотую громаду увѣнчанною высокимъ трибуномъ и 6 саж. шпилемъ, среди

золотыхъ главъ, обступившихъ его соборовъ, шпилей и орловъ 18 Кремлевскихъ башенъ. Мѣстность Кремля около дворца очень измѣнилась. Слѣды прежнихъ сооруженій скрыты, повѣрхность земли спланирована, обсажена деревьями, замощена и теперь ничто болѣе не будитъ воспоминаній о бывшихъ здѣсь сооруженіяхъ, дворцахъ, соборахъ, церквахъ, зимнихъ садахъ и проч. Даже мѣсто, на которомъ теперь построенъ дворецъ, ниже прежняго, ибо при планировкѣ пришлось снять часть холма. Срѣтенскій соборъ, церковь Іоанна Крестителя, съ придѣломъ Уара мученика, Житный дворъ и много другихъ старыхъ дворцовыхъ зданій уступили свое мѣсто новому дворцу и только Теремный и Потѣшный дворцы, да древнѣйшая святыня Кремля—соборъ Спаса на Бору, вошли, какъ части, въ новое сооруженіе.

Прошлое Царскаго Дворца. Мѣсто, занимаемое нынѣ Дворцомъ, издревле было Царскимъ. Здѣсь сперва была великокняжеская усадьба съ ея живописными древнерусскими теремами и свѣтлицами. Усадьба разросталась изъ года въ годъ, къ ней пристраивались брусяныя избы для родственниковъ князя, также храмы, а около двора великаго князя стояли избы знатнѣйшихъ бояръ и монастырскія подворья. До Іоанна III сооруженія были деревянныя, исключая весьма не многихъ, построенныхъ изъ бѣлаго камня, какъ напримѣръ, церковь св. Лазаря, существующая и теперь. При Іоаннѣ III, итальянскіе зодчіе, Марко, Петръ, Антоній и Алевизъ, возвели въ 1484 году первое кирпичное сооруженіе—казенный дворъ, (нынѣ не существующій) между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, и другія, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились до сего времени, какъ напримѣръ Грановитая Палата. При Василіѣ Іоанновичѣ къ покоямъ Царя примыкали палаты: Столовая, Большая и Средняя Золотыя (гдѣ теперь Георгіевская зала), Набережная (къ р. Москвѣ), Постельная (гдѣ Теремный Дворецъ) и хоромы Великой Княгини (у церкви Лазаря). Въ царствованіе Іоанна IV дворецъ сгорѣлъ и потомъ вновь возобновлялся при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ. Въ ихъ царствованіе дворецъ отличался роскошью, богатствомъ отдѣлки покоевъ, великолѣпіемъ и

цѣнностью утвари, о чемъ повѣствуютъ единогласно иностранцы, посѣщавшіе тогда Москву. Лже-Димитрій и Василій Шуйскій жили въ деревянныхъ хоромахъ, нарочно построенныхъ для нихъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ засталъ дворецъ въ ужасномъ видѣ: все сожжено, разграблено и уничтожено. Приступлено было къ возобновленію старыхъ и постройкѣ новыхъ деревянныхъ хоромъ, которыя опять нѣсколько разъ горѣли и снова воздвигались. Въ 1636 году построены русскими мастерами Огурцовымъ, Константиновымъ, Ушаковымъ и Шарутинымъ, надъ существовавшей еще при Іоаннѣ III, Мастерской Палатой (между церковью Лазаря и Малой Золотой Палатой) новыя каменныя хоромы въ три этажа съ вышкой для Царевичей Ивана и Алексѣя Михайловичей, сохранившіяся до сихъ поръ подъ названіемъ Теремнаго Дворца. Царь Алексѣй Михайловичъ увеличилъ и украсилъ свой дворецъ постройкою еще новыхъ и отдѣлкою старыхъ палатъ. Тогда же дворъ боярина Милославскаго (гдѣ Потѣшный Дворецъ) отошелъ въ казну и въ немъ стали даваться театральныя представленія. При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ были сооружены для царевенъ Софіи, Екатерины, Ѳеодосіи и Наталіи, трехъ-этажныя палаты и каменный, нынѣ существующій, Потѣшный Дворецъ. Конецъ XVII вѣка—время наибольшаго величія и обширности царскаго дворца. Онъ выходилъ главнымъ фасадомъ на площадь у соборовъ, гдѣ Георгіевская зала, и заключалъ въ себѣ множество различныхъ палатъ, церквей, теремовъ, приказовъ, мастерскихъ, сѣней, избъ, дворовъ и садовъ зимнихъ, низовыхъ и верховыхъ, расположенныхъ на зданіяхъ, оранжерей и проч., раскинутыхъ по всему Боровицкому холму, до самыхъ Кремлевскихъ стѣнъ, за которыми находились, по рѣкѣ Неглинной: пруды, мельницы, лебединый дворъ и проч. Все почти пространство западной части внутренняго Кремлевскаго сада и площади, отъ дворца до Боровицкихъ воротъ, было занято дворами: Запаснымъ, на сводахъ котораго былъ верховой садъ, Денежнымъ, Житнымъ, а также Иконнымъ теремомъ, палатами рѣзныхъ и столярныхъ дѣлъ, истопничьею и портомойною избами. На площади противъ западнаго угла дворца, стоялъ соборъ Срѣтенскій, нынѣ разобранный. Жилые покои Царя находились въ третьемъ этажѣ нынѣшняго Теремнаго Дворца, а дворъ

Фотогр. Художн. Панова, въ Москвѣ, д. Кр. Общ.

Грановитая палата до 1882 года.

къ сѣверу отъ него былъ занятъ службами и зданіями родственниковъ Царя.

Петръ I перенесъ столицу въ С.-Петербургъ, послѣ чего дворецъ былъ запущенъ, часть его сгорѣла, а остальныя постройки пришли въ ветхость. Тогда во Дворцѣ помѣщались разныя присутственныя мѣста. При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 г. сгорѣлъ почти весь дворецъ. Повелѣніемъ Елизаветы Петровны былъ выстроенъ на мѣстѣ теперешняго главнаго дворца, архитекторомъ Растрелли, новый дворецъ, (сгорѣвшій въ 1812 году), гдѣ останавливался Наполеонъ I.

Мысль Императрицы Екатерины II, вылившаяся въ грандіозномъ проектѣ колоссальнаго дворца по составленному архитекторомъ Божановымъ плану, не была приведена, какъ извѣстно, въ исполненіе. Это дало возможность дойти до насъ старому Кремлю, его стѣнамъ и башнямъ: иначе мы видѣли бы, правда замѣчательное произведеніе, но не могли бы любоваться, какъ теперь это дѣлаютъ тысячи лицъ, зданіями — столь рѣдкими на Руси — остатками стариннаго русскаго зодчества.

Существующій Большой Кремлевскій дворецъ. Исправленный при Александрѣ I старый Елизаветинскій дворецъ, частью деревянный, частью каменный, не могъ служить достойнымъ жилищемъ Государя въ первопрестольной столицѣ, не могъ, конечно, и отвѣчать тогдашнимъ потребностямъ двора царскаго. — Мысль Государя Николая Павловича, о постройкѣ новаго Кремлевскаго дворца вскорѣ, по указанію Государя, осуществилась въ проектѣ нынѣшняго дворца.—Проектъ, составленный профессоромъ архитектуры Тономъ, лично разсматривалъ, исправлялъ и утверждалъ самъ Государь.

Постройка дворца производилась съ 1838 года, подъ наблюденіемъ Вице-Президента Московской Дворцовой Конторы, барона Боде, архитекторами Тономъ, Рихтеромъ, Чичаговымъ, Герасимовымъ, Бакиревымъ и друг. Десять лѣтъ упорнаго труда довели къ окончанію колоссальнаго зданія и наконецъ 3 Апрѣля 1849 года, въ день Пасхи, произошло освященіе дворца въ присутствіи Государя и всей Императорской фамиліи. Весьма замѣчательный рес-

крипть Государя по этому случаю содержитъ въ себѣ знаменательныя слова, приведенныя нами выше. Интересны техническія трудности, которыя приходилось преодолѣвать строителямъ при соединеніи стараго дворца съ новымъ, а въ особенности при расположеніи комнатъ собственной Ихъ Величествъ половины, помѣщенныхъ частью подъ террасой, частью подъ громаднымъ зданіемъ самаго дворца. Для фундамента была вынута земля подъ всѣмъ дворцомъ сплошь и, только по заполненіи выемки сплошной кладкой, начали возводить самыя стѣны. Главное зданіе, построенное изъ кирпича, перекрыто сводами, изъ которыхъ верхніе, по своей колоссальности, потребовали прибѣгнуть къ устройству ихъ изъ горшковъ. Вся кровля, стропила и балки — металлическія, построены подъ руководствомъ инженеръ полковника И. И. Ильина; на нихъ употреблено до 15.000 пудовъ чугуна и около 109.000 пудовъ желѣза. Вся вышина дворца отъ земли 13 саженей, а съ куполомъ и 6-саженнымъ мѣднымъ флагштокомъ 23 сажени.

Дворецъ состоитъ изъ правильнаго каре, южную сторону котораго составляетъ главный фасадъ, а сѣверную — древній Теремной Дворецъ. — Съ востока къ дворцу прилегаетъ придворный Благовѣщенскій соборъ, Грановитая палата и переходъ въ Патріаршій домъ. Внутри каре находится соборъ Спаса на Бору, а съ запада къ дворцу примыкаетъ зимній садъ, соединяющій его съ аппартаментами Государя Наслѣдника, Оружейной Палатой и Потѣшнымъ Дворцомъ.

Къ сѣверу за Теремнымъ Дворцомъ идутъ 1-й, 2-й и 3-й Кавалерскіе, Офицерскій, Гренадерскій, Кухонный и Синодальный корпуса, расположенные на корпусномъ дворцовомъ дворѣ. Вся площадь, занимаемая дворцомъ и прилегающими къ нему зданіями, безъ дворовъ, около 10.000 кв. саженей. Вообще дворецъ имѣетъ 9 церквей (одна въ башнѣ), а съ придѣлами 18 отдѣльныхъ престоловъ, около 700 отдѣльныхъ комнатъ, 32 лѣстницы, 7 дворовъ и одну улицу.

Вотъ бѣглый очеркъ Большаго Дворца, а для ознакомленія съ расположеніемъ его и содержащимися въ немъ замѣчательностями, мы войдемъ внутрь его, какъ входятъ толпы посѣтителей ежедневно, чрезъ парадный подъѣздъ расположенный на главномъ фасадѣ со стороны рѣки Москвы.

Такъ какъ осмотръ дворца Высочайше разрѣшенъ, то всякій взявшій билетъ въ Дворцовой Конторѣ можетъ осматривать дворецъ въ положенные для того часы. Посѣтители сопровождаются по дворцу придворными лакеями и ближайшее знакомство съ предметами достойными замѣчанія и осмотра всякій найдетъ въ указателѣ Большаго Дворца, продающемся при входѣ, а также въ путеводителѣ по Москвѣ Платонова (красный переплетъ), Захарова, на французскомъ языкѣ изд. Готье, на нѣмецкомъ изд. Лангъ и друг.

Вестибюль дворца — мѣсто, гдѣ обыкновенно ожидаютъ посѣтители своей очереди осмотра помѣщеній, — не можетъ остановить на себѣ вниманіе наблюдателя. Четыре монолита сердобольскаго мрамора, поддерживающіе плафонъ, да колоссальные канделябры темной бронзы — вотъ единственныя украшенія вестибюля.

Отъ вестибюля влѣво расположены собственные аппартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ длинной анфиладѣ комнатъ, весьма изящно и роскошно отдѣланныхъ, помѣщаются многіе предметы достойные осмотра. Великолѣпныя, замѣчательныя по рисунку, двери во вкусѣ Буль, составлены изъ дорогихъ деревъ, черепахи, перламутра и бронзы. Всѣ онѣ, сдѣланныя въ Москвѣ русскими рабочими, по указанію москвича же мастера Блехшмидтъ, по искусству исполненія не уступаютъ ничуть работѣ самого изобрѣтателя этой системы—Буля. Въ гостинной и кабинетѣ Императрицы множество драгоцѣнныхъ вещей изъ мрамора, бронзы, серебра и проч. Плафоны комнатъ росписаны художникомъ Артари, стѣны обтянуты дорогими матеріями, а полы устланы смирнскими, французскими и русскими коврами. Анфилада комнатъ оканчивается кабинетомъ Государя Императора, изъ котораго открывается чудный видъ на храмъ Спасителя, рѣку Москву и городъ. Здѣсь стѣны украшены картинами изъ эпохи Отечественной войны 1812 года. Убранство стѣнъ ясеневаго дерева, устроено такъ, что шумъ городской не можетъ проникать въ комнату. Говорятъ, что здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, Государь Николай Павловичъ въ 1848 году отдалъ приказъ начать Венгерскую войну, вслѣдствіе полученной имъ здѣсь, во время осмотра дворца, эстафеты Императора Австрійскаго. Корридоръ, ведущій вдоль ряда комнатъ, отдѣляетъ

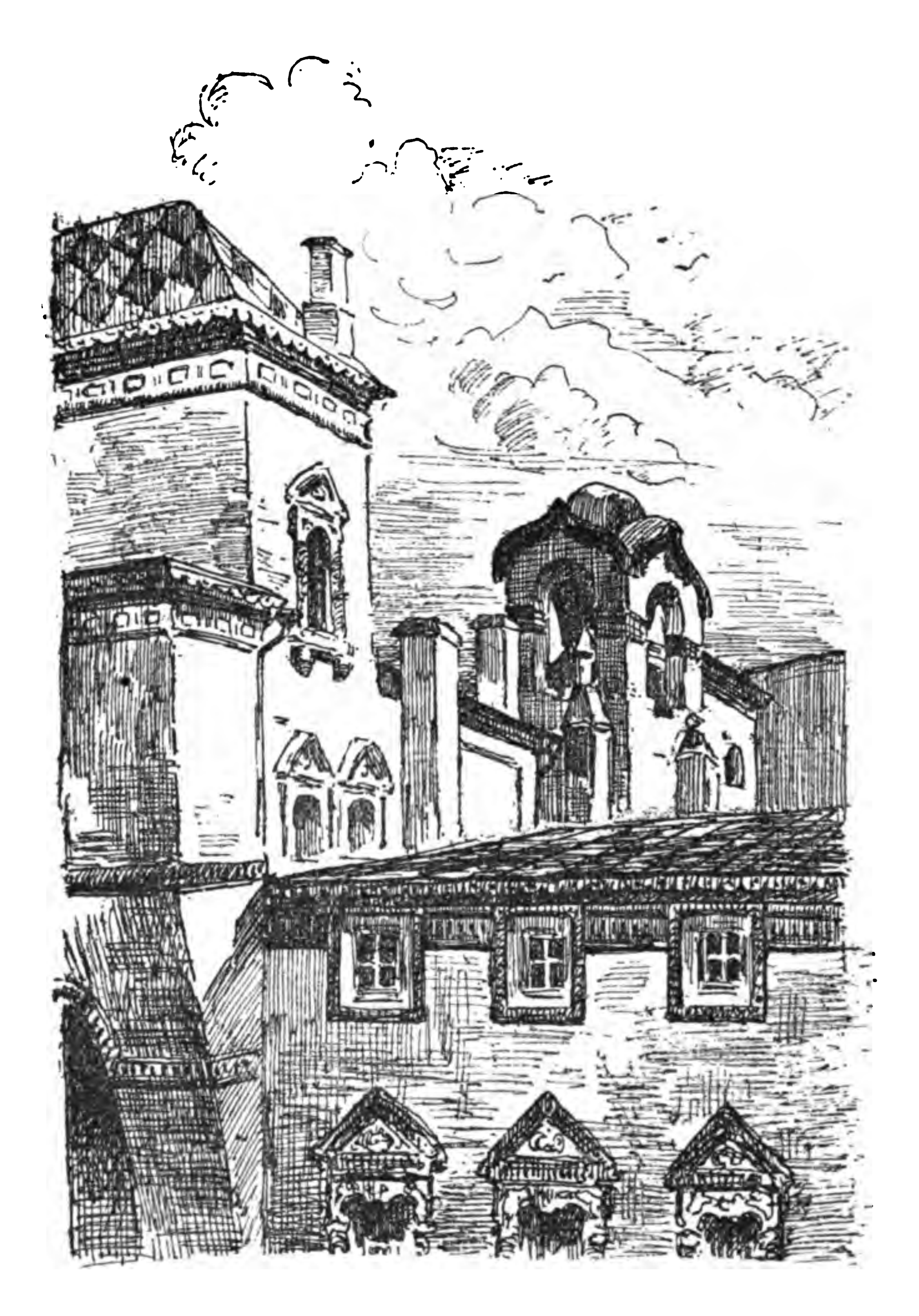
служебныя помѣщенія и ведетъ на половину Августѣйшихъ дѣтей.

Отъ вестибюля направо расположены должности: тафельдекерская, мундшенская, кафешенская, сервизная, кондитерская, а далѣе кухня, погреба, ледники и проч.

Прямо противъ входа грандіозно подымается колоссальная парадная лѣстница, сдѣланная изъ ревельскаго камня, въ 66 ступеней. Своды поддерживаются пилонами коломенскаго мрамора, правую стѣну украшаетъ громадная картина Куликовской битвы, работы художника Ивона, четыре хрустальныхъ съ бронзой канделябра дополняютъ убранство лѣстницы.

Пройдя аванзалъ, гдѣ помѣщается караулъ во время Высочайшихъ пріѣздовъ въ Кремль, входятъ въ знаменитый во многихъ отношеніяхъ Георгіевскій залъ, одинъ изъ величайшихъ залъ (длина $85^{1}/_{2}$ арш., шир. 29 арш. и выш. $24^{3}/_{4}$) въ Россіи; онъ производитъ на каждаго входящаго въ него впечатлѣніе по своимъ размѣрамъ, характеру отдѣлки и архитектурнымъ формамъ. Его бѣлый снѣжный колеръ напоминаетъ кружево, благодаря чрезвычайно мелкой, прекрасной лѣпной работѣ орнаментовъ, почти сплошнымъ вычурнымъ узоромъ покрывающихъ колоссальный сводчатый плафонъ, стѣны и колоннаду. 18 пилоновъ, образующихъ выступы и ниши у стѣнъ залы, оканчиваются 18 цинковыми колонами, на которыхъ поставлены статуи побѣдъ, изображающія аллегорически слѣдующее: справа отъ входа: а) завоеваніе Перми (1472 г.), б) Вятки (1499 г.), в) царства Казанскаго (1553 г.), г. Золотой Орды (1557 г.), д) Сибири (1582 г.), ж) Камчатки (1643 г.), з) Малороссіи (1654 г.), і) береговъ Невы (1702 г.), к) Кореліи (1721 г.), и слѣва: а) Баку (1723 г.), б) Малой Татаріи (1791 г.), в) Тавриды (1783 г.), г., Царства Польскаго (1794 г.), присоединеніе Грузіи (1801 г.), ж) Финляндіи (1809 г.), з) Областей Персіи (1812 г.), і) Арменіи (1828 г.).

На стѣнахъ залы помѣщены мраморныя доски съ названіями полковъ, участниковъ побѣдъ, годовъ ихъ учрежденія и вензелевыми изображеніями Государей, при которыхъ полки были основаны, а вокругъ нихъ по пилонамъ расположены тоже мраморныя доски, на которыхъ вырѣзаны фамиліи всѣхъ имѣющихъ орденъ Георгія Побѣдоносца, и на сихъ

Часть фасада Потѣшнаго дворца.

доскахъ продолжаютъ вырѣзывать фамиліи кавалеровъ, по мѣрѣ пожалованія ордена. Такъ на стѣнѣ справа отъ входа у камина помѣщено имя Государя Императора Александра Александровича — кавалера ордена Георгія Побѣдоносца 2-й степени, полученнаго еще въ бытность Наслѣдникомъ, а лѣвѣе крайняго окна, подъ 1850 годомъ, — можно видѣть имя въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Вверху поперечныхъ стѣнъ залы помѣщаются барельефныя изображенія патрона Ордена (работы барона Клодта). У наружной стѣны, въ срединѣ ея, помѣщается великолѣпной работы группа изъ серебра (работы Верховцева), изображающая двухъ казацкихъ атамановъ Ермака (покорителя Сибири) и гр. Платова (героя 1812 г.), у ногъ которыхъ лежитъ аллегорическая фигура Енисея, въ видѣ старика. Группа эта поднесена Государю Императору Донскими казаками. Справа и слѣва отъ нея стоятъ два бронзовые ковчега, въ которыхъ хранятся списки Георгіевскихъ кавалеровъ, а близъ нихъ, у продольныхъ стѣнъ, расположены два камина бѣлаго каррарскаго мрамора (работы Кампіони) съ бронзовыми часами, изображающими на одномъ группу Георгія Побѣдоносца, а на другомъ Минина и Пожарскаго. Весьма замѣчателенъ паркетъ (рис. профессора Солнцева, раб. Миллера) и 6 громадныхъ бронзовыхъ люстръ, для освѣщенія которыхъ потребно 3200 свѣчей. Мебель обита матеріей цвѣтовъ орденской ленты: черный съ желтымъ.

Александровская зала, въ честь ордена св. Александра Невскаго, (девизъ: „за труды и отечество“), въ которую ведутъ громадныя рѣзныя позолоченныя двери, поражаетъ посѣтителя, какъ своими грандіозными размѣрами (длина 44 арш., шир. 29 арш., высота въ куполѣ 29 арш.), такъ и роскошью отдѣлки. Колоссальный сферическій куполъ поддерживается величественными арками, опирающимися на четыре громадныхъ пилона. Розовый искусственный мраморъ стѣнъ, обиліе и вычурность богатой позолоченной лѣпнины, съ гербами областей Россіи и арматурами, покрывающими собой и потолокъ и стѣны, громадныя стѣнныя зеркала, въ которыхъ отражается панорама города, картины и мебель съ малиновой бархатной обивкой,—дѣлаютъ видъ залы волшебнымъ, въ особенности при освѣщеніи ея громадныхъ люстръ,

бра и пр., имѣющихъ всего 4500 свѣчей. Шесть картинъ съ сюжетами, взятыми изъ жизни св. Александра Невскаго (работы профессора Моллера) изображаютъ на стѣнѣ отъ входа: 1) отказъ Александра Невскаго посламъ Папы въ присоединенiи къ Западной церкви, 2) Бракъ св. Александра съ дочерью Полоцкаго князя Бронислава, Александрою и 3) св. Александръ, прiѣхавшiй въ Орду, отказывается поклониться идоламъ; надъ нимъ изображенiе св. Александра схимникомъ; напротивъ входа слѣва: 1) Въѣздъ св. Александра въ г. Псковъ, 2) св. Александръ выслушиваетъ Ижорянина Пелгуй, которому св. мученики Борисъ и Глѣбъ, явясь въ видѣнiи, обѣщали помощь князю въ войнѣ со Шведами, и 3) битва со Шведами на берегу Невы (эпизодъ пораженiя княземъ зятя короля Шведскаго, Биргера); надъ картиною изображенiе св. Александра — княземъ. У дверей, на горкахъ, обитыхъ малиновымъ бархатомъ, во время пребыванiя Ихъ Величествъ во дворцѣ устанавливается древняя серебряная утварь (подарки иностранныхъ Государей — Россiйскимъ), хранимая въ Оружейной Палатѣ, а ближе къ окнамъ, у стѣнъ же стоятъ четыре мраморные камина, съ канделябрами, работы завода Герцога Лейхтенбергскаго. Паркетъ залы (работы Блехшмидта въ Москвѣ) обращаетъ особенное на себя вниманiе богатствомъ рисунка, тщательностью работы, сочетанiемъ разноцвѣтныхъ деревъ и гармонiей въ общемъ.

Андреевская Тронная зала. Десять величественныхъ пилоновъ, покрытыхъ золоченой лѣпной работой, поддерживаютъ сводъ залы; стѣны обтянуты шелковой голубой матерiей, цвѣта ленты ордена Андрея Первозваннаго (девизъ: „за вѣру и вѣрность"), въ честь котораго наименована зала Андреевскою. Въ простѣнкахъ оконъ помѣщены цѣпь и знакъ ордена Большаго Креста. Надъ входными дверями помѣщены вензелевыя изображенiя: Петра I, основателя ордена, Павла I, учредившаго статутъ, и Николая I, волѣ котораго обязана зала своимъ существованiемъ. Тутъ же помѣщаются два камина изъ чрезвычайно твердой яшмы (раб. Колыванской фабрики). Полъ залы (раб. Миллера) тоже изъ разноцвѣтныхъ деревъ, весьма хорошей работы. Противоположная входу стѣна занята Императорскимъ трономъ, въ видѣ шатра, съ пологомъ изъ золотаго глазета

съ гербами, подбитымъ горностаемъ, подъ которымъ на возвышеніи стоитъ тронное кресло съ вензелемъ царствующаго Императора, а надъ шатромъ, на фонѣ голубой шелковой матеріи, помѣщено золоченое Всевидящее Око. За кресломъ, на стѣнѣ, находится пологъ изъ золотой парчи съ изображеніемъ щита съ черпымъ государственнымъ гербомъ. У трона постоянно находится одинъ изъ дежурныхъ дворцовыхъ гренадеръ.

Изъ всѣхъ залъ ведутъ двери на дворцовую террасу, съ которой открывается восхитительный видъ на городъ, рѣку Москву, Кремлевскія стѣны, Храмъ Спасителя, окраины Москвы, ея окрестности и знаменитыя Воробьевы горы. Стоитъ разъ взглянуть отсюда, чтобы никогда пе забывать этотъ по-истинѣ чудный видъ, равнаго которому едва ли можно найдти.

Кавалергардская зала,—стѣны которой облицованы бѣлымъ искусственнымъ мраморомъ, — служитъ для помѣщенія военнаго караула, во время Высочайшихъ выходовъ. Въ ней: у оконъ каминъ изъ каррарскаго мрамора съ бронзовыми часами; напротивъ на стѣнѣ картина Сверчкова „Смотръ войскъ Іоанномъ Грознымъ зимой на Дѣвичьемъ полѣ“, замѣчательна по работѣ лошадей; затѣмъ достойны вниманія двери изъ Кавказскаго чинара, работы Герцъ.

Екатерининская зала, въ которой помѣщается тронъ Ея Императорскаго Величества, подъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата, а на спинкѣ троннаго креста вензель Императрицы, какъ Начальницы ордена св. Великомученицы Екатерины (девизъ: „за любовь и отечество“), въ честь котораго наименована зала. Стѣны обтянуты бѣлой шелковой матеріей и украшены знаками ордена на лентахъ; таковые же знаки помѣщены на дверяхъ, украшенныхъ золотой рѣзьбой по серебряному полю. На пилонахъ, поддерживающихъ сводъ залы, замѣчательпы четыре малахитовые пилястра (завода гг. Демидовыхъ) съ бронзой и два пилястра тоже малахитовые на стѣнахъ (гг. Турчаниновыхъ). Шесть величественныхъ хрустальныхъ съ бронзой канделябровъ (раб. Импер. стекляп. завода) поставлены у дверей и оконъ залы и три бронзовыя люстры служатъ къ освѣщенію залы.

Парадная гостинная, живописный плафонъ работы знаменитаго Артари (стиль Renaissance), обита великолѣп-

ной зеленой съ золотомъ парчей. Въ ней обращаютъ на себя вниманіе: столы (стиль Буль) съ инкрустаціей изъ дерева, бронзы и перламутра, работы Блехшмидта; каминъ мраморный съ часами старинной бронзы, изображающій Рафаэля во храмѣ славы; громадный канделябръ изъ фарфора въ японскомъ вкусѣ и два таковыхъ же въ китайскомъ вкусѣ (раб. Импер. фарф. фабрики).

Парадная опочивальня, обтянутая шелковой матеріей, замѣчательна богатствомъ отдѣлки, а въ особенности по слѣдующимъ предметамъ: двѣ колонны (монолиты 4 ар. 1¼ вер.) зеленаго мрамора (verde antico), купленныя у г. Демидова, которымъ вывезены изъ Помпеи два пилястра изъ того же камня, накладные; восемь пилястровъ накладныхъ (verde di ponzevera); хрустальные канделябры (раб. Импер хруст. зав.); двери съ инкрустаціею и бронзой (раб. Блехшмидта) и каминъ зеленоватой яшмы (Екатеринбургской фабрики) съ бронзовыми часами.

Парадная уборная, отдѣланная полированнымъ деревомъ, вся собрана изъ частей, соединенныхъ между собой особеннымъ образомъ: она можетъ быть вся разобрана и перенесена безъ ломки; отдѣлка комнаты раб. Герцъ. Въ ней зеркало величиной — 4 ар. выш. и 2 ар. шир.

Изъ уборной ведетъ пологая лѣстница въ корридоры Екатерининскій и далѣе въ Андреевскій, проходящіе около всѣхъ парадныхъ залъ.

Налѣво корридоръ выходитъ къ церкви Рождества Богородицы (смотри описаніе церквей Дворца) и ведетъ по отлогой, весьма удобной лѣстницѣ, подымающейся наверхъ, въ зимній садъ съ великолѣпными экземплярами тропической флоры, со статуями Геркулеса и Весты и чашей изъ авантюрина. Изъ зимняго сада, переходя небольшую комнату, входимъ въ аппартаменты Наслѣдника Цесаревича.

Гостинная Цесаревны, иначе серебряная комната, названа такъ по обилію чистаго серебра, изъ котораго артистически выполнены: двѣ зеркальныя рамы, семь столовъ, двѣ люстры и экранъ замѣчательной рельефной работы. Четыре громадные первоклассные ковра (gobelins), изображающіе приключенія Донъ-Кихота, украшаютъ стѣны. У оконъ помѣщается модель памятника тысячелѣтія Россіи,

а въ углахъ и на мраморномъ каминѣ—часы и колоссальныя китайскія вазы.

Кабинетъ. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе плафонъ съ четырьмя медальонами (времена года) по рисункамъ Торвальдсена.

Спальная, въ которой находится зеркало въ фарфоровой рамѣ съ цвѣтами (работы Импер. фарфор. завода).

Отъ этой комнаты начинается половина Цесаревича, въ которой кабинетъ и пріемная богато обставлены мебелью работы Буль. Замѣчательны картины, писанныя сепіею (работы Зейдельмана), копіи съ картинъ Дрезденской галлереи: „св. Магдалина"—Батони и „Геній"—Анибала; тутъ же находится большая картина Сверчкова, изображающая въѣздъ Іоанна Грознаго на Красную площадь.

Въ пріемной, отдѣланной пунцовой шелковой матеріей,—великолѣпныя копіи, (писанныя тоже сепіей, Зейдельмана) съ картинъ: Корреджіо, Рафаэля, Карла Дольче и Рембрандта.

Чрезъ переднюю переходятъ въ Картинную галлерею. Здѣсь собраны оригиналы первоклассныхъ мастеровъ: Рафаэль, Рубенсъ, Рембрандтъ, Теньеръ, Пуссенъ, Мурильо, Ванъ-Деръ-Дейкъ и др. У оконъ помѣщаются 2 фарфоровыя вазы съ видами стараго Дворца и 6 другихъ,—всѣ раб. Импер. фарфор. завода.

Выйдя опять въ переходную комнату, откуда двери налѣво ведутъ въ корпусъ при Кремлевской стѣнѣ, съ помѣщеніями для свиты Государя Императора, направимся чрезъ зимній садъ въ Теремную галлерею, которая пристроена къ старому Теремному Дворцу, такъ что лѣвая стѣна съ окнами, украшенными въ старинномъ русскомъ вкусѣ, принадлежитъ постройкѣ древней части дворца, а правая—новой. Въ этомъ этажѣ Теремнаго Дворца находятся комнаты для Царской свиты. Въ окна (направо), выходящія на внутренній дворцовый дворъ, видна древнѣйшая святыня Москвы—„соборъ Спаса на Бору". Спустившись налѣво (семь ступеней), входятъ въ Малую Золотую или Царицыну палату, построенную, какъ полагаютъ, для Царицы Ирины, супруги Ѳеодора Іанновича; но подлинно это неизвѣстно. Г. Снегиревъ полагаетъ даже, что это была Святительская (патріаршая пріемная) палата, т. е.

имѣла іерархическое значеніе. Надпись по-славянски на сводѣ говоритъ, что она подписана, т. е. убрана живописью, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, а возобновлена къ коронованію Императора Павла I. При Петрѣ I она служила кладовой. Послѣднее возобновленіе ея относится уже къ царствованію Императора Николая Павловича. Прежде она служила для пріема Царицами поздравленій съ праздниками и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Здѣсь происходилъ пріемъ Царицами Патріарховъ, знатнѣйшихъ бояръ и боярынь и здѣсь-же принимались царевичи: Грузинскій, Касимовскій и Сибирскій. Входящаго въ эту палату видъ ея невольно переноситъ къ давно минувшимъ вѣкамъ съ ихъ таинственнымъ прошлымъ. Низкіе своды, скрѣпленные тяжелыми желѣзными золочеными связями, темная съ позолотой живопись стѣнъ и сводовъ, узкія окна и господствующій въ палатѣ полумракъ—все дышетъ глубокой стариной; къ сожалѣнію, одинъ лишь паркетный полъ нарушаетъ общую гармонію. На сводахъ, стѣнахъ и откосахъ оконъ ея изображены дѣянія св. Царя Константина и Елены, Царицы Динаріи и Великія Княгини Ольги, соборъ о Царѣ Θеофилѣ Иконоборцѣ, лики св. Царицъ Ирины, Θеодоры, Софіи и Ольги.

У Золотой Палаты слѣва идетъ корридоръ, ведущій на крыльцо къ Успенскому собору. На стѣнахъ его помѣщены изображенія семи Патріарховъ Россіи. Корридоръ этотъ и до сихъ поръ носитъ названіе патріаршихъ переходовъ.

Изъ Царицыной Палаты входимъ во Владимірскую залу, служащую связующимъ звеномъ Стараго Теремнаго Дворца съ новымъ. Она основана въ честь ордена св. Владиміра (девизъ: „польза, честь, слава“) и украшена золочеными орнаментами по громадному куполообразному плафону, опирающемуся на аркаду 2-го этажа, за которой со всѣхъ сторонъ расположены хоры. Въ ней замѣчательны громадная бронзовая люстра (раб. Шопена, вѣсъ 240 пуд.) о 200 свѣчахъ, 4 колоссальные канделябра, темной бронзы (раб. Шрейбера), о 54 свѣчахъ каждый, и звѣздообразный паркетный полъ.

Налѣво изъ залы ведутъ двери въ Святыя сѣни, заложенныя вмѣстѣ съ Грановитой Палатой при Іоаннѣ III

и возобновленныя при постройкѣ новаго дворца съ сохраненіемъ старинпаго ихъ вида; стѣны и своды ихъ покрыты живописью. Здѣсь изображено: 1) Явленіе ангела Іисусу Навину. 2) Св. Сергій благословляетъ Дмитрія Іоанновича на брань съ Мамаемъ. Здѣсь встрѣчаетъ Государя придворное духовенство во время Высочайшихъ выходовъ.

Золоченыя рѣзныя въ старинномъ вкусѣ двери ведутъ далѣе въ знаменитую во многихъ отношеніяхъ, Грановитую Палату. Это одинъ изъ древнихъ сохранившихся памятниковъ старины русской. Но громкое имя Палата пріобрѣла, благодаря своему историческому значенію и событіямъ, въ ней совершившимся.

Прошлое Грановитой Палаты весьма замѣчательно. Много событій видѣли стѣны Палаты въ періодъ ихъ долгаго существованія. Здѣсь то мѣсто, гдѣ цари, повелители Россіи, послѣ св. коронованія принимали поздравленія отъ своихъ подданныхъ и представителей государей иноземныхъ. Съ давняго времени и до нашихъ дней здѣсь, въ Грановитой Палатѣ, въ день св. коронованія бываетъ торжественный обѣденный столъ. Въ 1552 году въ ней три дня угощалъ Іоаннъ Грозный своихъ храбрыхъ сподвижниковъ по покоренію Казани и осыпалъ ихъ наградами, на которыя, по свидѣтельству Снегирева, было издержано до 400 пудовъ серебра.

Здѣсь мѣсто знаменитаго пиршества, которое давалъ царь Борисъ Годуновъ Датскому принцу Іоанну, нареченному жениху царевны Ксеніи. Присутствовавшіе на пріемѣ иностранцы были поражены роскошью и богатствомъ обстановки всего торжества. Въ 1653 году здѣсь происходилъ соборъ, на которомъ рѣшено было принятіе въ подданство Богдана Хмельницкаго, а съ нимъ и всей Малороссіи.

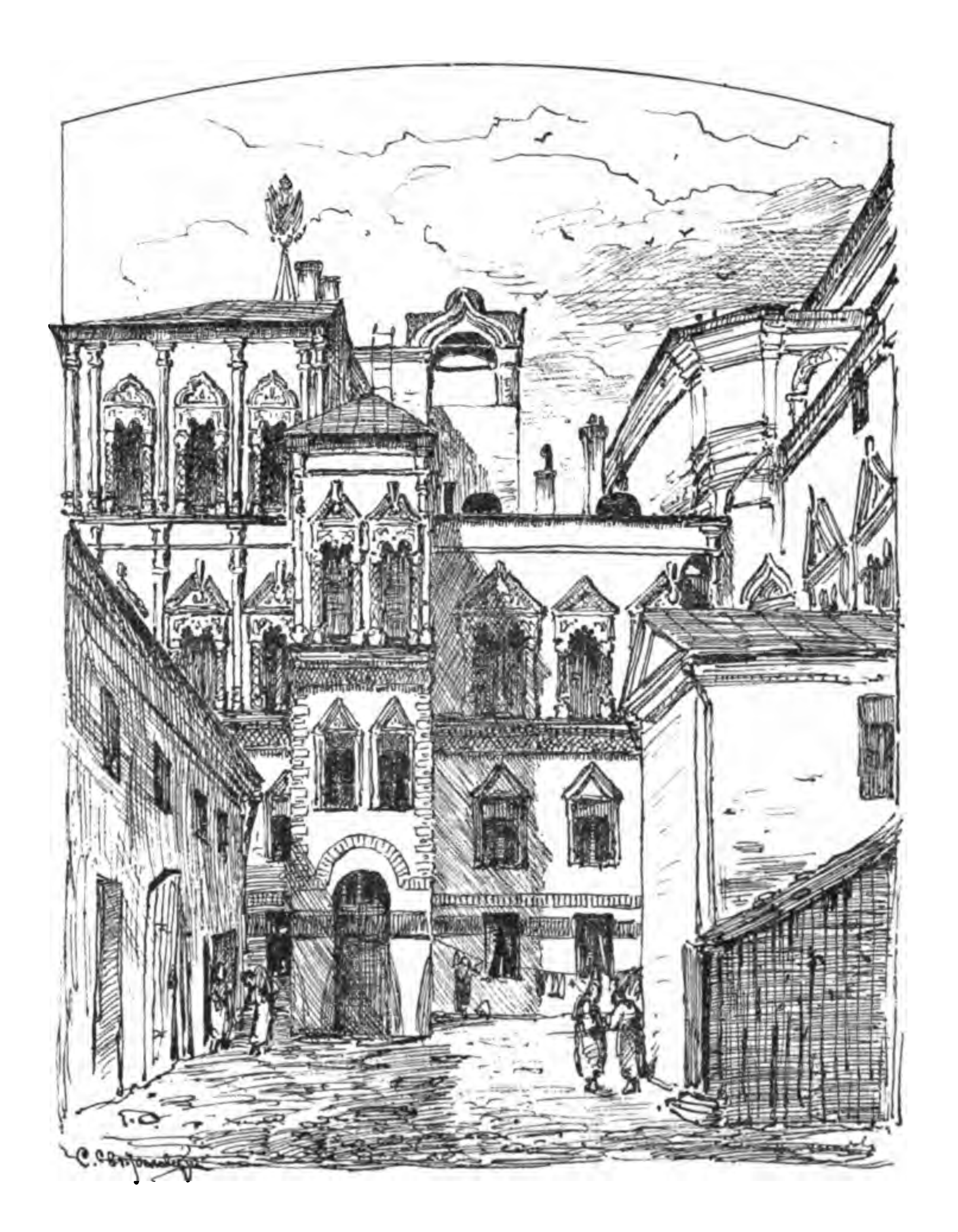
Двѣсти лѣтъ тому назадъ стѣны палаты оглашались возгласами во время извѣстнаго спора раскольниковъ, въ присутствіи патріарха и царицы, о вѣрѣ.

Здѣсь въ 1709 году Петръ Великій праздновалъ побѣду надъ Карломъ XII, извѣстную въ исторіи подъ названіемъ Полтавской битвы. Въ 1767 году здѣсь императрица Екатерина II вручила депутатамъ отъ всѣхъ сословій знаменитый Наказъ,—какъ руководство коммисіи, собранной для составленія новаго уложенія. Наконецъ, ровно сто

лѣтъ тому назадъ, въ 1782 году, въ Грановитой палатѣ, въ присутствіи представителей сословій было совершено при торжественной обстановкѣ открытіе учрежденія Московской губерніи и читанъ самый текстъ манифеста.

Въ послѣдующіе годы Грановитая Палата служила главнымъ образомъ для торжествъ во дни священныхъ коронованій монарховъ Россіи.

Извѣстно, что Грановитая Палата построена при Іоаннѣ III, итальянскими зодчими Маркомъ Руфомъ и Петромъ Антоніемъ. Стѣны и своды ея въ XVI вѣкѣ были расписаны по золоту, почему и называлась она, Большой, Золотой, Государевой Палатой и Грановитой, отъ граней на ея внѣшнихъ стѣнахъ. Пожары XVI и XVII вѣковъ не одинъ разъ уничтожали ея великолѣпное убранство, и слѣды ихъ видны на самой кладкѣ донынѣ. Однако ее постоянно возобновляли и она сохранилась въ томъ же почти видѣ со временъ Императора Петра I. Затѣмъ позднѣйшія ея возобновленія значительно измѣнили ея видъ. Вся живопись ея по штукатуркѣ была сбита и своды окрашены просто, а стѣны обиты малиновымъ бархатомъ со множествомъ небольшихъ золоченыхъ орловъ. Тутъ же по стѣнамъ были размѣщены гербы царствъ, изъ которыхъ составилась Россія. Девять серебряныхъ люстръ спускались со сводовъ и служили для освѣщенія ея, равно какъ и золоченые канделябры, въ видѣ орловъ, расположенные по стѣнамъ. Окна были обыкновеннаго рисунка и откосы ихъ выбѣлены. Вокругъ всей залы шла панель изъ итальянскаго мрамора съ бронзой. Въ Святыя сѣни вели двѣ двери, рѣзныя золоченыя съ лѣпными золочеными же сюпортами, стиль которыхъ былъ крайне смѣшанный. Тронъ и скамьи у стѣнъ были золоченые и обиты малиновымъ бархатомъ. Теперь, повелѣніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Александра Александровича, было приступлено къ возстановленію древней стѣнописи и вообще приведенію Палаты въ первоначальный, величественно-торжественный видъ. По счастливой случайности были найдены подробныя описи древней стѣнописи, которыя и послужили къ осуществленію дѣла. Была образована коммисія и дѣло возстановленія поручено, подъ главнымъ наблюденіемъ, исправ. должность Оберъ-Гофмейстера и Президента Мос-

Потѣшный Дворецъ со двора.

ковской Дворцовой конторы, генералъ-лейтенанта графа Орлова-Давыдова, помощнику директора Оружейной Палаты, д. с. с. Филимонову—по археологической части и старшему архитектору д. с. с. Шохину по части архитектурной. Весь персоналъ служащихъ при Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, принималъ участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ возстановленія древняго величія, исторически знаменитой Грановитой Палаты въ Московскомъ Кремлѣ. Когда былъ снятъ бархатъ, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ подъ штукатуркой открылись слѣды древнихъ живописныхъ по золоту орнаментовъ, украшавшихъ стѣны залы, а самая кладка показала слѣды пожаровъ и многократныхъ исправленій. Теперь палата приняла иной видъ. На сводахъ и стѣнахъ по золотому полю, орнаментированному частью травами, между прочими изображены сцены изъ библейской исторіи, евангелисты, а на откосахъ оконъ—портреты во весь ростъ Великихъ Князей и Царей Россіи до Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова, тогда еще боярина. Всѣ изображенія имѣютъ подписи, исполненныя золотомъ по-славянски вязью. У входной двери справа въ небольшомъ кругѣ находится надпись гласящая: „Повелѣніемъ Государя Императора Александра Александровича отъ 4 Марта 1882 года возстановлена стѣнопись Грановитой Палаты иконописцами крестьянами села Палеха братьями Бѣлоусовыми".

Съ крестовыхъ сводовъ палаты спускаются 4 люстры древне-русскаго корсунскаго образца темной бронзы, каждая на 106 свѣчей, а 20 настѣнниковъ (каждый по 10 свѣчей), тоже темной бронзы, расположены вдоль стѣнъ.

Громадный 4-хъ гранный пилонъ, поддерживающій своды на срединѣ залы, тоже расписанъ и окруженъ поставцемъ, на которомъ размѣщается серебряная посуда — даръ Государямъ Россіи отъ иноземныхъ Государей. По стѣнамъ идутъ лари въ древне-русскомъ стилѣ. Главное мѣсто, т. е. такъ называемый Красный уголъ (отъ входа—правый передній) занятъ, какъ и въ старину, Царскимъ трономъ. Онъ сдѣланъ изъ темнаго дуба, весь рѣзной, въ видѣ шатра съ занавѣсями изъ золотой парчи и увѣнчанъ Годарственнымъ гербомъ. Полъ залы покрываетъ шитый по особому рисунку громадный цѣльный коверъ. Окна сдѣланы

также по рисунку въ древне-русскомъ стилѣ. Стѣнопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами Владимірской губерніи, села Палеха — братьями Бѣлоусовыми. Зала имѣетъ размѣръ около 100 кв. саж., вышиною до замка свода около 5 саж.

По выходѣ изъ Грановитой Палаты въ Святыя сѣни, налѣво находится дверь, ведущая на знаменитое Красное крыльцо. Прежде, какъ извѣстно, восточный фасадъ дворца выходящій къ соборамъ, былъ главнымъ фасадомъ. Сюда вели три крыльца и между ними нынѣшнее Красное крыльцо, т. е. лѣстница, было главнымъ. Прежде оно было крыто деревомъ, послѣ съ 1685 года имѣло золоченый верхъ, а съ пожара 1737 года остается открытымъ.

Упомянувъ о грустныхъ событіяхъ далекаго прошлаго, когда здѣсь у Краснаго крыльца погибъ бояринъ Матвѣевъ и съ нимъ много другихъ, брошенныхъ на копья бунтующихъ стрѣльцовъ и здѣсь умерщвленныхъ,—когда сюда нахлынули толпы раскольниковъ, предводительствуемые Никитою Пустосвятомъ, — мы перейдемъ къ событіямъ торжественнымъ и радостнымъ.

Красное крыльцо служитъ путемъ, по которому направляются Высочайшіе выходы изъ дворца въ Успенскій соборъ. Здѣсь Государь показывается и кланяется народу, густыми массами покрывающему все пространство соборной площади и собравшемуся сюда, чтобы, говоря по старинному, „видѣть пресвѣтлыя государевы очи.“ Здѣсь по устланной краснымъ сукномъ лѣстницѣ спускается въ торжественной процессіи Императорская чета, чтобы въ престольномъ храмѣ Успенія возложить на себя корону Императорскую.

Въ обыкновенное время ходъ чрезъ Красное крыльцо закрытъ. Оно имѣетъ видъ сооруженій старой Венеціи, которую напоминаютъ каменные львы, высѣченные въ 1686 году. Наверху, надъ дверью въ святыя сѣни высѣчено изображеніе скачущаго всадника, напоминающее Литовскій гербъ, а оканчивается крыльцо фронтономъ, украшеннымъ орлами.

По выходѣ изъ Грановитой палаты и святыхъ сѣней направимся чрезъ Владимірскую залу въ Теремной дворецъ. Мѣсто, гдѣ начинается лѣстница въ терема, въ древности было занято Боярскою площадкою, почему и площадка,

находящаяся за дверями Владимірской залы, къ сторонѣ внутренняго дворцоваго двора, удержала до сихъ поръ названіе Боярской. Здѣсь прежде собирались бояре и другіе сановники царскаго двора, въ ожиданіи выхода Царя изъ своихъ верхнихъ покоевъ; здѣсь же былъ проходъ на задній дворъ къ сѣверу отъ теремовъ. Старинная фигурная, золоченая рѣшетка, отдѣляющая, какъ и прежде, старый дворецъ отъ лѣстницъ, называлась „Золотою рѣшеткою", почему и церковь Спаса, находящаяся, взойдя на площадку, справа, называется соборъ Спасомъ за золотой рѣшеткой. Площадка эта была открытою и изъ нея, какъ и теперь, вела лѣстница въ жилые покои Царя, называемые Теремной дворецъ.

Теремной дворецъ состоитъ изъ 5-ти этажей: первый занятъ нынѣ службами; во второмъ расположены комнаты свиты, а прежде помѣщались мастерскія палаты; третій, гдѣ помѣщалась прежде Царская мыленка и комнаты Царскихъ дѣтей, еще недавно служилъ хранилищемъ древнихъ важныхъ актовъ; четвертый, бывшіе жилые покои Царя, а пятый состоитъ изъ одной большой палаты съ вышкой при ней и открытой вокругъ нея площадкой. Первый этажъ зданія сооруженъ до XVII столѣтія, а верхніе этажи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскими мастерами. Затѣмъ со временъ Петра I Теремной дворецъ былъ оставленъ и пришелъ въ ветхость. Въ немъ были поселены служащіе при дворцѣ и только при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ 1839 году былъ возстановленъ по древнимъ образцамъ и рисункамъ архитекторомъ Рихтеромъ при содѣйствіи художника археолога Солнцева.

Этотъ дворецъ знаменитъ по двумъ исторически важнымъ событіямъ: здѣсь, въ его стѣнахъ, въ покояхъ Царя, въ 1682 году, на соборѣ, постановлено было уничтоженіе мѣстничества; а въ 1660 году здѣсь же былъ созванъ соборъ, разсматривавшій поступки Патріарха Никона.

Поднявшись по каменной лѣстницѣ съ насѣчкою въ старинномъ вкусѣ, входимъ въ бывшія сѣни, нынѣ трапезную, столовую или горницу, росписанную живописью по стѣнамъ и своду. Здѣсь у стѣны обращаетъ на себя

*

вниманіе изразчатая печь, сдѣланная по рисункамъ и сохранившимся еще образцамъ замѣчательныхъ старинныхъ изразцовъ. Такія же замѣчательныя печи находятся и въ другихъ покояхъ и напоминаютъ собою всю прелесть и красоту древне-русскаго зодчества. Припомнимъ здѣсь, что старинные русскіе изразцы отличались такою прочностью, что, вдѣланные въ фасадахъ нѣкоторыхъ старинныхъ зданій, нѣсколько столѣтій не измѣнили ни колеровъ своихъ, ни поливы. Секретъ ихъ приготовленія утерянъ, искусство изготовленія упало и теперь въ славѣ изразцы, приготовляемые въ Англіи на фабрикѣ Мильтона, да недавно заставилъ говорить о себѣ русскій заводчикъ г. Масленниковъ, изготовляющій изразцы, приближающіеся къ древне-русскимъ образцамъ, до сихъ поръ встрѣчаемымъ кое-гдѣ на Руси по старымъ городамъ и селамъ.

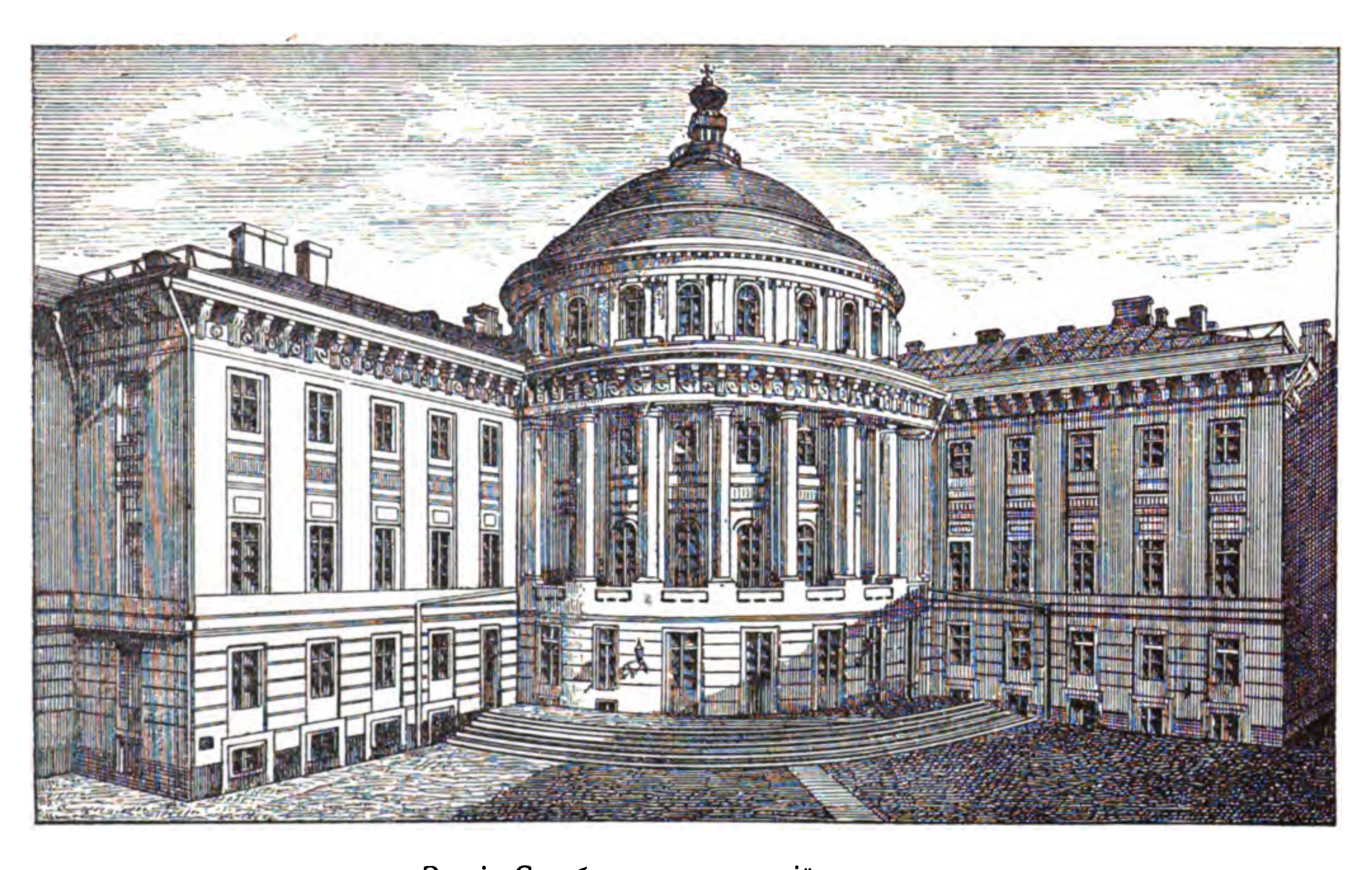
За трапезной слѣдуетъ Соборная или Думская палата, расписанная тоже живописью.

Далѣе Престольная, бывшая прежде кабинетомъ Царя. Она, въ воспоминаніе старины, расписана золотомъ по красному полю, съ изображеніями на сводѣ Господа Вседержителя, окруженнаго Святителями, и гербовъ княжествъ и областей Россіи. Въ лѣвомъ переднемъ углу стоитъ Царское кресло близъ окна, у котораго, по преданію, находился ящикъ для опусканія прошеній, вынимаемыхъ самимъ царемъ. Золоченые ковчеги заключаютъ въ себѣ нѣкоторые древніе акты.

За Престольной слѣдуетъ опочивальня съ кроватью и глазетовымъ древнимъ пологомъ.

Затѣмъ—молельня съ двумя кіотами, заключающими въ себѣ иконы и кресты, принадлежавшіе царю Алексѣю Михайловичу.

Надъ этимъ этажемъ находится вышка, въ которую ведутъ двѣ лѣстницы—парадная и витая. Надъ дверями къ востоку—надпись, высѣченная изъ бѣлаго камня гласитъ, что зданіе это сооружено при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.—Съ окружающаго вышку открытаго балкона открывается чудный видъ на городъ, но онъ теперь не такъ величественъ и обширенъ, какъ былъ въ старину, такъ какъ громады новаго дворца закрыли бывало видное отсюда Замоскворѣчье.

Зданіе Судебныхъ установленій со двора.

Къ нижней площадкѣ теремовъ у церкви Спаса за золотой рѣшеткой примыкаетъ теремной корридоръ, на сводѣ котораго помѣщены портреты первыхъ государей Россіи изъ царствующаго Дома Романовыхъ, начиная съ Михаила Ѳеодоровича и до Петра I, а также патріарха Филарета Никитича.

Этимъ оканчивается рядъ комнатъ дворца, по которымъ обыкновенно проходятъ всѣ, посѣщающіе и осматривающіе дворецъ, но эти помѣщенія составляютъ только едва одну четверть всего дворца, а остальныя части заняты помѣщеніями для свиты, кафешенкской, муншенкской, тофельдекерской, кондитерской, сервизными, ковровыми и должностями, кладовыми, кухней и наконецъ подвалъ, въ которомъ размѣщены 56 громаднымъ калориферовъ, отапливающихъ дворецъ. Церкви дворцовыя мною описаны ранѣе въ главѣ „Соборы и Церкви Кремля", а зданіе Оружейной палаты, составляющее часть дворца, читатели найдутъ ниже въ главѣ „Сокровища въ Кремлѣ".

Весьма интересны крыши и стропила дворца — всѣ металлическія системъ Полонсо и другихъ очень сложныхъ конструкцій, въ особенности главнаго трибуна и металлическаго флагштока, верхушка котораго находится на высотѣ 28 саженей отъ поверхности земли. Во время присутствія Государя Императора во дворцѣ, здѣсь выкидывается желтый императорскій флагъ съ изображеніемъ чернаго государственнаго герба. Самый трибунъ, имѣющій 12 саж. въ ширину и длину, украшенъ 10-ю государственными орлами съ гербами царствъ и областей Имперіи. Въ куполѣ дворца находятся четыре окна, въ двухъ изъ коихъ помѣщенъ циферблатъ часовъ, а въ другихъ двухъ—5 колоколовъ, бьющихъ четверти и часы. Они подобраны подъ аккордъ, и звукъ ихъ чрезвычайно пріятный. Колокола эти, старинной голландской работы, перенесены сюда изъ бывшихъ часовъ на Троицкой башнѣ. Вокругъ шпиля идетъ круглая площадка съ перилами, откуда можно видѣть весь громадный городъ въ буквальномъ смыслѣ съ высоты птичьяго полета.

Посреди квадратнаго двора, окруженная со всѣхъ сто-

ронъ зданіями, стоитъ древняя святыня Кремля—церковь „Спасъ на Бору", описанная нами во главѣ „Соборы и Церкви Кремля". Двое воротъ ведутъ съ этого двора на парадный дворцовый дворъ, отдѣленный отъ проѣзда чугунной рѣшеткой. Второй фасъ этого двора составляетъ аппартаменты Наслѣдника Цесаревича и служащее продолженіемъ ихъ зданіе Оружейной палаты, тянущееся до Боровицкихъ воротъ.

Къ Большому дворцу принадлежитъ еще нѣсколько корнусовъ, расположенныхъ отчасти у западной стѣны Кремля, отчасти на сѣверъ отъ него и образующихъ собой единственную улицу въ Кремлѣ. У кремлевской стѣны за аппартаментами Государя Наслѣдника идетъ такъ называемый корпусъ при Кремлевской стѣнѣ, внизу котораго находятся Императорскія конюшни, а верхній этажъ служитъ помѣщеніемъ для лицъ свиты Высочайшихъ особъ. Видъ, открывающійся съ оконъ этихъ помѣщеній на западную часть города Москвы, восхитителенъ (особенно утромъ), такъ какъ окна расположены высоко надъ Кремлевской стѣной, у подножія которой, на глубинѣ около 8 саж. разстилается 2-й Кремлевскій садъ. Далѣе на сѣверъ вдоль стѣны идутъ два двора и корпуса, называемые старая часть Потѣшнаго дворца и новая часть Потѣшнаго дворца, занятые квартирами служащихъ при дворцѣ, а посреди ихъ высится зеленое зданіе Потѣшнаго дворца, о которомъ скажемъ ниже.

Правую сторону улицы занимаютъ 1-й, 2-й и 3-й корпуса Кавалерскіе. Это то мѣсто, на которомъ прежде стояла историческая Ольгина палата и высились старинныя Гербовыя ворота; здѣсь же находились мастерскія палаты. Теперь всѣ корпуса приспособлены для помѣщеній свиты во время Высочайшихъ пріѣздовъ. За корпусами Кавалерскими расположенъ обширный дворъ, на которомъ находятся корпуса Офицерскій (служащіе при дворцѣ), Гренадерскій (живетъ отрядъ роты Дворцовыхъ гренадеръ), Кухонный и Синодальный (заняты помѣщеніями придворно-служителей) и службы при нихъ.

Небольшой скверъ, разбитый на корпусномъ дворѣ, служитъ для освѣженія воздуха замкнутаго здѣсь среди 4-хъ этажныхъ громадъ обступившихъ его зданій. Двое воротъ, выходящихъ на улицу и на соборную площадь, служатъ для

сообщенія съ окружающими дворъ площадями. Мы упомянули о Потѣшномъ дворцѣ и теперь остановимся на описаніи его нѣсколько больше.

Потѣшный дворецъ. Всякій вступающій въ Кремлевскую улицу, невольно останавливаетъ взоръ на зданіи зеленаго цвѣта и крайне своеобразной, причудливой старинной архитектуры. Всякаго поразитъ несоотвѣтствіе этого зданія, рѣзко выдѣляющагося, среди окружающихъ его другихъ зданій новѣйшей постройки, инымъ характеромъ и стилемъ. Онъ стоитъ какъ бы позабытый членъ старой семьи древнихъ дворцовыхъ зданій, когда-то окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Его окраска—и та, какъ бы нарочно, выдѣляетъ его и даетъ ему особый своеобразно-вычурный отпечатокъ. Тяжелый, массивный, съ узкими окнами фасадъ выдвигается на улицу свѣсившимся на тротуаръ 4-мъ этажемъ, поддерживаемымъ кирпичными, выступающими въ видѣ кронштейновъ простѣнками, перекрытыми небольшими арочками. Эта вышка носитъ на себѣ шатрообразную крышу и какъ бы свѣсилась со всего зданія на улицу. Дальше видна небольшая звоница, пристроенная тоже на крышѣ, въ которой помѣщались колокола, принадлежавшіе бывшей здѣсь церкви Похвалы Богородицы. Дальше виднѣется еще вышка, подымающаяся уже надъ Кремлевскимъ садомъ. Здѣсь фасадъ дворца не выдѣляется особенно ничѣмъ и имѣетъ балконъ, свѣсившійся надъ Кремлевской стѣной, откуда открывается замѣчательный видъ на Москву. Со дворовъ зданіе дворца весьма характерно и оригинально. Стиль зданія древне-русскій и позднѣйшая реставрація, произведенная въ 1874 году, по возможности пощадила все, что оставалось стараго. Весьма красивы разнообразные наличники у оконъ и фронтонъ главнаго подъѣзда. Реставрацію его въ 1874 году производилъ архитекторъ Н. А. Шохинъ.

Исторія говоритъ намъ, что это въ старину былъ домъ боярина Милославскаго, тестя царя Алексѣя Михайловича. Потомъ этотъ домъ причисленъ былъ къ дворцовымъ зданіямъ и служилъ мѣстомъ различныхъ увеселеній и театральныхъ зрѣлищъ, въ которыхъ, по преданію, принимала участіе царевна Софія.

Этимъ мы закончимъ бѣглый обзоръ Большаго Кремлевскаго дворца и перейдемъ къ ознакомленію съ Малымъ Кремлевскимъ дворцомъ (Николаевскимъ), который также принадлежитъ къ дворцовымъ зданіямъ Кремля.

Малый Кремлевскій дворецъ. Примкнувъ одной стороной къ Чудову монастырю и выходя главнымъ угловымъ фасадомъ на Кремлевскую площадь, противъ колокольни Ивана Великаго, стоитъ небольшое трехъэтажное зданіе Малаго Кремлевскаго, иначе называемаго Николаевскаго дворца. Первоначально онъ сооруженъ архитекторомъ Казаковымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II и былъ прежде Митрополичьимъ домомъ; впослѣдствіи же онъ переименованъ во дворецъ и въ немъ останавливались Государи Россіи до капитальной перестройки Большаго Кремлевскаго дворца.

Не выдѣляясь особенно архитектурой своей, дворецъ этотъ замѣчателенъ, какъ мѣсто рожденія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II. Въ 1879 году дворецъ былъ перестроенъ капитально съ приспособленіемъ возможныхъ улучшеній, служащихъ къ удобству жизни; но при всемъ томъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, ни расположеніе комнатъ, ни ихъ форма, высота и убранство не были измѣнены; все осталось такъ, какъ было въ 1818 году, т. е. въ годъ рожденія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; между улучшеніями замѣчательна система отопленія и вентиляціи,—система, которая въ этомъ дѣлѣ есть послѣднее слово науки. Дворецъ не имѣетъ печей въ помѣщеніяхъ и внутрь его не идетъ согрѣтый воздухъ, а всѣ наружныя стѣны и всѣ окна согрѣты проходящимъ внутри ихъ горячимъ воздухомъ, такъ что, подойдя къ окну или наружной стѣнѣ въ самый сильный морозъ, чувствуется пріятная теплота и температура комнатъ одинакова во всѣхъ частяхъ ихъ, чего невозможно достигнуть при другихъ системахъ отопленія. Вентиляція устроена настолько хорошо, что даже зимой во дворцѣ чувствуется весенній воздухъ, который можетъ быть возобновляемъ 24 раза въ сутки. Вся система приборовъ отопленія помѣщена въ подвалѣ; проектъ ея сдѣлалъ военный инженеръ генералъ-маіоръ Войницкій. Работы по реставр-

раціи производилъ архитекторъ Шохинъ. Весь дворецъ меблированъ въ стилѣ Empire. Въ немъ имѣются замѣчательныя картины: Коронація Станислава Августа, писанная Белотто-Каналети, заключающая въ себѣ до 100 портретовъ дѣйствующихъ лицъ изображеннаго событія, пожаръ Кремля, Айвазовскаго и другія. Здѣсь также много бронзы въ стилѣ временъ Имперіи.

Дворецъ и теперь иногда служитъ мѣстопребываніемъ Императорскаго семейства. При дворцѣ есть домовая церковь во имя Петра и Павла. Первый и третій этажъ заключаетъ компаты для Великихъ Князей и ихъ свиты. Съ угловаго балкона дворца открывается чудный видъ на Замоскворѣчье, рѣку Москву и окраины города.

Къ дворцу съ востока примыкаетъ садъ, очень живописно разбитый и убираемый на лѣто тропическими растеніями изъ Императорскихъ оранжерей. Обиліе воды и густая зелень ползучихъ растеній, огибающихъ стѣну сада, дѣлаютъ лѣтомъ этотъ уголокъ почти сплошь каменнаго Кремля восхитительнымъ. За садомъ идетъ дворъ, тоже убранный зеленью, на которомъ расположенъ служительскій корпусъ. Далѣе идетъ служебный дворъ, гдѣ у одной изъ стѣнъ совершенно неожидано встрѣчаются, въ небольшой, открытой сверху и запертой рѣшетчатой желѣзной дверью, ряды надгробныхъ плитъ. Это объясняется слѣдующимъ образомъ. При реставраціи дворца и подведеніи подъ него новаго фундамента, на глубинѣ 9 арш. отъ поверхности земли найдено было древнее кладбище, гдѣ среди костей и череповъ оказались два небольшихъ гробика, а на 6 аршинной глубинѣ открыли множество надгробныхъ плитъ. Тогда всѣ кости были сложены въ вырытую яму, а изъ плитъ съ наиболѣе сохранившимися надписями образовали родъ новаго кладбища, теперь видимаго нами. Большинство плитъ положено въ XVII столѣтіи и видны среди надписей года 1617, 1634, 1636 и др. Судя по надписямъ надъ плитами, изъ нихъ нѣкоторыя указываютъ на погребеніе схимниковъ, а другія—частныхъ лицъ, мужчинъ и женщинъ. Уровень, на которомъ нашли плиты и кладбище, показываетъ положеніе мѣстности стараго Кремля и ту толщу позднѣйшаго наноса, который образовывался послѣдовательно изъ года въ годъ. Кромѣ того при работахъ оказалось, что нынѣшній дво-

рецъ построенъ на бывшемъ здѣсь нѣкогда оврагѣ, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ материкъ найденъ на глубинѣ 10 аршинъ (тутъ же открыты слѣды сооруженій), а въ другихъ мѣстахъ на 13 арш. и далѣе—на 9 аршинахъ.

Зданія.

Въ Кремлѣ, кромѣ храмовъ, монастырей и дворцовъ, находятся еще четыре зданія, принадлежащихъ правительству, но въ немъ нѣтъ теперь ни одного сооруженія, принадлежащаго частному лицу. Какая противоположность съ тѣмъ, что̀ было въ Кремлѣ въ далекомъ прошломъ, когда онъ былъ весь заполненъ множествомъ тѣсно скучившихся церквей, палатъ, дворовъ, подворьевъ и даже кладбищъ до 1657 года, какъ это мы видѣли въ очеркахъ прошлаго. Теперь только четыре зданія занимаютъ мѣсто бывшихъ здѣсь сооруженій, сломанныхъ и уничтоженныхъ для того, чтобы уступить мѣсто грандіознымъ постройкамъ болѣе новаго времени.

Зданіе Судебныхъ установленій, бывш. Сенатъ, величаво красующееся своими чудными архитектурными формами, заняло часть сѣверовосточной стѣны на томъ мѣстѣ, гдѣ въ XVII вѣкѣ были дворы князей Трубецкихъ, Одоевскихъ, Голицыныхъ и стояло нѣсколько церквей: Косьмы и Даміана, Петра Митрополита и др., а также находился конюшенный дворъ Чудова монастыря. Въ 1711 году знаменитый архитекторъ Казаковъ воздвигъ зданіе Сената, тогда называвшееся Намѣстничій домъ,—зданіе по плану своему, фасаду и деталямъ, настолько замѣчательное, что смѣло можетъ быть поставлено по архитектурѣ выше всѣхъ зданій, воздвигнутыхъ въ послѣдующее время. Оно носитъ на себѣ, какъ и всѣ зданія временъ Императрицы Екатерины II, отпечатокъ величія, вылившагося гармонически въ формахъ строго изученнаго и выработавшагося стиля. Позднѣйшія поправки и передѣлки не повліяли особенно на зданіе, и оно служитъ прекраснымъ памятникомъ сооруженій XVIII вѣка.

Громадный греческій порталъ, занимающій средину зданія, ведетъ во внутренній дворъ, среди котораго высится другой фасъ зданія, увѣнчанный громаднымъ куполомъ, на верху котораго съ четырехъ сторонъ блеститъ, помѣщенная подъ Императорской короной, надпись: законъ. Куполъ этотъ покрываетъ единственную въ своемъ родѣ въ Москвѣ, по красотѣ и величію, круглую залу, украшенную колоннами и барельефами, изображающими сцены изъ жизни Великой Императрицы.

По переведеніи Сената въ С.-Петербургъ, зданіе это принадлежало дворцовому вѣдомству, а нынѣ передано въ Министерство юстиціи; въ немъ помѣщены: судебныя учрежденія Московскаго округа и главный межевой архивъ, въ которомъ находятся планы почти всѣхъ имѣній въ Россіи, составленію которыхъ положила начало своимъ знаменитымъ указомъ о генеральномъ межеваніи Императрица Екатерина II, по волѣ которой и воздвигнуто само зданіе.

Арсеналъ. У сѣверо-западной Кремлевской стѣны, примкнувъ вплоть къ ней, тянется длинное двухъ-этажное зданіе арсенала. Въ XVII вѣкѣ здѣсь былъ дворъ боярина Лыкова, начальника стрѣльцовъ, и другіе дворы, а также подворье Симоновское и патріаршій конюшенный дворъ. Въ началѣ XVIII вѣка (въ 1702 г.) по проекту саксонца Іоанна Конрада начата постройка Арсенала, называвшагося тогда цейхгаузомъ. По разрушеніи его въ пожаръ 1837 года, зданіе возобновлялось архитекторомъ княземъ Ухтомскимъ и впослѣдствіи на его сооруженіе употребленъ камень изъ разобранныхъ по повелѣнію Императрицы Екатерины II стѣнъ Бѣлаго города. Въ 1812 году часть зданія, прилегающая къ Никольской башнѣ, была взорвана, часть сгорѣла и окончательное его возобновленіе было уже при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Стиль зданія временъ Наполеона I, хотя въ немъ видно вліяніе прежнихъ временъ. Громадное зданіе, охватившее внутренній дворъ въ видѣ неправильнаго четырехугольника, принадлежитъ Военному министерству и занято артиллерійскими и интендантскими складами и мастерскими. По главному фасаду, противъ зданія Сената вдоль цоколя идутъ ряды орудій, помѣщенныхъ на каменныхъ постаментахъ. Здѣсь собраны трофеи войны 1812 года, отбитые у Великой арміи Наполеона I. Въ

рядахъ ихъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ главнаго портика, въ общемъ числѣ 875 орудій, насчитываютъ Французскихъ 365, Австрійскихъ 189, Прусскихъ 123, Неаполитанскихъ 40, Баварскихъ 34, Вестфальскихъ 1, Саксонскихъ 12, Ганноверскихъ 1, Итальянскихъ 70, Виртембергскихъ 3, Испанскихъ 8, Голландскихъ 22 и Польскихъ 5. Южная стѣна Арсенала тоже украшена кучами обыкновенныхъ ядеръ, придающими чисто военный характеръ зданію.

Казармы составляютъ третью сторону Сенатской площади. Собственно зданіе, теперь ничѣмъ не выдѣляющееся, было построено при Императорѣ Александрѣ I, для Оружейной Палаты архитекторомъ Зотовымъ. Фасадъ его, по описаніямъ, былъ убранъ лѣпными украшеніями, изображавшими нѣкоторыя историческія событія и статуями людей, послужившихъ съ честью и пользою отечеству. Зданіе не имѣло печей, какъ источника, отъ котораго могли быть уничтожены сокровища для которыхъ назначалось зданіе. Теперь фасадъ зданія ни чѣмъ не напоминаетъ прошлаго,— ни чѣмъ не говоритъ о красотѣ и великолѣпіи, которымъ восхищались современники постройки. Единственное украшеніе зданія, это тѣ 20 древнихъ орудій русской работы, которыя поставлены на гранитномъ пьедесталѣ вдоль всего зданія, да кучи современныхъ ядеръ, сложенныя у подножія орудій. Орудія эти, весьма разнообразныхъ формъ и вычурной работы, лежатъ на таковыхъ же разнообразныхъ лафетахъ. Среди всѣхъ орудій первое мѣсто по интересу занимаетъ Дробовикъ или Царь-пушка, своею величиною (калибромъ $20^3/_4$ верш.) превосходящая всѣ орудія въ мірѣ, и потому причисляется къ одному изъ Московскихъ чудесъ. Около орудія можно всегда встрѣтить группы любопытныхъ и туристовъ, разсматривающихъ ее и читающихъ надписи на ней, изъ которыхъ одна на правой сторонѣ гласитъ, что орудіе отлито въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, а на лѣвой,—что лилъ ее въ 1586 году пушечный мастеръ Андрей Чоховъ. На самомъ орудіи помѣщенъ барельефъ, изображающій Царя Ѳеодора Іоанновича на конѣ. Лафетъ украшенъ львиной головой. У подножія лежитъ 4 громадныхъ, каждое вѣсомъ въ 120 пудовъ, ядра, а самое орудіе вѣситъ 2400 пудовъ.

Съ другой стороны казармъ къ Троицкимъ воротамъ,

стоитъ самая длинная изъ всѣхъ здѣсь находящихся пушка—Единорогъ (вѣсъ 779 пуд.). Славянская надпись на ней говоритъ, что орудіе отлито при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пушечнымъ мастеромъ Мартыномъ Осиповымъ. Между промежуточными орудіями обращаетъ на себя вниманіе: Онагръ (вѣсъ 312 пуд.), литый Кузьминымъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Троиль (вѣсъ 430 пуд.) и Аспидъ (вѣсъ 379 пуд.)—литыя Чоховымъ при Θеодорѣ Іоанновичѣ и мортира, отлитая Чоховымъ же, но замѣчательная тѣмъ, что работа ея относится ко времени Димитрія Самозванца, о чемъ свидѣтельствуетъ находящаяся на ней надпись. Это орудіе сохранено отъ переливки по указу Императора Петра I.

Синодальный домъ, прежде называвшійся Патріаршимъ, составляетъ четвертую сторону соборной площади и выходитъ главнымъ фасадомъ къ Успенскому собору. Чрезвычайно характеренъ древній видъ зданія, начинающагося тремя алтарными выступами помѣщающагося въ немъ собора Двѣнадцати Апостоловъ, противъ Чудова монастыря къ проѣзду и идущаго по направленію къ зданію дворца. Все зданіе то двухъ, то трехъ, то наконецъ четырехъ этажное, увѣнчанное главами помѣщающагося въ немъ собора и разукрашенное колонками и выступами у неправильно расположенныхъ дверей и оконъ,—глядитъ остаткомъ глубокой старины.

Не излагая болѣе отдаленнаго прошлаго, нельзя однако умолчать, что мѣсто Синодальнаго дома было занято многими постройками, къ которымъ примыкалъ Старый Царь Борисовъ дворъ, что и подтверждаютъ недавно открытые остатки его подъ проѣздомъ близъ Чудова монастыря.

Теперь мы видимъ зданіе временъ Императрицы Екатерины II,—работы архитектора Казакова. Но до этого времени зданіе имѣло свою исторію. — Патріархъ Никонъ перенесшій сюда свое мѣстопребываніе, воздвигъ домъ, называвшійся тогда Патріаршій домъ, но пожаръ 1737 года и послѣдующія пристройки и передѣлки при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ измѣнили первоначальное его расположеніе.

Синодальный домъ состоитъ изъ главнаго корпуса у соборовъ, въ которомъ помѣщается соборъ Двѣнадцати

Апостоловъ, Крестовая или Мѵроваренная палата, патріаршая ризница съ церковью Апостола Филиппа, Синодальная библіотека, Синодальная контора и архивъ ея помѣщаются въ надворномъ флигелѣ, перестроенномъ въ нынѣшнемъ году. Нижній и часть 2-го этажа заняты жильемъ ризничаго, причта при церквахъ и служащихъ въ конторѣ. Вышка надъ домомъ, называемая Петровской палатой, служитъ для храненія облаченій духовенства и пѣвчихъ Успенскаго собора.

Нижній этажъ зданія носитъ на себѣ слѣды времени первоначальной постройки, а 2-й и пр. этажи—постройки болѣе новѣйшей. Здѣсь во второмъ этажѣ расположена Мѵроваренная палата, называвшаяся прежде Крестовой. Здѣсь въ 2 года разъ совершается съ большимъ торжествомъ обрядъ мѵроваренія и по освященіи св. Мѵра въ Успенскомъ соборѣ, оно разсылается по городамъ Россіи и даже въ Черногорію.

Часть зданія, примыкающая къ дворцу, занята знаменитымъ хранилищемъ древнихъ книгъ—Синодальной библіотекой. Покои около патріаршей ризницы, находящейся въ 3-мъ этажѣ, заняты помѣщеніемъ ризничаго, а прежде это были покои патріарховъ, гдѣ и теперь находятся портреты ихъ.

Упомянувъ о томъ, что среди двора Синодальнаго дома лѣтъ 10 тому назадъ были открыты засыпанные землей остатки древнихъ построекъ, нынѣ снова засыпаемые, мы окончимъ описаніе зданій, находящихся въ Кремлѣ московскомъ и перейдемъ въ слѣдующей главѣ къ обзору сокровищъ, сохраняемыхъ въ описанныхъ нами зданіяхъ.

XV.

Сокровища въ Кремлѣ.

Общій взглядъ на Кремль, какъ сокровищницу старины Русской.—Оружейная палата; ея прошлое и предметы, въ ней сохраняемые.—Патріаршая ризница.—Синодальная библіотека.—Ризницы при церквахъ кремлевскихъ.—Архивы: Дворцовый, старыхъ дѣлъ, межевой и судебныхъ установленій.—Склады и кладовыя.

Здѣсь могутъ вопрошать судьбу
Историкъ мыслящій и страстный
антикварій.

Богатства наукъ и искусствъ, накопленныя въ продолженіе многихъ вѣковъ существованія Московскаго Кремля, дѣлаютъ его какъ бы громадной сокровищницей предметовъ прошлаго. Здѣсь, въ его соборахъ и монастыряхъ, гдѣ протекла духовная жизнь русскаго народа, свято хранятся рукописи, фоліанты, книги, облаченія и священные предметы, открывающіе для современниковъ завѣсу духовной жизни великой Россіи, воскрешающіе намъ великихъ дѣятелей прошлаго, изъ которыхъ многіе причислены къ лику святыхъ. Каждый предметъ, хранимый въ ризницахъ храмовъ и монастырей, много скажетъ пытливому уму и просвѣщенной любознательности.

Въ чертогахъ царскихъ, въ палатахъ и залахъ царскихъ дворцовъ на каждомъ шагу встрѣчаются сокровища, которымъ нѣтъ цѣны, такъ какъ они есть наслѣдіе неповторяющагося прошлаго, дорогаго каждому просвѣщен-

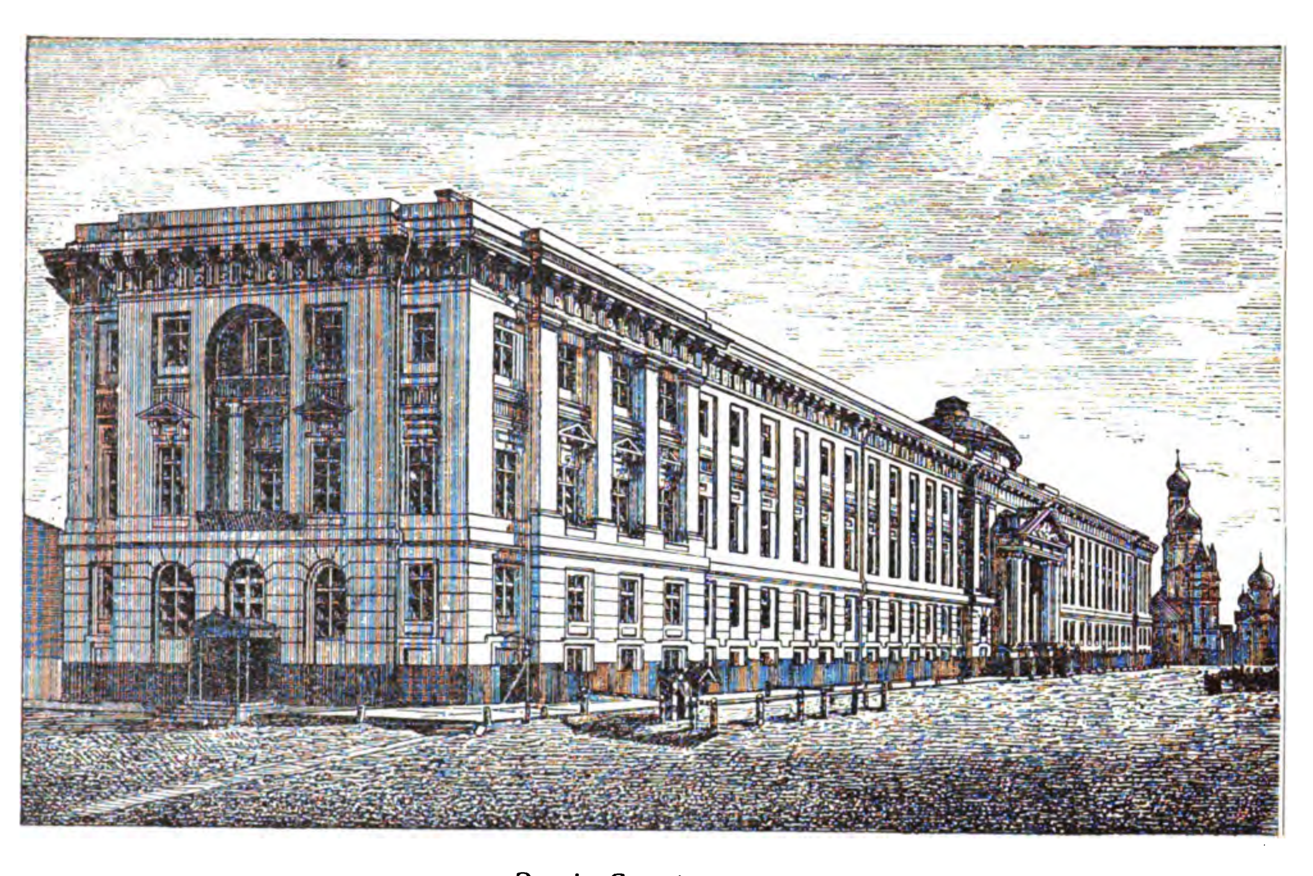
ному человѣку. Здѣсь не одно столѣтіе собиралось все выдающееся по тому или другому случаю, бережно хранилось, много разъ описывалось и, еслибы не частые истребительные пожары, да враги, подчасъ варварски хозяйничавшіе въ Кремлѣ,—мы, въ сокровищницахъ Московскаго Кремля, имѣли бы много источниковъ, которые помогли бы намъ открыть не одну, до сихъ поръ еще темную, страницу исторіи старой Россіи. Но даже то, что̀ пощадилъ всеистребляющій огонь и всесокрушающій врагъ, — что успѣла сохранить самоотверженная любовь русскихъ къ остаткамъ старины,—дало уже и даетъ до сихъ поръ обильную пищу историкамъ Россіи и помогаетъ искать въ извѣстномъ намъ прошломъ отвѣты на волнующіе насъ теперь вопросы государственно-народной жизни.

Какъ бы чувствуя неразрывную связь Кремля, этого ковчега старины русской, съ исторіей Россіи, по волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Александра Николаевича, у стѣнъ Кремля и теперь воздвигается зданіе Историческаго музея, назначенное ясно и образно представить давно минувшіе годы тысячелѣтней жизни нашей дорогой родины.

Съ другой стороны Кремля, къ западу, ужѐ гремитъ собраніемъ драгоцѣнныхъ сокровищъ сношеній Россіи съ иноземными странами—архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ собрано все, что, исходя изъ Кремля, разносилось по лицу земли и что отовсюду сосредоточивалось здѣсь въ Кремлѣ, какъ центрѣ могущественнѣйшаго сѣвернаго государства міра, и только за послѣднія 150 лѣтъ жизни Россіи отъ Петра I, тамъ на берегу далекой Невы, гдѣ теперь течетъ жизнь правительственная, слѣдуетъ искать нужныя историку данныя прошлаго ея.

И такъ окинемъ же взглядомъ, хотя въ бѣгломъ обзорѣ, все, что хранитъ въ себѣ Московскій Кремль, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно есть ковчегъ старины Русской и чтобы дополнить наше знакомство съ нимъ.

Оружейная Палата. Оружейная Палата представляетъ собою въ высокой степени интересный музей древностей и драгоцѣнностей, портретовъ, одеждъ, царской утвари, оружія и проч. Со временъ старины глубокой русскіе великіе князья,

Зданіе Судебныхъ установленій.

(бывш. Сената.)

а потомъ цари имѣли богатыя сокровищницы, наполненныя золотыми, серебряными вещами, каменьями, драгоцѣнными тканями и мѣхами. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ государей того времени распоряженіямъ о томъ, кому изъ наслѣдниковъ „приказывалось“ отдать какія вещи, отводилось всегда не малое мѣсто. Частыя усобицы между князьями, погромы, производимые татарскими нашествіями, не разъ разносили въ прахъ „домовую казну великокняжескую“; но экономные и домовитые князья московскіе успѣвали опять собрать и завѣщать дѣтямъ изрядныя сокровища. Со времени Ивана III Русь окрѣпла подъ главенствомъ Москвы и утвердившагося въ ней единодержавія; походы ея государей, завоеванія Новгорода, Казани, Астрахани, Царства сибирскаго, дары иноземныхъ Государей, начинавшихъ цѣнить дружбу великихъ князей и царей Всея Россіи, настолько обогатили Кремлевскую сокровищницу, что Грозный Царь Иванъ Васильевичъ по спроведливости могъ похваляться своими богатствами передъ иноземными послами и путешественниками и вызывать ихъ удивленіе. Съ престоломъ царскимъ, съ шапкою и священными бармами Мономаха вся несмѣтная казна царская перешла во владѣніе Бориса Ѳеодоровича Годунова, избраннаго на царство, когда угасла главенствовавшая вѣтвь Рюриковичей. Вѣрный преданіямъ старины, Борисъ съ любовью собиралъ рѣдкости и цѣнности и пріумножалъ казну, собранную послѣдними четырьмя царями. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ея описей, сохранившихся отъ того времени, и мы лишь предполагать можемъ, по преданіямъ, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ о необычайныхъ богатствахъ, доставшихся въ руки смѣлаго авантюриста, надѣвшаго подъ именемъ Дмитрія шапку Мономаха. Наступившая послѣ его короткаго царствованія неурядица, самозванщина, захватъ кремля Поляками и Литовцами еще разъ и въ послѣдній разъ уничтожили неоцѣнимое, по историческому значенію и по богатству, сокровищехранилище сошедшей съ историческаго поприща династіи Рюриковичей. Послѣдній изъ этого славнаго рода — Василій Ивановичъ Шуйскій угасалъ въ плѣну у Короля Сигизмунда. Тамъ же съ нимъ вмѣстѣ томился родоначальникъ Царственнаго рода, призваннаго народнымъ избраніемъ спасти, возстановить и возвеличить Русь, — митрополитъ Филаретъ Никитичъ Ро-

мановъ. Юный сынъ его, первый Царь изъ благословеннаго дома Романовыхъ, вступилъ въ полуразрушенный и оскверненный нечестивцами Кремль безъ казны и драгоцѣнностей, съ единственнымъ, но за то неоцѣнимымъ сокровищемъ,—съ любовью и беззавѣтною преданностью всего Русскаго народа. Съ этого великаго для Россіи событія начинается собственно исторія теперешней царской сокровищницы—Московской Оружейной Палаты. Изъ древностей, предшествовавшихъ воцаренію Михаила Өеодоровича, въ ней находится немногое, уцѣлѣвшее отъ прежде бывшихъ разгромовъ, отчасти сохраненное, отчасти найденное при раскопкахъ.

До Императора Александра I всѣ сокровища царскія хранились во дворцѣ, въ „большой казнѣ“ (зданіе Казеннаго приказа, находившееся между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами), въ Бронномъ и Конюшенномъ Приказахъ и въ Запасномъ Дворцѣ. При Александрѣ I воздвигнуто великолѣпное зданіе на Кремлевской площади, и въ немъ собрано все, находящееся въ настоящее время въ Оружейной Палатѣ. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ этотъ драгоцѣнный музей-сокровищница перенесенъ въ новое зданіе, на западѣ отъ Большаго дворца, соединенное съ нимъ зимнимъ садомъ на аркахъ. Здѣсь всѣ предметы расположены въ залахъ двухъ этажей, соединенныхъ величественною, монументальною лѣстницею.

Входъ у чугунной рѣшетки вводитъ посѣтителя въ обширныя сѣни съ колоннами. Убранство стѣнъ состоитъ изъ брони XVII ст.; правая сторона исключительно декорирована бронею русскаго дѣла, а лѣвая сторона, равно и одѣянія манекеновъ составляютъ предметы иностраннаго производства. Въ углахъ, на полу—ковшъ и токарный станокъ, принадлежавшіе Петру I; колоколъ, перелитый въ 1714 г. изъ стараго набатнаго, висѣвшаго у Спаскихъ воротъ, и шесть чугунныхъ пушекъ, отбитыхъ въ 1774 г. у Пугачева. На первой площадкѣ лѣстницы красуется ваза, сдѣланная на заводѣ Петербургской Александровской мануфактуры; надъ нею, въ окнѣ, великолѣпная живопись по стеклу работы художника Сверчкова, изображающая Го-

сударственный гербъ, окруженный гербами всѣхъ губерній, царствъ и областей, вошедшихъ въ составъ Великой Имперіи. По стѣнамъ арматуры изъ брони XVII ст. иностранной работы, преимущественно нѣмецкой. На верхней площадкѣ, по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей, два дѣтскіе манекена, одѣтые въ броню, работы русскихъ мастеровъ XVII в. Кромѣ арматуръ изъ древняго оружія, здѣсь на стѣнахъ двѣ картины, изображающія Куликовскую битву и крещеніе св. Владиміра.

Широкія двери ведутъ въ Бронную залу. Арматуры по стѣнамъ и на эталажахъ составлены, за немногими исключеніями, изъ оружія работы русскихъ мастеровъ XVII в. По обѣ стороны дверей стоятъ два конные манекена: русскаго воеводы XVII в. и рыцаря въ нѣмецкомъ вооруженіи. Кромѣ того пѣшіе манекены изображаютъ: 2 русскихъ ратниковъ и сотеннаго голову того-же времени. На тумбахъ расположены: шлемъ и кольчуги, найденные въ 1808 г. близъ Юрьева-Подольскаго. Влѣво отъ дверей—весьма древній головной уборъ ратный — желѣзная шапка-іерихонка конца XVI в., принадлежавшая кн. Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому; очень древніе шлемы съ желѣзными личинами (масками), вмѣсто забралъ, и латы, той-же работы, по преданію добытыя при покореніи Сибири. Противъ нихъ на тумбѣ лейбъ-кампанскія шапки и значки Императрицы Елизаветы Петровны. На лѣвой сторонѣ: шлемъ Царя Михаила Ѳеодоровича, работы русскаго мастера Никиты Давыдова. Затѣмъ въ томъ же залѣ множество вооруженій XIII и слѣдующихъ вѣковъ: шлемы, шапки — мисюрки, зерцала (латы) русскаго и иноземнаго дѣла, кольчуги, изъ которыхъ одна представляетъ собою скипѣвшуюся отъ многовѣковаго лежанія въ землѣ массу.

Мы остановились на этой залѣ единственно потому, что она представляетъ собою совершенно оригинальный видъ и поражаетъ посѣтителя характеромъ давно забытаго военнаго быта, когда „богатыри — не мы“, закованные въ латы, одѣтые на рубашки изъ стальныхъ колецъ, шли въ бой съ врагомъ грудь съ грудью тяжеловѣсными мечами и топорами, намъ теперь неподъемными. Въ той же послѣдовательности описывать видъ залъ этого громаднаго, почти единственнаго въ мірѣ собранія драгоцѣнностей и рѣдкостей

*

мы считаемъ невозможнымъ; это повело бы насъ къ составленію сухаго перечня — указателя для посѣтителей. Поэтому мы предпочитаемъ обратить вниманіе лишь на тѣ предметы, которые, по историческому значенію, или по древности, или въ художественномъ отношеніи представляютъ собою нѣчто особливо выдающееся.

Къ таковымъ въ отдѣлѣ оружія пренадлежатъ и должны быть поставлены на первое мѣсто: шапки кн. Пожарскаго и Козьмы Минина, сѣдло князя, сабли этихъ двухъ великихъ бойцовъ за вѣру Православную, за свободу земли Русской, и знамя, подъ которымъ они водили въ побѣдный бой съ Поляками свои дружины. Рядомъ съ доспѣхами воеводы-князя и патріота-гражданина слѣдуетъ упомянуть о томъ оружіи, которымъ въ 1609 г. монахи Троице-Сергіева монастыря отстояли великую святыню нашу отъ напора польскихъ войскъ, безуспѣшно осаждавшихъ монастырь подъ начальствомъ опытныхъ и храбрыхъ полководцевъ. Въ массѣ остальнаго холоднаго и огнестрѣльнаго оружія представляютъ интересъ скорострѣльныя ружья XVII и XVIII вѣковъ — точный прототипъ нынѣшнихъ револьверовъ, отъ этихъ послѣднихъ отличный только тѣмъ, что замки у первыхъ кремневые.

Древнѣйшій памятникъ былой военной славы составляетъ знамя В. Кн. Димитрія Донскаго, бывшее съ нимъ на Куликовскомъ полѣ въ 1380 г.; за нимъ слѣдуютъ „великій стягъ“ Царя Ивана Васильевича Грознаго, два знамени, бывшія съ Ермакомъ при завоеваніи Сибири, знамя „морскаго решмента“ Петра Великаго, знамена воеводскія и сотенныя XVII вѣка, стрѣлецкія знамена, казачьи значки и топоры того-же времени, знамена, бывшія въ 1711 г. съ Петромъ Великимъ подъ Прутомъ, знамена и штандарты польскихъ войскъ. Изъ старинныхъ вооруженій нельзя пройти молчаніемъ шеломъ, приписываемый Вел. Кн. Юрію Всеволодовичу, кольчугу съ надписью на каждомъ кольцѣ "съ нами Богъ", кошманъ и нѣмецкую боевую шапку боярина Никиты Ивановича Романова. Но мы оставимъ ратные доспѣхи,—ихъ не перечислить, и перейдемъ мимо ряда коронаціонныхъ креселъ-троновъ въ залу, гдѣ хранятся Императорскія регаліи.

Здѣсь первое мѣсто по древности принадлежитъ, само

собою разумѣется, шапкѣ Владиміра Мономаха, XII вѣка; за нею слѣдуютъ Казанская шапка XVI в. Царя Симеона, шапки: Михаила Ѳеодоровича, Іоанна Алексѣевича, его же алмазная, Царя Петра Алексѣевича, устроенная по образцу Мономаховой; короны: Императорская, Грузинская и Мальтійская Императора Павла I; здѣсь же хранятся: держава, скипетръ, золотая цѣпь и бармы (оплечье), присланные, вмѣстѣ съ короною Греческимъ Императоромъ Константиномъ Мономахомъ внуку его Владиміру Мономаху. Не только по древности, но и по необыкновенно художественной работѣ замѣчателенъ скипетръ Грузинскаго Царя Георгія; рядомъ съ нимъ лежатъ обломки, повидимому, тоже скипетра, подобнаго-же издѣлія XII в., найденныя на мѣстѣ старой Рязани со множествомъ другихъ древнихъ принадлежностей велико-княжескаго достоинства. Упомянувши о спипетрахъ-царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, аквамариновомъ Польскаго Короля Станислава Августа и о другой державѣ, мы остановимся на множествѣ мелкихъ предметовъ, помѣщенныхъ въ большихъ витринахъ, осѣненныхъ Государственнымъ знаменемъ. Здѣсь каждый предметъ заставляетъ засмотрѣться на себя археолога-знатока древностей, художника или простаго туриста, одареннаго развитымъ вкусомъ, чуткимъ ко всему прекрасному и артистическому. Въ этой же залѣ по обѣ стороны входной двери стоятъ два трона съ балдахинами, служившіе для коронованія Императоровъ Александра I и Николая I польскими королями; направо отъ двери — двойной серебряный тронъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, кресло Царя Михаила Ѳеодоровича, алмазное кресло царя Алексѣя Михайловича, персидское кресло съ множествомъ драгоцѣнныхъ камней Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, присланное ему въ даръ Персидскимъ шахомъ въ 1605 г., рѣзное изъ кости кресло В. Кн. Іоанна III, присланное ему изъ Греціи по случаю бракосочетанія его съ царевною Софьею Палеологъ. Шкафы, стоящіе по стѣнамъ, заняты древними царскими одеждами, платьями Императрицъ, кафтанами и мундирами Императоровъ; въ особыхъ витринахъ хранятся порфиры въ Бозѣ почившихъ Государя Императора Александра II и Императрицъ Маріи Александровны и Александры Ѳеодоровны. Двѣ витрины заняты кабинетными вещами Государей со временъ

Михаила Өеодоровича. Въ особомъ шкафѣ, среди дорогихъ и художественно сдѣланныхъ царскихъ посоховъ и тростей глазъ останавливается на простой палкѣ,—то историческая дубинка Великаго Петра.

Такъ называемый Серебряный залъ занятъ исключительно древнею посудою; отъ входа съ лѣвой стороны размѣщены эмалированныя, серебряныя, деревянныя, кокосовыя и стеклянныя вещи русской работы XVII ст., между которыми помѣщенъ и отдѣлъ Петра I, съ правой стороны, а равно и на тумбахъ, вещи, присланныя въ даръ Русскимъ Царямъ Европейскими Государями, какъ то: голландскимъ, датскимъ, шведскимъ, польскимъ, англійскимъ и пр. На стѣнѣ портретъ Императора Александра I, а напротивъ статуя Наполеона I.

Среди этой массы драгоцѣннаго металла глазъ знатока невольно остановится на небольшой витринѣ съ разными предметами, высокохудожественной работы изъ слоновой кости, на Севрскомъ—фарфорѣ, подаркѣ Наполеона I Императору Александру Павловичу, и на множествѣ другихъ вещей, представляющихъ собою образцы древняго искусства.

Нижній этажъ помѣщенія Оружейной Палаты занятъ болѣе крупными, громоздкими предметами. Въ первой залѣ, кромѣ чепраковъ, полостей и ковровъ XVII в., замѣчательны двѣ модели: по правую сторону отъ входа,—модель грандіознаго зданія, сдѣланная по проэкту архитектора Бажанова и представленная Императрицѣ Екатеринѣ II, желавшей, вмѣсто стѣнъ Кремля, построить огромный дворецъ; противъ нея подъ стекляннымъ колпакомъ—модель Коломенскаго дворца. Тутъ же хранятся кровать и люлька Петра I, тронъ Хивинскаго хана, взятый русскими войсками въ 1870 г. Въ слѣдующей залѣ въ витринахъ разложена конская сбруя и украшенія XVI и XVII вѣковъ. Въ третьей залѣ старинные экипажи. Между ними заслуживаютъ вниманія: золоченая карета, украшенная живописью Буше, подаренная гр. Разумовскимъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; позади—возокъ, въ которомъ та-же Государыня ѣхала изъ Петербурга въ Москву ко дню коронаціи; карета, присланная англійскою королевою Елиза-

ветою въ подарокъ царю Борису Годунову, двѣ походныя кровати Наполеона I, отбитыя у французовъ въ 1812 г., подъ Березиной, и мн. др. Четвертая зала, круглая, занята разными рѣдкостями; въ числѣ ихъ находится походный ларецъ Петра I, блюда поднесенныя покойному Государю при различныхъ случаяхъ, деревянные часы и пр.

Огромный интересъ, при осмотрѣ Оружейной Палаты, представляетъ собраніе портретовъ Русскихъ и Польскихъ Государей и бюстовъ знаменитыхъ мужей. Невольно останавливаешься и долго не можешь оторваться отъ портрета Императрицы Екатерины II въ мужскомъ платьѣ, верхомъ. Глядя на этотъ восхитительный портретъ и на другой, тойже великой Государыни, становится понятнымъ то обаяніе, которое производила на современниковъ русская Семирамида, дивная Фелица, воспѣтая Державинымъ. Послѣдній портретъ Екатерины II въ мужскомъ платьѣ совершенно неизвѣстенъ публикѣ; онъ, кажется, никогда не былъ воспроизведенъ ни гравюрою, ни фотографіей. Надо, впрочемъ, вообще замѣтить, что наши историки, писатели монографій и историческихъ романовъ обращаютъ слишкомъ мало вниманія на портреты лицъ, о которыхъ имъ приходится повѣствовать, что̀ весьма достойно сожалѣнія. Оружейная Палата въ этомъ отношеніи представляетъ обширный матеріалъ, почти нетронутый. Здѣсь, какъ живые, въ воспроизведеніяхъ лучшихъ художниковъ, проходятъ передъ нами Русскіе Государи и Государыни, начиная съ Филарета Никитича Романова; многіе изъ нихъ изображены въ различныхъ возрастахъ: Императоръ Александръ Павловичъ, Петръ Алексѣевичъ и царевна Софія, Елизавета Петровна; полны характерности и даютъ нѣкоторыя указанія на личный характеръ изображенныхъ особъ, а равно и на характеръ ихъ времени, портреты Императора Павла Петровича и Наполеона I. Упомянувши объ этомъ послѣднемъ, нельзя пройти молчаніемъ портреты другихъ иностранныхъ государей: кор. Густава III, Георга III, Фридриха II, Карла XII, Людовика XVI и папы Пія VI. Еще болѣе, чѣмъ портреты, для характеристики времени, важны нѣкоторыя картины, какъ напримѣръ,—изображающая коронованіе Марины Мнишекъ, современной работы, и другая — обрученіе Марины съ Лже-Димитріемъ. Мы не знаемъ иныхъ портретовъ этой

красавицы польской панны, точно волшебствомъ сдѣлавшейся изъ некрупной шляхтянки Московскою царицею, и потому должны вѣрить этимъ портретамъ. Большее сомнѣніе возбуждаетъ лицо самозванца. Извѣстенъ его портретъ, гравированный за границей, которымъ пользуются русскіе художники для своихъ историческихъ картинъ. Какъ эти картины, такъ и заграничная гравюра XVII вѣка не имѣютъ ничего общаго съ профилемъ, виднымъ, правда въ тѣни, но совершенно отчетливо на картинѣ, передъ которою мы остановились въ Оружейной Палатѣ. Видъ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря, вмѣстѣ съ моделью Коломенскаго дворца, представляютъ тоже немало любопытнаго для интересующихся нашимъ прошлымъ.

Патріаршая ризница. Патріаршая ризница, переименованная въ Синодальную, занимаетъ два обширныхъ покоя въ вышеописанныхъ нами бывшихъ патріаршихъ палатахъ. Первый изъ нихъ представляетъ собою обыкновенную комнату, старинной постройки, уставленную по стѣнамъ шкафами съ стеклянными дверцами. Второй покой занятъ церковью во имя св. апостола Филиппа, о которой мы уже говорили при описаніи Кремлевскихъ храмовъ; церковь эта отчасти тоже занята шкафами и витринами, хранящими древности и драгоцѣнности, принадлежавшія Патріархамъ всея Россіи. По богатству, въ смыслѣ цѣнности матеріальной, ризница, конечно, уступаетъ Кремлевскимъ Царскимъ сокровищницамъ и Троицко-Лаврской ризницы; но, по значенію историческому, можетъ быть смѣло поставлена на ряду съ ними, не смотря на то, что въ разное время утратила многіе неоцѣнимые памятники древности, отчасти перенесенные изъ нея въ другія мѣста, отчасти-же и совсѣмъ утраченные, о чемъ мы скажемъ ниже. Въ числѣ многочисленныхъ памятниковъ глубочайшей древности едвали-ли не первое мѣсто должно быть отведено хранящемуся въ витринѣ близъ алтаря священному облаченію, извѣстному подъ названіемъ омофора шестаго Вселенскаго Собора, какъ онъ значится въ описяхъ. По устному же преданію омофоръ этотъ принадлежалъ св. чудотворцу Николаю, архіепископу Мирликійскому, или составлялъ часть облаченія Великаго Свя-

Фотогр. Художн. Панова. въ Москвѣ, д Кр. Общ.

Серебряный залъ въ Оружейной палатѣ.

тителя во время Никейскаго Собора. Архимандритъ Савва въ своемъ описаніи Патріаршей ризницы приходитъ къ предположенію, что омофоръ этотъ принесенъ въ даръ Царю Алексѣю Михайловичу пріѣзжавшимъ въ Москву въ 1655 г. Никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ при грамотахъ патріарховъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго, удостовѣряющихъ вышесказанное. Изъ сохранившейся доселѣ грамоты Іерусалимскаго патріарха Паисія отъ 7 апрѣля 1654 г. видно, что принесенный въ даръ царю омофоръ принадлежалъ патріарху Александрійскому Александру, присутствовавшему на соборѣ 318 св. отцовъ, гдѣ „онъ и самъ возлагалъ его на себя и прочіе св. отцы, утвердившіе благочестивые догматы и проклявшіе Арія съ его лжеученіемъ“. Наименованіе же его въ описи омофоромъ „шестаго“ Вс. Собора архимандритъ Савва объясняетъ ошибкою дьяка, принявшаго слово „ст-аго“, (святаго), написанное съ титломъ, за „шестаго“, что весьма возможно и правдоподобно. Какъ бы то ни было, глубочайшая древность этого омофора внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ въ описи ризной казны патріарха Никона, составленной по указу царя Алексѣя Михайловича въ 1658 г., онъ уже названъ ветхимъ. На ряду съ этимъ священнымъ памятникомъ старины можетъ быть поставлена митра, хранящаяся въ той же церкви въ шкафу вмѣстѣ съ другими святительскими шапками и коронами, отъ которыхъ она отличается своеобразною, остроконечною формою, напоминающею древнія короны Византійскихъ императоровъ. О ней сохранилось преданіе, что ее принесъ въ даръ царю Ѳеодору Іоанновичу Александрійскій патріархъ Мелетій Пига и въ грамотѣ, при которой она прислана, писалъ слѣдующее: „не столь дивна она блескомъ камней и прочимъ веществомъ, изъ котораго она сдѣлана, сколько почтенна многолѣтіемъ и славою: ибо сею діадимою вѣнчался на Эфесскомъ Соборѣ (431 г.) Кириллъ, начальствовавшій Александрійскою Церковію, при царѣ Ѳеодосіи Маломъ“... Столь же отлична отъ нынѣшнихъ митръ, хранящихся въ томъ же шкафу митра патріарха Іова, сдѣланная въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1595 года; съ плоскимъ верхомъ, безъ креста, опушенная горностаевымъ мѣхомъ, она болѣе походитъ на шапку, чѣмъ на епископскую митру; лишь священныя изображенія и изреченія изъ Писанія, вы-

шитыя на ней и обнизанныя жемчугомъ, свидѣтельствуютъ о священномъ ея значеніи. Рядомъ же стоящія митры, сдѣланныя по заказу патріарха Никона, всѣ напоминаютъ формою и цѣнностью украшеній царскія короны и въ древнихъ описяхъ именуются „коронами“. Вообще въ патріаршей ризницѣ значительное мѣсто занимаютъ облаченія, богослужебные предметы и вещи обыденной жизни, принадлежавшія этому великому реформатору, „собенному другу Царя“, и затѣмъ вещи Филарета Никитича Романова, патріарха—родоначальника Россійскаго Императорскаго дома. Это, впрочемъ, весьма понятно по тому высокому значенію для Церкви и Государства, какое имѣли эти іерархи.

Мы не имѣемъ претензію дать здѣсь подробное описаніе всего, что̀ находится въ священномъ древлехранилищѣ бывшихъ патріаршихъ палатъ, и лицъ, спеціально интересующихся церковными древностями, отсылаемъ къ почтенному труду архимандрита Саввы, вышедшему третьимъ изданіемъ въ 1858 году подъ заглавіемъ: „Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки“; тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателей на нѣкоторыхъ предметахъ, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, особенное значеніе по историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ ними.

Въ числѣ принадлежностей архипастырскаго сана, какъ извѣстно, издревле видное мѣсто занималъ посохъ или жезлъ, символъ пастырства. Такихъ посоховъ сохранилось въ ризницѣ пять. Но не о нихъ мы будемъ говорить; наша рѣчь объ иномъ жезлѣ, котораго нѣтъ въ ризницѣ и отъ котораго въ ней хранится лишь футляръ, стоящій рядомъ съ патріаршимъ мѣстомъ въ ризничной церкви;—это ковчегъ посоха св. Петра, перваго митрополита Московскаго, перенесшаго первосвятительскую каѳедру изъ Владиміра въ Москву и ранѣе великихъ князей утвердившаго за нею значеніе первопрестольнаго города Россіи. Между князьями Московскими, Тверскими и Рязанскими еще долго, послѣ того, до временъ Іоанна III, шла борьба, то глухая, то открытая, изъ-за первенства, изъ-за преобладанія надъ складывавшеюся тогда Россіею. Великій святитель св. Петръ пришелъ въ Москву съ архипастырскимъ жезломъ, на коемъ изображена надпись: „Смиренный Петръ, митрополитъ всея

Россіи", поставилъ его въ стѣнахъ Кремлевскихъ и тѣмъ освятилъ за его твердынею значеніе средоточія земли Русской, центра ея духовной жизни. Съ тѣхъ поръ жезлъ великаго чудотворца хранится въ Успенскомъ соборѣ, при патріаршемъ мѣстѣ, и, какъ священный символъ непрерывности и преемства архипастырства, перешелъ черезъ руки длиннаго ряда митрополитовъ и патріарховъ, занимающихъ Московскую каѳедру до нашихъ дней. При поставленіи іерарховъ московскихъ, онъ вручался первенствующимъ изъ рукополагавшихъ его святителей или же, иногда, самимъ царемъ съ слѣдующими словами: „пріими, святѣйшій отче, прежде бывшихъ тебѣ святыхъ митрополитовъ жезлъ пастырства". Патріархъ Никонъ, передъ отходомъ своимъ въ Воскресенскій монастырь, изъ-за неудовольствія на царя Алексѣя Михайловича, поставилъ этотъ посохъ у иконы Богоматери въ знакъ отреченія своего отъ архипастырства и въ теченіи восьмилѣтняго отсутствія патріарха никто не дерзнулъ взять священный жезлъ и вручить его другому лицу. Лишь по низложеніи Никона соборнымъ постановленіемъ, жезлъ св. Петра перешелъ къ вновь избранному царемъ патріарху всея Россіи. Рядомъ съ ковчегомъ этого жезла, по правую руку отъ патріаршаго мѣста, въ ризницѣ высится кипарисовый походный или предносный крестъ патріарха Никона. Достойно вниманія то обстоятельство, что крестъ этотъ четырехконечный. До Никона почти за два столѣтія была сдѣлана митрополитомъ Исидоромъ попытка ввести четырехконечное изображеніе креста въ Русскую Церковь и обычай преднесенія его передъ архипастырями, по примѣру церкви Латинской, унію съ которою подписалъ Исидоръ во Флоренціи. Тогда такое новшество вызвало цѣлую бурю, окончившуюся низложеніемъ іерарха, дерзнувшаго отступить отъ святоотеческихъ преданій и отъ догматовъ Православія. Со временъ же Никона вопросъ о формѣ креста, вмѣстѣ съ другими поводами, сдѣлался причиною раскола, донынѣ существующаго въ Россійской церкви.

Заговоривши о старообрядчествѣ, нельзя пройти молчаніемъ трехъ саккосовъ, хранящихся въ патріаршей ризницѣ. Первыми изъ нихъ, по великому ихъ значенію для церкви Православной, должны быть названы два саккоса митрополита Фотія, принесенные въ Москву изъ Цареграда

въ началѣ XV вѣка. На одномъ изъ нихъ шелками вышиты изображенія греческаго императора Іоанна Палеолога, его супруги Анны, русскаго великаго князя Василія Дмитріевича, вел. княгини Софьи Витовтовны и самого Фотія, на оплечьѣ жемчугомъ низаны слова: „Фотія митрополита", на подолѣ вышитъ золотомъ по-гречески Символъ Вѣры. Этимъ важнымъ памятникомъ древности патріархъ Никонъ былъ наведенъ на мысль объ исправленіи неточностей, вкравшихся въ русскія богослужебныя книги, ибо имъ доказывается неправильность прибавленія въ восьмомъ членѣ Символа слова: „истиннаго", столь упорно отстаиваемаго нашими старообрядцами. Равнымъ образомъ этимъ же греческимъ текстомъ обличается произвольность включенія въ тотъ-же восьмой членъ словъ: „Filioque". На другомъ саккосѣ митрополита Фотія вышитъ тотъ-же самый Символъ Вѣры православный. Въ описи 1636 г. объ этихъ двухъ облаченіяхъ сказано между прочимъ, что ихъ „привезъ съ собою изъ Царьграда митрополитъ Фотій въ лѣто 1408 мѣсяца сентября въ 1 день". Не менѣе важное значеніе для Церкви имѣютъ саккосъ Цареградскій, какъ значится въ описи, устроенный въ Константинополѣ въ 1643 г., и два саккоса патріарха Іосифа. На этихъ трехъ саккосахъ вышиты изображенія Спасителя, св. Апостола Павла и трехъ Святителей съ именословнымъ сложеніемъ перстовъ благословляющей руки. Подобно саккосамъ Фотія митрополита, эти священныя облаченія іерарха, особливо чтимаго нашими старообрядцами, служатъ подавляющимъ доказательствомъ ошибочности ихъ мнѣнія, будто именословное перстосложеніе неправильно и не древле-православно. Вотъ главнѣйшимъ образомъ почему мы сочли необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ древнихъ ризахъ нашихъ святителей. Всѣхъ саккосовъ хранится въ ризницѣ 41; древнѣйшимъ изъ нихъ долженъ быть признанъ саккосъ св. Петра митрополита. Въ описи 1686 года значится: „Въ лѣто 1322 доспѣтъ бысть сей саккосъ Петра Чудотворца". Слѣдовательно онъ устроенъ еще въ то время, когда митрополія пребывала во Владимірѣ, такъ какъ въ Москву она перенесена въ 1325 году. Это священное облаченіе возлагалось иногда на іерарховъ, поставляемыхъ на московскій святительскій престолъ; такъ въ „Новомъ Лѣтописцѣ"

при описаніи возведенія на патріаршество Никона значится между прочимъ, что „въ поставленіи на патріархѣ былъ сакъ Петра Митрополита Московскаго и всея Русіи чудотворца“. Здѣсь же хранится панагія этого великаго святителя Московскаго.

Нельзя пройти молчаніемъ другой панагіи, единственнаго уцѣлѣвшаго въ ризницѣ воспоминанія о Гермогенѣ, второмъ патріархѣ Московскомъ, доблестномъ страдальцѣ за вѣру и отечество въ тяжкіе годы польскаго панованія въ стѣнахъ кремлевскихъ. До 1772 г. хранился въ ризницѣ одинъ саккосъ этого достопамятнаго іерарха; но въ этомъ году онъ выданъ былъ для священно служенія бывшему тогда въ Москвѣ Патрасскому митрополиту Парѳенію, какъ отмѣчено въ описи. Впрочемъ, какъ мы уже сказали выше, многое, неоцѣнимое по историческимъ воспоминаніямъ было въ разное время выдано изъ ризницы, въ нее не возвращено и должно почитаться окончательно утраченнымъ. По цѣнности, чисто матеріальной, замѣчательна панагія, значащаяся подъ № 25; она сдѣлана изъ цѣльнаго изумруда чистой воды величиною въ 3/4 вершка, осыпаннаго кругомъ такъ же изумрудами. Есть еще въ ризницѣ другой изумрудъ такой же величины, вѣсомъ въ 11 золотниковъ; вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими 14 червонцами и множествомъ серебряныхъ монетъ, онъ принадлежитъ къ остаткамъ патріаршей домовой казны. Кромѣ множества священныхъ предметовъ: крестовъ, панагій, драгоцѣнныхъ облаченій, унизанныхъ жемчугами, посоховъ и клобуковъ патріаршихъ, мантій и парамантовъ, въ ризницѣ сохранилось носильное платье патріарха Никона, его пуховая шляпа, разные предметы домашняго обихода, какъ напр. блюда, мисы, тарелки, кубки, братины, кружки, ковшы и т. под. Достойны особеннаго вниманія нѣкоторыя мелкія вещи: 10 печатей патріаршихъ и епископскихъ; на большинствѣ изъ нихъ изображено Успеніе Пресвятой Богородицы съ надписью кругомъ: „Печать дому Святѣйшаго Патріарха Первопрестольныя Россійскія Церкви Успенія Пресвятой Богородицы“. Двое часовъ карманныхъ: одни патріарха Филарета Никитича, другіе патріарха Никона. На первыхъ съ одной стороны патріаршая печать съ изображеніемъ благословляющей руки и буквъ: Ч. П. Ѳ., т. е. часы патріарха Филарета,

съ другой — одноглавый орелъ съ распущенными крыльями. У обоихъ часовъ, вмѣсто стекла, прорѣзныя рѣшетки. Пять паръ очень старинныхъ очковъ. Затѣмъ неизвѣстно кому принадлежавшая весьма оригинальная вещь, извѣстная подъ названіемъ „антикъ". Антикъ этотъ представляетъ подобіе Медузы: на жемчужной раковинѣ, имѣющей форму женской груди, придѣлана золотая голова, украшеная эмалью, покрытая змѣями, вмѣсто волосъ; такія же змѣи кусаютъ грудь. Вся фигура утверждена на подставкѣ изъ горнаго хрусталя, мѣстами обложенной золотомъ съ эмалевыми изображеніями разныхъ зданій. Въ переписной книгѣ домовой казны патріарха Никона 1658 года антикъ этотъ значится такъ: „Раковина, на ней голова человѣческая, на головѣ два алмаза, лагалище подложено бархатомъ зеленымъ".

Читатели, быть можетъ, уже замѣтили совершенное отсутствіе въ ризницѣ чего-бы то ни было, принадлежавшаго св. Митрополиту Алексію. Дѣло въ томъ, что все, принадлежавшее этому великому молитвеннику и заступнику за землю Русскую, изъ ризницы взято и перенесено въ Чудовъ монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Чудотворца. Единственнымъ воспоминаніемъ о немъ остался въ патріаршей ризницѣ перстень аравійской мѣди съ синимъ стекломъ, на которомъ вырѣзанъ драконъ. Это подарокъ Святителю отъ Ногайскаго хана Чанибека за чудесное исцѣленіе, въ 1357 г., жены хана Тайдулы, которая была поражена слѣпотою. Судя по этому подарку, нельзя заключить объ особенной щедрости владыкъ Ногайскихъ XIV вѣка; но мы, собственно, не знаемъ значенія „дракона," изображеннаго на перстнѣ. Очень возможно, что оно прикладывалось къ грамотамъ Святителя, посылавшимся въ Орду, и служило напоминаніемъ хану его обѣщаній. По крайней мѣрѣ изъ исторіи мы знаемъ, какъ велико и полезно было для Россіи вліяніе въ Ордѣ святаго представителя церкви въ эти тяжкіе годы владычества азіатцевъ надъ нашимъ отечествомъ.

Выше при описаніи церкви во имя св. Апостола Филиппа, при которой находится патріаршая ризница, мы имѣли случай упомянуть о сосудахъ, употребляемыхъ для мѵроваренія, и о такъ называемомъ „алавастрѣ," въ которомъ хранится священное мѵро. Это весьма древній мѣдный сосудъ, съ длиннымъ и узкимъ горлышкомъ, обложенный пер-

ломутровыми чешуйками. Онъ носитъ названіе „алавастра" потому, что устроенъ на подобіе того алавастроваго сосуда, изъ коего Марія Магдалина лила драгоцѣнное мѵро на главу и ноги Спасителя. По преданію, въ этомъ сосудѣ принесено изъ Константинополя святое мѵро въ первыя времена возникновенія христіанства на Русской землѣ и съ тѣхъ поръ до нашихъ дней алавастръ служитъ какъ бы неизсякаемымъ источникомъ благодати духовной, сообщаемой таинствомъ мѵропомазанія. Черезъ каждые два года въ Кремлѣ, въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщается патріаршая ризница, только этажемъ ниже, въ такъ называемой мѵроваренной палатѣ на Страстной недѣлѣ великаго поста производится обрядъ мѵроваренія въ тѣхъ серебряныхъ котлахъ, о которыхъ говорено было выше, при описаніи ризничной церкви. Въ великій четвергъ вновь изготовленное мѵро вливается въ серебряные сосуды и съ торжественною процессіею переносится священниками въ Успенскій соборъ, гдѣ и освящается митрополитомъ или замѣщающимъ его архіереемъ. При томъ священнодѣйствіи изъ „алавастра" вливается въ каждый сосудъ нѣсколько капель хранимаго въ немъ издревле мѵра и затѣмъ „алавастръ" опять дополняется вновь-освященнымъ мѵро; дѣлается это въ знаменованіе непрерывности Таинства въ Православной церкви. Освященное мѵро тѣмъ же торжественнымъ порядкомъ переносится изъ Успенскаго собора въ ризничную церковь, гдѣ и хранится въ 16 серебряныхъ сосудахъ, стоящихъ въ большомъ стеклянномъ шкафѣ вмѣстѣ съ другими многочисленными остатками старинной утвари.

Здѣсь же близъ алтаря находится весьма древній, замѣчательной работы шкафъ, въ которомъ хранятся части святыхъ мощей. Отъ нихъ, по мѣрѣ надобности, отдѣляются малыя частицы и зашиваются въ антиминсы, разсылаемые во всѣ концы необъятной Россіи для снабженія ими вновь строящихся храмовъ и для замѣны тѣхъ, которые отъ времени приходятъ въ ветхость. Отсюда же идетъ и святое мѵро, употребляемое при освященіи церквей, при крещеніи и мѵропомазаніи. Такимъ образомъ изъ Кремлевскихъ стѣнъ истекаетъ на всю Русскую землю таинственный источникъ благодати духовной и не только на Русскую, но и на единовѣрныя съ нами Славянскія земли, ибо святое мѵро

посылается изъ Москвы въ Черногорію, Сербію и иныя земли. Этимъ же священнымъ мѵромъ въ томъ же храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы, въ которомъ оно освящается, помазываются на Царство Государи Россійскіе при священномъ короновапіи.

Патріаршая или Синодальная библіотека. Это драгоцѣнное книгохранилище, заключающее въ себѣ величайшія печатныя и рукописныя рѣдкости, основано, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, еше до патріаршества, при прежнихъ митрополитахъ Московскихъ. Подтверждается это нѣкоторыми рукописями съ именами древнихъ іерарховъ московскихъ, а также царскими грамотами, данными на имя митрополитовъ всероссійскихъ. Въ то отдаленное и скудное книгами время, по всему вѣроятію не было строгаго раздѣленія между книгохранилищами митрополичьимъ и царскимъ; такъ всѣ сокровища литературы духовной и свѣтской, принесенные изъ Византіи спутниками царевны Софіи Палеологъ, поступили въ царское книгохранилище. Супругъ Софіи, первый царь Іоаннъ III, выписалъ многія книги изъ Рима. Его преемникъ Василій IV счелъ уже нужнымъ обратить особое вниманіе на эту первую въ Москвѣ библіотеку и для приведенія ея въ порядокъ вызвалъ въ Москву ученаго грека Максима въ 1518 г. По свидѣтельству нашего исторіографа Карамзина ученый мужъ, осмотрѣвши великокняжеское книгохранилище, сказалъ Василію: „Государь, вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя моими единовѣрцами отъ варваровъ Магометовыхъ“. При содѣйствіи четырехъ данныхъ ему помощниковъ, Максимъ-Грекъ, — имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ современникамъ, и которое сохранилъ въ исторіи, — ревностно взялся за описаніе книгохранилища, за переводы непереведенныхъ еще книгъ и за сличеніе съ подлинниками прежде сдѣланныхъ переводовъ. Такимъ образомъ, впервые было приступлено къ исправленію церковныхъ книгъ. Но трудъ ученаго грека былъ прерванъ недоброжелательствомъ и гоненіемъ на него. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ, кремлевское книгохранилище было еще болѣе

обогащена и обладала неоцѣнимыми, по своей рѣдкости, книжными сокровищами, какъ о томъ свидѣтельствуетъ дерптскій пасторъ Веттерманъ, разобравшій по повелѣнію царя его библіотеку въ 1565 г. Послѣдовавшія вскорѣ потомъ смутныя времена и хозяйничанье поляковъ въ стѣнахъ Кремлевскихъ, вѣроятно, не особенно пощадили эту библіотеку, заключавшую въ себѣ 800 рукописныхъ книгъ на тонкомъ пергаментѣ, въ золотыхъ переплетахъ.

Настоящимъ основателемъ нынѣ существующей библіотеки, собирателемъ ея изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ старыхъ книгохранилищъ и отчасти посредствомъ выписки изъ чужихъ краевъ, слѣдуетъ признать патріарха Филарета Никитича Романова, при которомъ считалось болѣе 500 книгъ, печатныхъ и рукописныхъ. При его преемникахъ, особливо-же при Никонѣ, библіотека значительно обогащена книгами, вытребованными по указу царя и патріарха изъ монастырей Кирилло-Бѣлозерскаго и Троицкаго и привезенными самимъ Никономъ изъ Новгорода, гдѣ онъ былъ митрополитомъ до вступленія на патріаршескій престолъ. Когда же, въ силу постановленія Московскаго Собора 1654 года, было приступлено къ пересмотру и исправленію церковныхъ книгъ, тогда іеромонахъ Арсеній Сухановъ былъ спеціально командированъ на востокъ и на Аѳонъ, откуда имъ и вывезено 500 книгъ и 200 рукописей. Пріѣзжавшія въ то время въ Москву съ Востока высшія духовныя лица привозили въ даръ царю и патріарху не мало печатныхъ и рукописныхъ книгъ, поступавшихъ въ то-же книгохранилище. При послѣдующихъ патріархахъ библіотека продолжала рости и расширяться; особенно же обогатилась она присоединеніемъ библіотеки, оставшейся послѣ кончины св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, въ 1709 году. Въ 1721 году, съ упраздненіемъ въ Россіи патріаршества и съ учрежденіемъ святѣйшаго Синода, библіотека, вмѣстѣ съ ризницею, поступила въ вѣдѣніе сего послѣдняго и получила наименованіе Синодальной. Въ слѣдующемъ 1722 году, по описи, въ ней значилось книгъ печатныхъ, рукописныхъ, грамотъ и разныхъ актовъ 1505 нумеровъ. Впослѣдствіи въ нее же поступили книги и рукописи, хранившіяся въ библіотекѣ Синодальной типографіи.

Мы не станемъ перечислять послѣдующихъ пріобрѣте-

ній Московской Синодальной библіотеки; скажемъ только, что и теперь слова, сказанныя Максимомъ Грекомъ Великому князю Василію IV, вполнѣ примѣнимы къ этому важному книгохранилищу, которымъ пользовались и продолжаютъ пользоваться наши ученые и историки: Карамзинъ, Шевыревъ, Бодянскій, Буслаевъ, Соловьевъ, Муравьевъ, Арх. Амвросій Орнатскій, Филаретъ, бывшій архіепископомъ Харьковскимъ, Броссе и мн. другіе не только русскіе, но и иностранцы, какъ напр., Ф. Эд. Пюзеи и профес. Оксфордскаго университета, д-ръ Гольмесъ (1798 г.).

Въ настоящее время въ этой знаменитой библіотекѣ состоитъ по описи 1823 года рукописей греческихъ—511, славянскихъ—1008, грамотъ и другихъ актовъ—180, замѣчательнѣшія ихъ нихъ слѣдующія: 1) Евангеліе рукописное XII—XII вѣка, привезенное изъ Греціи, 2) Рукопись XII вѣка съ живописными изображеніями, 3) акаѳистъ Божіей Матери X вѣка съ живописью, 4) два Евангелія X и XI вѣковъ тоже съ богатыми изображеніями, 5 Четіи-Минеи X—XI вѣка съ превосходными рисунками святыхъ и ихъ подвиговъ, 6) Евангеліе XII вѣка, писанное на пергаментѣ, 7) Евангеліе Патріарха Филарета съ подписью его и прекрасными заставками и заглавными буквами, 8) потный стихарь XII вѣка,—ноты въ которомъ безъ линеекъ, 9) Кормчая книга 1282 года, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ каноническаго права, 10) Сборникъ Святославовъ 1073 года съ множествомъ рисунковъ и много другихъ.

Очень отрадна та доступность пользованія сокровищами библіотеки, какою отличается это учрежденіе. Отдѣльный залъ для занятій и всякая помощь, оказываемая г. прокуроромъ Синодальной конторы, весьма способствуетъ людямъ науки въ ихъ работахъ. Приступлено уже къ работамъ по улучшенію и расширенію помѣщенія библіотеки, которая, какъ было говорено выше, расположена въ Синодальномъ домѣ близъ дворца.

Ризницы при церквахъ. Кромѣ главнаго, описаннаго особо, хранилища сокровищъ и облаченій въ патріаршей ризницѣ, — всѣ соборы, монастыри, придворныя и наружныя церкви имѣютъ свои отдѣльныя риз-

ницы. При обзорѣ соборовъ и церквей упоминалось и указывалось на ризницы при нихъ и переименовывались нѣкоторые предметы, въ нихъ хранимые. Теперь мы считаемъ долгомъ указать только, что осмотръ ихъ представляетъ высокій интересъ для всякаго интересующагося этимъ. Придворныя церкви имѣютъ одну общую ризницу въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, кромѣ Благовѣщенскаго собора, гдѣ ризница находится при самомъ соборѣ. Помимо цѣнныхъ сокровищъ въ нихъ сохраняются также много богослужебныхъ древнихъ книгъ, облаченій, священныхъ сосудовъ и пр. предметовъ, имѣющихъ громадный интересъ для исторіи и археологіи; къ сожалѣнію нѣтъ подробныхъ указателей всѣхъ предметовъ, въ храмахъ находящихся, хотя нѣтъ сомнѣнія, что существуютъ описи, по которымъ могутъ быть легко составлены таковыя, чѣмъ конечно прольется болѣе обильный свѣтъ въ эту далеко неизслѣдованную на Руси область.

Архивы. Въ Кремлѣ подъ тяжелыми сводами, въ мрачныхъ помѣщеніяхъ его башенъ и въ свѣтлыхъ покояхъ зданія Судебныхъ установленій хранятся дѣла далекаго прошлаго почти всей Россіи, а вблизи его, въ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ сохраняется все, касающееся до сношеній Россіи въ прошломъ съ иноземными землями. Этимъ самымъ какъ бы еще разъ подтверждается значеніе Московскаго Кремля, въ которомъ все прошлое Россіи.

Дворцовый архивъ помѣщается въ Троицкой башнѣ, и имъ заняты нѣсколько этажей; тутъ же расположена канцелярія архива, въ которой производятся всѣ дѣла, касающіяся архива, хранятся описи дѣлъ архива, почти оконченныя, и занимаются, какъ служащіе при архивѣ, такъ и всѣ, нуждающіеся въ пользованіи дѣлами этого богатаго и далеко еще не исчерпаннаго источника, благодаря которому каждый новый трудъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ открываетъ міру все новыя и новыя картины ушедшаго въ вѣчность далекаго прошлаго изъ жизни царскаго двора. Дѣла архива приведены почти всѣ въ порядокъ, строго

классифицированы, чѣмъ и открытъ доступъ къ его сокровищамъ. Всѣ наши историческіе романисты черпали здѣсь тотъ запасъ свѣдѣній, который и помогъ имъ рисовать прошлое такъ, какъ бы мы переживали его теперь. Въ архивѣ хранится до 107 т. дѣлъ.

Архивъ старыхъ дѣлъ Министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщается въ 4 этажахъ башни Никольской. Здѣсь сохраняются дѣла, сдаваемыя изъ всѣхъ учрежденій министерства по минованіи 10 лѣтъ со дня ихъ окончанія. Это весьма важное хранилище не разъ сослужило службу частнымъ лицамъ, отыскивающимъ нужные имъ документы, утраченные по какому либо случаю. Громадное количество дѣлъ и ихъ относительная неважность причиной, что они не находятся въ томъ порядкѣ, который мы встрѣчаемъ въ архивѣ дворцовомъ. Нужно видѣть эти горы дѣлъ, какими заполнена башня, нужно потолкаться по улицамъ и закоулкамъ этого многоэтажнаго, бумажнаго города, чтобы понять весь по истинѣ египетскій трудъ, какой выпадаетъ на долю тружениковъ архиваріусовъ, обреченныхъ судьбой въ холодѣ, сырости и темнотѣ проводить дни, недѣли, годы, чтобы выйдти отсюда непремѣнно больными на всю жизнь.

Межевой архивъ и межевая канцелярія помѣщаются въ зданіи судебныхъ установленій и составляютъ рѣзкій контрастъ по устройству и расположенію съ только что описаннымъ архивомъ старыхъ дѣлъ. Всякаго поразитъ, можно сказать, элегантный порядокъ, бросающійся въ глаза блескъ и благоустройство, въ которомъ находится это важное хранилище. Безконечный рядъ великолѣпныхъ шкафовъ, особенно устроенныхъ и заботливо приспособленныхъ къ удобному храненію и легкому пользованію безчисленными планами на имѣнія почти всей Россіи, т. е. на имѣнія и земли, находящіяся въ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ произведено генеральное межеваніе. Подобнаго богатаго и рѣдкаго собранія въ Россіи нѣтъ, и потому понятна заботливость, съ которою устроенъ и содержится архивъ и которая дѣлаетъ, конечно, великую честь виновнику ея.

Межевая канцелярія учреждена съ 1766 года, въ Кремлѣ помѣщена 2 Августа 1788 года. Число всѣхъ плановъ, хранящихся въ архивѣ, доходитъ до колоссальной цыфры 473.090, съ такимъ же количествомъ книгъ, что вмѣстѣ составитъ 943.180 документовъ. Архивъ находится въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи.

Архивъ судебныхъ установленій, помѣщающійся въ зданіи суда, занимаетъ анфиладу комнатъ 3 этажа. Въ немъ хранятся дѣла, относящіяся къ московскому судебному округу и оконченныя производствомъ со дня введенія въ Россіи новыхъ судебныхъ учрежденій. Всѣ они, конечно, расположены въ порядкѣ и классифицированы строго по отдѣламъ и времени.

Склады и кладовыя. Въ Кремлѣ помѣщается нѣсколько складовъ. Между ними замѣчательны размѣрами находящіеся въ зданіи арсенала склады интендантскаго и артиллерійскаго вѣдомства, съ громаднымъ запасомъ нужныхъ для арміи предметовъ; но особаго интереса не имѣютъ. О пушкахъ, находящихся у арсенала и зданія казармъ, было также говорено выше. Теперь намъ остается еще сказать, что въ самомъ Кремлевскомъ дворцѣ есть склады разныхъ вещей, между коими выдается сервизная кладовая, гдѣ хранятся серебряныя, фарфоровыя, хрустальныя и мѣдныя вещи, представляющія извѣстный интересъ. Такъ, напримѣръ, въ серебряной кладовой есть вещи, которыя помимо цѣнности металла замѣчательны еще особой артистически-художественной работой. Между ними интересны суть подарки иностранныхъ Высочайшихъ особъ Русскимъ Государямъ. Здѣсь встрѣчаются также цѣлые сервизы старинныхъ Севрскаго, Саксонскаго, Берлинскаго и Вѣнскаго производствъ. Въ ковровой кладовой сохраняется масса роскошныхъ ковровъ французскихъ и русскихъ фабрикъ и между ними нѣсколько гобеленовъ.

Заканчивая мой трудъ, я вполнѣ сознаю, что предметъ, составляющій содержаніе этой книги, далеко не исчерпанъ, что многое осталось недосказаннымъ, невыясчен-

нымъ и даже совсѣмъ опущеннымъ. Я не затрогивалъ многихъ его сторонъ, представляющихъ громадный интересъ; такъ я не касался архитектурной стороны зданій Кремля, какъ памятниковъ древне-русскаго зодчества, не говорилъ о подземномъ Кремлѣ, скрывающемъ въ высшей степени характерные слѣды прошлаго; лишь мимоходомъ и вскользь упоминалъ о сокровищахъ и святыняхъ, хранящихся въ храмахъ, дворцахъ и палатахъ, о бывшихъ въ старину и теперь духовныхъ торжествахъ и прошелъ молчаніемъ жизнь Кремля въ настоящее время,— жизнь обыденную, праздничную, въ дни посѣщеній столицы Государемъ и наконецъ въ великіе дни торжества коронованій Императоровъ Россіи. Каждый изъ этихъ предметовъ, взятый въ отдѣльности, представляетъ собою матеріалъ, достаточный для цѣлой книги. Взяться за такой трудъ можно было, лишь предполагая издать многотомное сочиненіе. Не отказываясь со временемъ перейти къ подробному изложенію одного изъ намѣченныхъ выше предметовъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что найдутся люди, обладающіе бóльшими знаніями и силами, чѣмъ я, которые возьмутся за то-же дѣло и дадутъ такое капитальное сочиненіе, какое мы имѣемъ въ извѣстномъ трудѣ г. Забѣлипа: „Домашній бытъ Русскихъ Царей и Царицъ“.

Буду совершенно удовлетворенъ, если моя книга настолько заинтересуетъ читателя, что онъ пожелаетъ ознакомиться съ нашимъ древнимъ Кремлемъ Московскимъ,— посѣтитъ его дворцы и храмы, осмотритъ хранящіеся въ нихъ памятники старины и пробудитъ въ себѣ воспоминанія о великомъ прошломъ Россіи, колыбелью которой былъ Кремль и сердцемъ которой онъ будетъ вѣчно.

Ц. Благовѣщенія. Водовзводная башня. Храмъ Христа Спасителя. Боровицкая башня.